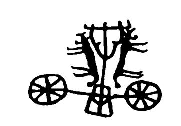
АГРЕССИЯ И МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ:

универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека

НАУЧНЫЙ МИР

Программа фундаментальных исследований Президиума РАН

«ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЕВРАЗИИ»

http: //www.eurasia.iea.ras.ru

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

N.N. Miklouho-Maclay
INSTITUTE OF ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY

AGGRESSION AND PEACEFUL COEXISTENCE: GENERAL MECHANISMS CONTROLLING SOCIAL TENSION IN HUMANS

M.L. Butovskaya (ed.)

MOSCOW
SCIENTIFIC WORLD
2006

АГРЕССИЯ И МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ У ЧЕЛОВЕКА

М.Л. Бутовская (ред.)

МОСКВА
НАУЧНЫЙ МИР
2006

ББК 71.1
А25

Авторский коллектив: д-р историч. наук, проф. *Бутовская М.Л.*, *Буркова В.Н.*, *Тименчик В.М.*, *Бойко* Е.Ю., канд. биол. наук *Веселовская Е.В.*, канд. историч. наук *Барцыц М.М.*, канд. истоич. наук *Джандосова З.А.*, *Дьяконов И.Ю.*, *Драмбян М.И.*, д-р мед. наук *Сельверова Н.Б.*, *Ермакова И.В.*, д-р филос. *Салтер Ф.*

АГРЕССИЯ И МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ У ЧЕЛОВЕКА. – М.: Научный мир, 2006. – 276 с.

ISBN 5-89176-349-4

Эта книга – первая научная монография, всесторонне освещающая феномены агрессии и примирения с использованием этологических, психологических, физиологических, антропологических и этнографических подходов. Она отвечает на вопросы об эволюционных корнях агрессии и примирения, о взаимосвязи этих двух социальных явлений, демонстрирует наличие естественных механизмов контроля социальной напряженности у человека и ставит вопрос о важнейшей роли социальности как ведущей адаптации в преодолении различных стрессов экологической и физической природы. В книге детально рассмотрены механизмы примирения у детей и подростков и обсуждается вопрос об устойчивости такого рода механизмов при различных психиатрических отклонениях в развитии ребенка. Впервые детально рассмотрены физиологические составляющие постконфликтного поведения.

Рецензенты:
д-р историч. наук *Бужилова А.П.*, д-р биол. наук *Година Е.З.*

Authors: *Butovskaya M.L.*, *Burkova V.N.*, *Timentchik V.M.*, *Bojko E.J.*, *Veselovskaya E.V.*, *Bartsits M.M.*, *Djandosova Z.A.*, *Diakonov I.J.*, *Drambjan M.I.*, *Selverova N.B.*, *Ermakova I.V.*, *Salter F.*

AGGRESSION AND PEACEFUL COEXISTENCE: GENERAL MECHANISMS CONTROLLING SOCIAL TENSION IN HUMANS. – Moscow, Scientific World, 2006. – 276 p.

This book presents the results of interdisciplinary analysis of aggression and peacemaking based on ethological, psychological, physiological, anthropological and ethnological data. It discusses the general question about the co-evolution of aggression and peacemaking, and demonstrates a solid basis for the natural mechanisms of control over social instability. Human sociality is presented as a leading adaptation for coping with various ecological and physical stresses. Mechanisms of peacemaking in children and adolescents are discussed in details, the general importance of such mechanisms is illustrated by studies on children with psychopathic syndrome. It is for the fist time, that the physiological basis of post-conflict reunion are demonstrated in the book in details. Special attention was given to the analyses of cultural mechanisms responsible for social stability. Authors also investigated the phenomenon of post-traumatic syndrome and how it influences on the next generation (particularly on offspring's health, psychological status and life success).

Введение и главы 1-8 данной книги написаны при финансовой поддержке фондов РФФИ, грант №04-06-80166а, РГНФ, грант № 04-01-00244а, программы президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», исследовательского гранта от Института городской этологии общества Больцмана, Вена, Австрия и гранта Оуэна Олдиса от Международного общества этологии человека.

Книга издается при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕВРАЗИИ».

На обложке: Веласкес Родригес де Сильва (Диего Веласкес) (1599–1660). Сдача Бреды. 1634–1635. Прадо. Иллюстрации к каждой главе взяты из собрания исторической коллекции Калифорнийской государственной библиотеки.

ISBN 5-89176-349-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел II

СТРЕСС, БИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ЖИЗНЕННЫЙ УСПЕХ

Раздел III

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИМИРЕНИЯ

CONTENT

Part II

STRESS, BIOLOGICAL MECHANISMS OF ADAPTATION TO SOCIAL TENSION AND LIFE SUCCESS

Part III

SOCIALIZATION AND CULTURAL MECHANISMS OF PEACEMAKING

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный человек живет в условиях постоянного контакта с большим количеством незнакомцев, людей, представляющих разные культуры и социальные группы. В современном мире человек не может более ограничиваться в своих контактах коллективом близких родственников и свойственников, как это происходило на протяжении большей части его истории (Бутовская, 2004; Бутовская, Файнберг, 1993). Это особенно актуально, когда речь идет о больших городах, где с самого раннего детства человек оказывается окруженным незнакомыми людьми и вынужден усваивать правила интеграции в разные социальные среды (постоянные: семья, группа родственников, группа детского сада, школьный класс, спортивная группа или кружок рисования; и временные: дети на детской площадке, группа в летнем лагере отдыха, случайная группа детей, которых привели с собой друзья родителей и пр.). Проблема успешной социальной адаптации в столь различных коллективах усложняется также тем, что размеры современной семьи горожан в большинстве европейских стран, в том числе и в России, невелики. Ребенок зачастую не имеет возможности практиковать социальные навыки со сверстниками или близкими по возрасту детьми, так как у него нет родных братьев и сестер, а опыт социализации, ограниченный контактами со взрослыми, совершенно не достаточен для адекватного усвоения норм и правил социального общежития.

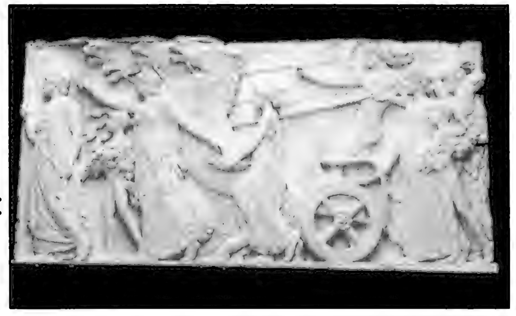
Как показывают этологические исследования, адекватное усвоение правил социального поведения и выработка успешных стратегий общения в процессе индивидуального развития ребенка возможны лишь на основе практики общения в коллективах сверстников (Бутовская, 2004). Многие навыки, в частности отработка способов разрешения конфликтных ситуации и примирения после ссоры, требуют личного опыта, социальной практики и не могут быть освоены «заочно», путем инструктажа со стороны старших. Более того, ребенок должен освоить способы мирного урегулирования конфликтов самостоятельно, без вмешательства взрослых (Butovskaya, Kozintsev, 1999a,b; Butovskaya et al., 2000).

Цель данной книги: продемонстрировать наличие целого ряда универсальных закономерностей агрессивного и постконфликтого поведения человека и показать, что механизмы снятия социальной напряженности и примирения уходят своими корнями в приматное прошлое человека (введение, гл. 7); показать, что

даже при условии изменения психического развития ребенка (психопатоподобный синдром) способность к адекватному реагированию на нарушение социальных связей со сверстниками сохраняется (гл. 1); проследить роль возрастных, гендерных и культурных факторов в формировании моделей агрессивного и постконфликтного поведения детей и подростков (гл. 2–5); показать связь между стилями доминирования (иерархичностью отношений) в коллективах подростков и стилем поведения популярных сверстников на примере учащихся старших классов средних образовательных школ г. Москвы и подростками, отбывающими срок заключения в исправительных колониях (гл. 6); отдельное внимание уделено анализу роли долговременного стресса, перенесенного родителями, на психологические и антропологические характеристики детей (гл. 8); в книге также будут рассмотрены культурные механизмы примирения на примере абхазской, афганской и черногорской культур (гл. 9–11).

Авторы выражают благодарность А. Мкртчан за помощь в сборе материала. Мы выражаем огромную благодарность учителям средних школ Москвы и Еревана, которые содействовали нам при проведении исследования, а также ученикам, которые согласились заполнить наши анкеты и позволили проводить этологические наблюдения; юношам и девушкам, отбывающим наказание в Шаховской, Орловской и Новооскольской колониях для несовершеннолетних, согласившихся ответить на вопросы; сотрудникам Центра содействия реформе уголовного правосудия за помощь в сборе материала и ценные комментарии, медицинскому персоналу Московской городской детской психиатрической больницы и детям за полное взаимопонимание и терпимое отношение к нашему присутствию. Хотелось бы также выразить благодарность школьникам и вожатым детских лагерей отдыха, в которых проводился сбор этологических данных. Эта книга не могла бы быть написана без помощи и содействия со стороны детей бывших узников фашистских концлагерей, которым мы выражаем особенную благодарность за терпимость, понимание и оказанную помощь в работе.

М.Л. Бутовская

ВВЕДЕНИЕ. Социальность как способ адаптации человека: универсальные механизмы контроля социальной напряженности и их эффективность в современном обществе

Бутовская М.Л.

Групповой образ жизни сулит членам группы значительные выгоды, облегчая выживание (активная кооперация при поиске пищи, заботе о потомстве, защите от хищников и многое другое). Однако наряду с этим групповой образ жизни сопряжен и с конфликтом интересов членов группы (конкуренция за пищу и репродуктивного партнера, за место в групповой иерархии и пр.) (Бутовская, Файнберг, 1993). Трения и конфликты ведут к нарушениям социальных связей между сородичами и угрожают существованию социальной системы как таковой. Не удивительно, что у социальных видов животных (включая человека) в процессе эволюции развиваются надежные механизмы снятия социальной напряженности и механизмы, обеспечивающие восстановление социальных отношений, нарушенных в процессе конфликта (Бутовская, 1998, de Waal, 1996; Cords, Aureli, 2000). Проблема гармонизации социальных отношений и снижения внутригрупповой агрессивности – одна из кардинальных для видов, образующих социальные объединения. В данной работе будут рассмотрены **механизмы контроля социальной напряженности у приматов и человека и показаны их общие эволюционные корни.** Для иллюстрации основных теоретических положений будут использованы полевые материалы по агрессии и примирению у человека (младшие и старшие школьники) и у обезьян (макаки, павианы, обыкновенные шимпанзе, бонобо и др.) (Бутовская, Козинцев, 1998; Butovskaya, Kozintsev 1999a,b).

Естественные основы разрешения конфликтов

Социальный образ жизни связан с необходимостью преодолевать разногласия и конфликты независимо от того, идет ли речь о паре индивидов, группе или надгрупповом объединении. Проблема гармонизации отношений и ослабления конкуренции во имя более значимых целей является универсальной для социальных объединений, поэтому неудивительно, что и процессы, лежащие в основе регуляции социальной напряженности, имеют универсальный характер.

В повседневной жизни люди обмениваются рукопожатиями или приносят устные извинения, чтобы предотвратить конфликт или загладить его. Выработаны социальные нормы поведения, чтобы регулировать взаимоотношения в пределах сообщества, и разработаны юридические процедуры для разрешения конфликтов, когда индивиды, вовлеченные в конфликт, оказываются не в состоянии прийти к соглашению без посторонней помощи. Люди так беспокоятся о разрушительных последствиях конфликта, что испытывают настоящую бурную радость от примирения и празднуют это событие в семье, общине, на национальном и международном уровне. **Примирение, наравне с конфликтом и кооперацией, – естественное явление. Структурное и функциональное сходство этого явления прослеживается на кросс-культурном и межвидовом уровнях.**

Находясь в группе, индивиды получают пользу от присутствия соплеменников (кооперация при поиске пищи, воспитании потомства, обнаружении хищников). Эти функции жизненно важны для выживания членов группы, будь то у муравьев, птиц или у человека. За преимущества группового образа жизни индивиды вынуждены и платить: близость представителей одного вида предполагает одновременную заинтересованность в доступе к идентичным ресурсам (источник конкуренции). Чтобы получать выгоды от группового образа жизни, члены группы должны уметь преодолевать конкуренцию и находить способы разрешения конфликтых ситуаций. **По этой причине механизмы регуляции социальной напряженности являются фундаментальной основой образа жизни любого вида, ведущего групповой образ жизни.** Очевидно также, что **естественный отбор должен был способствовать проявлению механизмов снятия напряженности, оптимальных для каждого конкретного вида животных.** В соответствии с эволюционной теорией, логично рассматривать механизмы регуляции конфликтов как **естественный феномен. В его функции входит поддержание группового единства и обеспечение определенных выгод для каждого члена группы.**

Без агрессии не было бы примирения

Тема агрессии – одна из наиболее популярных в этологии и психологии. Применительно к человеку агрессивное поведение чаще всего исследовалось в рамках **Индивидуальной модели,** т.е. его анализировали как индивидуальную реакцию, вызванную внешними и внутренними факторами (личный опыт, гены, гормоны, фрустрация). В рамках такого подхода социальным взаимоотношениям не уделялось должного внимания. Исследователи практически никогда не анализировали историю взаимоотношений между взаимодействующими сторонами, не интересовались, как развиваются эти взаимоотношения после агрессивного столкновения. Часто агрессивное поведение человека изучали в экспериментах, при

которых незнакомым людям предлагалось подвергать друг друга наказанию, просматривать по видео сцены насилия, а экспериментаторы затем анализировали их поведенческие реакции и снимали нейро-физиологические показатели (Бэрон, Ричардсон, 2000; Berkowitz, 1993). Аналогично, животных тестировали, ссаживая незнакомых особей друг с другом, или использовали удары током, тем самым вызывая и них агрессивную реакцию в ответ на болевые стимулы (Johanson, 1972).

Игнорирование социального контекста выглядит удивительным прежде всего потому, что большинство конфликтов в человеческом обществе (равно как у социальных видов приматов) происходят между знакомыми особями. В последние годы многие исследователи стали осознавать ограниченность **«Индивидуальной модели»** (Mason, 1964). Накопилась масса фактов, однозначно указывающих на необходимость анализа агрессивного поведения в контексте социальных взаимодействий, равно как и примеров того, что **агрессивное поведение далеко не всегда носит деструктивный антисоциальный характер** (Lyons, 1993). Например, оказалось, что вопреки устоявшимся представлениям конфликты между супругами вовсе не являются губительными для брака. Напротив, во многих случаях конфликты способствуют укреплению брачных уз и стимулируют дружественные взаимодействия между партнерами (Gottman, 1994).

Исследования в области постконфликтного поведения сместили акцент с анализа агрессивного поведения как проявления внутреннего состояния индивида на анализ агрессии как производного конфликта интересов. На смену «Индивидуальной модели» была предложена **«Модель отношений»** (de Waal, 2000). Модель получила такое название в силу того, что она рассматривает **агрессивное поведение в контексте конкретных социальных взаимоотношений. Агрессия** стала рассматриваться как **один (но не единственный) из вариантов социального решения конфликта** (рис. 1). Со временем пришло понимание того, что конфликт интересов может разрешаться и мирным путем. Это случается тогда, когда партнер проявляет терпимость к зачинщику конфликта (готов поделиться ресурсами, сделать вид, что не заметил враждебной выходки и пр.) или когда он предпочитает устраниться от дальнейших взаимодействий (впредь избегать контакта с обидчиком).

В случае если агрессия все-таки имела место, последующие действия сторон также могут быть разнообразны. Постконфликтное поведение в первую очередь зависит от **истории отношений между участниками конфликта**. **Если оба участника заинтересованы в сохранении тесных связей, с большой долей вероятности можно ожидать примирения сторон.** В сущности, история взаимоотношений в любой паре индивидов при ближайшем рассмотрении представляет собой циклы конфликтов и примирений.

Модель отношений рассматривает социальных партнеров как своеобразный **«товар», обладающий разной ценностью.** Если два индивидуума конкурируют за единый ресурс, например пищу или полового партнера, они вынуждены сопо-

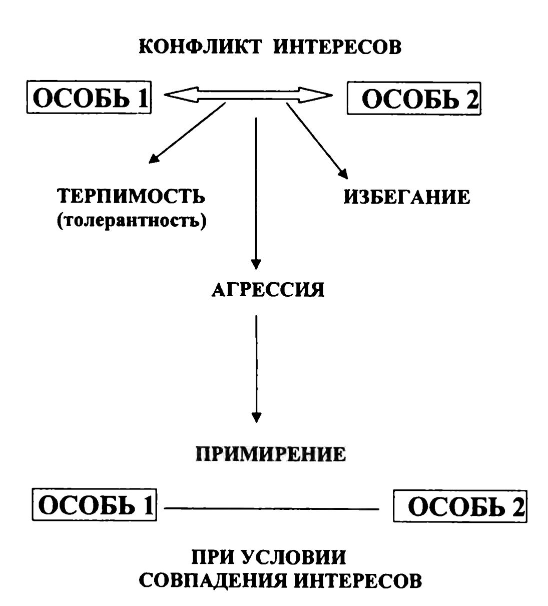

Рис. 1. Агрессивное поведение и примирение как взаимосвязанные составляющие единого процесса взаимодействия в пределах пары индивидов в рамках Модели отношений (дана по: de Wall, 2000, p. 27).

В соответствии с Моделью отношений, агрессивное поведение представляет собой лишь один из способов урегулирования конфликтов между особями. Другие возможные способы: толерантность (дележ ресурсами) или избегание конфронтации. В случае если агрессия все же имеет место, возможность восстановления отношений зависит от качества этих взаимоотношений: при условии выраженной взаимной заинтересованности во взаимоотношениях, примирение возможно. Стороны постоянно «ведут переговоры» относительно взаимоотношений друг с другом: конфликты чередуются с примирением

ставлять ценность желаемого ресурса не только с риском получить ранение в ходе возможной драки, но **оценить баланс между риском разрушить устоявшиеся связи с оппонентом и выгоды, которые данный индивид от этих взаимоотношений имел и может иметь в перспективе.** Чем сильнее и лучше вооружен оппонент и чем ценнее взаимоотношения между оппонентами, тем большую ценность должен иметь ресурс, чтобы стать причиной конфликта между данной парой индивидов. Если нарушенные отношения могут быть легко восстановлены путем постконфликтных дружественных взаимодействий **(фактор восстанавливаемости отношений)**, открытые конфликты становятся более реальными.

Модель отношений предсказывает, что тенденция к инициации агрессии возрастает с ростом возможностей для конкуренции, ценностной стоимости ресурса, возможности восстановления отношений после конфликта и снижается с повышением риска ранений и ценности взаимоотношений.

Восстанавливаемость отношений

В рамках этой модели агрессивный конфликт оценивается участниками с множества позиций: кратковременные преимущества от победы («за») взвешиваются в сопоставлении с риском эскалации враждебных отношений и долгосрочными социальными последствиям («против»). Как ни парадоксально, чем лучше

развиты механизмы восстановления отношений после конфликта, тем меньше сомнений возникает у особи относительно развязывания конфликта. Яркий тому пример – бурые макаки – вид, характеризующийся высоким уровнем дружелюбия, взаимной терпимости, высоким уровнем груминга, высокой вероятностью примирения и одновременно высоким уровнем агрессии (правда, агрессивные действия практически никогда не представляют угрозы для жизни соперников) (Butovskaya, Ladygina, 1989; Butovskaya, Kozintsev, 1996; de Waal, Luttrell, 1989). Способность поддерживать деловые отношения невзирая на конфликт и преодолеть разрушительные для партнеров последствия конфликта делает агрессию своеобразным «орудием торга».

Взаимоотношения между «торгом» и разрешением конфликта хорошо прослеживаются на примере конфликта «отнятия от груди» (de Waal, 1996). Этот конфликт является серьезным торгом в жизни молодой особи. Он происходит с исключительно важным партнером и как нельзя лучше иллюстрирует **Модель отношений**: комбинацию конфликтных и перекрывающихся интересов, смену положительных и отрицательных взаимодействий, которая в конечном счете приводит к некоторому взаимному соглашению о продолжительности кормления грудью и формирует общие нормы взаимоотношений между матерью и подрастающим детенышем. Мать и детеныш имеют так много общих интересов, что конфликт практически сам себя изживает к обоюдной выгоде, в результате детеныш становится более самостоятельным, а мать может завести следующего детеныша.

Модель отношений позволяет затронуть вопросы и о причинах эскалации агрессии, и ее перерастания в насилие. Она представляет эту проблему в плоскости ценности взаимоотношений между партнерами и наличия социальной компетентности, необходимой для разрешения конфликта альтернативным способом (de Waal, 2000). **Если индивиды не заинтересованы друг в друге – общие интересы отсутствуют, или когда противник «дегуманизируется» с помощью политической пропаганды – шансы сдерживания и прекращения агрессии оказываются действительно малы.**

Модель отношений позволяет понять, что агрессия является интегративной частью внутригрупповых отношений, и может встречаться в **условиях хорошо отлаженных и прочных социальных взаимоотношений**. Во многих случаях **взаимоотношения, характеризующиеся высоким уровнем агрессии, в реальности могут оказаться близкими и кооперативными** (Бутовская, Козинцев, 1998).

Модель отношений позволяет: 1. Полностью интегрировать конкуренцию и кооперацию в рамках одних и тех же взаимоотношений. Агрессия часто выступает своеобразным тестом на прочность отношений; 2. Показать, что мотивационная и эмоциональная подноготная конфликта не ограничивается только агрессией и страхом. Составляющей конфликта могут являться и аффилиативные мотивации. Наиболее отчетливо это проявляется в конфликте матери и детеныша при

отлучении от груди. Взаимоотношения взрослых особей также часто несут в себе смесь страха и привлекательности.

Связь между агрессией и страхом при взаимодействии с соплеменником, с одной стороны, и желанием поддерживать с ним дружественные контакты, с другой, можно исследовать через призму эмоциональных отношений особей. Потенциальный риск получить ранение и потенциальная опасность разрушить устоявшиеся связи с партнером в равной мере вызывают у соперников стресс и чувство тревоги по окончании конфликта (Aureli, Schaffner, 2002). Причем важно представлять себе, что **тревогу испытывают не только проигравшие, но** порой **и победители** (Aureli, 1997). **Чем ценнее были исходные взаимоотношения для недавних противников, тем больше тревоги оба они испытывают после конфликта.** Неслучайно поэтому, что инициаторами примирения выступают не только жертвы, но и нападающие – у животных и человека (Aureli, Smucny, 2000; Butovskaya et al., 2000).

Бывшие агрессоры часто выступают инициаторами примирения у видов, для которых типичны жесткие, деспотические отношения между членами группы (резусы, яванские, японские макаки). Это происходит потому, что недавние жертвы боятся сами приблизиться к агрессору, дабы не спровоцировать нового нападения. У видов с эгалитарными отношениями доминирования доля примирений по инициативе жертвы резко возрастает и превосходит в процентном отношении долю примирений по инициативе агрессора. У человекообразных обезьян (шимпанзе и, в первую очередь, бонобо) и в детских коллективах, так же характеризующихся эгалитарностью стилей доминирования, процент примирений со стороны агрессора вновь отчетливо возрастает (de Waal, 1993; Butovskaya et al., 2000; Butovskaya, 2001a). Происходит это потому, что в данном случае вследствие развития рассудочной деятельности и эмпатии агрессоры начинают испытывать «чувство вины» и стараются поскорее извиниться за содеянное (Butovskaya, 2001b).

Тревожное состояние оппонентов после конфликта, по-видимому, связано с тем, что их прежним связям грозит опасность; если примирение происходит – участники быстро успокаиваются, их пульс приходит в норму (Aureli, Smucny, 2000). Вопреки ожиданиям дружественное общение с третьими особями (не принимавшими участия в конфликте) не приносит облегчения жертве или агрессору (стресс у участников конфликта продолжает сохраняться). Таким образом, эмоции играют первостепенную роль в социальной жизни животных. Они стимулируют индивида к быстрому принятию решений и представляют собой соматические маркеры, ограничивающие этот процесс. Медиация социальных решений на эмоциональном уровне – новое направление в исследованиях по постконфликтному поведению. Предполагается, что оно позволит изучить проксимальные механизмы процессов индивидуального принятия решений во взаимоотношениях с социальными партнерами (Aureli, Schaffner, 2002).

Контроль социальной стабильности в сообществах ранних гоминид

Человек и его далекие предки всегда были существами социальными. Именно в силу того факта, что ни размеры тела, ни его физические возможности (скорость передвижения) не могли обеспечить нашим далеким предкам реальной безопасности в одиночку при переходе к наземной жизни; социум являлся единственным шансом на выживание, и единственной защитой для ранних гоминин. Вся история человеческого рода есть история диалектического развития кооперации и конкуренции – альтруизма по отношению к своим (родственникам, друзьям, знакомым), и эгоизма – по отношению к чужим (не-членам группы, потенциальным врагам).

В таблице 1 показана взаимосвязь социальных и экологических факторов в эволюции гоминин. **Предположительно, роль механизмов примирения возросла на этом этапе эволюции.** Формирование тесных устойчивых связей между самками, усиление кооперации между самцами и формирование долговременных пар самец–самка обеспечило благоприятный климат для развития механизмов контроля социальной напряженности на уровне всей группы. Высокий уровень примирения весьма вероятен на этом этапе развития гомининных сообществ, поскольку есть все основания предполагать, что отношения в группах ранних гоминин носили эгалитарный характер (Butovskaya, 1999).

Таблица 1. Типы групповых отношений у африканских человекообразных обезьян, современного человека и ранних гоминин

Виды	Устойчивые социальные связи	Контактная агрессия		Доминирование		Альянсы	
		самцы	самки	самцы	самки	самцы	самки
Горилла	самец–самка	В	Н	Д	П	КА	Н
Шимпанзе	самец–самец, самка–самка*	В	Н	Д	П	КА	ДП
Бонобо	самец–самец, самка–самка, самец–самка	Н	Н	Д*	Д*	КА	ДП
Современный человек	мужчина–мужчина, женщина–женщина, мужчина–женщина	В	Н	Д	Д*	КА	ДП
Ранние гоминины	самец–самец, самец–самка, самка–самка	?	Н	Д	Д*	КА	ДП

Самка–самка* – тесные дружественные связи между самками возможны при некоторых условиях; В – высокий; Н – низкий, Д – самцы доминируют над самками; П – самки, подчиненные по отношению к самцам; Д* – самцы и самки могут доминировать над противоположным полом при определенных условиях; КА – конкурентные альянсы; ДП – дружественные предпочтения; Н – отсутствуют; ? – невозможно предсказать (Butovskaya, 1999).

Примирение у детей

До недавнего времени лишь в немногих исследованиях по социальному поведению детей рассматривалась проблема спонтанного примирения в постконфликтных ситуациях. Положение изменилось, когда этологи применили методики, использованные ранее для изучения постконфликтного поведения у приматов, к анализу поведения в детских коллективах (Бутовская, Козинцев 1998; Butovskaya et al., 2000; Verbeek et al., 2000). Согласно подходу, предложенному Ф. де Ваалом и Д. Есихарой (de Waal, Yoshihara, 1983), поведение одного из противников в постконфликтном периоде (далее ПК) сопоставляется с его же поведением в сопряженном контрольном периоде (далее СК) в то же время суток на другой день с целью оценить изменение уровня дружественных отношений после конфликта по сравнению с их «базовым уровнем». Для этого применяются два метода: 1) сопряженных пар и 2) распределения по времени.

Результаты показывают, что **мальчики склонны применять контактную агрессию почти втрое чаще, чем девочки** (Butovskaya, Kozintsev, 1999a,b; Butovskaya, 2001a; Björkgvist et al., 1992). Частота произведенной контактной агрессии в группе калмыцких детей, приходящаяся на одного мальчика, была примерно в три раза выше, чем на одну девочку. Мальчики достоверно чаще направляли контактную агрессию на детей своего пола (табл. 2). Половые различия по частоте неконтактной агрессии отсутствовали. Однако и в этом случае получены достоверные отличия по количеству направленной неконтактной агрессии со стороны мальчиков в направлении представителей своего и противоположного пола (см. табл. 2). Грубая игра практически полностью являлась прерогативой общения мальчиков. Мальчики и девочки были склонны достоверно чаще проявлять доминирование по направлению к детям своего пола, а подчинение – к детям противоположного пола. То же было верно и в отношении дружелюбного поведения.

Выявлена была также достоверная положительная связь между агрессивным и дружественным поведением. Такое на первый взгляд парадоксальное явление имеет под собой реальный смысл, если мы вспомним о Модели отношений, упомянутой выше. Друзья чаще других находятся рядом друг с другом, хорошо осведомлены о характере партнера, и на основе предшествующего опыта уже знают, что помириться с другом проще, чем с нейтральным ребенком из собственной группы. Вероятность примирения показана для русских, калмыцких и американских детей (соотношение пар разных типов дано в зависимости от уровня дружественных отношений) (табл. 3) (Butovskaya et al., 2000).

Можно считать установленным, что **феномен примирения связан с качеством отношений между партнерами по конфликту.** Наши данные свидетельствуют о том, что у человека (по крайней мере в детском возрасте) агрессор примиряется достоверно чаще жертвы (табл. 4). Это особенно четко проявляется в постконфликтных взаимодействиях партнеров с высокими социальным статусом.

Таблица 2. Гендерные различия по частоте проявления различных категорий социального поведения у калмыцких школьников 6–7-летнего возраста (Butovskaya, 2001a)

Поведенческая категория	Мальчик – мальчик	Мальчик – девочка	Тест Уилкоксона для сопряженных выборок (мальчик – мальчик и мальчик – девочка)	Девочка – девочка	Девочка – мальчик	Тест Уилкоксона для сопряженных выборок (девочка – девочка и девочка – мальчик)
Контактная агрессия	17,27 (2,74)	5,64 (1,28)	Z=-2,49, n=11 p<0,05	3,00 (0,73)	3,67 (0,69)	Z=-1,08, n=9, N.S.
Неконтактная агрессия	8,45 (1,85)	2,72 (0,74)	Z=-2,60, n=11, p<0,01	2,33 (0,62)	3,00 (0,69)	Z=-0,64, n=9, N.S.
Доминирование	33,73 (5,47)	9,09 (1,83)	Z=-2,94, n=11, p<0,01	29,56 (9,21)	9,22 (2,12)	Z=-1,72, n=9, N.S.
Подчинение	3,55 (2,77)	12,27 (1,70)	Z=-2,94, n=11, p<0,01	49,33 (7,02)	16,22 (2,05)	Z=-2,52, n=9, p<0,01
Грубая игра*	21,64 (3,56)	2,64 (0,62)	Z=-2,85, n=11, p<0,01	0,67 (0,29)	3,22 (1,59)	Z=-1,68, n=9, N.S.
Дружественное контактное поведение	35,09 (5,56)	3,64 (1,03)	Z=-2,93, n=11, p<0,01	26,33 (3,95)	5,67 (2,06)	Z=-2,67, n=9, p<0,05
Дружественное неконтактное поведение	9,55 (1,05)	3,09 (0,79)	Z=-2,94, n=11, p<0,01	11,44 (2,04)	5,56 (1,63)	Z=-1,84, n=9, N.S.
Пространственная близость *	122,18 (8,16)	36,81 (3,44)	Z=-2,93, n=11, p<0,01	135,56 (15,09)	43,89 (7,07)	Z=-2,67, n=9, p<0,01
Игра*	46,36 (5,24)	14,09 (3,50)	Z=-2,93; n=11, p<0,01	44,00 (6,31)	17,56 (3,33)	Z=-2,55, n=9, p<0,05
Совместный смех и улыбка*	10,27 (1,56)	1,64 (0,64)	Z=-2,95, n=11, p<0,01	6,89 (1,11)	2,00 (0,83)	Z=-2,14, n=9, p<0,05

Средние значения ± стандартная ошибка средней дана в скобках; * – симметричные взаимодействия.

Причина, на наш взгляд, кроется в хорошо развитом социальном интеллекте человека. В 6–7-летнем возрасте агрессоры уже ощущают себя виноватыми в содеянном и активно заинтересованы в восстановлении утраченных социальных контактов с одноклассниками. Возможно, речь идет о культурном стереотипе, уже прочно зафиксированном в 6–7-летнем возрасте. От успешного усвоения правил постконфликтного поведения может во многом зависеть социальный успех ребенка и его социальный статус (Butovskaya, Demianovitsch, 2002; LaFreniere et al., 2002). Неслучайно, что лидерами в группе, как правило, оказываются дети, которые умеют не только активно конкурировать и выигрывать в конфликтах, но и примиряться и восстанавливать нарушенные социальные связи.

Таблица 3. Частота аффилиативного поведения в постконфликтном периоде и в сопряженном контроле, полученная для детей из трех культур (калмыцкой, русской и американской) (Бутовская, Козинцев, 1998; Butovskaya et al., 2000)

Исследованные группы	Состав пары	ПК-СК пары			Всего	V	R
		А	Д	Н			
Калмыки (6–7 лет)	недрузья	30	1	14	45	64	93.5
	приятели	19	3	1	23	70	72.7
	друзья	67	7	9	83	72	81.1
	всего	116	11	24	151	69,5	82.7
Русские, группа 1 (6–7 лет)	недрузья	33	1	50	84	38,1	94.1
	приятели	19	0	14	33	57.6	100
	друзья	23	10	9	42	31.0	39.4
	всего	75	11	73	159	40.3	74.4
Русские, группа 2 (6–7 лет)	недрузья	6	2	8	16	25	50
	приятели	11	9	9	29	6.9	10
	друзья	33	11	17	61	36.1	50
	всего	50	22	34	106	26.4	38.9
Американцы (3–5 лет)	недрузья	105	14	84	203	44.8	76.5
	приятели	31	7	10	48	50	63.2
	друзья	17	3	2	22	63.6	70
	всего	153	24	96	273	47.3	72.9

V и R – абсолютный и относительный индексы примирения (Butovskaya, Kozintsev, 1999a).

Таблица 4. Социальный статус и примирение по инициативе агрессора и жертвы в группе калмыцких детей (Butovskaya, 2001a)

Члены пары	ПК-СК пары			Инициатор	
	А	Д	Н	агрессор	жертва
Выс – выс	17	2**	2	15	2**
Выс – низ	17	0**	3	8	9
Низ – низ	9	0**	3	5	4
Низ – выс	9	1*	2	8	2
Всего	52	3***	10	36	17

* – p<0,05, биномиальный тест; ** – p<0,01, биномиальный тест; *** – p< 0,001; А – аттрактные пары, Д – дисперсные пары, Н – нейтральные пары. Первый член пары – агрессор, второй – жертва. Выс – высокий ранг, Низ – низкий ранг.

Анализ частоты вмешательства третьего ребенка на стороне агрессора и жертвы представлен для калмыцких школьников (табл. 5). Похоже, что мальчики в целом больше склонны помогать агрессору, чем девочки.

Детская субкультура и примирение

Индивидуальные интервью, с русскими и калмыцкими детьми позволили выявить их установки относительно правил поведения после конфликта (табл. 6).

Таблица 5. Распределение агрессивной поддержки со стороны третьего ребенка в зависимости от пола помощников и объекта помощи (Butovskaya, 2001a)

Пол помощника и поддерживаемого	Поддержка агрессора	Поддержка жертвы	Всего
Мальчик–мальчик	25	9	34
Девочка–девочка	0	5	5
Девочка–мальчик, мальчик–девочка	1	4	5
Всего	26	18	44

Таблица 6. Отношение русских и калмыцких детей к примирению (Butovskaya, 2001b).

Положительные утверждения	Русские			Калмыки			Всего		
	маль-чики n=24	девоч-ки n=18	всего n=42	маль-чики n=19	девоч-ки n=15	всего n=34	маль-чики n=43	девоч-ки n=33	всего n=76
Мириться первым должен тот, кто начал ссору.	23 96%	16 89%	39 93%	18 95%	13 88%	31 91%	41 95%	29 88%	70 92%
Лучший способ помириться с другом – подарить подарок.	17 71%	15 83%	32 76%	12 65%	9 59%	21 62%	29 67%	24 72%	53 70%
Лучший способ помириться с нейтральным лицом – извиниться.	15 63%	16 89%	31 74%	12 65%	9 59%	21 62%	27 63%	25 76%	52 68%
Нужно всегда защищать жертву.	21 88%	15 83%	36 86%	18 95%	15 100	33 97%	39 91%	30 91%	69 91%
Я буду защищать друга, даже если агрессор сильнее меня.	24 100%	18 100%	42 100%	19 100%	15 100%	34 100%	43 100%	33 100%	76 100%
Если на меня нападут, друзья всегда утешат меня и заставят обидчика извиниться.	22 92%	16 89%	38 90%	15 79%	12 80%	27 79%	37 86%	28 85%	65 86%
Легче мириться после словесной ссоры, чем после драки.	24 100%	18 100%	42 100%	19 100%	14 93%	33 97%	43 100%	32 97%	75 99%
Легче мириться с друзьями, чем с остальными детьми.	24 100%	18 100%	42 100%	19 100%	15 100%	34 100%	43 100%	33 100%	76 100%
Обычно я выжидаю (10 и более минут), прежде чем помириться.	16 67%	16 89%	32 76%	9 45%	11 76%	20 59%	25 58%	25 76%	50 66%

Было показано, что дети к 7 годам имеют уже достаточно четкие представления о том, как следует себя вести после конфликта с другими, в зависимости от степени близости отношений с конкретным партнером. Их представления четко следуют нормам поведения, принятым в данной культуре. Это касается вопросов о том, кто должен мириться первым (агрессор). Ответ соответствует результатам этологических наблюдений. Дети отмечают, что с друзьями мириться легче. Если вспомним, выше мы говорили о том, что в рамках представлений о «дозволенности» агрессивных взаимодействий с конкретным партнером ожидается, что конфликты будут происходить чаще с теми, с кем легче мириться в дальнейшем. И именно с друзьями дети чаще конфликтовали, по этологическим наблюдениям. Дети также говорили, что при примирении с друзьями следует применять более интимные и выразительные способы интеграции (подарки, поцелуи), тогда как при примирении с нейтральными лицами формальных извинений бывает достаточно.

Определенные правила поведения третьих лиц также присутствуют в поведении 6–7-летних школьников: нужно защищать жертву, защищать друга от более сильных детей. Дети также верят, что друзья всегда заступятся за них и придут на помощь (реципрокный альтруизм в действии). Действительно, если вспомнить этологические данные, друзья часто приходят на помощь. Однако мальчики помогают нападающему, а девочки чаще помогают жертве.

Вместе с тем некоторые детские ответы выявили определенное расхождение между желаемым (описываемым поведением) и действительно наблюдаемым поведением: дети говорили, что, прежде чем помириться, стараются выдержать паузу (10 и более минут), в реальности – как было показано в наших наблюдениях, большинство примирялось в первые 2 минуты после окончания ссоры (Бутовская, Козинцев, 1998; Butovskaya, 2001a).

В 6–7-летнем возрасте мальчики и девочки давали примерно сходные ответы на все вопросы. Единственное исключение составил вопрос о том, сколько времени должно пройти, прежде чем дети пойдут на мировую. Существенно больше девочки настаивали на том, что будут соблюдать паузу в отношениях 10 и более минут. Подобные установки были более типичны для русских школьников.

Таким образом, особая культура примирения возникает в пределах детской субкультуры и передается в процессе общения от старших детей к младшим. Эта культура объединяет в себе переходные элементы от мира животных к миру взрослых людей. Феномен примирения достоверно прослеживается уже у детей 2-летнего возраста, что дает некоторые основания говорить о врожденной предрасположенности к примирению у человека. В группах у детей наблюдается более четкое развитие тенденций, наметившихся в эволюции приматов (Butovskaya, 2001a,b): 1. Повышается уровень примирения по инициативе агрессора (дети говорили нам о чувстве вины, испытываемом виновником ссоры); 2. Важную роль в урегулировании конфликта начинают играть посредники – индивиды, не принимавшие непосредственного участия в конфликте, но заинтересованные в его

прекращении. Чаще всего – это лидеры группы, но могут встречаться и дети, специализирующиеся на роли мирителя; 3. Процесс примирения четко дифференцирован на две стадии – первая фаза – обозначение конца агрессии (прости меня, я больше не буду), вторая фаза – собственно примирение (мирилки, подарки, объятия, поцелуи).

Можно ли обучиться примиряться?

Как известно, человеческие общества существенно различаются по уровню и характеру агрессивного поведения. Анализ постконфликтных взаимодействий в группах у детей и взрослых свидетельствует о том, что частота примирений (и ряд других характеристик) может сильно варьировать от группы к группе. В одних случаях эти различия объяснимы, если использовать критерий качества взаимоотношений между участниками конфликта. В стабильных группах, включающих в свой состав родственников и близких друзей, уровень примирений много выше даже в пределах одной культуры.

Экспериментальные данные показывают также, что уровень примирений может сильно варьировать в зависимости от воспитания. Причем фактор воспитания действенен не только для человека, но и для других приматов. В экспериментах Ф. Ваала и Д. Йоганович несколько подростков макаков резусов содержались в группе более старших бурых макаков. В результате резусы переняли у последних более высокий уровень примирения и эта характеристика сохранилась в их поведении даже когда подростки были перемещены к животным своего вида (de Waal, Johanowicz, 1993).

Восстановление мира в человеческих обществах

Данные о моделях примирения в человеческих сообществах указывают на возможную эволюционную преемственность этого феномена и общее сходство его основополагающих механизмов с высшими обезьянами. Налицо дальнейшее развитие и усовершенствование моделей примирения, отчетливое дифференцирование этого процесса на отдельные фазы. В первую очередь речь идет о выработке культурных механизмов, сигнализирующих о намерениях конфликтующих прекратить агрессию. По мнению некоторых исследователей, феномен примирения у обезьян гомологичен именно этой фазе примирения (Silk, 1997).

Д. Фрей приводит в своей работе следующую классификацию основных способов восстановления мира в человеческих обществах (Fry, 2000):

1. Дарение подарков или обмен подарками (зинаконтеки – обмениваются ликером местного изготовления; фиджийцы дарят символические подарки, например китовые зубы);

2. Выплата реституций (дживаро используют для этого свиней и оружие);

3. Совместная трапеза и выпивка (гавайцы организуют совместные застолья; итальянские крестьяне выпивают вместе);

4. Физические контакты типа поцелуев и рукопожатий (фиджийцы пожимают руки, арабские и иранские женщины целуются);

5. Умиротворяющие позы и жесты (извиняясь, фиджийцы склоняются, смотрят под ноги, дрожат, простираются на земле, прося прощения);

6. Устное извинение (мбути, сапотеки, фиджийцы, гавайцы произносят слова извинения);

7. Участие третьих лиц в ритуалах примирения (у мбути и !кунг участвуют члены локальной группы; у йале – родственники и соседи).

Взаимосвязь ритуалов примирения в детских коллективах и традиционных обществах

Как было показано выше, примирение в группах у детей по многим параметрам сходно с процессом примирения у обезьян (время первого контакта, дискомфорт бывших участников конфликта, элементы поведения, используемые для примирения, поддержка и помощь со стороны третьих лиц участникам конфликта). Вместе с тем по целому ряду параметров примирение у детей и подростков – феномен сугубо человеческий. Прежде всего это касается особых ритуальных форм примирения, связанных с языком и символикой. Культура детских мирилок, формул примирения и ритуализованных движений поразительно напоминает танцевально-песенные обряды формального замирения у охотников-собирателей или ранних земледельцев. В последнем случае мы становимся свидетелями наличия у человека механизмов контроля агрессии на более высоком уровне интеграции – межгрупповом. Это неудивительно, ибо по мере роста потребности в общении с представителями соседних сообществ должна была произойти выработка разнообразных ритуалов замирения. Так, яломе, одно из племен Западного Ириана, оповещает врагов о намерении прекратить конфликт специальной песней (Koch, 1974). Другое племя – папуасы кивай – сообщают о желании заключить мир, кладя ветку через дорогу, ведущую к его деревне. Типичными атрибутами примирения выступают обмен подарками, совместные трапезы, обмен брачными партнерами (Eibl-Eibesfeldt, 1979).

Межгрупповые конфликты и восстановление мирных отношений между воюющими сторонами

Межгрупповые конфликты, сопряженные с насилием, существенным образом отличаются от столкновений между отдельными людьми. По данным Дж. Нея (Neu, 2000), основные различия могут быть сведены к следующим:

1. Решение о начале столкновения принимается лидерами группы, тогда как на индивидуальном уровне не требуется длительного периода принятия решений для того, чтобы начать агрессивные действия;

2. Ведение войны требует хорошей организации (призыв новобранцев, мобилизация армии, приведение оружия в боевую готовность, разработка планов ведения войны). Индивид может ввязываться в агрессию без какого-либо предварительного планирования своих действий;

3. Во время боевых действий необходимо оценивать боевой дух армии и убеждаться, что войска поддерживают действия, предпринятые лидерами. Индивиды, вовлеченные в агрессивное столкновение, редко действуют скоординированно с большим количеством сторонников;

4. В условиях крупных межгрупповых конфликтов усилия по восстановлению мира – дело опасное. В ситуациях, когда большую группу людей ориентировали на войну, может потребоваться значительное время для переориентации мнения большинства в сторону мира. Убийства Анвара Садата и Ицхака Рабина, единолично принявших решения о развитии мира на Ближнем Востоке, по мнению Дж. Нея, подтверждают это положение. Оба были убиты членами собственной группы, как предатели национальной идеи. Хотя решение о примирении, принимаемое между партнерами на индивидуальном уровне, также требует определенного мужества, оно редко бывает сопряжено с угрозой для жизни.

В межгрупповых конфликтах, где враждующие стороны хорошо знакомы друг с другом и имеют общую историю (и, возможно, воевали в прошлом как союзники против общего врага), восстановление мира – дело особенно сложное. Как и в случае межиндивидуальных конфликтов, враждующие стороны хорошо знают сильные и слабые места друг друга и используют эти знания в борьбе с врагом. В таких ситуациях вмешательство третьей стороны особенно необходимо.

Как было показано выше, медиация является базовой характеристикой человеческого поведения на внутригрупповом уровне и имеет древние эволюционные корни. Она типична в первую очередь для обезьян, практикующих эгалитарные групповые отношения (шимпанзе, бонобо: de Waal, 1996; бурые макаки: Butovskaya, Ladygina, 1989; тонкинские макаки: Бутовская, неопубликованные данные). Помощь медиаторов на групповом уровне (третья группа, не вовлеченная в конфликт), по всей вероятности, явление более позднее в человеческой истории. Она зафиксирована уже в V в. до н.э. в Китае (Mo-tzu), недавний пример такого рода – Гаагская Конвенция по Мирному Урегулированию Международных Конфликтов, основанная в 1899 г.

Когда происходит вмешательство в конфликт медиатора-посредника, к отношениям между конфликтующими сторонами добавляются отношения медиатора с каждой из сторон.

В идеале медиатор должен восприниматься конфликтующими как нейтральная сторона. В международных конфликтах медиатор должен обладать достаточ-

ным международным авторитетом и правами, чтобы получить международную поддержку и одобрение со стороны собственной группы.

Вместе с тем при анализе международных конфликтов, как правило, игнорируется роль такого фактора, как непосредственное межличностное общение. Как показывает реальная жизнь, важным моментом, определяющим успех посредничества, является доверие сторон в отношениях с медиатором. Оптимальным является наличие предшествующих личностных доверительных отношений между медиатором и лидерами враждующих сторон. Если таковые отсутствуют, то их необходимо сформировать в процессе общения (Neu, 2000).

Краткие выводы

• Чем сложнее социальная организация, тем сильнее развиты механизмы примирения, и тем они более разнообразны;

• С повышением уровня филогенетического развития прослеживается возникновение специальных элементов поведения, используемых избирательно в контексте примирения (для бурых макаков это фиксация крупа двумя руками, сопровождаемая характерным клацаньем, для шимпанзе – поцелуи, для бонобо – элементы сексуального поведения);

• Замечено, что уровень примирения много выше у видов с гибкими, эгалитарными социальными отношениями;

• С развитием когнитивных способностей (усовершенствованием механизмов долговременной памяти, индивидуального опознавания, долговременного планирования и пр.) происходит расширение круга индивидов, участвующих в урегулировании конфликта. Помимо «утешителей» и «защитников» появляются индивиды «мирители», поведение которых однозначно направляется на стимулирование бывших соперников к восстановлению мирных отношений;

• Аналогично тому как уровень агрессивности может варьировать в зависимости от условий воспитания, уровень примирения также является величиной изменчивой;

• В репертуаре человека имеются глубинные этологические механизмы контроля агрессии и восстановления социальных связей;

• Качественно новый для человеческого общества феномен – распространение действия механизмов примирения на межгрупповые отношения. Возникновение такого рода законов знаменует собой тенденцию к плотному общению на межгрупповом уровне, потребность в объединении с соседними социумами;

• Культура придает ритуалам примирения фундаментально новые свойства, делая их глубоко символичными и осмысленными. Культурные стереотипы в процессе онтогенеза накладываются на эволюционно более древние биологические механизмы, но не вытесняют последние, а действуют в дальнейшем в тесном единстве.

Литература

Бэрон, Р., Ричардсон Д., 2000. Агрессия. СПб.: Питер.

Бутовская, М.Л. 1998. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека // Общественные науки и современность, 6:149-160.

Бутовская М.Л. 2004. Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир. 438 с.

Бутовская М.Л., Козинцев А.Г., 1998. Агрессия и примирение у школьников младшего школьного возраста (этологичский анализ механизмов контроля социальной напряженности в человеческих коллективах) // Этнографическое обозрение, 4:122-139.

Бутовская М.Л., Файнберг Л.А., 1993. У истоков человеческого общества. М.: Наука.

Aureli F., 1997. Post-conflict anxiety in non-human primates: The mediating role of emotion in conflict resolution // Aggr. Behav., 23: 315-328.

Aureli F., Smucny D., 2000. The role of emotion in conflict and conflict resolution // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.), Princeton University Press, Princeton. 199-224.

Aureli F., Schaffner C.M., 2002. Relationship assessment through emotional mediation // Behaviour, 139: 393-420.

Berkowitz L., 1993. Aggression: Its causes, consequences, and control. N. Y.: McGraw-Hill.

Björkqvist K., Lagerspetz K., Kaukianen A., 1992. Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression // Aggr. Behav., 18: 117-127.

Butovskaya M.L., 1999. Coping with social tension in primate societies: Strategic modelling of early hominid lifestyles // Hominid Evolution: Lifestyles and Survival Strategies. (H. Ullrich, ed.) Schwelm: Edition Archea, 44-54.

Butovskaya M.L., 2001a. Reconciliation after conflicts: ethological analysis of post-conflict interactions in kalmyk children // Cross-Cultural Aapproaches to Aggression and Reconciliation (J.M. Ramirez, D.R. Richardson, eds.). Huntington, N.Y.: NovaScience, 167-190.

Butovskaya M., 2001b. Aggression, friendship and reconciliation in primary school-children // Prevention and Control of Aggression and the Impact on Its Victims. (M. Martinez, ed.), N. Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 147-154.

Butovskaya M.L., Demianovitsch A.N., 2002. Social competence and behavior evaluation (SCBE-30) and socialization values (SVQ): Russian children ages 3 to 6 years // Early Education and Development, 13, 2: 153-170.

Butovskaya M.L., Kozintsev A.G., 1996. Gender-related factors affecting primate social behavior: grooming, rank, age, and kinship in heterosexual and all-male groups of stumptail macaques // Amer. J. Phys. Anthropol., 101: 39-54.

Butovskaya M.L., Kozintsev A.G., 1999a. Aggression, friendship, and reconciliation in Russian primary schoolchildren. //Aggr. Behav., 25:125-139.

Butovskaya M.L., Kozintsev A.G., 1999b. Sexual dimorphism and the evolution of gender stereotypes in man: a sociobiological perspective // The Darwinian Heritage and Sociobiology (J.M.G. van der Dennen, D. Smile, D.R. Wilson, eds.). Westpoint, Connecticut, London: Praeger, 261-272.

Butovskaya M.L., Ladygina O.N., 1989. Support and cooperation in agonistic encounters of stumptail macaques // Anthropologie. 27: 73-81.

Butovskaya M.L., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A., 2000. Multicultural view of peacemaking among young children // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Princeton: Princeton University Press, 423-450.

Cords M., Aureli F., 2000. Reconciliation and relationship qualities // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Princeton: Princeton University Press. 177-198.

Eibl-Eibesfeldt I., 1979. The biology of peace and war. Thames and Hudson, London.

Fry D.P., 2000. Conflict management in cross-cultural perspective // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Princeton: Princeton University Press, 334-351.

Gottman J., 1994. Why marriages succeed or fail. N. Y.: Simon and Schuster.

Johanson R.N., 1972. Aggression in man and animals. Philadelphia: Saunders.

Koch K.F., 1974. War and peace in Jalemo: The management of conflict in Highland New Guinea. Cambridge: Harvard University Press, MA.

LaFreniere P.J., Masataka N., Butovskaya M., Chen Q., Dessen M.A., Atwanger K., Schreiner S., Montirosso A., Frigerio A., 2002. Cross-cultural analysis of social competence and behavior problems in preschoolers // Early Education & Development, 13: 201-220.

Lyons D.M., 1993. Conflict as a constructive force in social life // Primate social conflict (W.A. Mason, S.P. Mendoza, eds.). Albany: State Univ. of New York Press, 387-408.

Mason W.A., 1964. Sociability and social organization in monkeys and apes // Advances in Experimental Psychology (L. Berkowitz, ed), N. Y.: Academic Press, 277-305.

Neu J., 2000. Interpersonal dynamics in international conflict mediation // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Princeton: Princeton University Press, 65-67.

Silk J.B., 1997. The function of peaceful post-conflict contacts among primates // Primates, 38: 265-279.

Verbeek P., Hartup W.W., Collins W.A., 2000. Conflict resolution in children and adolescents // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Princeton: Princeton University Press, 34-54.

de Waal F.B.M., 1993. Reconciliation among primates: A review of empirical evidence and unresolved issues // Primate Social Conflict (W.A. Mason, S.P. Mendoza, eds.). Albany: State Univ. of New York Press, 111-144.

de Waal F.B.M., 1996. The origins of right and wrong in humans and other animals. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

de Waal F.B.M., 2000. The first kiss: foundations of conflict resolution research in animals. In: Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Princeton: Princeton University Press, 15-33.

de Waal F.B.M., Johanowicz D.L., 1993. Modification of reconciliation behavior through social experience: An experiment with two macaques species // Child Development, 64: 897-908.

de Waal F.B.M., Luttrell L.M., 1989. Toward a comparative socioecology of genus Macaca: Different dominance styles in rhesus and stumptail macaques // Amer. J. Primatol., 19: 83-109.

de Waal F.B.M., Yoshihara D., 1983. Reconciliation and redirected affection in rhesus monkeys // Behaviour, 85: 224-241.

Раздел I

АГРЕССИЯ И ПРИМИРЕНИЕ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Глава 1

ЭТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИМИРЕНИЯ У ДЕТЕЙ В НОРМЕ И С ПСИХОПАТОПОДОБНЫМ СИНДРОМОМ

Бутовская М.Л., Мартынова М.С.

Введение

Теме агрессии посвящены работы многих исследователей (Берковиц, 2002; Wrangham, Peterson, 1996; Butovskaya, 2001a,b; de Waal, 1996; Fry, 2001). Она актуальна и позволяет выявить поведенческие особенности людей в разных культурах. Проявления агрессии во многом определяют структуру самой социальной системы, показывают, насколько прочны связи между членами сообщества, а также определяют интенсивность общения с сородичами (de Waal, 1996). Но понять структуру социальных взаимоотношений в группе невозможно, изучая одну агрессию в отрыве от анализа постконфликтного поведения (Бутовская, Козинцев, 1998). Вот почему многочисленные исследования специалистов разных областей науки (психологов, этнографов, антропологов, этологов) рассматривают агрессии и примирения среди людей как комплексный социальный феномен (Лоренц, 2001; Zillmann, 1979; Montagu, 1978; Levy, 1978).

Оптимальным способом изучения естественных механизмов контроля социальной напряженности у человека является изучение феномена агрессии и примирения в детском социуме. Опыт, накопленный в детстве, оказывает самое непосредственное влияние на социальную успешность в подростковом возрасте и может накладывать свой отпечаток на социальную компетентность человека по достижении им совершеннолетия. В силу указанных причин в рамках данного исследования мы поставили себе целью: проследить динамику конфликтов у детей и подростков и оценить их потенциальную способность восстанавливать отношения между собой, понять, от каких факторов зависит эта способность; про-

вести анализ механизмов контроля социальной напряженности у детей (мальчики) с нормальным развитием и с психопатоподобным синдромом в возрасте от 6 до 12 лет.

В задачи исследования входило:

– оценить значимость врожденных механизмов примирения у детей. Для этой цели провести сравнительный анализ постконфликтного поведения у нормально развивающихся детей и их сверстников с психопатоподобным синдромом;

– выявить разницу в структуре агрессивного поведения и примирения у нормально развивающихся детей и детей с психопатоподобным синдромом;

– выявить связь между социальным статусом ребенка и его способностью восстанавливать отношения в группе для нормально развивающихся детей и детей с психопатоподобным синдромом;

– оценить связь между различными формами агрессивного поведения и примирением в группах у нормально развивающихся детей и детей с психопатоподобным синдромом.

Методы

Наблюдения были проведены за группой мальчиков, учащихся одной из общеобразовательных школ Москвы, в возрасте от 8 до 12 лет (21 ребенок), а также за группой мальчиков в Детской психиатрической городской больнице г. Москвы в возрасте от 6 до 12 лет (42 ребенка). Наблюдения проводились с октября 2001 г. по март 2002 г., с февраля по апрель 2003 г., а также с ноября 2003 по март 2004 г. три раза в неделю, по 1,5 часа. Общее время наблюдений составило 252 часа. Этологические наблюдения за детьми проводили во время их свободной игры, в специально отведенном для игр помещении и в классе.

Этологические наблюдения проводили методами фокальных наблюдений и фиксации по мере встречаемости искомого поведения (подробнее о методах см.: Бутовская, Козинцев, 1998). Наблюдения делились на две части: первая – 3-минутные постконфликтные наблюдения (PC) за действиями жертвы и агрессора. Вторая часть – контрольные наблюдения (MC) этих же детей в то же время на следующий день длительностью также 3 минуты. Помимо этологических наблюдений использовали также методы индивидуальных опросов и интервью.

Результаты

Группа учащихся средней образовательной школы (мальчики)

За время наблюдений нормально развивающихся детей был выявлен 121 конфликт, из них в 77 (64%) случаях произошло налаживание отношений между бывшими соперниками, а в 44 (36%) случаях они не контактировали друг с дру-

гом. Среднее время примирения в РС-периоде опережало среднее время начала общения в МС-периоде (в РС оно составляло 40,9 сек., а в МС – 44,3 сек.).

В конфликтах наиболее часто оказывались жертвами 10 детей, 9 детей выступали в роли агрессора, и 2 ребенка были и агрессорами, и жертвами попеременно. Чаще всего инициатива постконфликтных дружественных контактов исходила от агрессора (53 случая), жертва же являлась инициатором налаживания отношений в 24 случаях. Из 21 ребенка 11 детей имели тенденцию налаживать отношения раньше в постконфликтном периоде (РС), чем в МС; 5 детей начинали общаться раньше в периоде МС, чем в РС; у 5 детей разницы во времени общения не наблюдалось. Таким образом, достоверно большее количество мальчиков демонстрировало феномен примирения (биномиальный критерий: $P<0{,}05$).

Все конфликты делились на 2 группы – физические и вербальные. При этом больше всего отмечалось конфликтов с нанесением физических оскорблений (76 случаев). Из них 44 (то есть 58%) завершились примирением. Вербальные конфликты наблюдались в 45 случаях, из них в 33 (73%) стороны восстановили мирные отношения (рис. 1.1).

Для структуры примирения в данной группе детей был характерен ряд поведенческих элементов, встречающихся в основном в обоих периодах – РС и МС (рис. 1.2).

Из 121 конфликта у 57 пар время примирения в периоде РС опережало время примирения в периоде МС, у 38 пар время примирения в периоде МС опережало время примирения в периоде РС, и 7 пар оказались нейтральными. Таким образом, мальчики достоверно раньше вступали в дружественные контакты после конфликта, нежели в контрольный период ($\chi^2 = 11{,}8$, $p<0{,}001$).

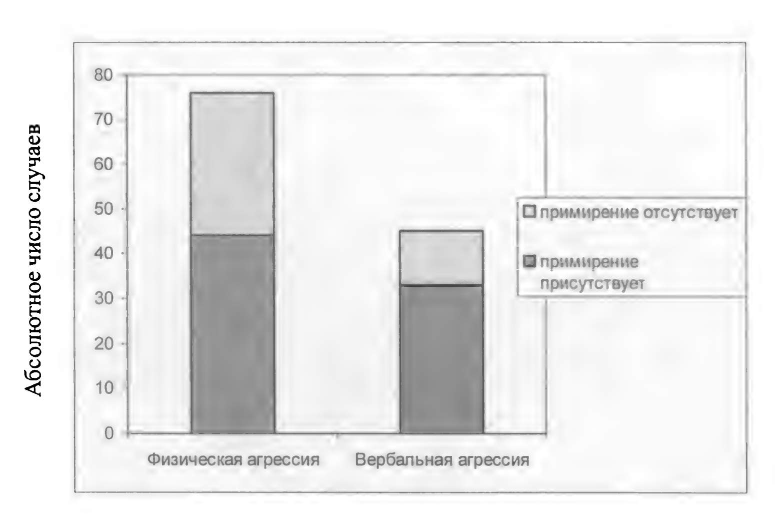

Рис. 1.1. Наличие примирения после конфликтов разной степени интенсивности в группе у детей в возрасте 8–12 лет, московская общеобразовательная школа (мальчики, n= 21)

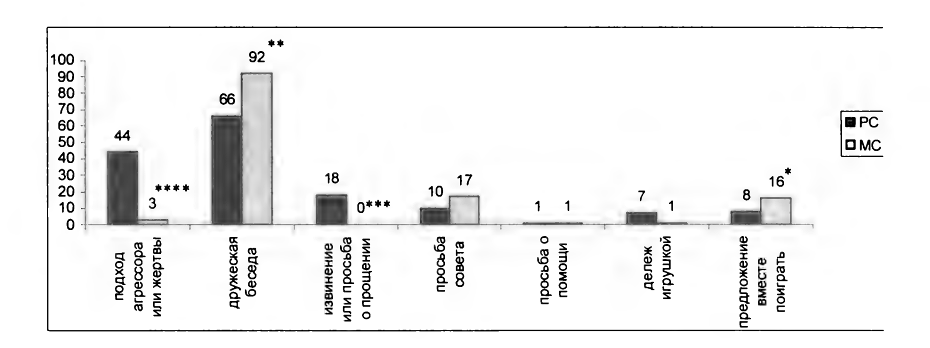

Рис. 1.2. Элементы поведения, наиболее часто встречающиеся при примирении в группе у детей в возрасте 8–12 лет, московская общеобразовательная школа (мальчики, n= 21)

* – $p \le 0{,}05$; ** – $p \le 0{,}01$; *** – $p \le 0{,}001$; **** – $p \le 0{,}0001$

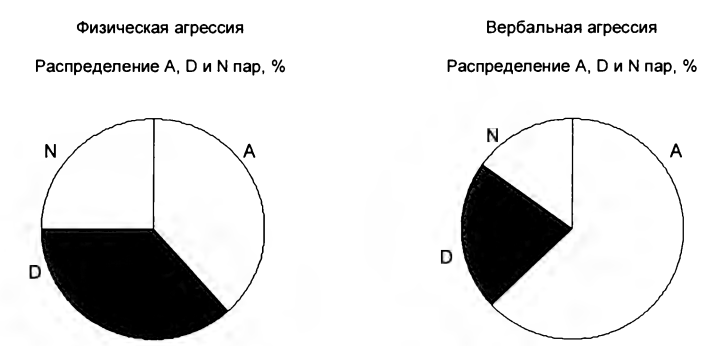

Рис. 1.3. Примирение после конфликтов для физической и вербальной агрессии с учетом распределения аттрактных, дисперсных и нейтральных пар в группе у детей в возрасте 8–12 лет, московская общеобразовательная школа (мальчики, n= 21)

А-пары: примирение происходило раньше в периоде PC; D-пары: примирение происходило раньше в периоде MC; N-пары: время примирения в периодах PC и MC совпадало, или примирение отсутствовало

На рисунке 1.3 изображено распределение аттрактных, дисперсных и нейтральных пар отдельно для физической и вербальной агрессии.

В периоде PC самое большое количество случаев примирения происходило в промежутке 0–40 сек., а в MC основные контакты приходились на промежуток 30–80 сек. с пиком на 60 сек. Таким образом, дети начинали мириться раньше в PC-периоде. Нами не выявлено достоверных возрастных различий по уровню примирения в группе мальчиков из средней образовательной московской школы.

Группа детей с психопатоподобным синдромом (мальчики)

За время наблюдений детей с психопатоподобным синдромом было выявлено 238 конфликтов, из которых 158 (66%) успешно завершились примирением, а в

80 (34%) случаях налаживания отношений не отмечалось. Среднее время примирения в РС-периоде опережало среднее время начала общения в МС-периоде (в РС оно составляло 71 сек., а в МС – 91 сек.).

В конфликтах наиболее часто оказывались жертвами 22 ребенка, 17 детей выступали в роли агрессора, и 3 ребенка являлись агрессорами и жертвами попеременно. Чаще всего инициатива примирения исходила от агрессора (98 случая), жертва же являлась инициатором налаживания отношений в 60 случаях. Скорее всего, причиной такого феномена является чувство вины у агрессора и его стремление восстановить равновесие в отношениях. Из 42 детей 35 человек имели тенденцию налаживать отношения раньше в постконфликтном периоде (РС), чем в МС; 3 ребенка начинали общаться раньше в периоде МС, чем в РС; у 4 детей разницы во времени общения не наблюдалось. Таким образом, можно утверждать, что дети имеют тенденцию начинать общаться раньше в постконфликтном периоде ($\chi^2 = 53{,}9$, $p<0{,}0001$).

Все конфликты делились на 2 группы – физические и вербальные. Конфликтов с нанесением физических оскорблений было подавляющее большинство (159), из них 97 (61%) завершились примирением (рис. 1.4). Вербальные конфликты наблюдались в 79 случаях, из них 61 (77%) завершились дружелюбным общением бывших противников.

Для структуры примирения в данной группе детей был характерен ряд поведенческих элементов, встречающихся в основном в обоих периодах – РС и МС. Однако можно выделить явные различия поведения между этими периодами – например, в периоде МС отсутствует извинение и просьба о прощении, предло-

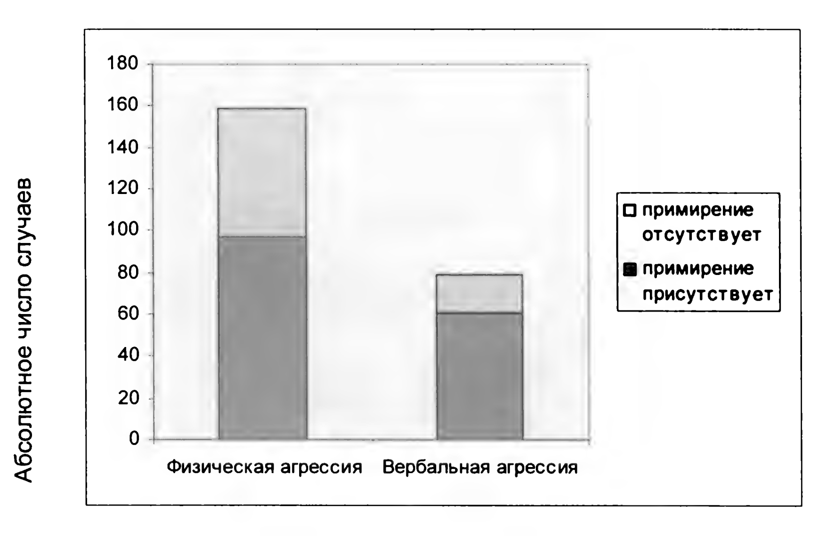

Рис. 1.4. Наличие примирения после конфликтов разной степени интенсивности у детей с психопатоподобным синдромом (мальчики, n=42)

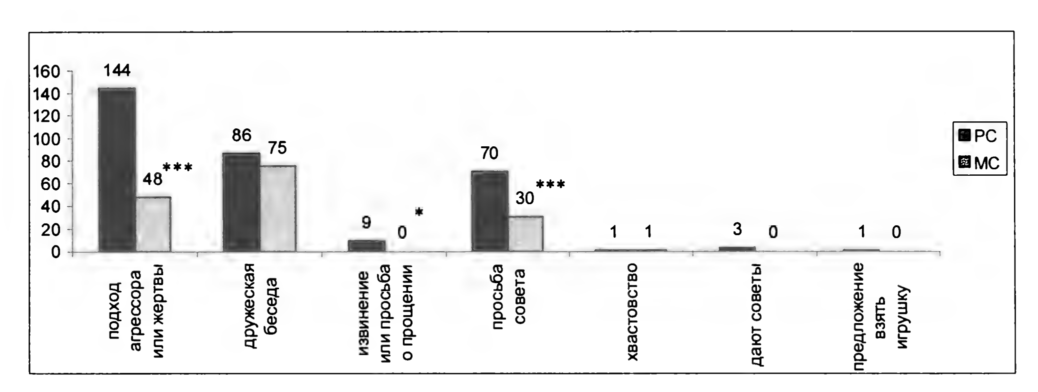

Рис. 1.5. Элементы поведения, наиболее часто встречающиеся при примирении у детей с психопатоподобным синдромом (мальчики, n=42)
* – p< 0,05; *** – p <0,001

жение взять игрушку и предложение советов. Отсутствие таких поведенческих элементов объясняется отсутствием конфликтов в данное время и в данный период (рис. 1.5).

Из 238 конфликтных случаев у 145 пар время примирения в периоде РС опережало время примирения в периоде МС, у 32 пар время примирения в периоде МС опережало время примирения в периоде РС, и 61 пара оказалась нейтральной. Таким образом, мальчики с задержками психического развития достоверно раньше вступали в дружественные контакты после конфликта, нежели в контрольный период (χ^2 = 144,3 p<0,0001).

На рисунке 1.6 показано распределение аттрактных, дисперсных и нейтральных пар отдельно для физической и вербальной агрессии у мальчиков с психопатоподобным синдромом.

В РС-периоде наибольшее количество случаев дружественных контактов происходило в промежутке 0–70 сек. В МС-периоде основные контакты происходили в промежутке 80–130 сек., причем пик приходился на 90 сек. Таким образом, дети начинали мириться раньше и интенсивней в периоде РС. Нами не выявлено достоверных возрастных различий по частоте примирения у мальчиков с психопатоподобным синдромом.

Сравнение детей с нормальным развитием и детей с психопатоподобным синдромом

Тенденция к примирению у детей с психопатоподобным синдромом в возрасте 6–12 лет составляет 47,4%. Она выше, чем у русских детей с нормальным развитием для группы 1 – мальчики в возрасте 6–7 лет: 28,6% (Бутовская, Козинцев, 1998), и для группы 2 – мальчики в возрасте 8–12 лет (настоящее исследование): 15,7%, но несколько ниже, чем у калмыцких детей – мальчики в возрасте 6–7 лет: 66,2% (Butovskaya, 2001b) (рис. 1.7).

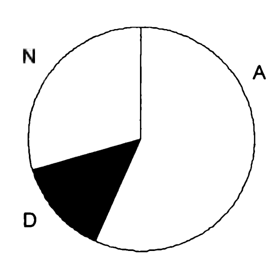

Рис. 1.6. Примирение после конфликтов для физической и вербальной агрессии с учетом распределения аттрактных, дисперсных и нейтральных пар в группе у детей с психопатоподобным синдромом (мальчики, n=42)

А-пары: примирение происходило раньше в периоде PC; D-пары: примирение происходило раньше в периоде МС; N-пары: время примирения в периодах PC и МС совпадало, или примирение отсутствовало

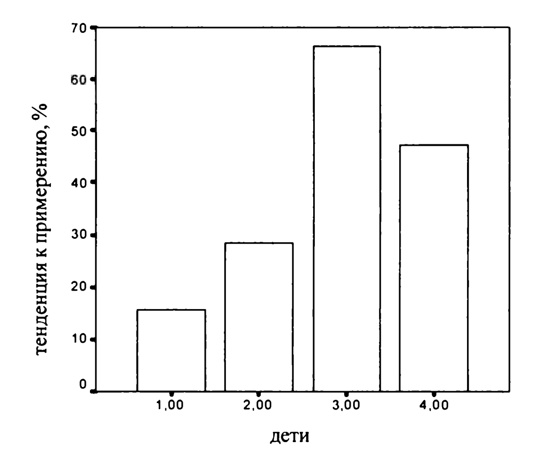

Рис. 1.7. Тенденция к примирению у детей с нормальным развитием и с психопатоподобным синдромом (мальчики)

1,00 – учащиеся общеобразовательной школы, русские дети (группа 1), 2,00 – учащиеся общеобразовательной школы, русские дети (группа 2), 3,00 – учащиеся общеобразовательной школы, калмыцкие дети, 4,00 – дети с психопатоподобным синдромом

Обсуждение

Способность улаживать конфликты – одна из самых важных поведенческих характеристик в общении человека с себе подобными, без которой немыслимо

стабильное существование любого социума. Поэтому очень важно, чтобы уже с раннего возраста дети демонстрировали свое умение восстанавливать нарушенные социальные связи, контролировать свои эмоции и сопереживать другим. Есть основания полагать, что человек обладает врожденными механизмами примирения (Butovskaya et al., 2000). Эти механизмы унаследованы им от приматных предков и во многом сходны с таковыми у человекообразных обезьян (Бутовская, 1998).

Наряду с данными других исследователей, применивших к изучению примирения сходный подход (Бутовская, Козинцев, 1998; Aureli, de Waal, 2000; Butovskaya et al., 2000; Verbeek et al., 2000), материалы этого исследования подтверждают наличие видоспецифических (по всей вероятности врожденных) механизмов поддержания мира у человека. Эти механизмы запускаются уже в раннем детстве, совершенствуются и развиваются в процессе накопления ребенком опыта социального общения в коллективах сверстников. Результаты данного исследования показали, что феномен примирения достоверно присутствует как в группе нормально развивающихся детей, так и в группе детей с психопатоподобным синдромом, что свидетельствует об исключительной важности данного поведения.

Дети в возрасте 6–12 лет обладают достаточной компетентностью, чтобы самостоятельно восстанавливать отношения, не прибегая к помощи взрослых. Примирение происходит преимущественно на первой минуте после конфликта и, по всей видимости, является отражением универсальной мотивации к восстановлению социального равновесия. Полученные в данной работе выводы согласуются с результатами исследований по другим группам детей (русские, калмыки, американцы, шведы, японцы) (Butovskaya, 2001a,b; Butovskaya et al., 2000; Fujisawa et al., 2005; Ljungberg et al., 2005;).

В ссорах мальчики с нормальным развитием и с психопатоподобным синдромом чаще применяют физические оскорбления, чем вербальные. К аналогичным выводам приходят также финские исследователи (Björkqvist et al., 2001). Вероятность примирения зависит от типа агрессии: после физической агрессии детям мириться сложнее, чем после вербальной агрессии. Примирение по времени происходит раньше после вербальных конфликтов, чем после физических. Это можно объяснить эмоциональным состоянием ребенка: перенесенная физическая боль затрудняет стремление к примирению с партнером.

Сравнение результатов нашего исследования с другими данными (Бутовская, Козинцев, 1998; Butovskaya, 2001a,b) позволило сделать вывод о том, что уровень тенденции к примирению может существенно варьировать от группы к группе даже в пределах одной культуры, сходного возрастного и полового состава групп и сходных условий среды. Вопреки ожиданию, тенденция к примирению у детей с психопатоподобным синдромом оказалась выше, чем в группах у нормально развивающихся русских детей того же возраста.

Следует ли из этого парадоксальный вывод о том, что дети с психопатоподобным синдромом социально более компетентны? Разумеется, нет. **При детальном**

анализе постконфликтных взаимодействий у детей в норме и психопатоподобным синдромом оказалось, что эти две группы разительно отличаются между собой по набору используемых коммуникативных сигналов (вербальных и невербальных). Были выявлены достоверные качественные различия в моделях примирения у нормально развивающихся детей и детей с психопатоподобным синдромом: **нормально развивающиеся дети в момент восстановления отношений извинялись, просили прощение, делились игрушками, приглашали обиженных детей вместе поиграть, а дети с психопатоподобным синдромом делали вид, что конфликта не было, подходили к партнеру и начинали игру или разговор, извинялись они значительно реже. Важнейшим принципиальным отличием поведения у детей с психопатоподобным синдромом в ситуации примирения являлось полное отсутствие тактильных контактов между бывшими оппонентами.**

Инициатором примирения в большинстве случаев выступали агрессоры – это было характерно и для нормально развивающихся детей, и для детей с психопатоподобным синдромом. Агрессор чаще выступал в роли инициатора примирения, чем жертва, и в других исследованиях групп русских и калмыцких детей (Бутовская, Козинцев, 1998). Большая активность агрессора связана, по-видимому, с чувством вины, возникающим у него после нанесения вербального или физического оскорбления. В интервью, проведенных нами после этологических наблюдений, уже 6–7-летние дети практически в 100% случаев говорили о том, что мириться первым должен обидчик (Butovskaya, 2001a,b). Тот факт, что данная мотивация сохраняется повышенной у детей с задержками психического развития, свидетельствует об исключительной значимости феномена примирения в человеческом обществе, и значительной эволюционной древности подобной модели поведения.

Достоверных различий в тенденции к примирению у детей в возрасте между 6 и 12 годами выявлено не было. Статистические данные свидетельствуют о том, что в этом возрастном интервале уровень примирения остается примерно одинаков.

Подводя итоги следует сказать, что в данном исследовании впервые показано, что феномен примирения наблюдается в коллективах у детей с психическими отклонениями (психопатоподобным синдромом). Эти данные, наряду со значительным массивом материалов, полученных по сходной методике для 27 видов приматов (см. подробнее: Aureli, de Waal, 2000), служат еще одним свидетельством наличия глубинных биологических основ такого рода механизмов. Вместе с тем полученные материалы позволяют дать объяснение возможных причин, по которым дети с психопатоподобным синдромом могут испытывать проблемы при общении с нормально развивающимися детьми в такого рода ситуациях. Дети с психопатоподобным синдромом используют несколько иной арсенал коммуникативных сигналов и, что самое главное, стараются избегать тактильных контактов

с бывшими оппонентами. В этих условиях у бывшего противника (ребенка с нормальным уровнем психического развития) может дольше сохраняться стрессовое состояние, вызванное конфликтом (повышенный уровень кортизола дольше приходит к норме). А ассоциация внутреннего дискомфорта с конкретным партнером в дальнейшем может приводить к развитию подсознательной неприязни в отношении к сверстнику с психопатоподобным синдромом (здесь речь идет только о проблемах общения в условиях постконфликтного взаимодействия, разумеется, сложности, связанные с пребыванием ребенка с психопатоподобным синдромом в коллективах нормально развивающихся детей этим не ограничиваются).

Литература

Берковиц Л., 2002. Агрессия. Причины, последствия и контроль. М.: ОЛМА-ПРЕСС.

Бутовская М.Л., 1998. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека // Общественные науки и современность, 6: 149-160.

Бутовская М. Л., Козинцев А. Г., 1998. Агрессия и примирение у школьников младшего возраста (этологический анализ механизмов контроля социальной напряженности в человеческих коллективах) // Этнографическое обозрение, 4: 122-139.

Лоренц К., 2001. Агрессия. СПб.: Амфора.

Aureli F., de Waal F.B.M, 2000. Why natural conflict resolution? // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Berkeley: University of California Press, 3-10.

Butovskaya M., 2001a. Aggression, friendship and reconciliation in primary schoolchildren // Prevention and Control of Aggression and the Impact of its Victims (M. Martinez eds.). Kluwer Academic/Plenum Publishers, 147-154.

Butovskaya M., 2001b. Reconciliation after conflicts: ethological analysis of post-conflict interactions in Kalmyk children // Cross-Cultural Approaches to Research on Aggression and Reconciliation (J.M. Ramirez, D.S. Richardsonm, eds.). Huntington: Nova Science Publishers, Inc., 167-189.

Butovskaya M., Verbeek P., Ljungberg Th., Lunardini A., 2000. A multicultural view of peacemaking among young children // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Berkeley: University of California Press, 243-258.

Björkqvist K., Osterman K., Oommen T.K., Lagerspetz K., 2001. Physical, verbal and indirect aggression among Hindu, Muslim and Sikh adolescents in India // Prevention and Control of Aggression and the Impact of its Victims (M. Martinez, ed.). Kluwer Academic/Plenum Publishers, 367-376.

Fry D.P., 2001. Is violence getting too much attention? Cross-cultural findings on the ways people deal with conflict // Cross-Cultural Approaches to Research on

Aggression and Reconciliation (J.M. Ramirez, D.S. Richardson, eds.). Huntington: Nova Science Publishers, Inc., 123-149.

Fujisawa K.K., Kutsukake N., Hasegawa T., 2005. reconciliation pattern after aggression among Japanese preschool children // Aggr. Behav., 31: 138-152.

Levy R.I., 1978. Tahitian gentleness and redundant controls // Learning Non-Aggression: The Experience of Non-Literate Societies (A. Montagu, ed.). Oxford: Oxford University Press, 222-235.

Ljungberg T., Horowitz L., Jansson L., Westlund K., Clarke Ch., 2005. Communicative factors, conflict progression, and use of reconciliatory strategies in pre-school boys – a series of random events or a sequential process? // Aggr. Behav., 31: 303-323.

Montagu A., 1978. Learning non-aggression: The experience of non-literate societies. Oxford: Oxford University Press.

Verbeek P., Hartur W.W., Collins W.A., 2000. Conflict resolution in children and adolescents // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Berkeley: University of California Press, 34-53.

de Waal F.B.M., 1996. Good natured: The origins of right and wrong in humans and other animals. Cambridge: Harvard University Press.

Wrangham R., Peterson D., 1996. Demonic males: Apes and the origins of human violence. Boston: Houghton Mifflin.

Zillmann D., 1979. Hostility and aggression. Hillsdale: Eribaum.

Глава 2

АГРЕССИЯ, ПРИМИРЕНИЕ, ПОПУЛЯРНОСТЬ И ОТНОШЕНИЕ К ШКОЛЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

Бутовская М.Л., Тименчик В.М., Буркова В.Н.

Введение

Агрессия у человека определяется комплексом факторов: генетической составляющей, гормональным воздействием на плод в процессе внутриутробного развития, особенностями онтогенетического развития, социальным окружением, экологическими факторами и пр. (Берковиц, 2002; Бэрон, Ричардсон, 2000; Бутовская, 1998; Бутовская, Файнберг, 1993). Существенное значение при изучении агрессии приобретают филогенетические и кросс-культурные составляющие (Бутовская, 2004; Бутовская, Файнберг, 1993; Aureli, de Waal, 2000; de Waal, 2000).

Исключительный интерес для исследователей представляет проблема половых различий в частоте и формах практикуемого агрессивного поведения (Björkqvist, Niemela, 1992). В начале 1960-х многие специалисты склонны были рассматривать агрессию как сугубо мужской феномен, при этом считалось, что женщинам так редко свойственно агрессивное поведение, что изучать женскую агрессию попросту не имеет смысла (Buss, 1961). Со временем, однако, стали накапливаться факты, никак не укладывающиеся в эту парадигму. Изменению отношений к вопросу о связи агрессии с полом способствовала также корректировка самого понятия агрессии, сделанная этологами, психологами и антропологами.

В рамках новой парадигмы были описаны три типа агрессии: физическая (более характерная для мужчин во всех человеческих культурах), прямая вербальная и непрямая агрессия (Björkqvist, 1994; Butovskaya, 2001; Butovskaya, Kozitnsev, 1999a,b; Osterman et al., 1998; Sutton, Smith, 1999). Накопленные к настоящему моменту данные действительно свидетельствуют о том, что, несмотря на имеющиеся кросс-культурные различия, мужчины во всех культурах гораздо чаще, по сравнению с женщинами, прибегают к физической агрессии. Этот факт, тем не менее, не может служить убедительным доводом для того, чтобы игнорировать сам факт возможной агрессивности женщин в некоторых культурах (Fry, 1998).

Что же касается вербальной и непрямой агрессии, то ее практикуют и мужчины, и женщины во всем мире (Burbank, 1994).

Некоторые исследования последних лет отмечают рост уровня женской агрессии (главным образом физической) в современном индустриальном обществе, который может объясняться изменением практики социализации и общественных представлений о допустимости подобных действий (Butovskaya, Demianovitsch, 2002; LaFreniere et al., 2002). Полученные данные особенно существенны, если принимать во внимание тот факт, что в ситуации конфликта со сверстниками или со взрослыми дети, вне зависимости от пола, чаще всего имитируют тип поведения матери, нежели отца (Björkqvist, 1997).

Значительное внимание в последнее время уделяется непрямой агрессии. Эта форма агрессии представляет собой поведение, при котором человек пытается причинить вред другим, делая вид, что у него нет такого намерения. Подобная стратегия позволяет обидчику оставаться анонимным и избежать возможных ответных действий со стороны противника (Björkqvist et al., 1992a). Изучать непрямую агрессию очень сложно: здесь практически невозможно применять методы прямого этологического наблюдения. Чаще всего в этом случае пользуются различными анкетами и опросниками. В литературе вместо термина «непрямая агрессия» часто можно встретить термины «социальная агрессия» или «относительная агрессия» (Galen, Underwood, 1997; Crick, 1996). Однако следует помнить, что социальная и относительная агрессия могут сопровождаться различными проявлениями прямой агрессии, такими, как негативное выражение лица, в случае социальной агрессии, или исключение сверстника из компании, в случае относительной агрессии (Crick, 1996; Underwood et al., 2001). Данные, собранные в различных странах (Финляндия, Израиль, Италия, Польша) по единой методике, указывают на более высокий уровень непрямой агрессии у девочек по сравнению с мальчиками (Björkqvist et al., 1992b, 2001; Osterman et al., 1998). Л. Овенс (Owens, 1996; Owens et al., 2000) приходит к такому же заключению, опираясь на данные, собранные в Австралии. Более высокий уровень непрямой агрессии среди женщин был обнаружен также культурными антропологами у сапотеков Мексики и Аргентины (Fry, 1992, 1998). Исследования, проведенные в Северной Америке, подтверждают выводы о том, что относительная агрессия более типична для девушек, чем для юношей (Crick, Grotpeter, 1995; Crick, 1996).

Однако не выявлено гендерных различий в уровне непрямой агрессии среди детей, подростков и среди взрослых (Richardson, Green, 1999; Rays, Bear, 1997; Walker et al., 2000). В одном исследовании даже был обнаружен более высокий уровень непрямой агрессии мальчиков-подростков по сравнению с девочками (Linderman et al., 1997)

Традиционно представлялось, что модели поведения, принятые в той или иной культуре, оказывают огромное влияние на стиль мужского и женского агрессивного поведения. В настоящее время можно считать очевидным, что в большин-

стве культур женщины реже, чем мужчины, прибегают к физической агрессии и вовлекаются в открытый конфликт (Crook, 1992; LaFreniere et al., 2002; Fry, 1998). В то же время вопрос о влиянии пола на использование непрямой агрессии по-прежнему остается открытым и по этой причине накопление данных по другим, еще не исследованным ранее, культурам представляет значительный интерес.

Новые взгляды на агрессивность у детей и подростков стимулировали развитие нового направления исследований, связанных со школьным насилием и издевательством. Современные дети и подростки большую часть дня проводят в школе, где их часто окружает далеко не дружественная атмосфера. Как утверждают Н. Уитни и П.К. Смит (Whitney, Smith, 1993), в Англии 27% школьников обоих полов подвергаются насилию. Хотя уровень насилия варьирует от одной английской школы к другой, однако не менее 19% всех подростков становятся жертвами издевательств со стороны одноклассников. Насилие являет собой акт агрессивного поведения, направленный на пассивную или активную жертву. Наблюдения показывают, что этот акт часто получает одобрение со стороны других учеников и, следовательно, такого рода издевательства часто приобретают коллективную форму (Pikas, 1975; Lagerspetz et al., 1982). Чтобы лучше понять насилие на групповом уровне, необходимо выделять несколько главных ролей в этом процессе: «задира», «подстрекатель», «помощник», «защитник», «наблюдатель», «жертва» (Sutton, Smith, 1999).

Вопрос, популярны ли агрессивные дети среди своих сверстников и любят ли они ходить в школу, достаточно спорный. Некоторые авторы полагают, что мальчики-драчуны пользуются популярностью среди одноклассников в младшем возрасте, а в более старшем возрасте начинают вызывать неприязнь (Olweus, 1991). В настоящее время для большинства исследователей, работающих с детьми и подростками, очевидно, что насилие и агрессия присущи не только мужчинам, но и женщинам (Björkqvist et al., 2001; Butovskaya, 2001; Butovskaya, Kozintsev, 1999a; Osterman et al., 1998; Sutton, Smith, 1999). В течение всей школьной жизни большинство детей вынуждены прибегать к различным формам прямой и непрямой агрессии, а также приобретают различные социальные навыки для разрешения и избегания конфликтов (Бутовская, 2004; Butovskaya et al., 2000).

Принято считать, что девочки всех возрастов в социальной сфере компетентнее мальчиков, но означает ли это, что они и более миролюбивы, ведь социальные навыки можно использовать далеко не в дружелюбных целях?

В работе К. Бьерквиста с соавторами (Björkqvist et al., 1992b) было показано, что старшие школьники чаще, чем младшие, используют непрямую агрессию и что их социальный интеллект коррелирует с непрямой агрессией в возрасте от 12 лет. Период от 11 до 15 лет характеризуется как период быстрого психологического и умственного развития. Именно в это время подростки учатся общаться со сверстниками и приобретают основные социальные навыки, необходимые для успешного социального взаимодействия в будущей жизни. Речь идет не только о

способности регулировать конфликты, в которые индивид оказывается вовлеченным непосредственно, но и активно реагировать на конфликты, происходящие в ближайшем окружении (феномен вмешательства третьего лица в конфликт и его посредничество в восстановлении социальных контактов между бывшими противниками). Многие авторы отмечают значимые гендерные различия по показателям вмешательства третьего лица в разрешение конфликтов (Cowie, 2000; Hay et al., 1992; Osterman et al., 1997): в среднем мальчики менее склонны вмешиваться в конфликт с целью его урегулирования и прекращения, чем девочки.

В России, как и в большинстве европейских стран, традиционно каждому полу приписывается своя роль: женщин считают более общительными и социально активными, тогда как мужчин воспринимают как более доминантных и самоуверенных (Butovskaya, Kozintsev, 1999a,b; Butovskaya, Demianovitsch, 2002; Ember, 1981; Whiting, Edwards, 1988).

Каким образом распределяют роли мальчиков и девочек в конфликтных ситуациях в группах подростков и насколько они способны адекватно оценивать свое агрессивное и интегративно-примирительное поведение, будет показано в рамках данной главы.

Мы рассматриваем следующие гипотезы:

1. Аналогично тому, что наблюдается в большинстве европейских культур, у русских подростков можно проследить выраженные гендерные различия в выборе форм агрессивного поведения: юноши чаще используют физическую агрессию, девушки – непрямую агрессию; 2. Девушки, будучи более социально ориентированными, оказываются более склонными к конструктивному разрешению конфликта и к вмешательству в конфликт в качестве третьего лица по сравнению с юношами; 3. Популярные подростки не отличаются высоким уровнем физической агрессии; 4. С годами уровень физической агрессии снижается и у юношей, и у девушек, тогда как склонность к урегулированию конфликтов мирным путем возрастает; 5. Популярные подростки чаще прибегают к мирным способам разрешения конфликтов.

Методы

В ходе исследования нами было опрошено 212 подростков (101 юноша, 111 девушек) в возрасте от 11 до 15 лет. Опрос проводился в школах г. Москвы, выбранных случайным образом, с 2001 по 2003 год. Всего в исследовании принимали участие ученики из 7 классов трех разных общеобразовательных школ. Участие школьников в проекте было добровольным. Следует заметить, что из-за активного протеста со стороны учителей и родителей в некоторых школах нам не удалось собрать данные. Причина негативной реакции состояла в том, что тесты,

в которых требовалось оценивать одноклассников по целому ряду характеристик социального поведения (физическая агрессия, вербальная и непрямая агрессия, вмешательство в конфликты других с целью примирения бывших оппонентов и т.д.), по их мнению, провоцируют у детей негативные чувства к сверстникам и стимулируют к стукачеству и ябедничеству. По-видимому, в нашем обществе следует учитывать подобные мотивы при работе в школе с опросниками, предназначенными для оценки поведения сверстников.

Процедура

Все участники заполняли русскую версию опросника «Peer Estimated Conflict Behavior Inventory» (PECOBE), разработанную К. Бьерквистом и К. Остерман (Björkqvist, Osterman, 1998). Все учащиеся оценивали одноклассников по набору поведенческих характеристик и наряду с этим давали характеристику собственному поведению. Опросник предлагали заполнять подросткам во время уроков. С помощью этого опросника измерялась: агрессия (физическая, вербальная и непрямая), конструктивное разрешение конфликта, вмешательство третьего индивида, избегание и преследование жертвы. К примеру, детей спрашивали, кто наиболее физически агрессивен, т.е. кто дерется, пинается, ставит подножки, пихает других, берет чужие вещи, толкается, щипается. Мы также спрашивали, кто вербально агрессивен (кто кричит, оскорбляет других, обзывается), и кто использует непрямую агрессию (сплетничает, рассказывает плохие или ложные истории о других, наговаривает за спиной, пытается очернить кого-то в глазах других, или старается исключить других из группы).

Уровень конструктивного разрешения конфликта оценивали, спрашивая, кто пытается решить проблемы с другими, улаживая ситуацию и путем мирного решения проблемы; уровень вмешательства третьего лица оценивали, спрашивая, кто пытается остановить драки между другими или пытается разрешить конфликты других. Подростков также спрашивали, кто избегает конфликтов. Наконец, респондентам задавали вопрос о том, кто является жертвами чужой агрессии (кого бьют, дразнят, на кого кричат, о ком сплетничают).

Каждый подросток заполнял анкету по самооценке и заполнял данные на своих одноклассников по всем показателям. Участники оценивали поведение по 5-балльной шкале, где: 0 – означал, что данное поведение никогда не встречается, а 4 – что поведение часто практикуется данным индивидом.

В рамках нашего исследования были собраны данные оценок сверстников по отношению к представителям своего пола, поскольку в школах конфликты между однополыми учащимися более часты, чем между детьми разного пола (Björkqvist, Niemela, 1992; Lagerspetz, Björkqvist, 1994; Butovskaya, 2001). Кроме того, все респонденты ранжировали себя по тем же критериям по 5-балльной шкале. На пред-

варительном этапе для каждого класса были подготовлены два отдельных списка (для мальчиков и девочек, соответственно). Порядок имен был идентичен во всех индивидуальных опросниках.

В процессе обработки данных для каждого юноши и девушки вычисляли атрибутивный индекс, позволяющий оценить различия между самооценкой и оценкой, данной сверстниками по каждому из показателей (Osterman et al., 1994).

Мы также просили респондентов ранжировать собственную популярность и популярность одноклассников того же пола на отдельном листе: «Пожалуйста, оцените популярность каждого из одноклассников того же пола и свою собственную популярность по 5-балльной шкале, где: 0 – означает, что данный индивид совсем непопулярен среди сверстников, а 4 – что он/она очень популярны». На базе полученных данных была сконструирована социометрическая матрица для юношей и девушек в каждом классе. Помимо этого, всех респондентов просили оценить их отношение к школе по 5-балльной шкале, где: 1 – означает, что данному индивиду очень нравится ходить в школу, а 5 – что он/она ненавидят ходить в школу.

Были также собраны данные по весу и росту каждого из респондентов, чтобы узнать, до какой степени эти индивидуальные параметры влияют на популярность и поведение подростков, особенно на уровень агрессии, примирения и виктимизации.

Анкетирование проводилось в одном классе единовременно и авторы присутствовали во время заполнения анкет. Вся процедура занимала не более 45 минут (один урок).

Следуя рекомендациям К. Бьерквиста и К. Остерман (Björkqvist, Osterman, 1998), мы каждый раз отмечали в списке тех, кто отсутствовал в классе на момент заполнения анкеты. Данные о поведении таких подростков не использовались при анализе результатов. Сумма оценок по подросткам одного пола делилась на количество учеников данного пола минус один (подросток).

Данные анализировали с помощью программы SPSS 10.0 для Windows. Для анализа использовали методы дисперсионного анализа (ANOVA и MANOVA), анализ средних и анализ главных компонент.

Результаты

Мы провели анализ главных компонент с учетом показателей поведения по оценке сверстников. Первые три главные компоненты отразили соответственно изменчивость по: агрессии – 35%, примирению – 24,5%, преследованию (виктимизации) – 18,4%. Общая доля изменчивости, объясняющая нагрузки на эти компоненты, составила 77,9%. Внутренняя согласованность (альфа Кронбаха) по ГК1 составила 0,81; ГК2 – 0,82 и была много ниже по ГК3 – 0,42.

Гендерные различия по показателям агрессии, примирению и преследованию

Результаты одномерного дисперсионного анализа (ANOVA) показали значимые гендерные различия для ряда показателей (табл. 2.1). Юноши демонстрировали достоверно более высокие баллы по самооценке и по оценке сверстников по физической агрессии и вербальной агрессии. Девушки имели более высокие баллы по самооценке и по оценке сверстников по непрямой агрессии, конструктивному разрешению конфликта, вмешательству третьего лица и избеганию (см. табл. 2.1). Не было выявлено гендерных различий по виктимизации, как по самооценке, так и по оценке сверстниками.

Для юношей уровень вербальной агрессии по оценке сверстников был выше, чем физической ($z = -4{,}10$, $p<0{,}001$) (см. табл. 2.1). По самооценке, однако, значимых различий между этими двумя параметрами выявлено не было ($z = -0{,}89$, NS).

Таблица 2.1. Гендерные различия по показателям агрессии и примирения, засчитанные на основе средних баллов по оценкам сверстников и самооценке (n=212)

Переменные	Юноши		Девушки		F	df	p
	среднее	S.E.	среднее	S.E.			
Физическая агрессия	2,32	0,07	1,72	0,06	41,03***	1,210	0,001
Физическая агрессия (самооценка)	2,02	0,13	1,51	0,08	11,59***	1,210	0,001
Вербальная агрессия	2,52	0,07	2,11	0,07	16,02***	1,210	0,001
Вербальная агрессия (самооценка)	1,88	0,12	1,91	0,10	0,04	1,210	не дост.
Непрямая агрессия	1,85	0,06	2,09	0,07	6,87**	1,210	0,009
Непрямая агрессия (самооценка)	1,25	0,07	1,52	0,07	7,47**	1,210	0,007
Конструктивное разрешение конфликта	2,17	0,06	2,49	0,06	14,28***	1,210	0,001
Конструктивное разрешение конфликта (самооценка)	2,62	0,16	3,22	0,13	8,25**	1,210	0,004
Вмешательство третьего лица	1,87	0,05	2,05	0,05	6,43**	1,210	0,01
Вмешательство третьего лица (самооценка)	2,20	0,15	2,63	0,13	4,81*	1,210	0,03
Избегание	2,29	0,06	2,48	0,06	5,30*	1,210	0,02
Избегание (самооценка)	1,99	0,13	2,38	0,12	4,66*	1,210	0,03
Виктимизация	2,06	0,07	2,03	0,07	0,06	1,210	не дост.
Виктимизация (самооценка)	1,70	0,11	2,02	0,12	3,50	1,210	не дост.
Популярность	2,51	0,08	2,54	0,07	0,06	1,210	не дост.
Популярность (самооценка)	2,75	0,15	3,01	0,13	1,65	1,210	не дост.

* – p< 0,05; ** – p<0,01; *** – p<0,001; не дост. – не достоверно.

Уровень физической агрессии был выше, чем уровень непрямой агрессии по двум типам оценок (оценка сверстников: z = -5,86, p<0,001; самооценка: z = -5,42, p<0,001). Степень вербальной агрессии была также выше, чем непрямой (оценка сверстников: z = -8,16, p<0,001; самооценка: z = -5,75, p<0,001).

У девушек наблюдалась несколько иная картина. Во-первых, ни в одном случае уровень физической агрессии не превышал или был равен уровню вербальной и непрямой агрессии. Уровень вербальной агрессии оказался гораздо выше, чем физической (оценка сверстников: z = -7,87, p<0,001; самооценка: z = -5,23, p<0,001). Во-вторых, девушки, по оценке сверстниц, были более склонны прибегать к непрямой агрессии, чем к физической (z = -5,52, p<0,001), но по самооценке значимых различий по этим двум параметрам не было выявлено (z = -0,21, NS). Оценка одноклассников показывала примерно одинаковый уровень вербальной и непрямой агрессии (z = -0,71, NS), при этом, по собственной оценке, девушки чаще применяли вербальную агрессию, чем непрямую.

У юношей по всем трем типам агрессии не было обнаружено никакой значимой связи между самооценкой и оценкой одноклассников, тогда как у девушек была выявлена положительная корреляция по физической и вербальной агрессии (0,25, p<0,01 и 0,32, p<0,001, соответственно). По непрямой агрессии такой корреляции у девушек не было выявлено. Положительная связь между оценкой одноклассников и сомооценкой у юношей была также выявлена по параметрам конструктивного разрешения конфликта и вмешательства третьего лица в конфликт (0,21, p<0,04 и 0,31, p<0,01). У девушек такой связи не было обнаружено. Самооценка и оценка одноклассников положительно коррелировала по показателям виктимизации и избегания конфликта у обоих полов (юноши – 0,22, p<0,05 и 0,34, p<0,001; девушки – 0,20, p<0,05 и 0,45, p<0,001).

Атрибутивный индекс разногласия (ADI)

Для девушек и юношей атрибутивный индекс оказался негативным для всех трех типов агрессии, для избегания и преследования (табл. 2.2; рис. 2.1). Положительные значения ADI для показателей «конструктивное разрешение конфликта», «вмешательство третьего лица» и «популярность» для обоих полов (см. рис. 2.1), означает, что и юноши, и девушки имели тенденцию преуменьшать собственную активность по физической, вербальной и непрямой агрессии и преувеличивать свою активность по примирению (см. табл. 2.1).

Мы провели дисперсионный анализ ANOVA по всем переменным (см. табл. 2.2). Гендерных различий по ADI не было найдено ни по физической, ни по непрямой агрессии. Оценки вербальной агрессии и виктимизации были отрицательными у мальчиков (см. табл. 2.2). Не было найдено значимых гендерных различий по оценкам ADI для других параметров, хотя по «конструктивному разрешению конфликта» и «вмешательству третьего лица» они были более положительными у девушек, чем у юношей.

Таблица 2.2. Гендерные различия по значениям атрибутивного индекса разногласия (ADI) по агрессии, виктимизации, конструктивному разрешению конфликтов и популярности (n=212)

Переменные	Юноши		Девушки		F	df	p
	ADI (среднее)	SE	ADI (среднее)	SE			
ФА – ФАс	-0,30	0,14	-0,21	0,08	0,31	1,210	не дост.
ВА – ВАс	-0,64	0,13	-0,20	0,08	7,10**	1,210	0,008
НА – Нас	-0,60	0,09	-0,57	0,07	0,06	1,210	не дост.
КРК – КРКс	0,46	0,16	0,72	0,11	1,58	1,210	не дост.
ВТЛ – ВТЛс	0,33	0,14	0,58	0,10	1,67	1,210	не дост.
Из – Изс	-0,30	0,13	-0,10	0,09	1,12	1,210	не дост.
Викт – Виктс	-0,36	0,11	-0,02	0,08	4.64*	1,210	0,03
Поп – Попс	0,23	0,16	0,47	0,10	1,49	1,210	не дост.

ФА – физическая агрессия, оценка сверстников; ВА – вербальная агрессия, оценка сверстников; НА – непрямая агрессия, оценка сверстников; КРК – конструктивное разрешение конфликта, оценка сверстников; ВТЛ – вмешательство третьего лица, оценка сверстников; Из – избегание, оценка сверстников; Викт – виктимизация, оценка сверстников; Поп – популярность, оценка сверстников. ФАс – физическая агрессия, самооценка; идентичное сокращение самооценки использовано и для других переменных; * – p< 0,05; ** – p<0,01.

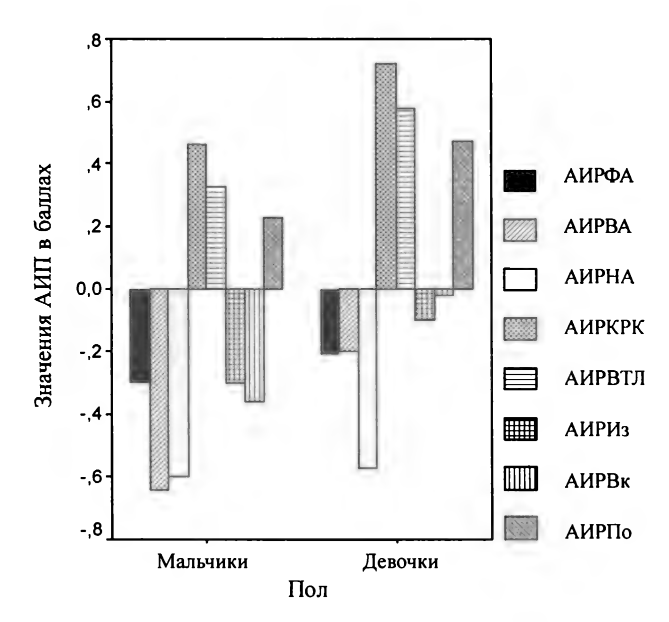

Рис. 2.1. Значение атрибутивного индекса разногласия в баллах

АИР – атрибутивный индекс разногласия между самооценкой и оценкой одноклассников; АИРФА – атрибутивный индекс разногласия по физической агрессии; АИРВА – атрибутивный индекс по вербальной агрессии; АИРНА – атрибутивный индекс разногласия по непрямой агрессии; АИРКРК – атрибутивный индекс разногласия по конструктивному разрешению конфликтов; АИРВТЛ – атрибутивный индекс разногласия по вмешательству в качестве третьего лица; АИРИз – атрибутивный индекс разногласия по избеганию; АИРВк – атрибутивный индекс разногласия по виктимизации; АИРПо – атрибутивный индекс разногласия по популярности среди сверстников

Агрессия и индивидуальные способности в разрешении конфликта

Для того, чтобы оценить взаимодействие между тремя типами агрессии и индивидуальными способностями к урегулированию конфликтов и контролю агрессии со стороны третьего лица и связи этих показателей с избеганием и преследованием, исключив при этом влияние возраста и антропометрических характеристик, мы вычислили частичную корреляцию (табл. 2.3, 2.4). В этом случае были использованы только оценки сверстников. Независимые переменные, выбранные нами для частичной корреляции, включали: возраст, рост и вес. Они предположительно могли влиять на поведенческие переменные. К примеру, нельзя было исключить, что высокие и крупные юноши могли вести себя более агрессивно вследствие своей большей физической силы. Напротив, подростки с избыточным весом могли чаще становиться мишенями для запугиваний и насмешек (Бутовская и др., 1998; Opie, 1994). Возраст также мог влиять на корреляцию между

Таблица 2.3. Частичная корелляция между агрессией, конструктивным разрешением конфликтов, избеганием и виктимизацией у юношей с контролем по возрасту, росту и весу (n=101)

	ФА	ВА	НА	КРК	ВТЛ	Из	Викт
ФА	-	0,77***	0,47***	-0,24**	не дост.	0,50***	не дост.
ВА		-	0,66***	-0,31**	-0,24*	-0,41***	не дост.
НА			-	-0,35***	-0,40***	-0,21**	не дост.
КРК				-	0,68***	0,21*	-0,27***
ВТЛ					-	не дост.	-0,35***
Из						-	0,30***
Викт							-

ФА – физическая агрессия, оценка сверстников; ВА – вербальная агрессия, оценка сверстников; НА – непрямая агрессия, оценка сверстников; КРК – конструктивное разрешение конфликта, оценка сверстников; ВТЛ – вмешательство третьего лица, оценка сверстников; Из – избегание, оценка сверстников; Викт – виктимизация, оценка сверстников; * – p<0,05; ** – p<0,01; *** – p<0,001; не дост. – не достоверно.

Таблица 2.4. Частичная корелляция между агрессией, конструктивным разрешением конфликтов, избеганием и виктимизацией у девушек с контролем по возрасту, росту и весу (n=111)

	ФА	ВА	НА	КРК	ВТЛ	Из	Викт
ФА	-	0,87***	0,51***	не дост.	не дост.	не дост.	0,47***
ВА		-	0,64***	не дост.	не дост.	0,48***	0,48***
НА			-	-0,20*	не дост.	0,43***	0,43***
КРК				-	0,70***	не дост.	не дост.
ВТЛ					-	не дост.	не дост.
Из						-	0,20*
Викт							-

ФА – физическая агрессия, оценка сверстников; ВА – вербальная агрессия, оценка сверстников; НА – непрямая агрессия, оценка сверстников; КРК – конструктивное разрешение конфликта, оценка сверстников; ВТЛ – вмешательство третьего лица, оценка сверстников; Из – избегание, оценка сверстников; Викт – виктимизация, оценка сверстников; * – p<0,05; ** – p<0,01; *** – p<0,001; не дост. – не достоверно.

поведенческими показателями, поэтому его также использовали в качестве независимой переменной.

Анализ коэффициентов частичной корреляции (см. табл. 2.3, 2.4) показал, что даже с контролем по весу, росту и возрасту три типа агрессии положительно коррелировали в обеих гендерных группах. У юношей физическая агрессия положительно коррелировала с избеганием. Отрицательная корреляция была найдена между двумя другими типами агрессии (вербальной и непрямой), с одной стороны, и конструктивным разрешением конфликта, вмешательством третьего лица и избеганием, с другой стороны. Конструктивное разрешение конфликтов у юношей положительно коррелировало с вмешательством третьего лица и избеганием, и отрицательно – с преследованием. Корреляция между избеганием и преследованием была положительной.

У девочек все три типа агрессии положительно коррелировали с преследованием (см. табл. 2.4). Непрямая агрессия была отрицательно связана с конструктивным разрешением конфликта, а вербальная и непрямая агрессия положительно коррелировали с избеганием. Кроме того, у юношей положительная корреляция была выявлена между конструктивным разрешением конфликта и вмешательством третьего лица (см. табл. 2.3, 2.4).

Популярность, агрессия и разрешение конфликта

Мы проверили, существует ли взаимосвязь между популярностью конкретного школьника среди сверстников и оценкой его агрессивного и примирительного поведения одноклассниками. Не выявлено значимой корелляции между тремя типами агрессии и популярностью у юношей, равно как и между физической и непрямой агрессией у девушек. Вербальная агрессия, однако, положительно коррелировала с популярностью у девушек (0,25, p<0,01). В обеих гендерных группах популярность положительно коррелировала с личными способностями конструктивно разрешать конфликт и участием в качестве третьего в разрешении конфликта (юноши: 0,46, p<0,001, и 0,48, p<0,001; девушки: 0,44, p<0,001 и 0,54, p<0,001 соответственно). У обоих полов популярность отрицательно коррелировала с избеганием и преследованием (юноши – -0,22, p<0,03 и -0,33, p<0,001 соответственно; девушки – -0,42, p<0,001 и -0,24, p<0,02 соответственно).

Отношение к школе, агрессия и способность к разрешению конфликта

Мы посчитали коэффициенты корреляции между индивидуальным отношением к школе (нравится или нет посещать ее) и остальными параметрами, обсуждаемыми выше (агрессия, навыки разрешения конфликта и популярность) у юношей и девушек (табл. 2.5). В обеих гендерных группах позитивное отношении к школе коррелировало с самооценкой по параметрам «конструктивное разрешение конфликта». То есть те, кто оценивал свои навыки в разрешении конфликта выше, больше любили посещать школу. Не было найдено корреляций между от-

Таблица 2.5. Корелляция между различными типами агрессии (по оценке сверстников и самооценке), конструктивным разрешением конфликтов, виктимизацией, популярностью и отношением к школе для юношей и девушек

Переменные	Отношение к школе			
	юноши		девушки	
	r	p	r	p
ФА	-0,17	не дост.	0,13	не дост.
ФАс	-0,11	не дост.	0,20*	0,03
ВА	-0,10	не дост.	0,20*	0,03
ВАс	-0,07	не дост.	0,22*	0,02
НА	0,03	не дост.	0,01	не дост.
НАс	0,05	не дост.	0,26**	0,006
КРК	-0,25**	0,01	-,29**	0,002
КРКс	-0,16	не дост.	-0,21*	0,03
ВТЛ	-0,16	не дост.	-0,27**	0,004
ВТЛс	-0,16	не дост.	-0,11	не дост.
Из	0,11	не дост.	0,09	не дост.
Изс	0,01	не дост.	0,07	не дост.
Викт	0,10	не дост.	0,11	не дост.
Виктс	0,18	не дост.	0,03	не дост.
Поп	-0,29**	0,003	-0,14	не дост.
Попс	-0,17	не дост.	0,05	не дост.

Максимально положительное отношение к школе оценивалось баллом 1, а максимально отрицательное – баллом 5. Для других переменных самая негативная оценка была равна 0, а максимально положительная – 4; * – $p<0,05$; r – коэффициент корелляции Пирсона; ** – $p<0,01$; не дост. – не достоверно.

ношением к школе и всеми тремя типами агрессии у юношей как по оценке сверстниками, так и по самооценке. Популярные юноши больше любили ходить в школу, чем их непопулярные одноклассники. У девушек отношение к школе отрицательно коррелировало с личной самооценкой по физической, вербальной и непрямой агрессии и положительно коррелировало с навыками конструктивного разрешения конфликта. Девушки, которые обладали большими навыками разрешения конфликта и чаще вмешивались в конфликты других в качестве третьей стороны, чаще других заявляли о позитивном отношении к школе. Не было обнаружено связи между отношением к школе и популярностью у девушек.

Возрастные различия по агрессии, способностям к разрешению конфликта и вмешательству третьих лиц

Для оценки влияния возраста и пола подростков на исследуемые показатели поведения применили множественный дисперсионный анализ (MANOVA). Влияние пола оказалось значимым ($F[7,195]=13,40$, $p<0,001$), так же как и влияние возраста ($F[28,704]=2,02$, $p<0,001$). Эффект взаимодействия между возрастом и полом также оказался значимым ($F[28,704]=1,87$, $p<0,004$). По результатам одно-

факторного дисперсионного анализа (ANOVA), пол подростка оказывал значимое влияние на физическую ($F[1,210]=45,72$, $p<0,001$), вербальную ($F[1,210]=16,78$, $p<0,001$) и непрямую агрессию ($F[1,210]=7,29$, $p<0,01$), а также на конструктивное разрешение конфликта ($F[1,211]=13,14$, $p<0,001$), вмешательство третьих лиц ($F[1,211]=5,99$, $p<0,05$) и избегание ($F[1,211]=4,91$, $p<0,03$) (рис. 2.2а–е). По параметру «преследование» влияние пола не обнаружено (рис. 2.2ж).

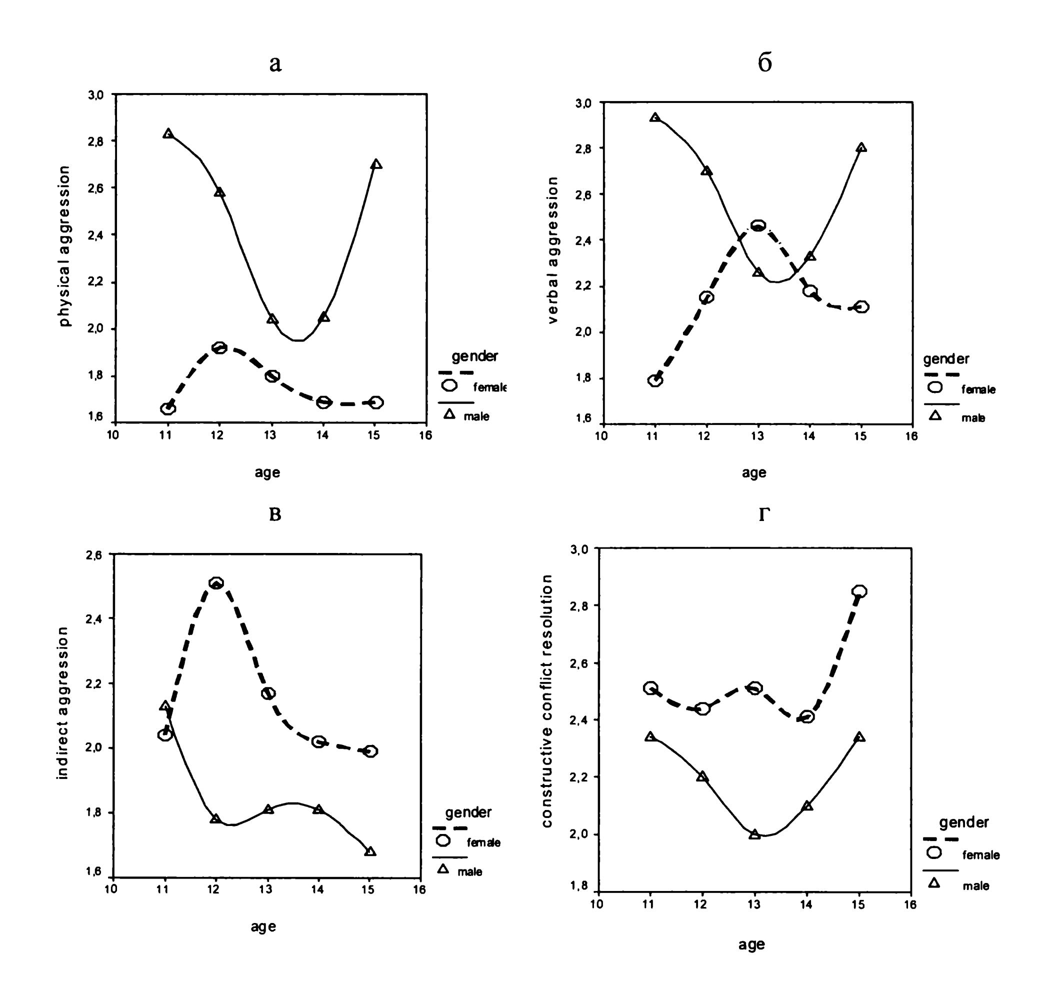

Рис 2.2. Возрастная динамика частоты агрессивного и постконфликтного поведения у юношей и девушек (по усредненным оценкам сверстников)

а – физическая агрессия; б – вербальная агрессия; в – непрямая агрессия; г – конструктивное разрешение конфликта; д – вмешательство в качестве третьего лица; е – избегание; ж – виктимизация.

По оси абсцисс отмечен возраст подростков, по оси ординат – усредненный балл по каждой из анализируемых характеристик. Возрастная динамика для девушек показана кружками, а для юношей – треугольниками

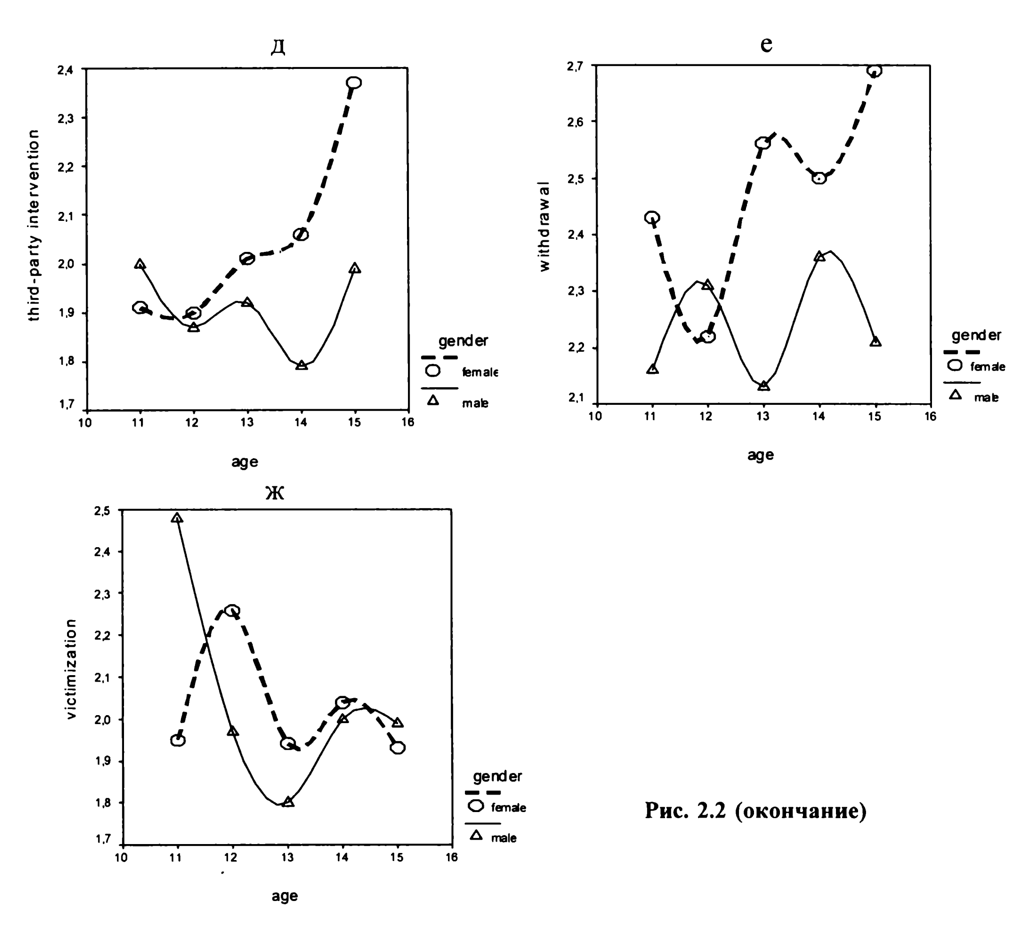

Рис. 2.2 (окончание)

Обсуждение

В целом наши данные подтверждают предположения о том, что в социальном поведении подростков прослеживаются определенные универсалии. Это в первую очередь касается гендерных различий по физической и непрямой агрессии, конструктивному разрешению конфликтов и вмешательству третьего лица. Русские юноши оказались более склонны к использованию физической агрессии, чем девушки; в свою очередь, девушки чаще прибегали к использованию непрямой агрессии. Таким образом, наши материалы также указывают на очевидную необходимость корректнее оперировать общими утверждениями о том, что «мужчины более агрессивны, чем женщины». Очевидно, правильнее было бы говорить, что во многих культурах (русской в том числе) мужчины чаще используют физическую агрессию, а женщины чаще прибегают к использованию непрямой агрессии. Безусловно, разные практики социализации мальчиков и девочек, имеющие место порой с первых месяцев после рождения, могут оказывать (и, скорее

всего, оказывают) влияние на способы проявления агрессии у мужчин и женщин, однако нельзя при этом недооценивать половые различия, обусловленные биологией (Бутовская, 2004; Бэрон, Ричардсон, 2000).

Ранее нами совместно с группой коллег из семи стран Европы, Азии и Северной Америки было показано, что дошкольники (мальчики и девочки) в возрасте от 3 до 5 лет используют разные модели поведения и эти различия между полами не могут быть объяснены только моделями социализации (Butovskaya, Demianovitsch, 2002; LaFreniere et al., 2002).

Этологические исследования поведения детей также выявили гендерные различия в агрессивном поведении и примирении (Blurton-Jones, Koner, 1973; Butovskaya, Kozintsev 1999a,b; Butovskaya et al., 2000; Munroe et al., 2000; Omark et al., 1975). Эти различия заметны уже в возрасте двух лет: мальчики уже в этом возрасте ведут себя агрессивнее и напористее, чем девочеки (Maccoby, 1990; Butovskaya et al., 2000). Кроме того, в любом возрасте мальчики чаще прибегают к физической агрессии.

Возвращаясь к результатам нашего исследования, следует сказать, что мы не выявили какой-либо значимой связи между агрессивным поведением и популярностью ни у одного из полов. Популярные юноши и девушки оценивались сверстниками как более компетентные в плане способностей к конструктивному разрешению конфликта и вмешательству в конфликт в качестве третьего лица. Хорошее отношение к школе коррелировало у обоих полов с высокими оценками по мирному урегулированию конфликта. Кроме того, у девушек была обнаружена отрицательная зависимость между хорошим отношением к школе и всеми тремя типами агрессии. Эти данные могут иметь некоторую практическую значимость, так как дают определенные представления о том, какие поведенческие характеристики способствуют тому, чтобы подростку нравилось посещать школу.

Наше исследование следует рассматривать в ряду исследований (Osterman et al., 1994), изучающих самооценку и оценку подростка одноклассниками по агрессии, примирению и избеганию конфликтов. Ранее были получены данные по финской, польской, израильской, итальянской, австралийской и американской культурам (Björkqvist et al., 1992a; Crick, 1996; Lagerspetz, Björkqvist, 1994; Osterman et al., 1997; Owens et al., 2000; Underwood et al., 2001).

Нами обнаружены значимые гендерные различия по двум типам прямой агрессии: физической и вербальной, причем по обоим параметрам более высокие оценки получали мальчики. Мальчики в русской культуре способны реально оценивать свою склонность к мирному разрешению конфликта, а также к вмешательству в конфликт в качестве третьего лица, тогда как девочкам такая объективность менее свойственна. Однако у обоих полов личные представления о том, насколько часто они избегают назревающего конфликта и подвергаются преследованиям со стороны других одноклассников (самооценка), совпадают в целом с представлениями окружающих (оценка сверстников). Полученные данные необ-

ходимо рассмотреть подробно с точки зрения тех правил поведения, которые действуют в России сегодня, чтобы понять, что лежит в основе этих моделей.

Обычно в исследованиях, проводимых среди подростков, используют оценку человека другими людьми, так как самооценка зачастую зависит от индивидуального стремления респондента соответствовать культурным нормам своего социального окружения. Впрочем, и оценка другими людьми социальных качеств испытуемых также во многом отталкивается от существующих культурных норм (Osterman et al., 1994).

Не секрет, что культуры существенно различаются по своему отношению к разнообразным типам агрессии (Osterman et al., 1994), по тому, какой уровень агрессии «разрешено проявлять» мужчинам и женщинам (Butovskaya, Demianovitsch, 2002). К. Остерман с соавторами (Osterman et al., 1994) предложили специальный атрибутивный индекс, который позволяет выявить, насколько распространены или, наоборот, ограничены те или иные типы агрессии в данной культуре. Анализ результатов по ADI в нашем исследовании говорит о том, что в России социальные нормы регулирования физической и непрямой агрессии примерно одинаковы для обоих полов, и оба эти типа агрессии одинаково не одобряются обществом. Что касается вербальной агрессии, то тут нормы для юношей и девушек значительно различаются: проявления вербальной агрессии у юношей чаще осуждаются, а у девушек считаются допустимыми. Полученные нами выводы отчасти перекликаются с данными по другим культурам (Osterman et al., 1994). Особый интерес представляет сравнение наших данных с данными по Польше, так как за последнее время в обеих странах произошли серьезные политические и социоэкономические перемены. По показателям ADI для всех трех типов агрессии русские девушки скорее похожи на финских, чем на польских сверстниц. В России и юноши, и девушки высоко оценивают свои способности конструктивно разрешать конфликты, а также участвовать в конфликте в качестве третьего лица, однако ADI-уровень по этим показателям выше у юношей. Эти различия, возможно, объясняются тем фактом, что миротворческие тенденции в русской культуре более выражены (Butovskaya et al., 2000; Butovskaya, 2001). По нашим данным, самооценка по избеганию и виктимизации у обоих полов ниже, чем оценка одноклассников, однако ADI по виктимизации значительно более негативны у юношей. Наши данные показывают также, что подростки в России действительно оценивают свое поведение в соответствии с общественными предпочтениями. Таким образом, в кросс-культурных исследованиях метод атрибутивных индексов позволяет получить объективную и достоверную информацию (Osterman et al., 1994).

Наши данные свидетельствуют о том, что юноши наиболее часто из всех типов агрессии используют вербальную, что перекликается с данными К. Остерман с соавторами для юношей 15-летнего возраста (Osterman et al., 1998). Однако, в отличие от вышеупомянутого исследования, по нашим данным, девушки в рав-

ной мере часто прибегают как к вербальной, так и к непрямой агрессии. Все три типа агрессии коррелируют между собой и у юношей, и у девушек. Это означает, что юноша, часто использующий физическую агрессию, чаще других прибегает также к вербальному и непрямому типам агрессии.

Взаимосвязь между агрессивностью, способами разрешения конфликта, избеганием и преследованием различается в зависимости от пола. Агрессивные юноши имеют меньше навыков мирного разрешения конфликта и реже вмешиваются в конфликты между другими школьниками. У девушек из всех типов агрессии только непрямая коррелирует с навыками мирного разрешения конфликта.

Схожие результаты были получены нами в нашем этологическом исследовании по русским и калмыцким детям (Butovskaya, 2001; Butovskaya, Kozintsev, 1999a,b). Агрессивные мальчики обычно не избегали конфликтов, они становились жертвами нападения со стороны одноклассников так же часто, как их неагрессивные сверстники. Это неудивительно, так как агрессия у детей чаще носит симметричный характер (Vermande et al., 2000). Среди мальчиков широкое распространение имеет переадресованная агрессия: недавняя жертва нападения, проиграв конфликт, атакует более слабых детей (Butovskaya, Kozintsev, 1999a).

Следует, однако, сказать, что те подростки, которые регулярно становятся жертвами преследования, часто оказываются менее способными разрешать свой или чужой конфликт своими силами. Физически агрессивные девушки же чаще всего оказываются вовлеченными в драку и могут становиться жертвами физической агрессии, тогда как те, кто демонстрируют высокий уровень вербальной и непрямой агрессии, преимущественно избегают открытых физических конфликтов.

Наши данные по непрямой агрессии совпадают с финскими (Lagerspetz, Björkqvist, 1994): в обоих случаях у юношей более низкий уровень как по самооценке, так и по оценке одноклассниками. Хотя мы не можем сказать, что модели агрессивного поведения были полностью идентичны во всех культурах (Tapper, Boulton, 2000), для большинства европейских культур сходство гендерных моделей было очевидным.

Необходимо упомянуть некоторые проблемы, связанные с получением объективных данных по непрямой агрессии, что объясняется тем, что проявления такого типа агрессии часто оказываются малозаметными. Хотя девочки, в отличие от мальчиков, более чувствительны к тому, что говорят о них другие, и склонны реагировать на сплетни более экспрессивным (эмоциональным) способом, чем мальчики, в большинстве исследований отчетливых гендерых различий по непрямой агрессии не обнаружено (Richardson, Green, 1999; Rays, Bear, 1997; Walker et al., 2000).

Большинство авторов, изучающих агрессивное поведение, сходятся в том, что девочки обладают большими социальными навыками, чем мальчики того же возраста (Osterman et al., 1997; LaFreniere et al., 2002). Наши данные по конструктивному разрешению конфликта и вмешательству третьего лица подтверждают эту

идею. У девушек более высокие оценки по показателям конструктивного разрешения конфликта и вмешательства третьего лица, к тому же их самооценка более объективна, тогда как мальчики склонны преувеличивать свое соответствие общественным ожиданиям. Лучшая социальная компетентность может быть использована девочками для эскалации агрессии. И действительно, во многих культурах девочки чаще используют непрямую агрессию, чем мальчики (Björkqvist et al., 1992a). Возможно, что более высокий уровень социальной компетенции у девочек ведет к лучшему развитию у них невербальных коммуникативных навыков (Hyde, 1990). Так же женщины всегда лучше расшифровывают и используют невербальные сигналы (Hall, 1990; Hall, Briton, 1993).

Значимые гендерные различия были обнаружены по избеганию: у девочек оценка по этому параметру выше. Уровень избегания может отражать как специфику пола, так и быть отличительной культурной чертой. Как показано в исследовании К. Остерман с коллегами (Osterman et al., 1997), финскоговорящие дети значительно чаще избегают конфликтов по сравнению со шведскоговорящими детьми и подростками, живущими в Финляндии, а также с польскими, итальянскими и израильскими детьми. Во всех этих культурах тенденция к избеганию выше у девочек. По виктимизации у российских подростков не было обнаружено значимых гендерных различий. И у юношей, и у девушек самооценка соответствует оценке одноклассников по этому показателю, что может объясняться четкостью интерпретации такого поведения.

К. Бьерквист с коллегами (Björkqvist et al., 1992a) отмечают пик агрессивного поведения в возрасте 11 лет. Наши данные отчасти подтверждают эти выводы применительно к московским школьникам, однако значимые возрастные различия были обнаружены нами только по параметру физическая агрессия.

Агрессивность и популярность среди подростков

Популярны ли агрессивные подростки среди сверстников, вопрос спорный. Некоторые авторы утверждают, что мужская агрессивность популярна в младшем подростковом возрасте, а в позднем вызывает страх и неприязнь (Olweus, 1991). Естественно, агрессивность и издевательства (физический и/или психологический террор в отношении школьника со стороны группы одноклассников) встречаются не только среди юношей. Девушки тоже могут быть агрессивными (однако их агрессия преимущественно принимает непрямые формы). Исследования разных авторов говорят о том, что и у них фактор агрессивности оказывает определенное влияние на популярность (Björkqvist et al., 2001; Butovskaya, 2001; Butovskaya, Kozintsev, 1999a,b; Osterman et al., 1998; Sutton, Smith, 1999). В настоящем исследовании мы не обнаружили корреляции между агрессией и популярностью у юношей, однако у девушек негативная связь между самооценкой по всем трем формам агрессии и самооценкой по популярности прослеживалась отчетливо. Аналогичным образом, одноклассники также оценивали девочек с более

низким уровнем вербальной и непрямой агрессии как более популярных. Обращает на себя внимание тот факт, что и мальчики, и девочки высоко оценивали личные способности к разрешению конфликта и вмешательству в качестве третьего лица. Те подростки, которые были способны проявлять подобные качества, были более популярны среди сверстников одного с ними пола. Популярные школьники обоих полов редко становились жертвами агрессии со стороны сверстников и редко избегали конфликтов. Возможно, это объясняется их большей социальной компетентностью, способностью регулировать ситуацию и восстанавливать хорошие отношения с помощью примирения.

Кто любит ходить в школу

Позитивное отношение к школе у обоих полов было связано с высокой самооценкой навыков конструктивного разрешения конфликта. Другими словами, те подростки, которые были способны контролировать конфликтную ситуацию, более позитивно относились к посещению школы. В том, что касается корреляции между привязанностью к школе и агрессивностью, были обнаружены гендерные различия. Для юношей она отсутствовала. Популярные юноши больше любили посещать школу, чем их непопулярные сверстники. Социально компетентные девочки (то есть те, которые лучше умели разрешать не только свои, но и чужие конфликты) также сообщали о том, что им нравится ходить в школу. Однако, по нашим данным, девушки более критично оценивали свою склонность к агрессии, и, возможно, именно этим объясняется тот факт, что популярные девочки ставили себе более низкие оценки по физической, вербальной и непрямой агрессии. По сравнению с юношами у девушек популярность не была взаимосвязана с отношением к школе. Данное отличие, возможно, объясняется тем, что девушки в целом менее открытые, чем юноши, и предпочитают формировать небольшие по размерам закрытые группировки, в которых в основном и проводят все свободное от уроков время, тогда как юноши стремятся формировать большие и менее замкнуты группировки, состав которых более подвижен.

Заключение

В целом наши данные подтверждают идею о том, что в социальном поведении подростков можно вычленить определенные универсалии. Это в первую очередь касается гендерных различий по физической и непрямой агрессии, конструктивному разрешению конфликтов и вмешательству третьего лица. Русские мальчики и юноши, по данным этологических наблюдений и опросов (самооценка и оценка сверстников), оказываются более склонными к использованию физической агрессии, чем девочки и девушки; а девушки, в свою очередь, чаще прибегают к использованию непрямой агрессии (Бутовская и др., 1998; Butovskaya,

2001; Butovskaya, Demianovitsch, 2002; Butovskaya, Kozintsev 1999a,b). Общее утверждение о том, что «мужчины более агрессивные, чем женщины», нуждается в уточнении, правильно было бы говорить, что во многих культурах мужчины чаще используют физическую агрессию, тогда как женщины чаще прибегают к использованию непрямой агрессии. Безусловно, разные практики культурной социализации оказывают влияние на формы проявления агрессии у мужчин и женщин, однако нельзя при этом недооценивать половые различия, обусловленные биологией. Ранее в сравнительном исследовании по восьми культурам (в выборку вошли не только европейские, но также латиноамериканские и восточноазиатские культуры) было продемонстрировано, что дошкольники, мальчики и девочки, по-разному задействуют разные формы агрессии, и эти различия не могут быть объяснены только гендерными различиями моделей социализации (LaFreniere et al., 2002). Этологические исследования поведения детей также выявили гендерные различия в агрессивном поведении (Blurton-Jones, Konner, 1973; Butovskaya et al., 2000; Munroe et al., 2000; Omark et al., 1975). Эти различия заметны уже в возрасте двух-трех лет: поведение мальчиков в этом возрасте более агрессивное и доминантное, чем у девочек (Maccoby, 1990; Butovskaya et al., 2000). Показательно, что в любом возрасте мальчики чаще прибегают к физической агрессии.

В ходе нашего исследования не обнаружено значимой связи между агрессивным поведением и популярностью у юношей, а у девушек агрессия была негативно связана с популярностью. Популярные юноши и девушки характеризовались более высокой компетентностью по конструктивному разрешению конфликта и вмешательству в конфликт в качестве третьего лица. Хорошее отношение к школе коррелировало у обоих полов с высокими оценками по способности к мирному урегулированию конфликта. Кроме того, для девушек была обнаружена отрицательная зависимость между хорошим отношением к школе и всеми тремя типами агрессии. Наряду с теоретической значимостью эти данные могут также иметь и практический интерес: в частности, они позволяют выстроить определенные схемы, по которым можно привить подростку любовь к школе.

Литература

Беркович Л., 2002. Агрессия. Причины, последствия и контроль. М.: ОЛМА-ПРЕСС.

Бутовская М.Л., 1998. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека // Общественные науки и современность, 6: 149-160.

Бутовская М.Л., 2004. Эволюция механизмов примирения у приматов и человека // Этология человека и смежные дисциплины (М.Л. Бутовская, ред.). М.: Одна восьмая, 36-67.

Бутовская М.Л., Файнберг Л.А., 1993. У истоков человеческого общества. М.: Наука.

Бутовская М.Л., Артемова О.Ю., Арсенина О.И., 1998. Формирование гендерных стереотипов у детей Центральной России // Этнографическое обозрение, 1: 104-120.

Бэрон Р., Ричардсон Д., 2000. Агрессия. СПб.: Питер.

Archer J., Parker S., 1994. Social representations of aggression in children // Aggr. Behav., 20: 101-114.

Aureli F., de Waal F.B.M., 2000. Why natural conflict resolution? // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Berkeley: University of California Press, 3-10.

Björkqvist K., 1994. Sex differences in physical, verbal, and indirect aggression // A review of recent research. Sex Roles. 30: 177-188.

Björkqvist K., 1997. Learning aggression from models: From social learning toward a cognitive theory of modeling // Aggression: Biological, Developmental, and Social Perspectives. (S. Feshbach, J. Zagradska, eds.).N. Y.: Plenum Press, 69-81.

Björkqvist K., Niemela P., 1992. New trends in the study of female aggression // Of Mice and Women: Aspects of Female Aggression (K. Björkqvist, P. Niemela, eds.). San-Diego, CA: Academic Press, 3-16.

Björkqvist K., Osterman K., 1998. Scales for research on interpersonal aggression. Finland: Abo Academi University.

Björkqvist K., Lagerspetz K.M.L., Kaukianen A., 1992a. Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression // Aggr. Behav., 18: 117-127.

Björkqvist K., Lagerspetz K.M.J., Osterman K., 1992b. The direct and indirect aggression scales. Finland: Abo Academi University,

Björkqvist K., Osterman K., Lagerspetz K.M.L., Landau S.F., Caprara G.V., Franczek A., 2001. Aggression, victimization and sociometric status: findings from Finland, Israel, Italy and Poland // Cross-Cultural Approaches to Aggression and Reconciliation (J.M. Ramirez, D.R. Richardson, eds.). Huntington, N. Y.: Nova Science, 111-119.

Blurton-Jones N.B., Konner M., 1973. Sex differences in behavior of London and Bushman children // Comparative Ecology and Behavior of Primates (R.P. Michael, J.H. Crook, eds.). London: Academic Press, 690-749.

Burbank V.K., 1994. Fighting women: Anger and aggression in Aboriginal Australia. Berkeley: University of California Press.

Buss A.H., 1961. The psychology of aggression. N. Y.: Whiley.

Butovskaya M.L., 2001. Reconciliation after conflicts: ethological analysis of post-conflict interactions in Kalmyk children // Cross-Cultural Approaches to Aggression and Reconciliation (J.M. Ramirez, D.R. Richardson, eds.). Huntington, N. Y.: Nova Science, 167-190.

Butovskaya M.L., Demianovitsch A., 2002. Social competence and behavior evaluation (SCBE-30) and socialization values (SVQ): Russian children ages 3 to 6 years // Early Education and Development, 13: 169-186.

Butovskaya M.L., Kozintsev A.G., 1999a. Aggression, friendship, and reconciliation in Russian primary school children // Aggr. Behav., 25: 125-140.

Butovskaya M.L., Kozintsev A.G., 1999b. Sexual dimorphism and the evolution of gender stereotypes in man: A sociobiological perspective // The Darwinian Heritage and Sociobiology (V.M. van der Dennen, D. Smillie, D.R. Wilson, eds.). 261-272.

Butovskaya M.L., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A., 2000. Multicultural view of peacemaking among young children // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Princeton: Princeton Univ. Press, 423-450.

Cowie H., 2000. Bystanding or standing by: Gender issues in coping with bullying in English schools // Aggr. Behav., 26: 85-97.

Crick N.P., 1996. The role of overt aggression, relational aggression, and prosocial behavior in the prediction of children's future social adjustment // Child. Dev., 67: 2317-2327.

Crick N.R., Grotpeter J.K., 1995. Relational aggression, gender, and social-psychological adjustment // Child. Dev., 66: 710-722.

Crook H.B.K., 1992. Matrifocality and female aggression in Margariteno society // Of Mice and Women: Aspects of Female Aggression (K. Bjorkqvist, P. Niemela, eds.). San Diego: Academic Press, 149-162.

Ember C.R., 1981. A cross-cultural perspective on sex differences // Handbook of Cross-Cultural Human Development (R.H. Munroe, R.L. Munroe, B.B. Whiting, eds.). N. Y.: Garland, 531-580.

Fry D.P., 1992. Female aggression among the Zapotec of Oaxaca, Mexico // Of Mice and Women: Aspects of Female Aggression (K. Bjorkqvist, P. Niemela, eds.). San Diego, CA: Academic Press, 187-199.

Fry D.P., 1998. Anthropological perspectives on aggression: sex differences and cultural variation // Aggr. Behav., 24: 81-95.

Galen B.R., Underwood M.K., 1997. A developmental investigation of social aggression among children // Dev. Psychol., 33: 589-600.

Hall J.A., 1990. Nonverbal sex differences: Accuracy of communication and expressive style. Baltimore, MD: John Hopkins University Press.

Hall J.A., Briton N.J., 1993. Gender, nonverbal behavior, and expectations // Interpersonal Expectations: Theory, Research, and Applications. Studies in Emotional and Social Interaction (P.D. Blanck, ed.). N. Y.: Cambridge University Press, 276-295.

Hay D.G., Zahn-Waxler C., Cummings E.M., Iannotti R.J., 1992. Young children's views about conflict with peers: a comparison of the daughters and sons of depressed and well women // J. Child. Psychol. Psychiatry, 33: 669-683.

Hyde J.S., 1990. Meta-analysis and the psychology of gender differences // Signs, 16: 55-73.

LaFreniere P., Masataka N., Butovskaya M., Chen Q., Dessen M., Atwanger K., Schreiner S., Montirosso R., Frigerio A., 2002. Cross-cultural analysis of social competence and behavior problems in preschoolers // Early Education and Development, 13: 201-220.

Lagerspetz K.M.J., Björkqvist K., 1994. Indirect aggression in boys and girls // Aggressive Behavior: Current Perspectives (L.R. Huesmann, ed.). N. Y.: Plenum, 131-150.

Lagerspetz K.M.J., Bjorkqvist K., Berts M., King E., 1982. Group aggression among schoolchildren in three schools // Scand. J. Psychol., 23: 45-52.

Linderman M., Harakka T., Keltikangas-Jarvinen L., 1997. Age and gender differences in adolescents' reactions to conflict situations: Aggression, prosociality and withdrawal // J. Youth Adolesc, 26: 339-352.

Maccoby E.E., 1990. Gender and relationships: A developmental account // American Psychologist, 45: 513-520.

Munroe R.L., Hulefeld R., Rodgers J.M., Tomeo D.L., Yamazaki S.K., 2000. Aggression among children in four cultures // Cross-Cultural Research, 34: 3-25.

Olweus D., 1991. Bully/victim problems among schoolchildren: basic facts and effects of a school based intervention program // The Development and Treatment of Childhood Aggression (D. Pepler, K.H. Rubin, eds.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 411-448.

Omark D.R., Omark M., Edelman M., 1975. Formation of dominance hierarchies in young children // Psychological Anthropology (T. Williams, ed.). The Hague: Mouton, 289-315.

Opie I., 1994. The people in the playground. Oxford: Oxford University Press.

Osterman K., Björkqvist K,, Lagerspetz K,, Kaukiainen A., Huesmann R., Fraczek A., 1994. Peer and self-estimated aggression and victimization in 8-year-old children from five ethnic groups // Aggr. Behav., 20: 411-428.

Osterman K., Björkqvist K., Lagerspetz K., Landau S., Fraczek A., Caprara GV., 1997. Sex differences in styles of conflict resolution: A developmental and cross-cultural study with data from Finland, Israel, Italy and Poland // Cultural Variation in Conflict Resolution: Alternatives to Violence (D. Fry, K. Björkqvist, eds.). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 185-197.

Osterman K., Björkqvist K., Lagerspetz K., Kaukiainen A., Landau S., Fraczek A., Caprara GV., 1998. Cross-cultural evidence of female indirect aggression // Aggr. Behav., 24: 1-8.

Owens L.D., 1996. Sticks and stones and sugar and spice: Girl's and boy's aggression in schools // Austral. J. Guidance Counselling, 6: 45-55.

Owens L.D., Shute R., Slee P., 2000. «Guess what I just heard!»: Indirect aggression among teenage girls in Australia // Aggr. Behav., 26: 67-83.

Pikas A., 1975. Sa Stoppar vi Mobbning. Stockholm: Prisma.

Richardson D.R., Green L.R., 1999. Social sanction and threat explanations of gender effects on direct and indirect aggression // Aggr. Behav., 25: 425-434.

Rys G.S., Bear G.G., 1997. Relational aggression and peer relations: Gender and developmental issues // Merill. Palmer. Quarterly, 43: 87-106.

Sutton J., Smith P.K., 1999. Bullying as a group process: an adaptation of participant role approach // Aggr. Behav., 25: 97-112.

Tapper K., Boulton M., 2000. Social representations of physical, verbal, and indirect aggression in children: sex and age differences // Aggr. Behav., 26: 442-454.

Underwood M.K., Galen B.R., Paquette J.A., 2001. Top ten challenges for understanding gender and aggression in children: Why can't we all just get along? // Social Development, 10: 248-266.

Vermande M.M., van den Oord E.J., Goudena P.P., Rispens J., 2000. Structural characteristics of aggressor – victim relationships in Dutch school classes of 4- to 5- year-olds // Aggr. Behav., 26:11-31.

de Waal F.B.M., 2000. The first kiss: foundations of conflict resolution research in animals // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Princeton: Princeton University Press., 15-33.

Walker S., Richardson D.R., Green L.R., 2000. Aggression among older adults: The relationship of interaction networks and gender role to direct and indirect responses // Aggr. Behav., 26: 145-154.

Whiting B.B., Edwards C.P., 1988. Children of different worlds: The formation of social behavior. Cambridge: Harvard University Press.

Whitney I., Smith P.K., 1993. A survey of the nature and extent of bullying in junio/ middle and secondary schools // Educ. Research, 35: 3-25.

Глава 3

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У РУССКИХ И АРМЯНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Тименчик В.М.

Введение

Проблема агрессии и ее урегулирование в обществе постоянно занимают специалистов из самых различных областей (Бэрон, Ричардсон, 2000). Применение современных этологических подходов и методов позволяет количественно и качественно оценить и описать разные формы социальных взаимодействий, в том числе агрессивное и постконфликтное поведение (Бутовская, 1999).

Выделенная тематика имеет большое значение в жизни человека еще с детского возраста. Взаимоотношения членов одной группы, социальный успех индивида прямо зависят от его агрессивного и постконфликтного поведения (Бутовская, 1998, 1999). Но, как показывают результаты проведенных исследований, на уровень агрессивного и постконфликтного поведения, гендерные различия влияет и культура, в которой живет индивид. Гендерные различия агрессивного поведения установлены во множестве культур (Frodi et al., 1977; Maccoby, Jacklin, 1974) и от культуры к культуре они варьируют (Fry & Hines, 1993). Например, можно говорить о различиях между восточными и западными странами, порожденных культурными, религиозными и политическими традициями (LaFreniere et al., 2002).

Различия в проявлении агрессии у представителей обоих полов стали предметом дискуссий последних лет, проводились этологические исследования агрессивности у приматов и человека (Бутовская, 1998; Бутовская, Файнберг, 1993; Holmstrom, 1992; Fossey, 1983; Björkqvist, 1994). Результаты исследования животных почти не вызывают разногласий. У подавляющего числа видов – от мышей до человекообразных обезьян – самцы проявляют больше склонности к агрессии, чем самки (Берковиц, 2001; Moyer, 1976; Archer, 1988).

На первый взгляд кажется очевидным, что мужчины более агрессивны, чем женщины, но природа этих различий сложна и не столь однозначна. Один из первых исследователей агрессии А. Басс (Buss, 1961) считал, что агрессия – это

типично мужской феномен, а женскую агрессию даже не исследовал. Современные исследователи подходят к этой проблеме более осторожно (Björkqvist, 1994).

Многочисленные данные говорят о том, что гендерные различия проявляются по модели используемой агрессии (Бутовская 2004). Женщины, как правило, используют экспрессивную модель (агрессия, которая вызывается эмоциональным возбуждением, стрессом, причем речь идет о негативных эмоциях, потере самоконтроля и чувстве вины), а мужчины – инструментальную (агрессия, которая совершается для достижения какой-то цели, при этом такая агрессия рассматривается как положительный опыт, агрессор контролирует ситуацию и оправдывает свои действия тем, что жертва заслуживала подобного обращения) (Campbell, Muncer, 1987; Campbell et al., 1992; Archer, Parker, 1994; Берковиц, 2001). Дж. Арчер и С. Паркер (Archer, Parker, 1994) говорят о наличии этих различий уже в раннем возрасте (8–11 лет).

Так как мужчины физически сильнее женщин, они с большей вероятностью используют физические средства, которые более эффективны и менее опасны для них, чем для женщин (Björkqvist, Niemela, 1992; Eagly, Steffen, 1986; Frodi et al., 1977; Hyde, 1984; Maccoby, Jacklin, 1974). Женщины развивают другие средства, чтобы достичь своих целей: физические средства дополняются и заменяются вербальными и непрямыми, что помогает достичь высокой эффективности и оказаться вне досягаемости последующей мести жертвы (Björkqvist, 1994; Björkqvist et al., 1994). Однако непрямая агрессия также может вызвать эскалацию конфликта (Björkqvist et al., 2000).

Использование различных видов агрессии также связано с социальной компетентностью личности, которая, в свою очередь, обнаруживает связь с возрастом (Björkqvist et al., 2000). Финские ученые предложили следующую теорию развития агрессивного поведения (Björkqvist et al., 1992a,b): физическая, прямая вербальная и непрямая агрессия имеют три фазы развития, частично совпадающие, развивающиеся во время детства и юношества. Маленькие дети, у которых еще не развиты вербальные и социальные навыки, значительно больше прибегают к физической агрессии. Когда эти навыки развиваются, дети начинают выражать агрессию, не прибегая к физической силе. Когда социальная компетентность развита достаточно, индивид полностью способен к непрямым видам агрессивного поведения: он/она может причинять психологический или даже физический вред мишени с помощью социальных манипуляций, но не подвергая себя прямому риску возмездия (Björkqvist, 1994; Lagerspetz et al., 1988). Исследования подтверждают, что девочки показывают большую частоту использования непрямой агрессии, а мальчики – физической агрессии (Whiting, Edwards, 1973; Campbell et al., 1992; Björkqvist et al., 1992a; Björkqvist, 1994), что частично объясняется большей социальной компетентностью девочек (LaFreniere, Dumas, 1996; Dumas et al., 1997; LaFreniere et al., 2002). Также следует отметить, что на уменьшение агрессии влияет эмпатия (эмоциональная отзывчивость, сочувствие), увеличивающа-

яся с возрастом, за исключением пубертатного периода. Девочки в основном более эмпатичны, чем мальчики (Björkqvist et al., 2000).

Различия между полами связаны и с гендерными ролевыми характеристиками (Archer, Parker, 1994). Маскулинная роль предполагает установку на статус и преодоление трудностей. В детстве это проявляется в большей физической активности мальчиков, их занятости в более грубых и рискованных играх, высокой ценности атлетических умений (Archer, 1992; Lagerspetz et al., 1988). Среди взрослых мужчин часто ценится жестокость и самоутверждение как важные компоненты маскулинности (David, Brannon, 1976; Thompson, Pleck, 1986). Фемининная роль предполагает отказ от физической агрессии как центрального средства. В детстве ударение ставится на близкую дружбу и деление секретами, враждебность выражается скорее через непрямые вербальные средства (сплетни, игнорирование); взрослые женщины показывают большее беспокойство, тревогу и эмпатию по отношению к жертве (Eagly, Steffen, 1986; Frodi et al., 1977).

Результаты психогенетических исследований также предполагают более агрессивную «природу» мужчин, но результаты очень неоднозначны (Алфимова, Трубников, 2002). Одни ученые отмечают некоторую позитивную взаимосвязь между уровнем тестостерона и агрессивным поведением (Sanchez-Martin et al., 2001). Другие предполагают, что эта связь преимущественно наблюдается в контексте, где агрессия побуждается социальным доминированием (Tremblay et al., 1998). Третьи говорят, что связь эта четко не установлена и ненадежна (Björkqvist, 1994). Таким образом, можно говорить лишь о влиянии уровня гормонов на агрессивность, но нельзя утверждать их прямую зависимость. Мужчины с высоким уровнем тестостерона, вероятно, весьма склонны к агрессивности и антисоциальному типу поведения. Тем не менее большое влияние имеют такие факторы, как уровень образования, индивидуальные качества, окружающая среда (Берковиц, 2001). В человеческом сообществе социальные и когнитивные механизмы играют большую роль, чем физиологические факторы (Benton, 1992; Björkqvist, 1994).

Гендерные различия агрессивного поведения установлены во множестве культур (Frodi et al., 1977; Maccoby, Jacklin, 1974; Берковиц, 2001). В обзоре исследований детского поведения, сделанном Элеонор Маккоби и Кэрол Жаклин (Maccoby, Jacklin, 1974), говорилось, что предполагаемая разница в агрессивности полов постоянно отмечалась во всех научных работах начиная, по меньшей мере, с 30-х годов. За небольшим исключением, в полевых исследованиях и лабораторных экспериментах во всех случаях мальчики проявляли типично более сильную агрессивность, чем девочки. Более того, это различие существует во всех социальных слоях и наблюдается во многих культурах. Так, К. Жаклин с соавторами провели наблюдения за поведением детей из семи различных культур. Хотя мальчики из данных групп редко лезли в драку, в каждой из этих культур мальчики больше девочек были склонны оскорблять сверстников и чаще давали сдачи, ес-

ли их начинали бить. Другое исследование было выполнено М. Омарком и М. Идельманом. Они наблюдали за поведением детей на школьных площадках в США, Швейцарии и Эфиопии. Они определили агрессию как толчок или удар другого человека и отсутствие улыбки на лице. Исследователи обнаружили, что во всех трех обществах мальчики чаще проявляют этот тип поведения, чем девочки (Maccoby, Jacklin, 1974). Чтобы свести всю информацию воедино, Э. Маккоби и К. Жаклин провели тщательный статистический анализ результатов наблюдений за детской агрессией, основывавшихся на 31 выборке. Все дети были в возрасте младше 6 лет, социальный статус их родителей широко варьировал. Результаты снова продемонстрировали типично более ярко выраженную агрессивность мальчиков. Однако вопреки предположениям о том, что различия в мужской и женской агрессии ограничиваются физической атакой и что девочки чаще мальчиков словесно оскорбляют сверстников, Э. Маккоби и К. Жаклин обнаружили, что половые различия явно прослеживаются как в вербальной, так и в физической агрессии во всех проанализированных ими случаях (Maccoby, Jacklin, 1980).

Эллис Игли и Валери Стеффен полагали, что различия, наблюдаемые у детей, становятся меньше у взрослых (Eagly, Steffen, 1986). Они провели статистический анализ половых различий, найденных ими во время 63 полевых и лабораторных исследований. В результате они обнаружили, что хотя мужчины в среднем были несколько агрессивнее женщин, различие не проявлялось последовательно во всех исследованиях. Тенденция к большей агрессивности у мужчин была очевидна, когда им предоставлялась возможность причинить своим объектам физическую боль (например, когда они применяли электрошок). Здесь Э. Игли и В. Стеффен отмечали, что при исследовании реакции испытуемых на их собственное поведение женщины явно выражали более сильное чувство вины и тревоги. Они также проявляли больше эмпатической тревоги о вреде, который они могли нанести жертве.

Еще одно исследование было проведено Р.П. Ронером (Rohner, 1976). Он проанализировал 130 работ, посвященных изучению агрессивного поведения в 101 обществе, и нашел доказательства кросс-культурных гендерных различий в агрессии. Р.П. Ронер пришел к выводу, что культура больше влияет на уровень агрессии, чем пол (Osterman et al., 1994). В. Бурбанк (Burbank, 1987) проанализировала кросс-культурные исследования женской агрессии в 137 обществах, сфокусировавшись на физических и вербальных видах агрессии. Она отметила большой размах агрессивных стратегий, используемых женщинами, показав связь агрессии с культурой.

Хотя мужчины в большинстве обществ физически более агрессивны, чем женщины, это положение не универсально для всех культур. Например, Х.Б.К. Кук (Cook, 1992) находит, что на острове Маргарита (Венесуэла) в матрифокальном обществе женщины вербально и физически более агрессивны, чем мужчины. В эгалитарном нестратифицированном обществе Ванатинаи женщины демонстри-

руют уровень физической агрессии такой же, как у мужчин (Lepowsky, 1991). Результаты другого исследования, проведенного в Чихуахуа (Мексика), показывают, что женщины часто участвуют в уличных драках против мужчин, применяя физическое насилие (Cummings, 1991).

Что касается вербальной агрессии, данные о наличии гендерных различий неоднозначны. Б. Вайтинг и С.П. Эдвардс (Whiting, Edwards, 1973), сравнивая агрессивное поведение среди детей 11 лет из 6 культур, нашли, что мальчики чаще вступают в вербальные столкновения. Э. Маккоби и К. Жаклин (Maccoby, Jacklin, 1974) проанализировали 5 исследований, посвященных вербальной агрессии, в трех из которых мальчики показывали больший уровень этого вида агрессии. Дж.С. Хайд (Hyde, 1984) в трех из шести исследований нашел значимые гендерные различия. Такие вариации в результатах обусловлены множеством различных факторов, таких, как возраст, ситуация, мотивы, культура. Например, прямая и непрямая вербальная агрессии могут быть перепутаны (Osterman et al., 1994).

Гендерные различия непрямой агрессии также были обнаружены в ряде работ. Д. Фрай и Н. Хайнс (Fry, Hines, 1993) находят, что взрослые женщины в Аргентине используют непрямую агрессию чаще, чем мужчины. Непрямые виды превалируют среди женщин индейского племени сапотеки в Мексике (Fry, 1992). К. Бьерквист с соавторами (Björkqvist et al., 1994) показывают, что финские женщины также более склонны к скрытым стратегиям поведения. Данные исследований агрессии у человекообразных обезьян также показывают, что самки чаще используют непрямые агрессивные стратегии (Holmstrom, 1992). Но нельзя утверждать полную универсальность этих различий, нормы агрессивного поведения могут значительно варьировать от культуры к культуре (Fry, Hines, 1993; Osterman et al., 1994). Удивительный пример этого факта – исследование, проведенное в детских садах Японии и Израиля (Osterweil, Nagano-Nakamura, 1992). Описывая поведение своих детей, японские матери часто характеризовали их как агрессивных, причем такие объяснения имели положительную оценку. Оказалось, что в Японии агрессия воспринимается как естественное поведение, способствующее развитию социальных навыков. Японские матери приветствовали конфликты внутри семьи, тогда как израильские матери считали, что такое поведение подрывает семейные связи. Но агрессия вне семьи ими приветствовалась, а японскими женщинами не одобрялась. Другое исследование, проведенное среди поляков и финнов (Fraczek, 1985), также выявило различия в отношении определенных видов агрессии. Так, поляки одобряли иронию, которая может рассматриваться как скрытая стратегия агрессивного поведения (непрямая агрессия). Финские ученые, исследовавшие агрессию у 8-летних детей из Финляндии, Польши и США, также обнаружили высокий уровень принятия агрессивного поведения в пределах польской выборки. Такой факт, возможно, объясняется политической ситуацией в Польше (Osterman et al., 1994).

В задачи исследования входило:

• Выявление гендерных различий по типам агрессивного поведения в исследованных выборках;

• Оценка возрастной динамики агрессивного поведения в двух исследованных культурах;

• Анализ основных культурных различий в развитии агрессивного поведения в исследованных выборках.

Методы

Данные были собраны за период весна 2001 – весна 2003 г. Все респонденты являлись школьниками г. Москвы 5–6, 8–9, 10–11 классов (в возрасте 11–12, 14–15, 16–17 лет соответственно) и школьниками г. Еревана 3, 5–6, 8 и 10 классов (в возрасте 8, 11–12, 14 и 16 лет соответственно). Общие сведения о количестве русских и армянских респондентов представлены в таблице 3.1.

Таблица 3.1. Демографический состав русской и армянской выборок

Этничность	Возраст	Пол		Итого
		мужской	женский	
Русские	11–12 лет	142	153	295
	14–15 лет	143	158	301
	16–17 лет	86	141	227
Армяне	9 лет	117	124	241
	11–12 лет	147	101	248
	14 лет	177	113	290
	16 лет	134	147	281
Итого		946	937	1883

Процедура

Для изучения агрессивного и постконфликтного поведения нами были разработаны специальные анкеты. В первой анкете детям предлагалось описать свое агрессивное и постконфликтное поведение по отношению к своим одноклассникам, выбрав ответ, наиболее соответствующий их поведению (табл. 3.2).

Русские старшеклассники (10–11 классы) и армянские школьники заполняли несколько видоизмененную анкету, усовершенствованную в процессе исследования (табл. 3.3).

Анкеты предлагались школьникам для заполнения в течение 15–40 минут в зависимости от их возраста. Анкеты были анонимны и строго конфиденциальны. Заполнение анкет проходило на добровольной основе.

Таблица 3.2. Анкета по самооценке стратегий социального поведения школьников

Прочтите указанные ниже утверждения и отметьте один из пяти вариантов, который наиболее точно соответствует вашему поведению в отношениях с одноклассниками: 0 – никогда, 1 – редко, 2 – иногда, 3 – часто, 4 – практически всегда.

1	Распространяю сплетни об одноклассниках, которых не люблю	0	1	2	3	4
2	Я способен(на) первым(ой) ударить человека	0	1	2	3	4
3	Когда на меня кричат, я кричу в ответ	0	1	2	3	4
4	В ссоре (драке) я трезво контролирую свои действия	0	1	2	3	4
5	Если кто-то подговаривает своих друзей побить меня, я плачу этому человеку той же монетой	0	1	2	3	4
6	Затеваю драку с человеком, оскорбляющим меня или моих друзей	0	1	2	3	4
7	Могу нагрубить тому, кто наговаривает на меня за моей спиной	0	1	2	3	4
8	Подговариваю других побить моего врага, обещая за это оказать какую-то услугу	0	1	2	3	4
9	Говорю несимпатичному мне однокласснику, что мне не нравится его одежда или прическа	0	1	2	3	4
10	Если кто-то оскорбляет меня, я подговариваю других побить его	0	1	2	3	4
11	Затеваю драку с человеком, распространяющим обо мне сплетни	0	1	2	3	4
12	Подговариваю друзей побить того, кто мне не нравится	0	1	2	3	4
13	В ссоре (драке) я теряю самообладание	0	1	2	3	4
14	Если меня кто-нибудь ударит, я дам ему сдачи	0	1	2	3	4
15	Если я не согласен(на) с кем-либо, я кричу на него	0	1	2	3	4
16	Если мне кто-то не нравится, я прилагаю все усилия к тому, чтобы его не приняли в компанию	0	1	2	3	4
17	Затеваю драку с человеком, подговаривающим других побить меня	0	1	2	3	4
18	Если кто-то ударит меня, я очерню его в глазах других людей	0	1	2	3	4
19	Если я узнаю, что кто-то клевещет на меня, я плачу ему тем же	0	1	2	3	4
20	Я причиняю человеку физическую боль, оставаясь при этом незамеченным(ой) (подкладываю на стул кнопки и т.д.)	0	1	2	3	4
21	Если я узнаю, что кто-то распространяет обо мне слухи, я подговариваю других побить его	0	1	2	3	4
22	Бываю грубоват(а) по отношению к людям, которые мне не нравятся	0	1	2	3	4
23	Если кто-то поднимет на меня руку, я оскорблю его	0	1	2	3	4
24	Оскорблю человека, подговаривающего других побить меня	0	1	2	3	4
25	Я первым(ой) начинаю драку	0	1	2	3	4
26	Если кто-то подговаривает своих друзей побить меня, я рассказываю об этом человеке что-то, что может выставить его в невыгодном свете перед другими людьми	0	1	2	3	4
27	Распространяю о другом слухи у него за спиной	0	1	2	3	4
28	Если кто-то ударит меня, я подговорю других побить его	0	1	2	3	4
29	Бывает, что я сам(а) затеваю потасовку	0	1	2	3	4
30	Если кто-то оскорбляет меня, я всем рассказываю, что этот человек из себя представляет	0	1	2	3	4

(таблица 3.2, продолжение)

31	После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	0	1	2	3	4
32	Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой)	0	1	2	3	4
33	Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях)?	< 5 м.	< 1ч.	1-2ч.	1 д.	>1д.
34	Если в ссоре (драке) я оказался(ась) победителем, я чувствую, что раздражен(а)	0	1	2	3	4
35	Если меня обидели, я мирюсь первым(ой)	0	1	2	3	4
36	Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях)?	<5м.	<1ч.	1–2ч.	1 д.	>1д.
37	Если в ссоре (драке) я потерпел(а) фиаско, я чувствую, что радостно возбужден(а)	0	1	2	3	4
38	В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	0	1	2	3	4
39	Если в ссоре (драке) я оказался(ась) победителем, я чувствую, что удовлетворен(а)	0	1	2	3	4
40	Когда я мирюсь с кем-либо, я касаюсь его рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку	0	1	2	3	4
41	Если в ссоре (драке) я потерпел(а) фиаско, я чувствую, что удовлетворен(а)	0	1	2	3	4
42	Когда я мирюсь с кем-либо, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск	0	1	2	3	4
43	Если в ссоре (драке) я потерпел(а) фиаско, я чувствую, что раздражен(а)	0	1	2	3	4
44	Когда другие ссорятся, я пытаюсь разрядить обстановку и урегулировать проблему	0	1	2	3	4
45	В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав независимо от того, друг он мне или нет	0	1	2	3	4
46	Если в ссоре (драке) я оказался(ась) победителем, я чувствую себя спокойно	0	1	2	3	4
47	Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	0	1	2	3	4
48	Если в ссоре (драке) я потерпел(а) фиаско, я чувствую себя спокойно	0	1	2	3	4
49	Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю жертву (более слабого)	0	1	2	3	4
50	Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	0	1	2	3	4
51	Если в ссоре (драке) я оказался(ась) победителем, я чувствую, что радостно возбужден(а)	0	1	2	3	4
52	Когда другие дерутся, я разнимаю их	0	1	2	3	4
53	Когда я сам(а) не могу помириться с кем-либо, я обращаюсь за помощью к третьим лицам	0	1	2	3	4
54	Если в ссоре (драке) я оказался(ась) победителем, я чувствую, что огорчен(а)	0	1	2	3	4
55	Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	0	1	2	3	4

(таблица 3.2, окончание)

56	Когда я мирюсь с кем-либо, я обнимаю, целую, глажу его	0	1	2	3	4
57	Если в ссоре (драке) я потерпел(а) неудачу, я чувствую, что огорчен(а)	0	1	2	3	4
58	Когда другие ссорятся (дерутся), я предпочитаю держаться от них подальше	0	1	2	3	4

Ваше имя (если в классе есть еще хотя бы один ученик с таким же именем, укажите вашу фамилию)____________________________
Школа______________ Класс______________
Пол___________________
Рост__________________ Вес__________________
Национальность________________________

Таблица 3.3. Адаптированная версия анкеты по самооценке стратегий социального поведения школьников

Прочтите указанные ниже утверждения и отметьте один из пяти вариантов, который наиболее точно соответствует вашему поведению в отношениях с одноклассниками: 1 – никогда, 2 – редко, 3 – не очень часто, 4 – часто, 5 – всегда.

1	Распространяю сплетни об одноклассниках, которых не люблю	1	2	3	4	5
2	Когда на меня кричат, я кричу в ответ	1	2	3	4	5
3	В ссоре (драке) я трезво контролирую свои действия	1	2	3	4	5
4	Могу нагрубить тому, кто наговаривает на меня за моей спиной	1	2	3	4	5
5	Говорю несимпатичному мне однокласснику, что мне не нравится его одежда или прическа	1	2	3	4	5
6	Если кто-то оскорбляет меня, я подговариваю других побить его	1	2	3	4	5
7	Подговариваю друзей побить того, кто мне не нравится	1	2	3	4	5
8	В ссоре (драке) я теряю самообладание	1	2	3	4	5
9	Если меня кто-нибудь ударит, я дам ему сдачи	1	2	3	4	5
10	Если я не согласен(на) с кем-либо, я кричу на него	1	2	3	4	5
11	Если мне кто-то не нравится, я прилагаю все усилия к тому, чтобы его не приняли в компанию	1	2	3	4	5
12	Затеваю драку с человеком, подговаривающим других побить меня	1	2	3	4	5
13	Если кто-то ударит меня, я очерню его в глазах других людей	1	2	3	4	5
14	Если я узнаю, что кто-то клевещет на меня, я плачу ему тем же	1	2	3	4	5
15	Я причиняю человеку физическую боль, оставаясь при этом незамеченным(ой) (подкладываю на стул кнопки и т.д.)	1	2	3	4	5
16	Если я узнаю, что кто-то распространяет обо мне слухи, я подговариваю других побить его	1	2	3	4	5
17	Если кто-то поднимет на меня руку, я оскорблю его	1	2	3	4	5
18	Оскорблю человека, подговаривающего других побить меня	1	2	3	4	5
19	Я первым(ой) начинаю драку	1	2	3	4	5
20	Если кто-то подговаривает своих друзей побить меня, я рассказываю об этом человеке что-то, что может выставить его в невыгодном свете перед другими людьми	1	2	3	4	5
21	Если кто-то ударит меня, я подговорю других побить его	1	2	3	4	5

(таблица 3.3, продолжение)

22	Если кто-то оскорбляет меня, я всем рассказываю, что этот человек из себя представляет	1	2	3	4	5
23	После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	1	2	3	4	5
24	Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки) , я мирюсь первым(ой):					
	1. с друзьями	1	2	3	4	5
	2. с одноклассниками, которые мне безразличны	1	2	3	4	5
	3. с теми, кого я не люблю	1	2	3	4	5
25	Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):					
	1. с друзьями	< 5 м.	< 1ч.	1-2ч.	1 д.	>1д.
	2. с одноклассниками, которые мне безразличны	< 5 м.	< 1ч.	1-2ч.	1 д.	>1д.
	3. с теми, кого я не люблю	< 5 м.	< 1ч.	1-2ч.	1 д.	>1д.
26	Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):					
	1. с друзьями	1	2	3	4	5
	2. с одноклассниками, которые мне безразличны	1	2	3	4	5
	3. с теми, кого я не люблю	1	2	3	4	5
27	Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях)?					
	1. с друзьями	< 5 м.	< 1ч.	1-2ч.	1 д.	>1д.
	2. с одноклассниками, которые мне безразличны	< 5 м.	< 1ч.	1-2ч.	1 д.	>1д.
	3. с теми, кого я не люблю	< 5 м.	< 1ч.	1-2ч.	1 д.	>1д.
28	В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	1	2	3	4	5
29	Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку					
	1. с друзьями	1	2	3	4	5
	2. с одноклассниками, которые мне безразличны	1	2	3	4	5
	3. с теми, кого я не люблю	1	2	3	4	5
30	Когда я мирюсь , я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск					
	1. с друзьями	1	2	3	4	5
	2. с одноклассниками, которые мне безразличны	1	2	3	4	5
	3. с теми, кого я не люблю	1	2	3	4	5
31	В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	1	2	3	4	5
32	Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	1	2	3	4	5
33	Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю жертву (более слабого)	1	2	3	4	5
34	Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	1	2	3	4	5
35	Когда другие дерутся, я разнимаю их	1	2	3	4	5
36	Когда я сам(а) не могу помириться с кем-либо, я обращаюсь за помощью к третьим лицам	1	2	3	4	5
37	Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	1	2	3	4	5

(таблица 3.3, окончание)

38	Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его					
	1. с друзьями	1	2	3	4	5
	2. с одноклассниками, которые мне безразличны	1	2	3	4	5
	3. с теми, кого я не люблю	1	2	3	4	5
39	Когда другие дерутся, я предпочитаю держаться от них подальше	1	2	3	4	5

Ваше имя (если в классе есть еще хотя бы один ученик с таким же именем, укажите вашу фамилию)_________________________
Школа_____________ Класс______________
Пол_______________
Рост_______________ Вес_________________
Национальность______________________
Дата рождения________________________

Интересно отметить, что в русских школах при сборе материала мы столкнулись с некоторыми трудностями – некоторые из учителей считали, что раздавать для заполнения анкеты, в которых дети описывают агрессивное поведение, означает подталкивать их к такому поведению и т.п. В некоторых случаях учителя даже настраивали детей против заполнения анкет, после чего школьники отказывались или заполняли их не полностью, с намеренными ошибками. В случае Армении ситуация была прямо противоположная. И учителя, и дети считали, что такое исследование необходимо, в частности именно в их стране (что связано с политической ситуацией в стране), и, возможно, в последующем поможет для решения практических проблем. Анкеты заполняли охотно и с интересом.

Для обработки анкет были взяты классификация типов агрессии, предложенная А. Бассом (Buss, Durkee, 1957), и классификация механизмов примирения, предложенная М.Л. Бутовской с соавторами (Butovskaya et al., 2000).

Статистическая обработка данных проводилась при помощи SPSS 10.0 for Windows. Были получены следующие результаты (Бююль, Цёфель, 2002).

Результаты

Множественный дисперсионный анализ

С помощью множественного дисперсионного анализа (Multivariate Tests, MANOVA 4×2×2) мы определили вклад в различия по агрессивному поведению таких факторов, как пол, возраст и этничность (независимые межгрупповые факторы). Каждый из этих факторов оказывал достоверное влияние на агрессивное поведение школьников (табл. 3.4). Кроме того, оказалось, что значимый сопряженный парный эффект наблюдался по всем факторам, тогда как тройной эффект в комбинации пол × возраст × этничность оказался не значимым (см. табл. 3.4).

Таблица 3.4. Факторы, определяющие характер агрессивного поведения у подростков в русской и армянской выборках

Фактор	F	df	p
Пол	10,237	32	0,000
Возраст	8,528	192	0,000
Этничность	65,109	32	0,000
Пол × возраст	0,839	192	0,000
Пол × этничность	2,869	32	0,000
Возраст × этничность	0,695	96	не дос.

F – F-критерий; df – число степеней свободы; p – уровень значимости; не дос. – не достоверно (здесь и во всех таблицах главы)

При анализе влияния тех же трех независимых факторов (пол, возраст, этничность) на отдельные показатели агрессивного поведения было показано следующее. Эффект пола оказался не значим по параметрам вербальной агрессии: прямой (вопрос №5, 17) и непрямой (№1, 13, 14, 20, 22); по параметру самоконтроля (№3); вмешательство в другие конфликты (№ 32, 35) (расшифровку самих вопросов см. в табл. 3.1).

Факторы возраста и этничности оказывали значимое влияние на все без исключения параметры агрессивного поведения.

Взаимосвязь пол × возраст оказалась значима по параметрам: физическая прямая агрессия (№11), вербальная агрессия (прямая – №13, 20, 22 и непрямая – №17), поведение в ситуации агрессивного взаимодействия других людей (№28, 31, 33,35).

Взаимосвязь пол × этничность значима по следующим параметрам: физическая агрессия – прямая (№12) и непрямая (№6, 15, 16), агрессивное взаимодействие других людей (№28,31).

Взаимосвязь возраст × этничность имеет высокую значимость по всем параметрам без исключения.

Взаимосвязь пол × возраст × этничность значима всего лишь по одному параметру: физическая непрямая агрессия (№15).

Анализ главных компонент

Для выявления значимости исследуемых параметров агрессивного поведения у мальчиков и девочек нами был проведен анализ главных компонент.

Расчеты показали, что агрессивное поведение русских мальчиков описывается следующими четырьмя главными компонентами (эти компоненты объясняют 53,5% стратегий агрессивного поведения русских мальчиков) (табл. 3.5). Первая главная компонента была обозначена нами как фактор непрямой физической агрессии (нанесение другому человеку физического ущерба с помощью каких-либо предметов или посредством физической силы других людей). Вторая главная компонента – как фактор вербальной агрессии, прямой (словесное оскорбление или

Таблица 3.5. Агрессивное поведение русских мальчиков

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
2. Когда на меня кричат, я кричу в ответ	–	–	0,645	–
4. Могу нагрубить тому, кто наговаривает на меня за моей спиной	–	–	0,721	–
5. Говорю несимпатичному мне однокласснику, что мне не нравится его одежда или прическа	0,583	–	–	–
6. Если кто-то оскорбляет меня, я подговариваю других побить его	0,823	–	–	–
7. Подговариваю друзей побить того, кто мне не нравится	0,720	–	–	–
8. В ссоре (драке) я теряю самообладание	–	–	0,527	–
9. Если меня кто-нибудь ударит, я дам ему сдачи	–	–	0,587	–
10. Если я не согласен (на) с кем-либо, я кричу на него	–	–	0,527	–
11. Если мне кто-то не нравится, я прилагаю все усилия к тому, чтобы его не приняли в компанию	–	0,481	–	–
12. Затеваю драку с человеком, подговаривающим других побить меня	–	–	0,445	0,449
13. Если кто-то ударит меня, я очерню его в глазах других людей	–	0,567	–	–
14. Если я узнаю, что кто-то клевещет на меня, я плачу ему тем же	–	0,677	–	–
15. Я причиняю человеку физическую боль, оставаясь при этом незамеченным (ой) (подкладываю на стул кнопки и т.д.)	0,538	–	–	–
16. Если я узнаю, что кто-то распространяет обо мне слухи, я подговариваю других побить его	0,684	–	–	–
17. Если кто-то поднимет на меня руку, я оскорблю его	–	0,676	–	–
18. Оскорблю человека, подговаривающего других побить меня	–	0,613	–	–
19. Я первым (ой) начинаю драку	–	–	0,675	–
20. Если кто-то подговаривает своих друзей побить меня, я рассказываю об этом человеке что-то, что может выставить его в невыгодном свете перед другими людьми	–	0,593	–	0,501
21. Если кто-то ударит меня, я подговорю других побить его	0,616	–	–	–
22. Если кто-то оскорбляет меня, я всем рассказываю, что этот человек из себя представляет	–	–	–	0,461
Доля от общей изменчивости, %	17,9	15,4	13,7	6,3

* Всего 53,5% изменчивости

унижение другого человека) и непрямой (распространение клеветы или сплетен о другом человеке). Третья главная компонента характеризовала прямую агрессию (как вербальную, так и физическую) и эмоциональную реакцию в агрессивной ситуации (потеря самоконтроля в ситуации агрессивного взаимодействия). Четвертая главная компонента объясняла всего 6,3% изменчивости и характеризовала реакцию респондента на непрямую агрессию.

Агрессивное поведение русских девочек описывается следующими четырьмя компонентами, которые объясняют 57,1% стратегий их агрессивного поведения (табл. 3.6). Первая главная компонента – это фактор ответной прямой и непрямой

Таблица 3.6. Агрессивное поведение русских девочек

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
2. Когда на меня кричат, я кричу в ответ	0,492	–	–	–
3. В ссоре (драке) я трезво контролирую свои действия	–	–	–	0,810
4. Могу нагрубить тому, кто наговаривает на меня за моей спиной	0,588	–	0,493	–
6. Если кто-то оскорбляет меня, я подговариваю других побить его	–	0,633	0,479	–
7. Подговариваю друзей побить того, кто мне не нравится	–	0,648	0,533	–
8. В ссоре (драке) я теряю самообладание	–	–	0,479	0,495
9. Если меня кто-нибудь ударит, я дам ему сдачи	–	–	0,555	–
12. Затеваю драку с человеком, подговаривающим других побить меня	–	–	0,713	–
13. Если кто-то ударит меня, я очерню его в глазах других людей	0,753	–	–	–
14. Если я узнаю, что кто-то клевещет на меня, я плачу ему тем же	0,723	–	–	–
15. Я причиняю человеку физическую боль, оставаясь при этом незамеченным (ой) (подкладываю на стул кнопки и т.д.)	–	0,450	–	–
16. Если я узнаю, что кто-то распространяет обо мне слухи, я подговариваю других побить его	–	0,821	–	–
17. Если кто-то поднимет на меня руку, я оскорблю его	0,738	–	–	–
18. Оскорблю человека, подговаривающего других побить меня	0,746	–	–	–
19. Я первым (ой) начинаю драку	–	–	0,694	–
20. Если кто-то подговаривает своих друзей побить меня, я рассказываю об этом человеке что-то, что может выставить его в невыгодном свете перед другими людьми	0,725	–	–	–
21. Если кто-то ударит меня, я подговорю других побить его	–	0,737	–	–
22. Если кто-то оскорбляет меня, я всем рассказываю, что этот человек из себя представляет	0,741	–	–	–
Доля от общей изменчивости, %	21,9	14,9	13,9	6,4

Итого – 57,1%.

вербальной агрессии (агрессия как реакция на агрессию). Вторая главная компонента обозначена нами как фактор непрямой физической агрессии. Третья – фактор прямой физической агрессии. Четвертая главная компонента объясняла всего 6,4% изменчивости и характеризовала потерю самоконтроля в ситуации агрессивного взаимодействия.

В таблице 3.7 отражены расчеты по агрессивному поведению армянских мальчиков. Их поведение описано следующими четырьмя компонентами, которые объясняют 42,2% стратегий их агрессивного поведения. Первая главная компонента описывает фактор непрямой ответной агрессии, вербальной и физической. Вторая главная компонента отражает прямую ответную агрессию, вербальную и физическую. Третья – инициативная физическая агрессия. Четвертая главная компонента (всего 6,7% изменчивости) характеризует инициативную вербальную агрессию и потерю самоконтроля.

Таблица 3.7. Агрессивное поведение армянских мальчиков

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
1. Распространяю сплетни об одноклассниках, которых не люблю	–	–	–	0,571
2. Когда на меня кричат, я кричу в ответ	–	0,550	–	–
4. Могу нагрубить тому, кто наговаривает на меня за моей спиной	–	0,694	–	–
5. Говорю несимпатичному мне однокласснику, что мне не нравится его одежда или прическа	–	–	–	0,593
6. Если кто-то оскорбляет меня, я подговариваю других побить его	–	–	0,603	–
7. Подговариваю друзей побить того, кто мне не нравится	–	–	0,577	–
8. В ссоре (драке) я теряю самообладание	–	–	–	0,526
9. Если меня кто-нибудь ударит, я дам ему сдачи	–	0,595	–	–
10. Если я не согласен (на) с кем-либо, я кричу на него	–	–	0,504	–
12. Затеваю драку с человеком, подговаривающим других побить меня	–	0,551	–	–
13. Если кто-то ударит меня, я очерню его в глазах других людей	0,506	–	–	–
14. Если я узнаю, что кто-то клевещет на меня, я плачу ему тем же	0,488	–	–	–
15. Я причиняю человеку физическую боль, оставаясь при этом незамеченным (ой) (подкладываю на стул кнопки и т.д.)	–	–	0,548	–
16. Если я узнаю, что кто-то распространяет обо мне слухи, я подговариваю других побить его	0,576	–	–	–
17. Если кто-то поднимет на меня руку, я оскорблю его	–	0,565	–	–
18. Оскорблю человека, подговаривающего других побить меня	–	0,638	–	–
19. Я первым (ой) начинаю драку	–	–	0,466	–
20. Если кто-то подговаривает своих друзей побить меня, я рассказываю об этом человеке что-то, что может выставить его в невыгодном свете перед другими людьми	0,706	–	–	–
21. Если кто-то ударит меня, я подговорю других побить его	0,582	–	–	–
22. Если кто-то оскорбляет меня, я всем рассказываю, что этот человек из себя представляет	0,719	–	–	–
Доля от общей изменчивости, %	13	12,6	9,9	6,7

Итого – 42,2%.

Агрессивное поведение армянских девочек описывается следующими четырьмя компонентами, которые объясняют 42,8% стратегий их агрессивного поведения (табл. 3.8). Первая главная компонента была обозначена нами как фактор ответной агрессии, в большей степени вербальной, но и физической также. Вторая главная компонента – фактор непрямой физической агрессии. По третьей главной компоненте нагрузки оказались слишком малы (менее 0,45). Четвертая главная компонента – самоконтроль в ситуации агрессивного взаимодействия.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы относительно особенностей агрессивного поведения русских и армянских школьников:

Таблица 3.8. Агрессивное поведение армянских девочек

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
2. Когда на меня кричат, я кричу в ответ	0,516	–	–	–
3. В ссоре (драке) я трезво контролирую свои действия	–	–	–	0,703
4. Могу нагрубить тому, кто наговаривает на меня за моей спиной	0,532	–	–	–
5. Говорю несимпатичному мне однокласснику, что мне не нравится его одежда или прическа	–	0,478	–	–
6. Если кто-то оскорбляет меня, я подговариваю других побить его	–	0,638	–	–
7. Подговариваю друзей побить того, кто мне не нравится	–	0,597	–	–
9. Если меня кто-нибудь ударит, я дам ему сдачи	0,586	–	–	–
11. Если мне кто-то не нравится, я прилагаю все усилия к тому, чтобы его не приняли в компанию	0,481	–	–	–
12. Затеваю драку с человеком, подговаривающим других побить меня	0,453	–	–	–
13. Если кто-то ударит меня, я очерню его в глазах других людей	0,634	–	–	–
14. Если я узнаю, что кто-то клевещет на меня, я плачу ему тем же	0,542	–	–	–
17. Если кто-то поднимет на меня руку, я оскорблю его	0,643	–	–	–
18. Оскорблю человека, подговаривающего других побить меня	0,634	–	–	–
20. Если кто-то подговаривает своих друзей побить меня, я рассказываю об этом человеке что-то, что может выставить его в невыгодном свете перед другими людьми	0,582	–	0,443	–
21. Если кто-то ударит меня, я подговорю других побить его	0,536	–	–	–
22. Если кто-то оскорбляет меня, я всем рассказываю, что этот человек из себя представляет	0,540	–	–	–
Доля от общей изменчивости, %	16,6	10,9	9	6,3

Итого – 42,8%

• Сравнивая русских мальчиков и девочек можно сказать, что в процентном соотношении у мальчиков преобладает непрямая физическая агрессия, а у девочек – вербальная ответная агрессия. Прямая агрессия используется обоими полами в наименьшей степени;

• Армянские школьники, как мальчики, так и девочки, предпочитают ответную агрессию, вербальную и физическую. Инициируют конфликты в основном мальчики;

• Прямую физическую агрессию более склонны применять армянские мальчики по сравнению с русскими. В основном это касается ситуаций с ответной агрессией. Армянские девочки по сравнению с русскими девочками практически не используют прямую физическую агрессию;

• Русские девочки и армянские мальчики более склонны к использованию вербальной агрессии;

• По уровню самоконтроля лучше других контролируют себя армянские девочки, остальные же легко теряют самообладание в конфликтах.

Возрастная динамика агрессивного поведения (русские и армяне)

Для сравнения возрастных групп и выявления культурных различий было выделено 11 основных параметров. Результаты представлены на рисунках 3.1–3.11.

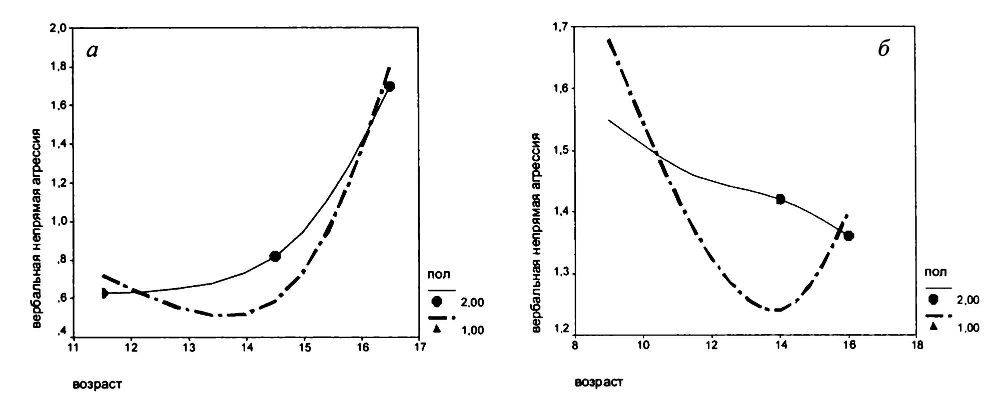

Рис. 3.1. Вербальная непрямая агрессия
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников
1,00 – мальчики, 2,00 – девочки (здесь и далее во всех рисунках)

Как видно на рисунке 3.1, гендерные различия по непрямой вербальной агрессии у русских школьников не столь выражены по сравнению с армянскими. Русские девочки чуть более часто практикуют такой вид агрессии в 14–15 лет. С возрастом использование непрямой вербальной агрессии неуклонно возрастает у русских школьников, немного снижаясь лишь у мальчиков в 14–15 лет. У армянских школьников наблюдается совсем другая картина. У девочек уровень агрессии снижается с 9 до 16 лет, у мальчиков же с 14 лет он снова возрастает. Гендерные различия более выражены у армян, но, так же как и у русских школьников, максимум различий приходится на 14–15 лет. Культурные различия уровня агрессии не менее интересны: у русских школьников происходит более резкое изменение уровня агрессии (от 0,6 до 1,8), чем у армян (от 1,24 до 1,68), при этом у русских школьников максимальный уровень агрессии приходится на 16–17-летний возраст, а у армян – на 9 лет.

Уровень прямой вербальное агрессии у армян (мальчиков и девочек) и у русских девочек повышается с возрастом, тогда как у русских мальчиков динамика развития этого показателя несколько иная (см. рис. 3.2). Гендерные различия по прямой вербальной агрессии ярче выражены у русских подростков 14–15 лет (выше у девочек) и у армянских подростков в 16 лет (выше у мальчиков). Кроме того, армянские юноши практикуют этот вид агрессии больше, начиная с самого младшего возраста, чем русские.

Культурные различия по параметру «прямая физическая агрессия» выражены не столь заметно (см. рис. 3.3). У представителей обоих культур мальчики значи-

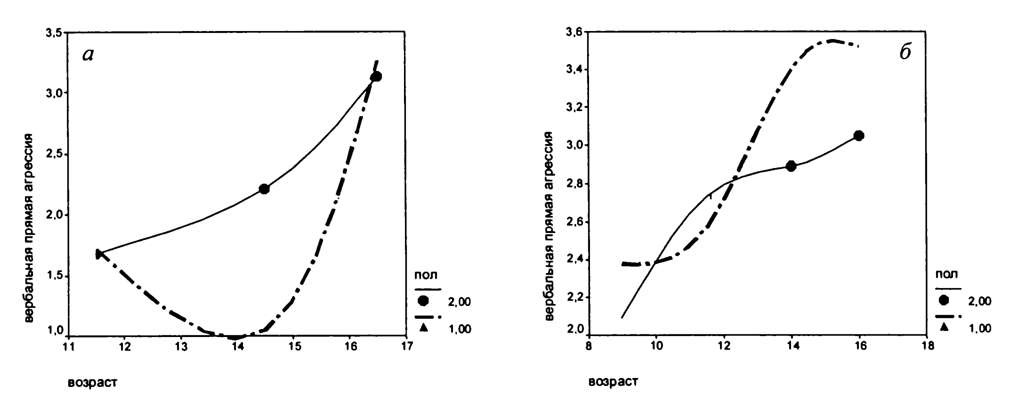

Рис. 3.2. Вербальная прямая агрессия
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

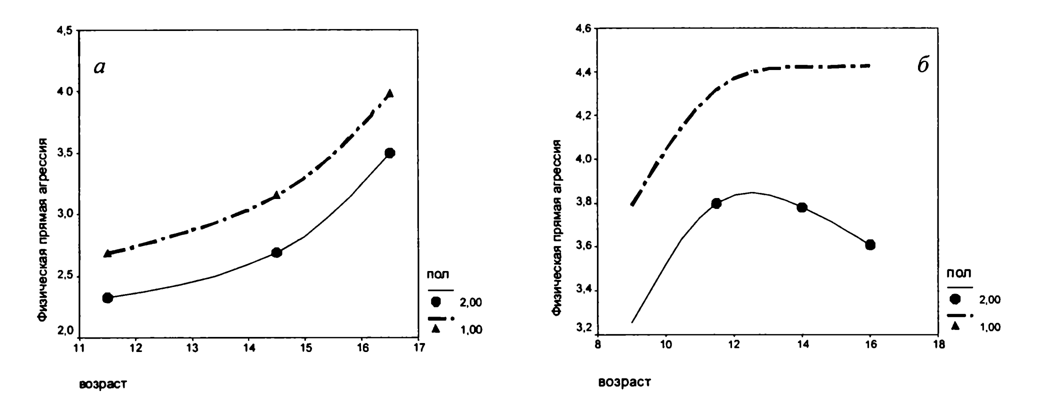

Рис. 3.3. Физическая прямая агрессия
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

мо чаще используют физическую агрессию во всех возрастах, причем ее уровень неуклонно растет с годами. У русских девочек уровень прямой физической агрессии также повышается с возрастом, тогда как у армянских девочек – последовательно снижается с 11–12 лет. В целом, следует заметить, что уровень прямой физической агрессии выше у армянских школьников, особенно у мальчиков.

Графики рисунка 3.4 показывают, что у русских школьников использование физической непрямой агрессии увеличивается с возрастом у обоих полов. Начиная с 14–15 лет юноши практикуют такой вид агрессии чаще. У армянских школьников также мальчики чаще используют такую агрессию, особенно гендерные различия резко выражены в 11–12 и 16 лет. У армянских девочек уровень непрямой физической агрессии остается примерно на одном уровне во всех возрастах,

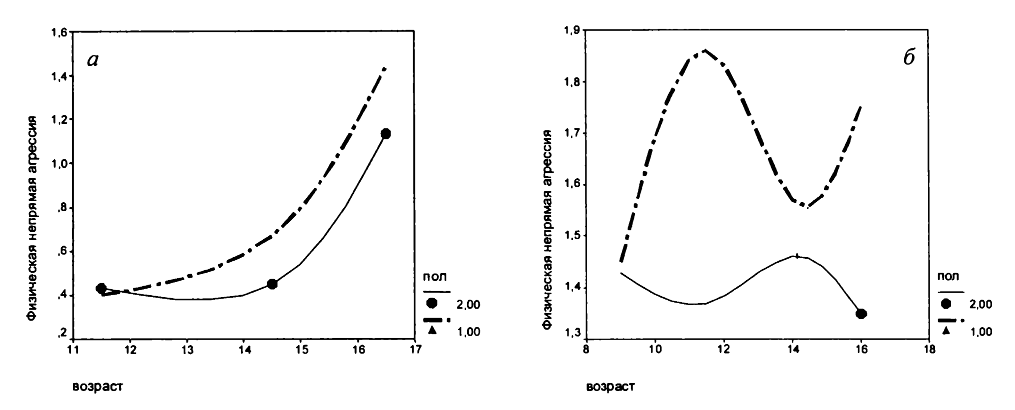
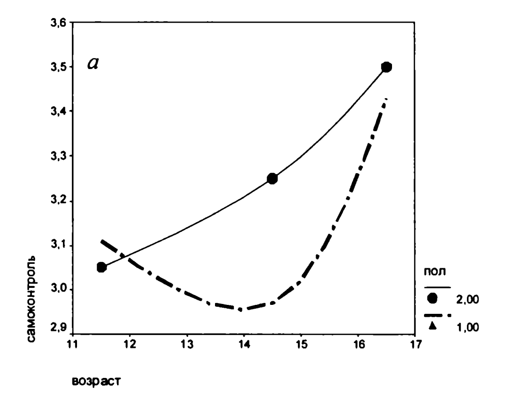

Рис. 3.4. Физическая непрямая агрессия
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

лишь немного колеблясь. У мальчиков изменения гораздо резче выражены, пик агрессии приходится на 11–12 лет, к 14 годам уровень этого вида агрессии снижается, а к 16 – снова возрастает почти до отметки 11–12 лет. Кроме того, у армянских школьников уровень физической непрямой агрессии выше, чем у русских школьников, как у мальчиков, так и у девочек.

Уровень самоконтроля в ситуации агрессивного взаимодействия показан на рисунке 3.5. Армянские школьники лучше, чем русские, контролируют свои действия во время конфликтов. Но у армян нет резких гендерных различий – мальчики во всех возрастах немного выше по уровню самоконтроля, чем девочки, при этом с 11–12 лет отмечается тенденция к снижению. У русских школьников больший уровень самоконтроля показывают девочки по сравнению с мальчиками,

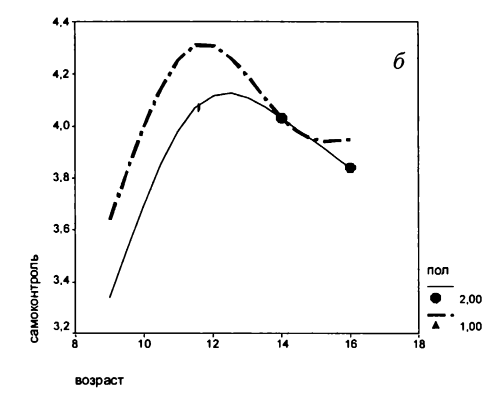

Рис. 3.5. Уровень самоконтроля в конфликтах
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

особенно в 14–15 лет, с возрастом этот уровень только возрастает. С 14–15 лет русские мальчики начинают лучше контролировать свои действия.

Что касается вмешетельства/невмешетельства в чужие конфликты, результаты несколько противоречивы и отражены на рисунках 3.6 и 3.7. У русских школьников не наблюдается резких гендерных различий, девочки показывают чуть более высокий уровень участия в конфликтах одноклассников. Интересно, что с возрастом наблюдается тенденция к увеличению и вмешательства, и невмешательста в ссоры (драки) других. Такое противоречие объясняется тем, что получившаяся в результате исследования выборка делится еще на две подвыборки, дети из одной предпочитают не вмешиваться в конфликты, другая же часть практикует противоположное поведение. У армянских подростков с 11–12 лет уровень вмешательства в конфликты снижается, а невмешательства увеличивается, гендерные различия выражены у них ярче, чем у русских школьников.

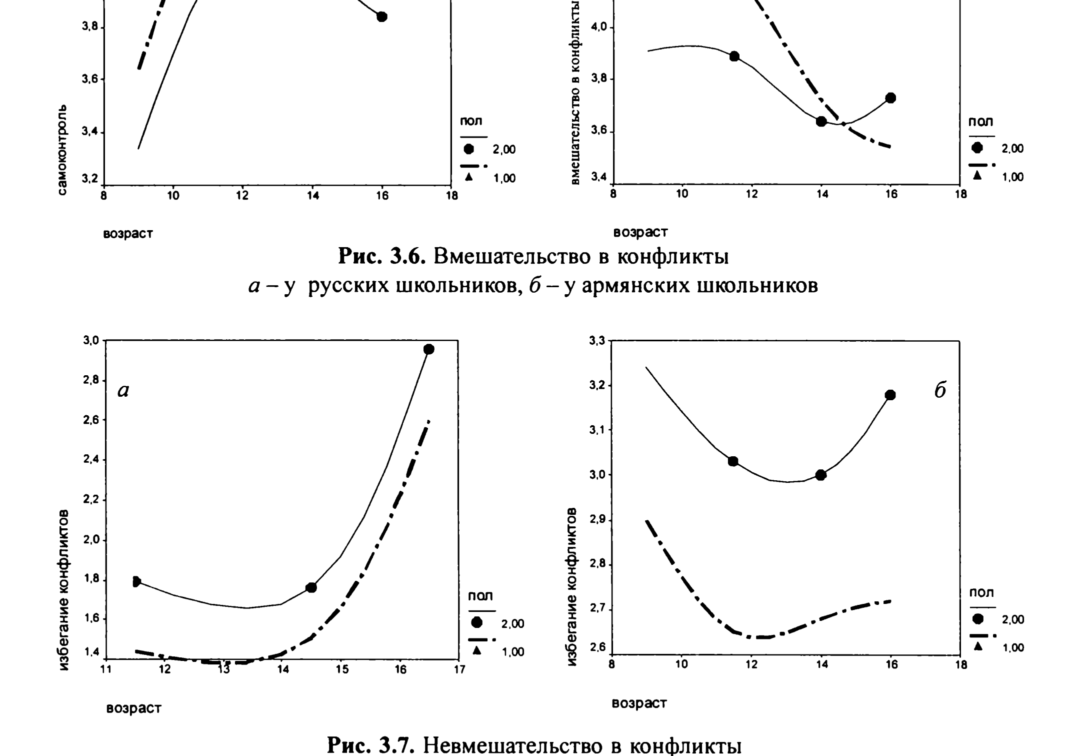
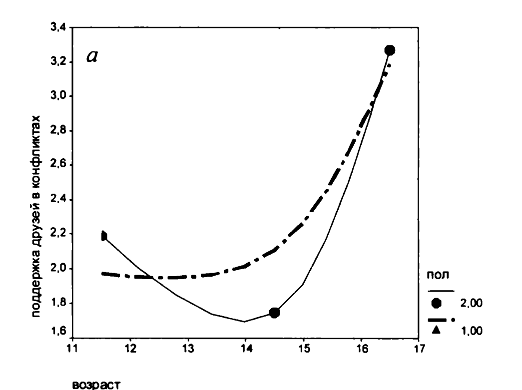

Рис. 3.6. Вмешательство в конфликты
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

Рис. 3.7. Невмешательство в конфликты
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

При вмешательстве в чужие конфликты у русских школьников снова наблюдается двойственная тенденция: одна часть поддерживает друзей, другая – тех, кто прав, причем с возрастом такая тенденция увеличивается (см. рис. 3.8а, 3.9а). Необходимо отметить, что девочки и из России, и из Армении больше поддерживают сверстников по принципу справедливости. Армянские мальчики с возрастом все чаще поддерживают друзей, а не тех, кто прав. Гендерные различия ярче выражены у школьников из Армении (см. рис. 3.8б, 3.9б).

Как видно из рисунков 3.10 и 3.11, русские школьники снова ведут себя двойственно – в одном случае они предпочитают поддерживать более слабого, в дру-

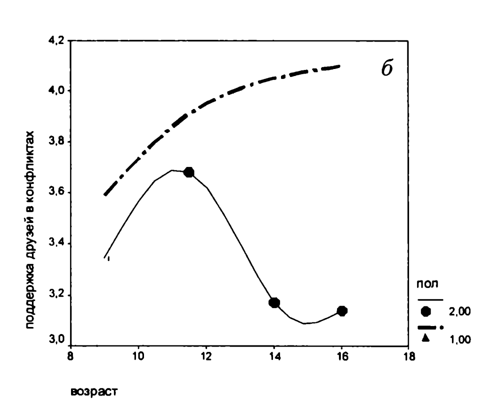
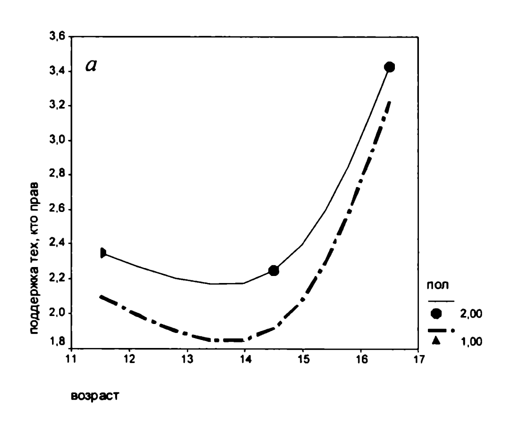

Рис. 3.8. Поддержка друзей в конфликтах
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

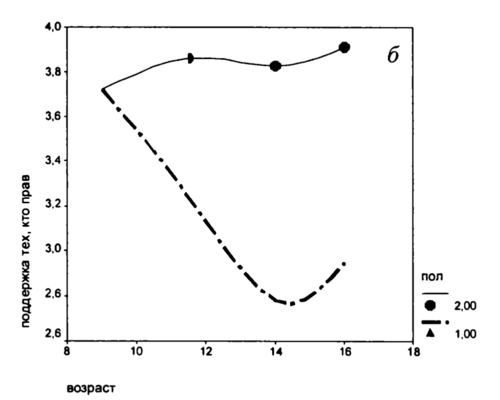

Рис. 3.9. Поддержка тех, кто прав, в конфликтах
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

гом – более сильного. Гендерные различия не очень велики – у мальчиков наблюдается более высокий уровень такого поведения. У школьников из Армении гендерные различия выражены резче – мальчики с возрастом все чаще поддерживают более сильного, тогда как девочки с возрастом все меньше поддерживают и слабого, и сильного. Культурные различия таковы – у армянских школьников уровень такого участия в чужих конфликтах выше, чем у русских.

Кросс-культурные различия в развитии агрессивного поведения (русские и армяне)

Для выявления достоверных различий агрессивного поведения у представителей исследуемых культур (русские и армяне) был проведен непараметрический анализ для двух независимых выборок и использован критерий Вилкоксона.

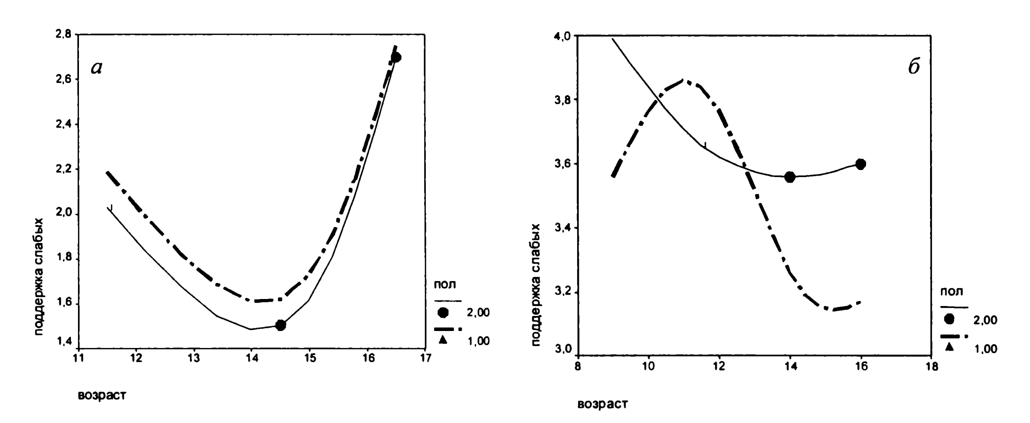

Рис. 3.10. Поддержка более слабого в конфликтах
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

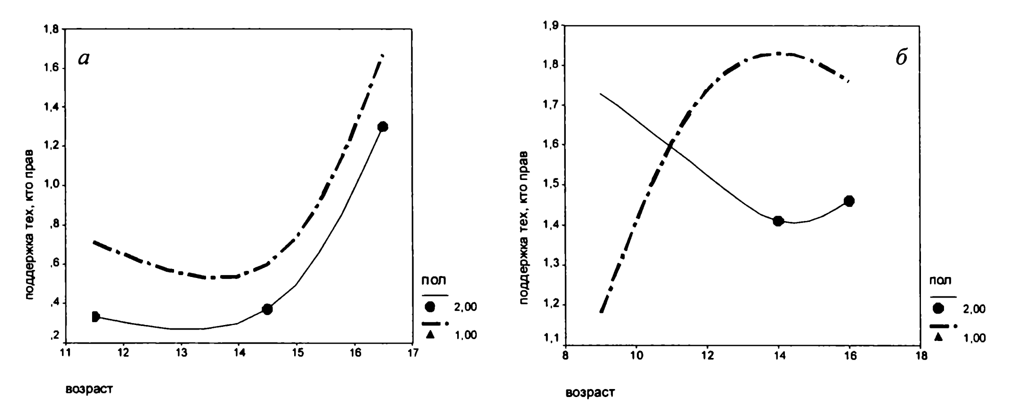

Рис. 3.11. Поддержка более сильного в конфликтах
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

Таблица 3.9. Культурные различия агрессивного поведения у русских и армянских мальчиков 11–12 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
Физическая прямая агрессия	94,96	3,58	192,68	2,96	-9,99	0,000
Физическая непрямая агрессия	85,61	3,60	201,78	3,95	-11,86	0,000
Вербальная прямая агрессия	82,39	5,30	204,91	4,47	-12,49	0,000
Вербальная непрямая агрессия	95,74	5,64	191,26	5,14	-9,76	0,000

Условные обозначения для таблиц 3.9–3.20: Z – критерий Вилкоксона; P – уровень значимости; не дос. – не достоверно.

Как видно из таблицы 3.9, по всем параметрам агрессивного поведения у мальчиков 11–12 лет наблюдаются значимые культурные различия. Интересно то, что средний показатель каждого вида агрессии более чем в два раза выше у армянских мальчиков, т.е. они более агрессивны, чем русские мальчики того же возраста. У русских мальчиков выше показатели по прямой физической и непрямой вербальной агрессии, а у армян – по непрямой физической и прямой вербальной агрессии.

Таблица 3.10 показывает, что по всем параметрам агрессивного поведения девочек 11–12 лет наблюдаются значимые культурные различия. Средний показатель более чем в два раза выше у армянских школьниц. Но по сравнению с мальчиками девочки имеют меньший уровень агрессии, исключая прямую вербальную агрессию у русских девочек (выше, чем у мальчиков). У русских девочек наиболее высокие средние показатели по прямой физической непрямой и вербальной агрессии (так же как и у русских мальчиков), а у армянских – непрямой физической и прямой вербальной агрессии (так же как и у армянских мальчиков).

Таблица 3.10. Культурные различия агрессивного поведения у русских и армянских девочек 11–12 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
Физическая прямая агрессия	85,54	2,01	189,40	3,02	-11,10	0,000
Физическая непрямая агрессия	83,73	2,74	190,45	3,07	-11,44	0,000
Вербальная прямая агрессия	83,68	4,24	192,20	4,27	-11,57	0,000
Вербальная непрямая агрессия	87,66	4,65	186,20	4,99	-10,51	0,000

По всем параметрам агрессивного поведения мальчиков 14–15 лет наблюдаются значимые культурные различия (табл. 3.11). Средний показатель в два и более раза выше у армянских мальчиков, т.е. они более агрессивны, чем русские мальчики. Но у русских мальчиков выше показатели по прямой физической и непрямой вербальной агрессии, а у армян – по непрямой физической и прямой вербальной агрессии.

Таблица 3.11. Культурные различия агрессивного поведения у русских и армянских мальчиков 14–15 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
Физическая прямая агрессия	101,88	2,80	207,86	2,55	-10,24	0,000
Физическая непрямая агрессия	90,96	3,95	216,68	3,87	-12,12	0,000
Вербальная прямая агрессия	94,74	4,54	213,03	4,77	-11,41	0,000
Вербальная непрямая агрессия	110,63	5,36	200,79	4,61	-8,68	0,000

Как видно из таблицы 3.12, по всем параметрам агрессивного поведения девочек 14–15 лет также наблюдаются значимые культурные различия. Средний показатель выше у армянских школьниц. Но по сравнению с мальчиками девочки менее агрессивны. У русских девочек наиболее высокие средние показатели по прямой физической и непрямой вербальной агрессии (так же как и у русских мальчиков), а у армянских – прямой физической и непрямой (тогда как у мальчиков – физическая прямая и вербальная непрямая).

Значимые культурные различия у мальчиков 16–17 лет наблюдаются по всем параметрам, исключая непрямую вербальную агрессию (табл. 3.13). Средний

Таблица 3.12. Культурные различия агрессивного поведения у русских и армянских девочек 14–15 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
Физическая прямая агрессия	90,50	2,19	192,16	3,21	-10,68	0,000
Физическая непрямая агрессия	86,67	2,69	197,18	2,60	-11,44	0,000
Вербальная прямая агрессия	92,38	4,92	189,69	4,62	-11,57	0,000
Вербальная непрямая агрессия	101,08	5,47	178,29	5,23	-10,19	0,000

Таблица 3.13. Культурные различия агрессивного поведения у русских и армянских мальчиков 16–17 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
Физическая прямая агрессия	80,17	2,52	124,82	2,50	-5,13	0,000
Физическая непрямая агрессия	95,20	3,61	115,74	4,13	-2,40	0,017
Вербальная прямая агрессия	86,04	4,02	121,28	4,73	-4,04	0,000
Вербальная непрямая агрессия	102,99	5,31	111,03	5,41	-,92	не дос.

показатель выше у армянских мальчиков, т.е. они более агрессивны, чем русские мальчики. Но у русских мальчиков выше показатели по непрямой физической агрессии, а у армян – по прямой физической агрессии.

Таблица 3.14 показывает, что значимые культурные различия у девочек 16–17 лет наблюдаются по всем параметрам. Средний показатель выше у армянских девочек по всем параметрам, кроме непрямой физической агрессии (как и у русских мальчиков). У армянских школьниц самый высокий уровень наблюдается по прямой вербальной (прямая физическая агрессия у армянских мальчиков) агрессии. Общий уровень агрессии выше у девочек по сравнению с мальчиками, исключая непрямую физическую агрессию у армянских девочек (ниже, чем у мальчиков).

Таким образом, наши результаты позволяют говорить о следующих кросс-культурных различиях агрессивного поведения школьников:

- Во всех трех возрастах культурные различия агрессивного поведения оказались значимы, за исключением непрямой вербальной агрессии у мальчиков 16–17 лет;

Таблица 3.14. Культурные различия агрессивного поведения у русских и армянских девочек 16–17 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
Физическая прямая агрессия	106,94	2,64	156,09	2,51	-5,21	0,000
Физическая непрямая агрессия	183,26	3,04	93,79	2,29	-9,54	0,000
Вербальная прямая агрессия	105,22	2,89	157,49	3,61	-5,52	0,000
Вербальная непрямая агрессия	121,96	3,05	143,83	4,51	-2,31	0,021

• Общий уровень агрессии в 11–12 и 14–15 лет был выше у мальчиков (кроме прямой вербальной агрессии у русских мальчиков в 11–12 лет) и в 16–17 лет выше у девочек (кроме непрямой физической агрессии у армянских девочек);

• Самые высокие средние показатели наблюдаются в 11–12 лет по непрямой вербальной агрессии у русских школьников, по прямой вербальной агрессии – у армянских школьников; в 14–15 лет – непрямой вербальной у русских, непрямой физической у армян; 16–17 лет – непрямой вербальной у русских мальчиков, непрямой физической у русских девочек, прямой физической у армянских мальчиков, прямой вербальной у армянских девочек.

Отношение третьих лиц к агрессии

Школьники в двух исследованных нами культурах существенным образом отличались по реакции третьих лиц на агрессивные взаимодействия.

В ситуации агрессивного взаимодействия среди одноклассников у мальчиков 11–12 лет культурные различия значимы по всем параметрам (табл. 3.15). Армянские мальчики значительно более активно вмешивались в агрессивные столкновения одноклассников. При этом русские мальчики чаще предпочитают наблюдать со стороны за происходящим конфликтом, а если и вмешиваются, то поддерживают того, кто прав, армянские же подростки стараются разнимать дерущихся и поддерживают своих друзей.

В ситуации агрессивного взаимодействия других людей культурные различия среди девочек 11–12 лет также значимы по всем параметрам (табл. 3.16). Армянские девочки также имеют более высокие показатели по всем параметрам по сравнению с русскими школьницами. Русские девочки (как и русские мальчики) предпочитают держаться в стороне от конфликта, тогда как армянские девочки вмешиваются и поддерживают нападающего. Почти по всем параметрам у мальчиков наблюдаются более высокие средние показатели, чем у девочек, исключая вопросы №28 и №35 у русских девочек и вопрос №37 у армянских девочек.

В ситуации агрессивного взаимодействия других людей культурные различия значимы по всем параметрам и у мальчиков 14–15 лет (табл. 3.17). Армянские мальчики также имеют более высокие показатели по всем параметрам. При этом русские мальчики имеют более высокие отметки на параметрах №31 и №32, т.е. они предпочитают наблюдать со стороны за происходящим конфликтом, а если и вмешиваются, то поддерживают того, кто прав. Армянские мальчики стараются разнимать дерущихся (№35) и поддерживают своих друзей (№28).

В таблице 3.18 показано, что в ситуации агрессивного взаимодействия других людей у девочек 14–15 лет культурные различия также значимы по всем параметрам. Армянские девочки также имеют более высокие показатели. Русские девочки предпочитают держаться в стороне от конфликта (как и русские мальчики), а при вмешательстве поддерживают своих друзей (русские мальчики поддерживают того, кто прав), тогда как армянские девочки вмешиваются и поддерживают

Таблица 3.15. Культурные различия по стилю поведения в ситуации агрессивного взаимодействия других людей у русских и армянских мальчиков 11–12 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
28. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	96,87	1,53	191,50	1,45	-9,83	0,000
31. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	116,12	1,56	172,90	1,61	-5,87	0,000
32. Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	114,44	1,39	174,52	1,41	-6,30	0,000
33. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю жертву (более слабого)	102,13	1,55	186,41	1,40	-8,74	0,000
35. Когда другие дерутся, я разнимаю их	95,96	3,58	192,37	1,06	-10,09	0,000
37. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	102,79	1,15	184,50	1,11	-8,76	0,000
39. Когда другие дерутся, я предпочитаю держаться от них подальше	111,16	1,41	177,21	1,46	-6,80	0,000

или нападающего, или жертву (армянские мальчики поддерживают своих друзей). Почти по всем параметрам у мальчиков наблюдаются более высокие средние показатели, чем у девочек, исключая вопрос №28 у русских девочек.

В ситуации агрессивного взаимодействия других людей культурные различия мальчиков 16–17 лет значимы по трем параметрам (табл. 3.19). У армянских мальчиков наблюдаются более высокие показатели. Русские мальчики при вмешательстве в конфликт поддерживают жертву, тогда как армянские мальчики предпочитают выступать на стороне своих друзей.

Таблица 3.16. Культурные различия по стилю поведения в ситуации агрессивного взаимодействия других людей у русских и армянских девочек 11–12 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
28.В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	99,97	1,49	167,68	1,46	-7,34	0,000
31.В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	98,18	1,37	170,37	1,40	-7,82	0,000
32.Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	95,67	1,16	174,15	1,50	-8,60	0,000
33.Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю жертву (более слабого)	98,61	1,48	169,72	1,46	-7,68	0,000
35.Когда другие дерутся, я разнимаю их	100,27	1,40	167,23	1,22	-7,29	0,000
37.Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	87,73	0,78	186,09	1,19	-11,45	0,000
39. Когда другие дерутся, я предпочитаю держаться от них подальше	105,88	1,36	158,78	1,56	-5,74	0,000

Как показано в таблице 3.20, в ситуации агрессивного взаимодействия других людей культурные различия девочек 16–17 лет значимы по всем параметрам, кроме одного. У армянских девочек наблюдаются более высокие показатели по параметрам №31, №32, №35, №39. Русские девочки при вмешательстве в конфликт скорее поддерживают нападающего или своих друзей, тогда как армянские девочки предпочитают держаться подальше.

Сравнив результаты по всем возрастам, можно заключить, что в ситуации агрессивного взаимодействия других людей русские школьники в 11–12 и 14–15 лет и армянские девочки 16 лет предпочитают держаться в стороне. Русские маль-

Таблица 3.17. Культурные различия по стилю поведения в ситуации агрессивного взаимодействия других людей у русских и армянских мальчиков 14–15 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
28. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	98,26	1,34	210,78	1,28	-11,06	0,000
31. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	134,01	1,32	181,90	1,53	-4,71	0,000
32. Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	127,95	1,38	186,80	1,33	-5,77	0,000
33. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю жертву (более слабого)	106,24	1,25	204,33	1,26	-9,60	0,000
35. Когда другие дерутся, я разнимаю их	99,44	1,31	209,83	1,17	-10,81	0,000
37. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	101,57	0,89	208,11	1,07	-10,74	0,000
39. Когда другие дерутся, я предпочитаю держаться от них подальше	118,90	1,17	194,11	1,31	-7,40	0,000

чики во всех возрастах поддерживают того, кто прав, или жертву, тогда как армянские мальчики поддерживают своих друзей. Русские девочки поддерживают друзей или нападающего, а армянские – нападающего, а в 14 лет, в зависимости от ситуации, и жертву.

Обсуждение

Результаты исследования позволяют говорить о наличии гендерных и культурных различий агрессивного поведения у школьников Москвы и Еревана (русские и армяне).

Таблица 3.18. Культурные различия по стилю поведения в ситуации агрессивного взаимодействия других людей у русских и армянских девочек 14–15 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
28. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	108,06	1,27	169,14	1,56	-6,52	0,000
31. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	99,72	1,34	180,07	1,38	-8,57	0,000
32. Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	103,91	1,09	174,59	1,41	-7,61	0,000
33. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю жертву (более слабого)	92,60	1,16	189,41	1,30	-10,31	0,000
35. Когда другие дерутся, я разнимаю их	98,04	1,21	182,28	1,34	-8,98	0,000
37. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	93,68	0,78	187,99	0,86	-10,74	0,000
39. Когда другие дерутся, я предпочитаю держаться от них подальше	107,13	1,13	170,36	1,43	-6,79	0,000

Агрессивное поведение

Во всех возрастных группах армянские школьники показали значимо больший уровень всех видов агрессии, за исключением мальчиков 16–17 лет, в этом возрасте культурные различия у мальчиков оказались незначимы. Таким образом, можно говорить, что армянские мальчики и девочки в среднем чаще демонстрируют агрессию, чем русские мальчики и девочки. Кроме того, русские и армянские мальчики всех возрастов значимо больше, чем девочки, используют физическую агрессию. Такие результаты сходны с данными других исследований, проведенных в этой области. К. Бьерквист с соавторами (Björkqvist et al., 1992a)

Таблица 3.19. Культурные различия по стилю поведения в ситуации агрессивного взаимодействия других людей у русских и армянских мальчиков 16–17 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
28. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	78,75	1,17	125,68	1,31	-5,62	0,000
31. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	117,55	1,16	102,23	1,73	-1,79	не дос.
32. Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	112,06	1,13	105,54	1,27	-0,77	не дос.
33. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю жертву (более слабого)	95,70	1,08	115,44	1,22	-2,32	0,020
35. Когда другие дерутся, я разнимаю их	79,49	1,12	125,24	1,17	-5,39	0,000
37. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	106,70	0,87	108,79	1,04	-0,26	не дос.
39. Когда другие дерутся, я предпочитаю держаться от них подальше	104,65	1,18	110,02	1,24	-0,63	не дос.

получили такие же результаты, исследуя финских детей 8, 11 и 15 лет: физическая агрессия обычна среди мальчиков всех возрастов, при этом пик агрессивности приходится на 11 лет, а к 15 снижается. Исследователи объясняют это изменением интересов «тинейджеров». Наши данные указывают, что такое снижение происходит только у армянских девочек (и не такое резкое, как у финских детей), а у остальных школьников уровень физической агрессии возрастает, особенно у русских школьников. Кросс-культурное исследование 8-летних детей из Финляндии (фино- и шведоговорящие), Польши и США (афроамериканцы и американцы европейского происхождения) также подтверждает результаты данной работы

Таблица 3.20. Культурные различия по стилю поведения в ситуации агрессивного взаимодействия других людей у русских и армянских девочек 16–17 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
28. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	148,08	1,39	122,51	1,38	-2,76	0,006
31. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	102,40	1,26	159,80	1,15	-6,21	0,000
32. Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	119,16	1,16	146,12	1,21	-2,92	0,004
33. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю жертву (более слабого)	136,82	1,12	131,70	1,22	-,56	не дос.
35. Когда другие дерутся, я разнимаю их	93,13	1,29	167,36	1,06	-8,04	0,000
37. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	170,85	1,56	103,91	0,87	-7,66	0,000
39. Когда другие дерутся, я предпочитаю держаться от них подальше	72,16	0,96	184,48	1,23	-11,91	0,000

– мальчики из всех этнических групп более физически агрессивны, чем девочки (Osterman et al., 1994).

Что касается непрямых видов агрессии, результаты более сложны. Непрямая агрессия (в основном вербальная) начинает активно использоваться с 11 лет, особенно среди девочек (Björkqvist et al., 1992b). Однако русские мальчики 11–12 лет также активно используют непрямую агрессию, о чем говорят наши результаты.

Русские девочки продолжают использовать непрямые формы во всех возрастах, тогда как русские мальчики лишь во время позднего юношества начинают использовать непрямую агрессию более активно. В этом же возрасте средний уровень физической агрессии у русских мальчиков снижается, заменяясь вербальной и непрямыми средствами. Такие изменения связаны с ростом социальной компетенции (Björkqvist et al., 1992c). Девочки показывают значимо больший уровень социальной компетенции еще в дошкольном возрасте, они более склонны улаживать конфликты путем переговоров, они больше, чем мальчики, готовы к кооперации, более внимательны к младшим детям. Социальная компетентность у мальчиков развивается в более позднем возрасте (Osterman et al., 1997; LaFreniere, Dumas, 1996; Dumas et al., 1997; LaFreniere et al., 2002). Кроме того, результаты финских исследований показывают, что употребление непрямых методов зависит и от существующей структуры групп мальчиков и девочек. Девочки формируют близкие группы и развиваются парами (близкие друзья), чаще обсуждают между собой эмоции и взаимоотношения в группе. Это является плодородной почвой для развития непрямых, социально манипулятивных агрессивных стратегий, таких, как сплетни, обменивание друзьями, исключение из группы, гадкие записки и т.п. (Björkqvist, 1994). Мальчики социализируются в больших группах с широкими границами (Björkqvist et al., 1992a; Lagerspetz et al.,, 1988). К тому же гендерные различия в агрессии формируются культурой и отражают представления о том, каким в пределах данной культуры должно быть поведение представителей обоих полов. А в России гендерные стереотипы очень сильны (Бутовская, 1998). Но, как показывают результаты, русские и армянские школьники значимо отличаются. У армянских девочек в отличие от русских во всех возрастах уровень непрямой агрессии с течением времени только снижается, у мальчиков тоже снижается до 14 лет, а после начинает возрастать. Армянские девочки чаще, чем мальчики, используют непрямую агрессию в 11–12 и 14 лет, русские девочки в 14 лет, но у армянских школьниц агрессия снижается, а у русских растет. И у русских, и у армянских мальчиков уровень непрямой агрессии падает к 14–15 годам, а далее возрастает. Таким образом, можно говорить, что гендерные различия больше выражены у армянских школьников, кроме того, русские школьники более активно используют непрямые виды агрессии, что с возрастом только возрастает. Такие результаты несколько расходятся с данными финских ученых, у которых непрямые виды агрессии практикуются девочками значимо чаще уже с 8-летнего возраста (Björkqvist et al., 1992c), тогда как у русских девочек наблюдается больший уровень только в 14–15 лет, а у армянских – в 11–12 и 14 лет. В кросс-культурном исследовании 8-летних детей из Финляндии, Польши и США значимые гендерные различия по непрямой агрессии не были значимы, что объяснялось маленьким возрастом респондентов (Osterman et al., 1994).

По прямой вербальной агрессии К. Бьерквист с соавторами (Björkqvist et al., 1992b) не нашли значимых различий, но они отмечают, что мальчики используют

определенные виды прямой вербальной агрессии чаще, чем девочки (словесные оскорбления, ругань). К тому же прямая вербальная агрессия тесно взаимосвязана с прямой физической агрессией (последняя у мальчиков часто следует за обменом вербальными угрозами и оскорблениями). В нашем исследовании факторный анализ показал более высокие нагрузки по вербальной прямой агрессии у русских девочек 11–12 и 14–15 лет, чем у русских мальчиков, а в 16–17 лет гендерных различий также не наблюдается. Среди армянских школьников девочки чаще используют прямую вербальную агрессию в 9 и 11–12 лет, а далее мальчики обгоняют их по уровню использования этого типа агрессии. Интересно, что в кросс-культурном исследовании К. Остерман с соавторами (Osterman et al., 1994) 8-летние мальчики из всех этнических групп (Финляндия, Польша и США) показывали больший уровень использования вербальной агрессии, чем девочки. Сравнив школьников из Армении и России, можно сделать вывод, что возрастная динамика прямой вербальной агрессии сходна – и у мальчиков, и у девочек ее использование только возрастает. Гендерные различия ярче выражены у армян – девочки намного меньше практикуют этот вид агрессии в 9, 14 и 16 лет, тогда как у русских школьников яркие различия наблюдаются только в 14–15 лет (в этом возрасте русские девочки чаще обмениваются вербальными угрозами и оскорблениями).

Гендерные различия были обнаружены и по параметру «избегание». Так же как и в исследованиях финских (Björkqvist et al., 1992a) и китайских (LaFreniere et al., 2002) детей, наши данные показали, что русские девочки 11–12 и 14–15 лет чаще избегают конфликтных ситуаций, чем мальчики. Наивысший пик вмешательства в конфликты приходится на 14–15-летний возраст, но девочки и тут демонстрируют большую социальную компетентность. Среди армянских школьников девочки активно вмешиваются в чужие конфликты в младших возрастах, и только в 16 лет стараются держаться подальше. Но по сравнению с армянскими мальчиками уровень участия девочек в ссорах одноклассников меньше, тогда как у русских школьников наоборот. По сравнению с армянскими мальчиками, русские мальчики значимо больше избегают конфликтов. Русские и армянские мальчики достоверно чаще девочек в ссорах между одноклассниками поддерживают своих друзей независимо от их правоты, тогда как девочки, напротив, стараются быть справедливыми и оказывать поддержку тем, кто прав, независимо от дружественных привязанностей. Русские девочки вмешиваются в ссоры и стараются урегулировать проблему, особенно в самом старшем возрасте. Армянские девочки активно вмешиваются в чужие ссоры (драки) в младших возрастах, а в 16 лет стараются держаться в стороне, в отличие от русских девочек. Мальчики в подобных ситуациях, по-видимому, больше заинтересованы в поддержании собственного иерархического статуса. Вмешиваясь на стороне нападающего (более сильного), они тем самым оказываются победителями, что подтверждают данные других авторов о связи статуса и агрессии у мальчиков (Dodge et al., 1990). Кроме

того, русским мальчикам нравится наблюдать за агрессивными столкновениями одноклассников со стороны, хотя наши данные говорят, что русские девочки 11–12 лет тоже практикуют такое мальчишеское поведение. Наряду с высоким уровнем избегания русские девочки демонстрируют такую тенденцию, которая не наблюдается у русских мальчиков и армянских школьников: исключение незнакомцев из группы. Интересно, что в 11–12 лет это рассматривается как негативная черта, а в 14–15 – как позитивная. Сходные результаты имеются в некоторых работах (Lagerspetz et al., 1988), но нет указаний на возрастные изменения.

Самоконтроль

Результаты относительно уровня самоконтроля в ситуации агрессивного взаимодействия имеют четкую возрастную динамику. Русские девочки, начиная с 14 лет, показывают значимо больший уровень самообладания, чем мальчики. Но в 11–12 лет русские мальчики лучше контролируют себя. Такие же результаты – в исследовании Дж. Арчера и С. Паркера (Archer, Parker, 1994): девочки 11 лет отличаются отсутствием эмоционального контроля и наличием чувства вины и сожаления после конфликта, тогда как мальчики показывают самоконтроль и оправдывают свои действия тем, что жертва заслуживала подобного обращения. Эти результаты сходятся и с данными по взрослым: женщины чаще чувствуют беспокойство и тревогу после произошедшего и склонны демонстрировать большую эмпатию по отношению к жертве (Eagly, Steffen, 1986; Frodi, 1977 и др.). В более старшем возрасте (с 14 лет) русские девочки лучше контролируют себя, чем мальчики, что, вероятно, обусловлено большей социальной компетентностью русских девочек. Частично такие различия можно объяснить спецификой гормонального развития мальчиков (повышенным уровнем тестостерона в пубертатный период) (Archer, 1992). Хотя и у мальчиков общий уровень самоконтроля тоже увеличивается. Потеря лица более важна в этом возрасте, чем для детей младшего возраста (Campbell, 1986). Такие различия связаны с гендерными ролевыми характеристиками. Среди взрослых мужчин часто ценится жестокость и самоутверждение как важные компоненты маскулинности (David, Brannon, 1976; Thompson, Pleck, 1986). Фемининная роль предполагает отказ от физической агрессии как центрального средства, акцент на регулирование социальных отношений, примирительное поведение (Archer, Parker, 1994). К тому же девочки отличаются большей эмпатией, чем мальчики (Lennon, Eisenberg, 1987). Эмпатия увеличивается с возрастом и сдерживает агрессию, исключая пубертатный период (Björkqvist et al., 2000). Девочки более спокойно переносят свое поражение в конфликте, так как они менее ориентированы на доминирование, чем мальчики, и менее озабочены своим иерархическим статусом (Dodge et al., 1990). Исследование детей в США (LaFreniere et al., 2002) показывает, что с каждым годом уменьшается частота проявления раздражительности, вспыльчивости, неповиновения и увеличивается терпение, самоконтроль, готовность к неудовлетворению.

По армянским школьникам результаты следующие: девочки показывают меньший уровень самоконтроля, чем мальчики, различия не наблюдаются только в 14 лет. При этом у армянских школьников уровень этого показателя снижается с 11–12 лет, тогда как у русских школьников возрастает. Но необходимо отметить, что общий уровень самоконтроля все же выше у армянских школьников. Такое отличие армянских детей от русских и финских, вероятно, можно объяснить культурными традициями страны и политической обстановкой.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что гендерные и культурные различия действительно наблюдаются, агрессивное поведение изменяется с возрастом. Но различия между полами не столь просты, как может показаться. Агрессивное поведение может варьировать от культуры к культуре. Продолжением данного исследования станет анализ агрессии у школьников республики Северная Осетия-Алания (осетины), данные по которым уже собраны и находятся в процессе обработки.

Литература

Алфимова Л.Т., Трубников В.Н., 2002. Психогенетика агрессивности // Вопросы психологии, 6: 45-56.

Берковиц Л., 2001. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 512.

Бутовская М.Л., 1998. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека // Общественные науки и современность, 6: 149-160.

Бутовская М.Л., 1999. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования // Этология человека на пороге 21 века (М.Л. Бутовская, ред.). М.: Старый Сад, 12-71.

Бутовская М.Л., 2004. Язык тела: природа и культура. М.: Научный Мир, 438.

Бутовская М.Л., Файнберг Л.А., 1993. У истоков человеческого общества. М.: Наука, 255.

Бююль А., Цёфель П., 2002. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. М.

Бэрон Р., Ричардсон Д., 2000. Агрессия. СПб.: Питер, 352.

Этология человека на пороге 21 века: новые данные и старые проблемы. 1999. М.: Старый Сад, 488.

Archer J., 1988. The behavioural biology of aggression. Cambridge, N. Y.: Cambridge Univ. Press.

Archer J., 1992. Childhood gender roles: social context and organization // McGurk H. Childhood Social Development: Contemporary Perspectives. Hillsdale, 5: Lawrence Erlbaum, 31-61.

Archer J., Parker S., 1994. Social representations of aggression in children //Aggr. Behav., 20: 101-114.

Benton D., 1992. Hormones and human aggression // Of Mice and Women: Aspects of Female Aggression (K. Bjorkqvist, P. Niemela, eds.). San Diego, CA: Academic Press.

Björkqvist K., 1994. Sex differences in physical, verbal and indirect aggression: a review of recent research // Sex Roles, 30, 3/4: 177-188.

Björkqvist K., Niemela P., 1992. New trends in the study of female aggression // Of Mice and Women: Aspects of Female Aggression (K. Björkqvist, P. Niemela, eds.). San Diego, CA: Academic Press, 3-16.

Björkqvist K., Lagerspetz K.M.J., Kaukiainen A., 1992a. Do girls manipulate and boys fight? // Aggr. Behav., 18: 117-127.

Björkqvist K., Lagerspetz K.M.J., Osterman K., 1992b. The direct and indirect aggression scales. Vasa, Finland: Abo Akademi University, Department of Social Sciences.

Björkqvist K., Osterman K., Kaukiainen A., 1992. The development of direct and indirect aggressive strategies in males and females // Of Mice and Women: Aspects of Female Aggression (K. Björkqvist, P. Niemela, eds.). San Diego, CA: Academic Press, 51-64.

Björkqvist K., Osterman K., Lagerspetz K.M.J., 1994. Sex differences in covert aggression among adults // Aggr. Behav., 20: 27-33.

Björkqvist K., Osterman K., Kaukiainen A., 2000. Social intelligence – empathy = aggression? // Aggr. Violent Behav., 5, 2: 191-200.

Burbank V., 1987. Female aggression in cross-cultural perspective // Behavior Science Research, 21: 70-100.

Buss A.H., 1961. The psychology of Aggression. N. Y.: Wiley.

Buss A.H., Durkee A., 1957. An inventory for assessing different kinds of hostility // J. Consulting Psychology, 21: 343-349.

Butovskaya M., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A., 2000. A multicultural view of peacemaking among young children // Natural Conflict Resolution. Berkeley, Los Angeles, London. 243-258.

Campbell A., 1986. The streets and violence // Violent Transactions: The Limits of Personality (A. Campbell, J.J. Gibbs, eds.). Oxford: Blackwell, 115-132.

Campbell A., Muncer S., 1987. Models of anger and aggression in the social talk of women and men // J. Theory of Social Behavior, 17: 489-511.

Campbell A., Muncer S., Coyle E., 1992. Social representation of aggression as an explanation of gender differences: A preliminary study //Aggr. Behav., 18: 95-108.

Cook H.B.K., 1992. Matrifocality and female aggression in Margariteno society // Of Mice and Women: Aspects of Female Aggression. (K. Björkqvist, P. Niemela, eds.). San Diego, CA: Academic Press, 149-162.

Cummings L.L., 1991. Reported and observed participation of females in street-fighting in Chihuahua, Mexico // Paper Presented at the 90th Annual Meeting of the American Anthropological Association, November 20-24, Chicago.

David D.S., Brannon R., 1976. The male sex role: Ours culture's blueprint of manhood, and what it's done for us lately // The Forty-Nine Per Cent Majority: The Male Sex Role (D.S. David, R. Brannon, eds.). Reading, MA: Addison-Wesley.

Dodge K.A., Price J.M., Bachorowski J.A., Newman J.P., 1990. Hostile attributional biases in severely aggressive adolescents // J. Abnormal Psychology, 1998: 185-192.

Dumas J.E., LaFreniere P.J., Capuano F., Durning P., 1997. Manual francaise du profil socio-affectif les editions du centre de psychologue appliquee. Paris, France.

Eagly A.H., Steffen V.J., 1986. Gender and aggressive behavior: A meta-analytical review of the social psychological literature // Psychol. Bulletin, 100: 309-330.

Fossey D., 1983. Gorrilas in the Mist. Boston, MA: Houghton Mifflin.

Fraczek A., 1985. Moral approval of aggressive acts. A Polish-Finnish comparative study // J. Cross-Cultural Psychology, 16: 41-54.

Frodi A., Macaulay J., Thome P.R., 1977. Are women always less aggressive than men? // Psychol. Bulletin, 84: 634-660.

Fry D.P., 1992. Female aggression among the Zapotec of Oaxaca, Mexico // Of mice and women: aspects of female aggression (K. Björkqvist, P. Niemela, eds.). San Diego, CA: Academic Press, 187-199.

Fry D.P., Hines N., 1993. Sex differences in indirect and direct aggression in Argentina // Paper presented at the Third European Congress of Psychology. Tampere, Finland.

Holmstrom R., 1992. Female aggression among the great apes // Of mice and women: aspects of female aggression (K. Björkqvist, P. Niemela, eds.). San Diego, CA: Academic Press, 295-306.

Hyde J.S., 1984. How large are gender differences in aggression? A developmental meta-analysis // Developmental Psychology, 20: 1120-1134

LaFreniere P.J., Dumas J.E., 1996. Social competence and behavior evaluation in children aged three to six: The short form (SCBE-30) // Psychological Assessment, 8(4): 369-377.

LaFreniere P.J., Masataka N., Butovskaya M., Chen Q., Dessen M.A., Atwanger K., Schreiner S., Montirosso A., Frigerio A., 2002. Cross-cultural analysis of social competence and behavior problems in preschoolers // Early Education & Development, 13, 2: 201-219.

Lagerspetz K.M.J., Bjorkqvist K., Peltonen T., 1988. In direct aggression typical of females? Gender differences in aggressiveness in 11–12-year-old children //Aggr. Behav., 14: 403-414.

Lennon R., Eisenberg N., 1987. Gender and age differences in empathy and sympathy / / Empathy and its development. Cambridge studies in social and developmental development (N. Eisenberg, J. Strayer, eds.). N.Y.: Cambridge University Press, 195-217.

Lepowsky M., 1991. Women, men and aggression in an egalitarian society // Paper Presented at the 90th Annual Meeting of the American Anthropological Association, November 20-24, Chicago.

Maccoby E.E., Jacklin C.N., 1974. The psychology of sex differences. Stanford, CA: Stanford University Press.

Maccoby E.E., Jacklin C.N., 1980. Sex differences in aggression: A rejoinder and reprise // Child Development, 51: 964-980.

Moyer K.E., 1976. The psychobiology of aggression. N. Y.: Harper & Row.

Osterman K., Bjorkqvist K., Lagerspetz K.M.J., Kaukiainen A., Huesmann L.R., Fraczek A., 1994. Peer and self-estimated aggression and victimization in 8-year-old children from five ethnic groups // Aggr. Behav., 20: 411-428.

Osterman K., Bjorkqvist K., Lagerspetz K.M.J., Kaukiainen A., Landau S.F., Fraczek A., Pastorelli C., 1997. Sex differences in styles of conflict resolution: A developmental and cross-cultural study with data from Finland, Israel, Italy and Poland // (D.P. Fry, K. Bjorkqvist, eds.). Cultural Variation in Conflict Resolution: Alternatives to Violence. Mahwah, NJ: Erlbaum, 185-197.

Osterweil Z., Nagano-Nakamura K., 1992. Maternal views on aggression Japan and Israel // Aggr. Behav., 18: 263-270.

Rohner R.P., 1976. Sex differences in aggression: phylogenetic and enculturation perspectives // Ethos, 4: 57-72.

Sanchez-Martin J.R., Fano E., Ahedo L., Cardas J., Brain P.F., Azpiroz A., 2001. Testosterone and aggression in male and female preschool children // Prevention and Control of Aggression and the Impact on Its Victims (M. Martinez, EDS.). Kluwer Academic/Plenum Publishers, 61-69.

Thompson E.H., Pleck J.H., 1986. The structure of male role norms // Amer. Behav. Sci., 29: 531-543.

Tremblay R.E., Schaal B., Boulerice B., Arseneault L., Soussignan R.G., Paquette D., Laurent D., 1998. Testosterone, physical aggression, dominance and physical development in early adolescence // Intern. J. Behav. Develop., 22: 753-777.

Whiting B., Edwards C.P., 1973. Cross-cultural analysis of sex differences in the behavior of children aged three to eleven // J. Social Psychol., 91: 171-188.

Глава 4

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПОСТКОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У РУССКИХ И АРМЯНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Бутовская М.Л., Буркова В.Н., Тименчик В.М.

Введение

Агрессия и примирение – неотделимые аспекты человеческого существования, однако тема агрессии занимает большее внимание исследователей, чем примирение. Такой интерес мотивируется предположением, что лучшее понимание причин конфликта в будущем поможет контролировать агрессию и направлять ее в мирное русло. Но исследование агрессивного поведения не может быть отделено от исследования постконфликтного поведения (Бутовская, 1999, 2004а; Бутовская, Файнберг, 1993). Изучение примирения поможет в дальнейшем понять, какие способы наиболее конструктивно решают возникшие конфликты (Butovskaya et al., 2000). Примирение необходимо, так как ограничение агрессии адаптивно для видов, ведущих социальный образ жизни, и с неизбежностью возникает в процессе эволюции социальных систем у приматов (Бутовская, 2004б). Решение конфликта мирно наименее опасно и более выгодно, мирное решение уменьшает агрессию и риск будущего вреда (Björkqvist et al., 2000).

Исследования в области постконфликтного поведения сместили акцент анализа агрессивного поведения как внутреннего состояния индивида на анализ агрессии как производного конфликта интересов. Агрессия стала рассматриваться как один из вариантов социального решения конфликта (de Waal, 1996). Но конфликт может быть разрешен и мирным путем. В начале 80-х годов был впервые выделен в качестве объекта исследования феномен примирения (под которым подразумевались интенсивные, часто в высшей степени эмоционально окрашенные, аффилиативные взаимодействия между бывшими оппонентами) (de Waal, Yoshihara, 1983). Изучение примирения у приматов и человека показывает, что существуют естественные механизмы, накладывающие ограничения на конфликтные отношения между членами группы во имя поддержания группового единства

и кооперации (Бутовская, Файнберг, 1993; Butovskaya, Kozintsev, 1999). Риск получить ранение или опасность разрушить устоявшиеся связи с партнером в равной мере вызывают у соперников чувство тревоги и стресс, причем тревогу испытывают не только проигравшие, но и победители (Бутовская, 2004б; Aureli, 1997). Поэтому инициаторами примирения у обезьян и человека выступают не только жертвы, но и нападающие (de Waal, 1993; Butovskaya, 2001). Примирение необходимо, так как ограничение агрессии адаптивно. Необузданные агрессивные устремления ставят под удар удачное воспроизведение и выживание и агрессора, и жертвы (de Waal, 1993).

Исследования агрессивного и постконфликтного поведения у детей показывают, что социальный успех определяется не исключительно привлекательностью драки и контролем над сверстниками (Sackin, Thelen, 1984; Strayer, Noel, 1986). Агрессивные дети имеют сложности с решением социальных проблем. Социально удачные дети – это искусные социальные манипуляторы, которые легко мирятся с бывшими оппонентами и вмешиваются в конфликты между членами группы, посредством этого сохраняя социальное равновесие. Они склонны использовать как принудительные, так и объединительные стратегии (Grammer, 1992; Butovskaya, Kozintsev, 1999; Verbeek et al., 2000). Поэтому для детей очень важно приобретать навыки восстановления социальных связей и справляться с критическими ситуациями (Butovskaya et al., 2000). Однако исследования в западных культурах показывают, что дети обычно обладают базовой концепцией войны с 8 лет, но не приобретают понимания мира до 11 лет. Кроме того, мир определяется как отсутствие войны и насилия (негативный мир), и лишь в раннем юношестве определяется как кооперация и мирное сосуществование (позитивный мир) (Cooper, 1965; Alvik, 1968).

Исследования поведения примирения показывают, что навыки решения конфликтов мирным путем улучшаются с возрастом. И.Л. Коломинский и Б.П. Жизневский (Kolominskii, Zhiznevskii, 1992) изучали примирение у очень маленьких детей. Они нашли, что наиболее часто употребляемый способ решения конфликта со сверстниками в возрасте 1–3 лет – физическое влияние, тогда как дети 3–4 лет чаще используют вербальные навыки. При этом в первом случае конфликты чаще решались неблагополучно. Помощь взрослых была использована только 3–4-летними детьми, в то время как 4-5-летние дети сами решали свои конфликты в процессе игры. Навыки примирения последовательно развиваются и в течение юношества. Например, исследование 11- и 17-летних подростков показало увеличение частоты конструктивного разрешения конфликтов с возрастом (Leyva, Furth, 1986). Таким образом, можно предположить, что навыки примирения связаны с социальной компетентностью, которая также увеличивается с возрастом (Osterman et al., 1997).

Данные о наличии гендерных различий в способах примирения у человека показывают, что девочки лучше мирятся в конфликтах, они более социально ком-

петентны, чем мальчики, и эти навыки могут использовать для обеих целей, агрессивных и мирных (Бутовская, 2004б; Grammer, 1992; Osterman et al., 1997; Ohbuchi, Yamamoto, 1990). Исследования Миллера с соавторами среди 5- и 7-летних детей показали, что у мальчиков наблюдается тенденция использовать угрозы и физическую силу, тогда как девочки пытаются ослабить конфликт, особенно среди девочек. К тому же девочки чаще оказывают помощь другим детям в сложностях и более внимательны к маленьким детям (Butovskaya, Demianovitsch, 2002). В способах примирения мальчики чаще используют рукопожатия, похлопывания по плечу, а девочки – объятия, поцелуи, извинения, подарки и т.п. (Grammer, 1992; Butovskaya, 2001). Существуют гендерные различия во времени примирения после конфликта (Butovskaya, 2001; Butovskaya et al., 2000; Verbeek, 1997).

Тенденция детей к примирению может увеличиваться с возрастом и может быть соединена с культурными нормами и представлениями. Дети убеждены, что они должны реставрировать отношения со сверстниками и что агрессоры должны извиняться за свое дурное поведение. Такие представления базируются на привязанности и признании группового членства и необходимости групповой интеграции (Butovskaya, 2001; Butovskaya et al., 2000).

В данном исследовании мы ставили следующие задачи:

- Выявить гендерные различия по типам постконфликтного поведения в исследованных выборках;
- Оценить возрастную динамику постконфликтного поведения в двух исследованных культурах;
- Проанализировать культурные различия в проявлении постконфликтного поведения в исследованных выборках и сравнить динамику развития моделей примирения в двух культурах.

Методы

Подробнее о методах и объектах данного исследования см. гл. 3, «Кросс-культурные различия агрессивного поведения у русских и армянских подростков».

Результаты

Множественный дисперсионный анализ

С помощью множественного дисперсионного анализа (Multivariate Tests, MANOVA 4×2×2) мы определили вклад в различия по постконфликтному поведению таких факторов, как пол, возраст и этничность (независимые межгрупповые факторы). Каждый из этих факторов оказывал достоверное влияние на постконфликтное

Таблица 4.1. Факторы, определяющие характер постконфликтного поведения у подростков в русской и армянской выборках

Фактор	F	df	p
пол	10,237	32	0,000
возраст	8,528	192	0,000
этничность	65,109	32	0,000
пол × возраст	0,839	192	0,000
пол × этничность	2,869	32	0,000
возраст × этничность	0,695	96	0,000
пол × возраст × этничность	0,941	96	не дос.

F – F-критерий; df – число степеней свободы; p – уровень значимости.

фликтное поведение школьников. Кроме того, оказалось, что значимый сопряженный парный эффект наблюдался по всем факторам, тогда как тройной эффект в комбинации пол × возраст × этничность оказался незначимым (табл. 4.1).

При анализе влияния тех же трех независимых факторов (пол, возраст, этничность) на отдельные показатели постконфликтного поведения было показано следующее. Эффект пола оказался незначим по параметрам примирение (вопрос №23), вмешательство третьих лиц (№36) (расшифровку самих вопросов см. в табл. 3.1).

Факторы возраста и этничности оказывали значимое влияние на все без исключения параметры постконфликтного поведения.

Взаимосвязь пол × возраст оказалась незначима по всем параметрам.

Взаимосвязь пол × этничность значима по следующим параметрам: примирение (№23), способы примирения (34,36).

Взаимосвязь возраст × этничность имеет высокую значимость по всем параметрам без исключения.

Взаимосвязь пол × возраст × этничность значима всего лишь по одному параметру: способ примирения (№34).

Анализ главных компонент

Для выявления значимости исследуемых параметров агрессивного поведения у мальчиков и девочек нами был проведен анализ главных компонент.

Расчеты показали, что постконфликтное поведение русских мальчиков 11–12 лет описывается следующими четырьмя главными компонентами (эти компоненты объясняют 44,6% стратегий постконфликтного поведения мальчиков 11–12 лет) (табл. 4.2). Первая главная компонента была обозначена нами как фактор активной примирительной позиции с бывшими оппонентами. Вторая главная компонента отражает активное примирение в качестве третьего лица и объективность примирительного поведения. Третья главная компонента характеризует способы

Таблица 4.2. Постконфликтное поведение русских мальчиков 11–12 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
31. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	0,660	–	–	–
32. Если я был зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым	0,623	–	–	–
33. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры	–0,660	–	–	–
35. Если меня обидели, я мирюсь первым	0,668	–	–	–
36. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели	–0,732			
42. Когда я мирюсь с кем-либо, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск	–	–	0,629	–
44. Когда другие ссорятся, я пытаюсь разрядить обстановку и урегулировать проблему	–	0,596	–	–
45. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	–	0,675	–	–
47. Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	–	–	–	0,695
50. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	0,539	–	–	–
52. Когда другие дерутся, я разнимаю их	–	–	–	–0,528
55.Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	–	–	–	0,607
56. Когда я мирюсь с кем-либо, я обнимаю, целую, глажу его	–	–	0,737	–
Доля от общей изменчивости, %	15,4	10	9,8	9,4

Итого: 44,6%.

примирения с бывшим противником. Четвертая объясняет типичное для мальчиков поведение (интерес к потасовке).

Постконфликтное поведение русских девочек 11–12 лет описывается следующими четырьмя компонентами, которые объясняют 44,4% их стратегий (табл. 4.3). Первая главная компонента – это фактор активной примирительной позиции. Вторая главная компонента показывает, что девочки активно вовлекаются в постконфликтную ситуацию, даже если сами не участвуют в ней. Третья – фактор нейтральности: стратегия поведения обезличена, осуществляется по принципу справедливости. Четвертая главная компонента – фактор мальчишеского поведения (интерес к потасовке).

Таким образом, у русских девочек наблюдается двойственная стратегия постконфликтного поведения: с одной стороны, они хотят поддержать слабого, что обусловлено культурными стереотипами, как должна вести себя женщина, а с другой стороны, в реальной ситуации они поступают так, как им выгодно – поддерживают своих друзей (Бутовская, 1998). Использование одинаковых страте-

Таблица 4.3. Постконфликтное поведение русских девочек 11–12 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
31. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	0,653	–	–	–
32. Если я был зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым	0,753	–	–	–
35. Если меня обидели, я мирюсь первым	0,474	–	–	–
36. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели	–	–	0,732	–
38. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	–	0,577	–	–
40. Когда я мирюсь с кем-либо, я касаюсь его рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку	0,481	–	–	–
44. Когда другие ссорятся, я пытаюсь разрядить обстановку и урегулировать проблему	–	0,659	–	–
45. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	–	–	0,616	–
47. Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	–	–	–	0,676
49. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю жертву (более слабого)	–	0,506	–	–
50. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	0,650	–	–	–
52. Когда другие дерутся, я разнимаю их	–	0,477	–	–0,515
55. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	–	–	–	0,553
58. Когда другие ссорятся (дерутся), я предпочитаю держаться от них подальше	–	–	0,660	–
Доля от общей изменчивости, %	14,7	11	9,9	8,8

Итого: 44,4%.

гий у мальчиков и девочек (четвертая главная компонента) объясняется возрастом, т.к. в 11–12 лет еще нет четкой половой дифференциации.

В таблице 4.4 отражены результаты по постконфликтному поведению русских мальчиков 14-15 лет. Их поведение описано следующими четырьмя компонентами, которые объясняют 49,7% стратегий их постконфликтного поведения. Первая главная компонента описывает фактор активной примирительной позиции с бывшими оппонентами. Вторая главная компонента отражает активное примирение в качестве третьего лица и объективность примирительного поведения (культурный стереотип постконфликтного поведения). Третья описывает более реальное и более выгодное поведение – поддержка друзей. Четвертая главная компонента – промежуток времени, через который происходит примирение (более быстрое примирение, если оппонент сам был инициатором конфликта).

Постконфликтное поведение русских девочек 14–15 лет описывается следующими четырьмя компонентами, которые объясняют 46,2% стратегий их посткон-

Таблица 4.4. Постконфликтное поведение русских мальчиков 14–15 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
32. Если я был зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым	0,628	–	–	–
33. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры	–	–	–	0,688
35. Если меня обидели, я мирюсь первым	–	–	0,585	–
36. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели	–	–	–	0,766
38. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	–	–	0,722	–
40. Когда я мирюсь с кем-либо, я касаюсь его рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку	0,661	–	–	–
44. Когда другие ссорятся, я пытаюсь разрядить обстановку и урегулировать проблему	–	0,697	–	–
45. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	0,598	–	–	–
47. Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	–	–0,732	–	–
49. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю жертву (более слабого)	–	0,473	,483	–
50. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	0,704	–	–	–
52. Когда другие дерутся, я разнимаю их	–	0,826	–	–
55. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	–	–	,511	–
Доля от общей изменчивости, %	15,8	14,2	9,8	9,8

Итого: 49,7%.

фликтного поведения (табл. 4.5). Первая главная компонента была обозначена нами как фактор культурных стереотипов постконфликтного взаимодействия: участие в конфликте как третьего лица и урегулирование конфликта, поддержка более слабого. Вторая главная компонента – время примирения. Третья – поддержка агрессора. Четвертая главная компонента – неучастие в конфликте и его урегулировании как третьего лица.

Таким образом, можно заключить, что постконфликтное поведение 14–15-летних русских мальчиков и девочек имеет много сходства. Ответы отражают некие культурные представления о примирении (урегулирование конфликтов, поддержка слабого), но в реальности они или избегают участия в чужих конфликтах, или поддерживают своих друзей вне зависимости от справедливости.

Расчеты показали, что постконфликтное поведение русских мальчиков 16–17 лет описывается следующими четырьмя главными компонентами (эти компоненты объясняют 56,6% стратегий постконфликтного поведения мальчиков 16–17 лет) (табл. 4.6). Первая главная компонента описывает время примирения (быстрое по отношению к друзьям, но медленное или нежелание мириться по отноше-

Таблица 4.5. Постконфликтное поведение русских девочек 14–15 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
31. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	0,688	–	–	–
32. Если я был зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым	0,641	–	–	–
33. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры	–	0,853	–	–
36. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели	–	0,828	–	–
38. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	–	–	0,670	–
40. Когда я мирюсь с кем-либо, я касаюсь его рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку	–	–	0,540	–
44. Когда другие ссорятся, я пытаюсь разрядить обстановку и урегулировать проблему	0,710	–	–	–
45. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	0,622	–	–	–
47. Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	–	–	–	0,625
50. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	0,492			
52. Когда другие дерутся, я разнимаю их	0,501	–	–	–0,615
55. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	–	–	0,579	–
58. Когда другие ссорятся (дерутся), я предпочитаю держаться от них подальше	–	–	–	0,615
Доля от общей изменчивости, %	16,6	10,3	9,7	9,6

Итого: 46,2%.

нию к тем, кого не любят). Вторая главная компонента – активное примирение со всеми членами группы без исключения, что отражает социальную компетентность (понимание ценности поддержания социальных связей в коллективе, кооперации и взаимодействия). Третья и четвертая главные компоненты характеризуют разнообразие способов примирения, характерных для этого возраста (объятья, прикосновения, пожимание рук, похлопывание по плечу, дарение подарков, предложения дать послушать диск, приглашения провести вместе досуг).

В таблице 4.7 отражены расчеты по постконфликтному поведению русских девочек 16–17 лет. Их поведение описано следующими четырьмя компонентами, которые объясняют 49,8% стратегий их постконфликтного поведения. Первая главная компонента описывает активное примирительное поведение девочек по отношению к тем, кого они не любят. Вторая главная компонента такая же, как у мальчиков – фактор социальной компетенции. Третья отражает разнообразие способов примирения, так же как у мальчиков, но девочки помимо этого прибегают к

Таблица 4.6. Постконфликтное поведение русских мальчиков 16–17 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	0,721	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,678	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–0,620	–	–	–
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	0,501	–0,501	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,802	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,728	–	–	–
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	0,691	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,639	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–0,498	–	0,503	–
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях)?				
1. с друзьями	0,566	–0,469	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,768	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,838	–	–	–
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку				
1. с друзьями	–	–	0,544	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,737	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,729	–
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск				
1. с друзьями	–	–	0,644	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,585	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,715	–
34. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	–	0,552	–	–
35. Когда другие дерутся, я разнимаю их	–	0,521	–	–
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его				
1. с друзьями	–	–	–	0,818
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	–	0,809
3. с теми, кого я не люблю	–	–	–	0,804
Доля от общей изменчивости, %	16,9	15,2	14,0	10,5

Итого: 56,6%.

посторонней помощи, если сами не могут помириться с кем-либо. Четвертая главная компонента – время примирения с бывшими соперниками.

Постконфликтное поведение армянских мальчиков 9 лет описывается следующими четырьмя компонентами, которые объясняют 44,5% стратегий их пост-

Таблица 4.7. Постконфликтное поведение русских девочек 16–17 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
23. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	–	0,489	–	–
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	0,771	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,650	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,475	–	–
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	–	–	0,749
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	–	0,747
3. с теми, кого я не люблю	–	–	–	0,455
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	0,551	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,503	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,518	–	–	–
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	–	–	0,758
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	–	0,675
3. с теми, кого я не люблю	–0,495	–	–	–
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку				
1. с друзьями	–	–	0,696	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,510	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,681	–	–	–
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск				
1. с друзьями	–	–	0,661	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,473	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,595	–	–	–
35. Когда другие дерутся, я разнимаю их	–	0,572	–	–
36. Когда я сам(а) не могу помириться с кем-либо, я обращаюсь за помощью к третьим лицам	–	–	0,623	–
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его				
1. с друзьями	–	0,669	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,486	–
3. с теми, кого я не люблю	0,716	–	–	–
Доля от общей изменчивости, %	15,0	12,0	11,6	11,2

Итого: 49,8%.

конфликтного поведения (табл. 4.8). Первая главная компонента была обозначена нами как фактор времени примирения (быстрое по отношению к друзьям, но медленное или нежелание мириться по отношению к тем, кого не любят). Вторая и третья главные компоненты описывают активное примирение мальчиков со всеми

Таблица 4.8. Постконфликтное поведение армянских мальчиков 9 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
23. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	–	0,616	–	–
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	0,594	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,598	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,618	–	–
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	0,646	–	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,769	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,620	–	–	–
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	–	0,580	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,482	–	–
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	0,580	–	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,685	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,457	–	–	–
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку:				
1. с друзьями	–	–	0,715	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,608	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,524	–	–
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск:				
1. с друзьями	–	–	0,608	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	–	0,665
3. с теми, кого я не люблю	–	–	–	0,686
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его:				
1. с друзьями	–	–	–	0,662
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	–	0,541
3. с теми, кого я не люблю	–	–	–	0,533
Доля от общей изменчивости, %	12,4	11,1	11,0	10,0

Итого: 44,5%.

членами группы, и даже большее желание мириться с теми, кого они не любят (вторая компонента), что отражает социальную компетентность мальчиков уже в этом возрасте (понимание ценности поддержания социальных связей в коллективе, кооперация и взаимодействие). К тому же мальчики предпочитают использовать самые различные способы примирения, что четко выражено в вопросах, значимых для третьей и четвертой компонент (рукопожатие, похлопывание по плечу, приглашения провести вместе досуг, подарки, объятия, поцелуи).

Таблица 4.9. Постконфликтное поведение армянских девочек 9 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
23. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	–	–	–	0,529
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	–	–	0,491
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,457	–	–	–
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	0,585	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,784	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,665	–	–
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	0,704	–	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,795	–	–	–
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	0,692	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,642	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,723	–	–
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку:				
1. с друзьями	0,588	–	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,504	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,633	–
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск:				
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,682	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,787	–
34. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	–	–	–	0,461
36.Когда я сам(а) не могу помириться с кем-либо, я обращаюсь за помощью к третьим лицам:	–	–	–	0,648
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его:				
1. с друзьями	–	–	–	0,637
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,659	–
Доля от общей изменчивости, %	12,9	12,8	12,5	8,7

Итого: 46,8%.

В таблице 4.9 отражены расчеты по постконфликтному поведению армянских девочек 9 лет, четыре главные компоненты объясняют 46,8% стратегий их постконфликтного поведения. Первая главная компонента описывает активное примирительное поведение девочек по отношению к друзьям и тем, кого они не любят. Вторая главная компонента – время примирения (быстрое по отношению

к друзьям, но медленное или нежелание мириться по отношению к тем, кого не любят). Третья отражает способы примирения по отношению к тем, кого они не любят – касание рукой, похлопывание по плечу, рукопожатие, приглашение провести вместе досуг, обещание дать что-нибудь. Четвертая – активная примирительная позиция девочек, особенно по отношению к друзьям, и в этом случае девочки используют такие способы примирения, как вербальные извинения, объятия, поцелуи. Кроме того, девочки часто используют помощь третьих лиц, если они сами не могут разрешить конфликт.

Таким образом, результаты таблиц 4.8 и 4.9 показывают, что армянские школьники 9 лет активно мирятся со всеми членами группы, даже с теми, кого они не любят. Они используют самые разнообразные способы примирения, но только девочки практикуют вербальные извинения. К тому же девочки склонны использовать помощь третьих лиц. Гендерных различий по фактору времени примирения не наблюдается (быстрое по отношению к друзьям, но медленное или нежелание мириться по отношению к тем, кого не любят).

Постконфликтное поведение армянских мальчиков 11–12 лет описывается следующими четырьмя главными компонентами (табл. 4.10). Они объясняют 43,5% стратегий их постконфликтного поведения. Первая главная компонента – это фактор способов примирения, которые они используют с теми, кого они не любят и кто им безразличен (рукопожатия, похлопывания по плечу, подарки, приглашения вместе провести досуг, объятия и поцелуи). Вторая главная компонента – время примирения (быстрое по отношению к друзьям, но медленное или нежелание мириться по отношению к тем одноклассникам, которые им безразличны, и к тем, кого не любят). Третья описывает активное примирение мальчиков с одноклассниками, которые им безразличны, и с теми, кого не любят. Четвертая главная компонента – фактор примирения с друзьями и способы примирения (рукопожатие, похлопывание по плечу, приглашения провести вместе досуг, подарки, вербальные извинения).

Расчеты показали, что постконфликтное поведение армянских девочек 11–12 лет описывается следующими четырьмя главными компонентами (эти компоненты объясняют 49,3% стратегий агрессивного поведения армянских девочек) (табл. 4.11). Первая главная компонента была обозначена нами как фактор способов примирения по отношению к тем, кто им безразличен, и к тем, кого они не любят – касание рукой, похлопывание по плечу, рукопожатие, приглашение провести вместе досуг, обещание дать что-нибудь, объятия, поцелуи. Вторая главная компонента – как фактор активного примирительного поведения девочек по отношению к друзьям (касание рукой, похлопывание по плечу, рукопожатие, приглашение провести вместе досуг, обещание дать что-нибудь, объятия, поцелуи и вербальные отношения). Третья главная компонента характеризует время примирения (быстрое по отношению к друзьям, но медленное или нежелание мириться по отношению к тем, кто им безразличен, и к тем, кого не любят). Четвертая главная

Таблица 4.10. Постконфликтное поведение армянских мальчиков 11–12 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	–	–	0,567
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,637	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,566	–
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	0,485	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,655	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,557	–	–
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	–	–	0,479
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,662	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,584	–
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	0,693	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,781	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,708	–	–
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку:				
1. с друзьями	–	–	–	0,500
3. с теми, кого я не люблю	0,452	–	–	–
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск:				
1. с друзьями	–	–	–	0,501
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,628	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,616	–	–	–
34. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощение	–	–	–	0,561
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его:				
1. с друзьями	0,564	–	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,727	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,659	–	–	–
Доля от общей изменчивости, %	12,3	12,0	10,3	8,9

Итого: 43,5%.

компонента объясняет активную примирительную позицию девочек по отношению ко всем членам группы.

Итак, и у мальчиков, и у девочек 11–12 лет из Армении наблюдается активная примирительная позиция, у девочек она более сильно выражена по отношению к друзьям. Также у обоих полов приняты вербальные извинения. Время примирения среди мальчиков и девочек одинаково – быстрое по отношению к друзьям, но медленное или нежелание мириться по отношению к тем, кто им безразличен, и к тем, кого не любят.

Таблица 4.11. Постконфликтное поведение армянских девочек 11–12 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
23. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	–	–	–	0,720
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	0,460	–	0,464
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	–	0,645
3. с теми, кого я не люблю	–	–	–	0,591
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	–0,593	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,740	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,627	–
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	–	–	0,545
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	–	0,584
3. с теми, кого я не люблю	0,544	–	–	0,504
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	–0,589	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,809	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,599	–
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку:				
1. с друзьями	–	0,489	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,742	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,655	–	–	–
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск:				
1. с друзьями	–	0,583	0,459	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,685	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,600	–	,	–
34. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	–	0,642	–	–
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его:				
1. с друзьями	–	0,723	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,616	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,515	–	–	–
Доля от общей изменчивости, %	13,7	12,2	11,8	11,7

Итого: 49,3%.

Постконфликтное поведение армянских мальчиков 14 лет описывается следующими четырьмя компонентами, которые объясняют 50,9% стратегий их постконфликтного поведения (табл. 4.12). Первая главная компонента – это фактор времени примирения (быстрое по отношению к друзьям, но медленное или нежелание мириться по отношению к тем одноклассникам, которые им безразличны,

Таблица 4.12. Постконфликтное поведение армянских мальчиков 14 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):				
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,625	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,513	–
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	0,687	–	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,707	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,589	–	–	–
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):				
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,623	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,621	–
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	0,730	–	–	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,794	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,657	–	–	–
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку:				
1. с друзьями	–	–	–	0,721
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,559	0,451
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,630	–
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск:				
1. с друзьями	–	0,463	–	0,463
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,784	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,798	–	–
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его:				
1. с друзьями	–	–	–	0,709
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,746	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,803	–	–
Доля от общей изменчивости, %	14,6	13,9	12,2	10,3

Итого: 50,9%.

и к тем, кого не любят, при этом с возрастом время примирения с теми, кто им безразличен и кого они не любят, все более возрастает). Вторая главная компонента обозначена нами как фактор способов примирения, используемых мальчиками по отношению ко всем членам группы (подарки, приглашения вместе провести досуг, объятия и поцелуи). Третья – фактор активного примирения мальчиков с одноклассниками, которые им безразличны, и с теми, кого не любят, и такой способ примирения, как рукопожатия, похлопывания по плечу. Четвертая главная компонента объясняет способы примирения с друзьями (рукопожатие, похлопывание по плечу, приглашения провести вместе досуг, подарки, объятия и поцелуи).

Таблица 4.13. Постконфликтное поведение армянских девочек 14 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
23. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	–	–	–	0,543
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	–	–	0,647
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–0,462	–	0,620
3. с теми, кого я не люблю	–	–	–	0,573
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	–	–0,611	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,785	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,779	–	–
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	–	–	0,588
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,628	–	–	0,502
3. с теми, кого я не люблю	0,743	–	–	–
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):				
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,689	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,711	–	–
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку:				
1. с друзьями	–	–	0,727	–
3. с теми, кого я не люблю	0,509	–	–	–
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск:				
1. с друзьями	–	–	0,678	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,613	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,693	–	–	–
34. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	–	–	0,491	–
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его:				
1. с друзьями	–	–	0,773	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,515	–	0,476	–
3. с теми, кого я не люблю	0,617	–	–	–
Доля от общей изменчивости, %	14,4	13,6	13,3	10,3

Итого: 51,6%.

В таблице 4.13 показаны расчеты четырех главных компонент, объясняющих 51,6% стратегий постконфликтного поведения армянских девочек 14 лет. Первая главная компонента – это активная примирительная позиция и способы примирения по отношению к тем, кто им безразличен, и к тем, кого они не любят – касание рукой, похлопывание по плечу, рукопожатие, приглашение провести вместе

досуг, обещание дать что-нибудь, объятия, поцелуи. Вторая главная компонента отражает время примирения (быстрое по отношению к друзьям, но медленное или нежелание мириться по отношению к тем, кто им безразличен, и к тем, кого не любят). Третья – активное примирительное поведение девочек по отношению к друзьям (касание рукой, похлопывание по плечу, рукопожатие, приглашение провести вместе досуг, обещание дать что-нибудь, объятия, поцелуи и вербальные извинения). Четвертая – активная примирительная позиция девочек по отношению ко всем членам группы.

Таким образом, и мальчики, и девочки 14 лет из Армении активно мирятся со всеми членами группы. Но только девочки используют вербальные извинения как способ примирения. Время примирения у обоих полов – быстрое по отношению к друзьям, но медленное или нежелание мириться по отношению к тем, кто им безразличен, и к тем, кого не любят, с возрастом эта тенденция возрастает.

Постконфликтное поведение армянских мальчиков 16 лет описывается следующими четырьмя компонентами, которые объясняют 53,6% стратегий их постконфликтного поведения (табл. 4.14). Первая главная компонента была обозначена нами как фактор способов примирения, используемых мальчиками со всеми членами группы (подарки, приглашения вместе провести досуг, объятия и поцелуи). Вторая главная компонента – активное примирение мальчиков с одноклассниками, которые им безразличны, и с теми, кого они не любят, и такой способ примирения, как рукопожатия, похлопывания по плечу. Третья главная компонента – время примирения (быстрое по отношению к друзьям, но медленное или нежелание мириться по отношению к тем одноклассникам, которые им безразличны, и к тем, кого не любят; кроме того, интервал времени увеличивается в случае, если респондент не был зачинщиком конфликта). Четвертая главная компонента – активное примирение с друзьями и способы примирения с ними (рукопожатие, похлопывание по плечу, приглашения провести вместе досуг, подарки, объятия и поцелуи).

В таблице 4.15 отражены расчеты анализа главных компонент по постконфликтному поведению армянских девочек 16 лет, они объясняют 52,6% стратегий их постконфликтного поведения. Первая главная компонента описывает активную примирительную позицию девочек и способы примирения по отношению к тем, кто им безразличен, и к тем, кого они не любят – касание рукой, похлопывание по плечу, рукопожатие, приглашение провести вместе досуг, обещание дать что-нибудь, объятия, поцелуи и вербальные извинения. Вторая главная компонента – фактор времени примирения (быстрое по отношению к друзьям, но медленное или нежелание мириться по отношению к тем, кто им безразличен, и к тем, кого не любят). Третья – активное примирительное поведение девочек по отношению к друзьям (касание рукой, похлопывание по плечу, рукопожатие, приглашение провести вместе досуг, обещание дать что-нибудь, объятия, поцелуи). Четвертая – примирение у девочек по отношению ко всем членам группы.

Таблица 4.14. Постконфликтное поведение армянских мальчиков 16 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	–	–	0,612
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,593	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,668	–	–
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	–	0,590	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,770	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,610	–
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	–	–	0,498
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,489	0,513	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,595	–	–
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	–	0,609	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	–	0,826	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–	0,693	–
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку:				
1. с друзьями	–	–	–	0,787
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,753	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,800	–	–
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск:				
1. с друзьями	0,493	–	–	0,540
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,787	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,824	–	–	–
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его:				
1. с друзьями	0,508	–	–	0,503
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,770	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,809	–	–	–
Доля от общей изменчивости, %	16,3	13,8	13,4	10,1

Итого: 53,6%.

Таким образом, среди армянских мальчиков и девочек 16 лет наблюдается активная примирительная позиция по отношению ко всем членам группы. Но только девочки используют вербальные извинения как способ примирения. Время примирения у обоих полов быстрое по отношению к друзьям, но медленное (желание помириться может просто отсутствовать) по отношению к тем, кто им безразличен, и к тем, кого не любят. Вместе с тем у девочек время примирения по отношению к друзьям меньше, чем у мальчиков.

Таблица 4.15. Постконфликтное поведение армянских девочек 16 лет

Вопросы	PC1	PC2	PC3	PC4
23. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	0,513	–	–	–
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	–	0,560	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,467	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	–0,506	–	–
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	–	–0,524	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,761	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,784	–	–
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):				
1. с друзьями	–	–	–	0,627
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,456	–	–	0,693
3. с теми, кого я не люблю	–	–	–	0,577
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):				
1. с друзьями	–	–	–	–0,451
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	–	0,757	–	–
3. с теми, кого я не люблю	–	0,706	–	–
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку:				
1. с друзьями	–	–	0,659	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,683	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,709	–	–	–
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск:				
1. с друзьями	–	–	0,626	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,706	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,719	–	–	–
34. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	0,772	–	–	–
38 .Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его:				
1. с друзьями	–	–	0,676	–
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	0,679	–	–	–
3. с теми, кого я не люблю	0,651	–	–	–
Доля от общей изменчивости, %	18,7	13,2	12,4	8,3

Итого: 52%.

Результаты факторного анализа постконфликтного поведения у русских и армянских школьников показывают, что:

• Гендерные различия постконфликтного поведения у русских школьников 11–12 лет невелики – у обоих полов ярко выражена активная примирительная позиция. В 14–15 лет русские школьники также активно мирятся и вмешиваются

в конфликты, но у них возрастает время примирения с бывшим соперником. В 16–17 лет время примирения еще больше увеличивается, но девочки проявляют большую социальную компетентность (активное примирение с теми, кого не любят). В этом возрасте наблюдается большее разнообразие способов примирения (объятья, прикосновения, пожимание рук, похлопывание по плечу, дарение подарков, предложения дать послушать диск, приглашения провести вместе досуг, обращение за помощью к третьему лицу), тогда как для более раннего возраста более типичны вербальные извинения и пожимание рук, похлопывание по плечу.

• В армянской культуре у обоих полов ярко выражена активная примирительная позиция по отношению ко всем членам группы во всех возрастах. В 9-летнем возрасте дети даже более активно мирятся с теми, кого не любят, а у 11–12-летних девочек примирение больше выражено по отношению к друзьям. Школьники всех возрастов используют самые разнообразные способы примирения – похлопывания по плечу, рукопожатия, подарки, приглашения вместе провести досуг, объятия и поцелуи, но только девочки используют вербальные извинения, исключая 11–12-летний возраст, где такой способ практикуется и у мальчиков. Помимо этого, в 9 лет армянские девочки используют помощь третьих лиц, если сами не могут разрешить возникший конфликт. Время примирения во всех возрастах быстрое по отношению к друзьям и более медленное по отношению к тем, кто им безразличен и кого они не любят, но с возрастом этот интервал уменьшается по отношению к друзьям и увеличивается по отношению к остальным членам группы.

Возрастная динамика постконфликтного поведения (русские и армяне)

Для сравнения возрастных групп и выявления культурных различий было выделено 8 основных параметров. Результаты представлены на рисунках 4.1–4.8.

Как видно на рисунке 4.1, гендерные различия поведения примирения у русских школьников не так резко выражены, как у армян. У русских школьников уровень примирения снижается к 14–15 годам и после увеличивается. У армянских мальчиков тенденция противоположная – увеличивается к 14–15 годам и снижается после. У девочек из Армении можно наблюдать снижение уровня поведения примирения с некоторыми колебаниями. Сравнив две культуры, можно сказать, что у армян уровень примирения выше, чем у русских. Кроме того, у русских школьников уровень примирения растет с возрастом, а у армянских – снижается.

Интересно, что у русских респондентов при примирении нет разницы, кто был инициатором конфликта, в любом случае у них снижается уровень примирения к 14–15 годам, а после этого возраста увеличивается (см. рис. 4.2а, 4.3а). По армянам результаты другие (см. рис. 4.2б, 4.3б). Если подросток является инициатором ссоры (драки), он должен мириться первым, эта тенденция с возрастом возрастает, особенно у мальчиков, если же его обидели, уровень примирения резко снижается, и с возрастом эта тенденция продолжается. Такую ситуацию мож-

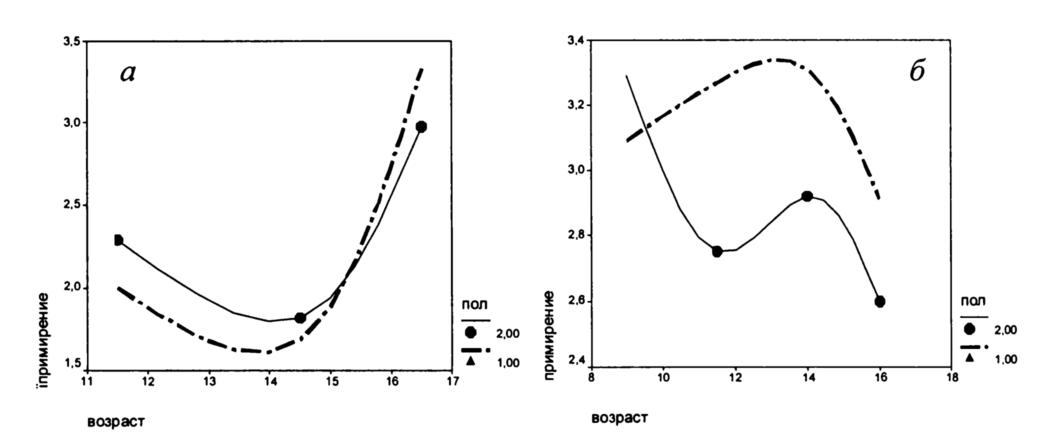

Рис. 4.1. Примирение у школьников
а – русских, *б* – армянских
1,00 – мальчики, 2,00 – девочки (здесь и далее во всех рисунках)

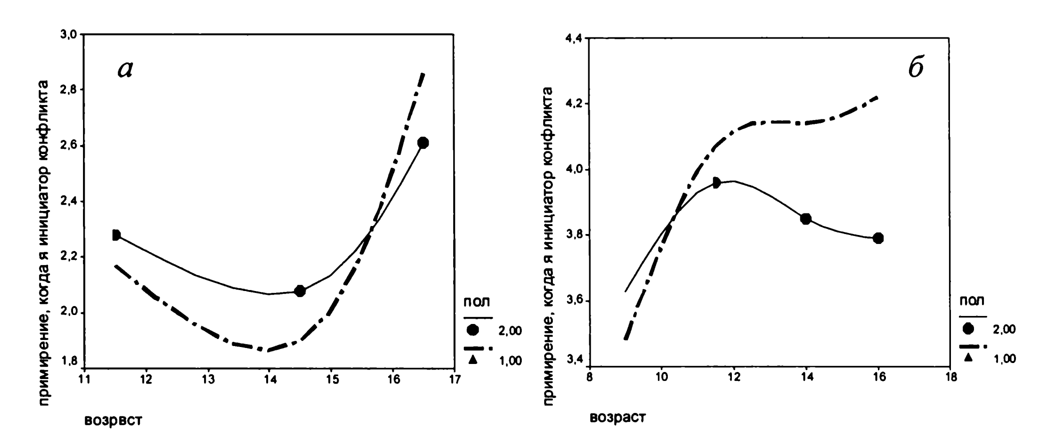

Рис. 4.2. Примирение в случае, если респондент является инициатором конфликта
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

но объяснить иными социальными установками в Армении по сравнению с Россией – видимо, существуют более строгие и регламентированные установки, как себя вести в определенной ситуации. Кроме этого, необходимо отметить, что уровень примирения у армянских девочек ниже в любом случае, чем у мальчиков, тогда как у русских девочек этот уровень немного больше, чем у мальчиков. Но, сравнив обе культуры, можно заключить, что армянские школьники лучше мирятся в конфликтах по сравнению с русскими.

Сравнив способы примирения у школьников из Армении и России, необходимо заметить, что уровень использования всех способов примирения выше у армянских респондентов (см. рис. 4.4–4.7).

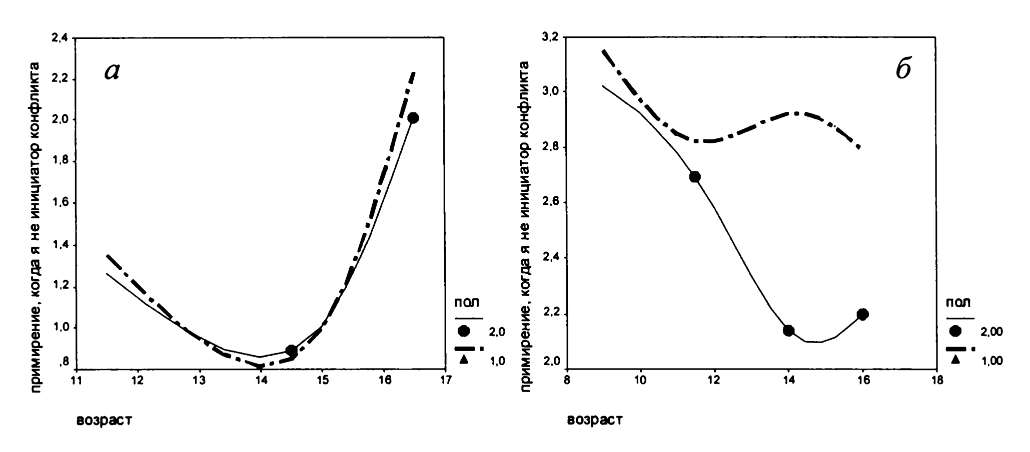

Рис. 4.3. Примирение в случае, если респондент не был инициатором конфликта *а* – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

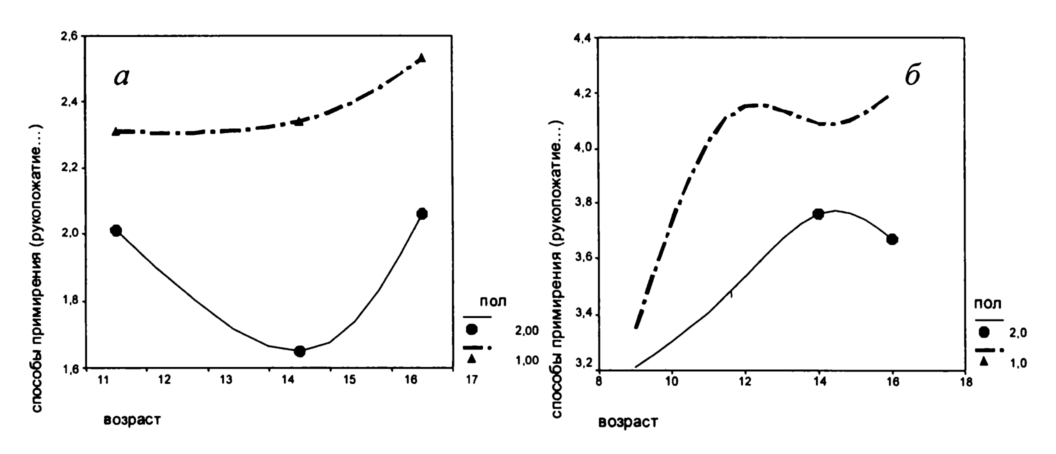

Рис. 4.4. Использование такого способа примирения, как рукопожатия, похлопывания по плечу и т.п. *а* – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

Рукопожатия, похлопывания по плечу практикуются в обеих культурах больше мальчиками, чем девочками, причем у русских мальчиков уровень использования этого способа примирения лишь немного увеличивается с возрастом, а у армянских мальчиков происходит резкое повышение с 9 до 11–12 лет (см. рис. 4.4).

Подарки, приглашения вместе провести досуг чаще используются русскими девочками, чем мальчиками, тогда как у армянских школьников резких гендерных различий не наблюдается (см. рис. 4.5).

Вербальные (словесные) извинения при примирении практикуются в обеих культурах больше девочками, но интересно, что у русских школьников наблюда-

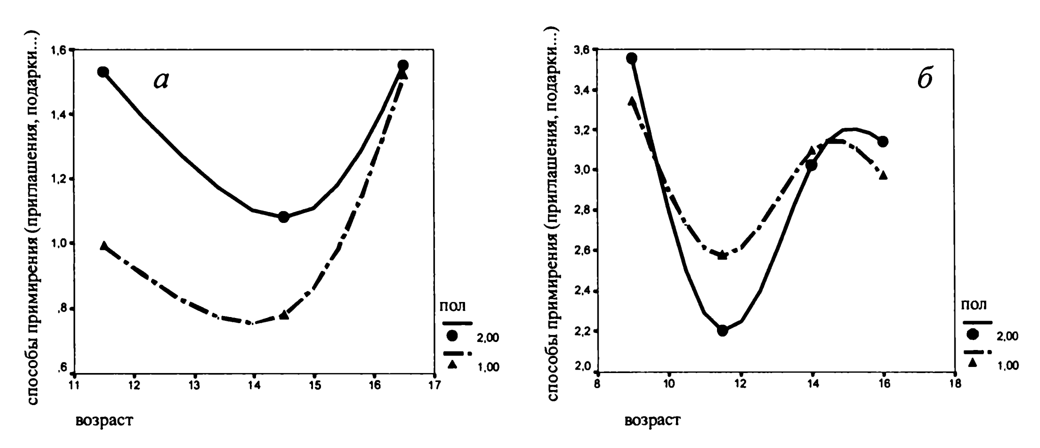

Рис. 4.5. Использование такого способа примирения, как подарки, приглашения вместе провести досуг и т.п.
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

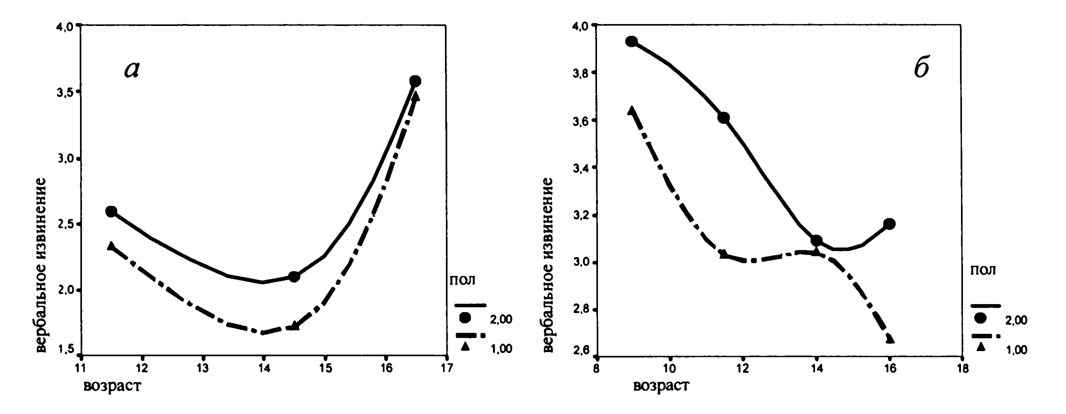

Рис. 4.6. Использование такого способа примирения, как вербальные извинения
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

ется тенденция к более частому использованию этого способа с 14–15 лет, тогда как армянские школьники с возрастом все реже прибегают к этому способу (см. рис. 4.6).

Объятия, поцелуи, поглаживания также чаще используют девочки, но у русских девочек и мальчиков и у армянских девочек с возрастом этот способ примирения пользуется все большей популярностью, а у армянских мальчиков наоборот (см. рис. 4.7).

На рисунке 4.8 показано, насколько часто школьники обращаются за помощью к третьим лицам, если сами не могут справиться с конфликтом. Этот показатель выше у армян. У русских школьников обоих полов и армянских мальчиков

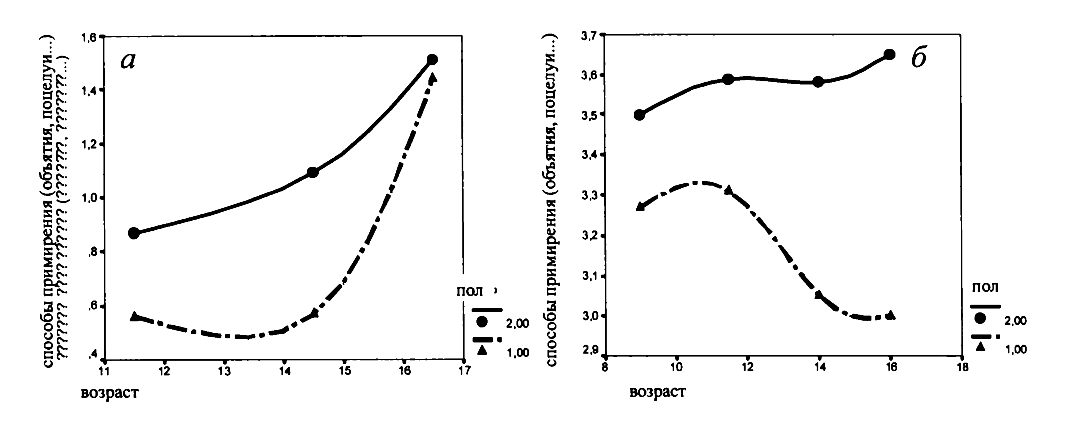

Рис. 4.7. Использование такого способа примирения, как объятия и поцелуи
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

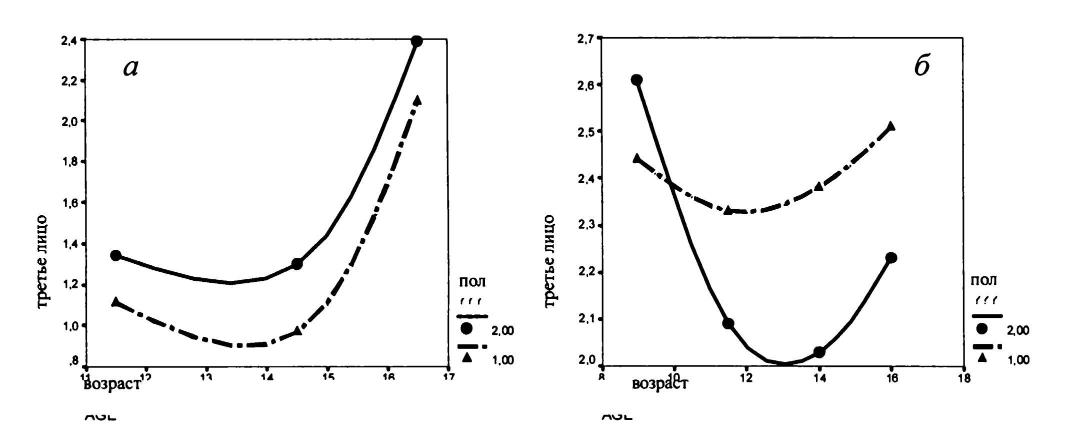

Рис. 4.8. Обращение за помощью к третьим лицам
а – у русских школьников, *б* – у армянских школьников

наблюдается тенденция сначала к некоторому снижению, а потом к увеличению использования такого способа примирения, хотя у армянских мальчиков изменения менее резкие. У девочек из Армении, напротив, с возрастом уменьшается частота использования этого способа, хотя к 16 годам и наблюдается некоторое увеличение. Гендерные различия у школьников из Армении и России также наблюдаются, они резче выражены у армянских детей. Обращение к третьим лицам преобладает у девочек в России, тогда как у армянских школьников такой способ примирения предпочитают использовать все мальчики, за исключением 9-летнего возраста.

Кросс-культурные различия в развитии постконфликтного поведения (русские и армяне)

Для выявления достоверных различий постконфликтного поведения у представителей исследуемых культур (русские и армяне) был проведен непараметрический анализ для двух независимых выборок и использован критерий Вилкоксона.

Культурные различия поведения примирения у русских и армянских мальчиков 11–12 лет наблюдаются по всем параметрам, причем у армянских мальчиков прослеживаются более высокие показатели, чем у русских мальчиков (табл. 4.16). Но у русских мальчиков высший средний показатель наблюдается по такому способу примирения, как касания, похлопывания по плечу и рукопожатия, а низший – объятия и поцелуи. У армянских школьников все с точностью до наоборот. Кроме того, армянские школьники чаще, чем русские, обращаются за помощью к третьим лицам.

Как видно из таблицы 4.17, культурные различия поведения примирения у русских и армянских девочек 11–12 лет также наблюдаются по всем параметрам, причем у армянских школьниц снова прослеживаются более высокие показатели, чем у русских. Как и мальчики, русские девочки предпочитают такой способ примирения, как рукопожатия, похлопывания по плечу, а армянские девочки – объятия и поцелуи. Уровень примирения выше у русских девочек по сравнению с русскими мальчиками, и у армянских мальчиков по сравнению с армянскими девочками. Армянские девочки чаще, чем русские, обращаются за помощью к третьим лицам.

Культурные различия поведения примирения у русских и армянских мальчиков 14–15 лет наблюдаются по всем параметрам, кроме №25 (табл. 4.18). У армянских мальчиков все показатели, кроме времени примирения, выше, чем у русских мальчиков. Но у русских мальчиков высший средний показатель наблюдается по такому способу примирения, как касания, похлопывания по плечу и рукопожатия, а низший – объятия и поцелуи, у армянских школьников – наоборот. Кроме того, армянские мальчики 14–15 лет чаще обращаются за помощью к третьим лицам, чем русские.

Таблица 4.19 показывает, что культурные различия поведения примирения у русских и армянских девочек 14–15 лет также наблюдаются по всем параметрам, кроме времени примирения (№25), причем у армянских школьниц снова прослеживаются более высокие показатели, исключая время примирения. Русские девочки предпочитают такой способ примирения, как вербальные извинения, а армянские девочки – объятия и поцелуи. Армянские школьницы чаще обращаются за помощью к третьим лицам по сравнению с русскими. Уровень примирения выше у русских девочек по сравнению с русскими мальчиками, и у армянских мальчиков по сравнению с армянскими девочками.

Таблица 4.16. Культурные различия поведения примирения у русских и армянских мальчиков 11–12 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
Примирение	111,19	3,52	177,66	3,58	-6,79	0,000
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях)?	106,40	1,61	182,29	1,04	-7,91	0,000
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях)?	105,51	1,55	183,14	1,15	-8,07	0,000
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку	134,06	1,54	155,57	0,90	-2,25	0,000
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск	101,29	1,29	187,22	1,02	-8,96	0,000
34. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	126,30	1,83	163,06	1,46	-3,82	0,000
36. Когда я сам(а) не могу помириться с кем-либо, я обращаюсь за помощью к третьим лицам	107,89	1,32	180,84	1,36	-7,61	0,000
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его	90,39	1,07	197,76	0,98	-11,32	0,000

Условные обозначения для таблиц 4.16–4.21: Z – критерий Вилкоксона; P – уровень значимости.

По поведению примирения и способам примирения у мальчиков 16–17 лет достоверные различия отмечены по следующим параметрам (табл. 4.20). Уровень примирения (№23, №24, №26) выше у русских мальчиков, тогда как время примирения с теми, кого не любят, выше у армян лишь по одному параметру

Таблица 4.17. Культурные различия поведения примирения у русских и армянских девочек 11–12 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
Примирение	113,52	3,20	147,28	2,94	-3,61	0,000
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях)?	100,80	1,48	166,43	1,01	-7,18	0,000
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях)?	102,36	1,40	164,08	1,10	-6,74	0,000
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку	120,28	1,49	137,11	0,97	-1,83	0,000
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск	111,47	1,38	150,38	1,06	-4,25	0,000
34. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	106,55	1,52	157,77	1,46	-5,61	0,000
36. Когда я сам(а) не могу помириться с кем-либо, я обращаюсь за помощью к третьим лицам	109,24	1,32	153,73	1,17	-4,88	0,000
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его	92,85	1,15	178,40	1,04	-9,40	0,000

(№25.3). Русские мальчики используют такие способы примирения, как вербальные извинения (№34), а армянские – объятия, поцелуи (№38), дарение подарков, приглашения вместе провести досуг (№30) среди друзей и нейтральных друг другу одноклассников. Кроме этого, армянские мальчики чаще обращаются за помощью к третьим лицам, если сами не могут разрешить конфликт.

Таблица 4.18. Культурные различия поведения примирения у русских и армянских мальчиков 14–15 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
Примирение	98,30	2,77	210,75	2,48	-10,86	,000
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях)?	166,23	1,23	155,87	1,03	-1,04	не дос.
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях)?	179,73	1,22	144,97	1,04	-3,52	0,000
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку	137,22	1,37	179,31	,96	-4,19	0,000
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск	101,34	1,03	208,30	1,06	-10,59	0,000
34.Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	116,92	1,39	195,71	1,28	-7,71	0,000
36.Когда я сам(а) не могу помириться с кем-либо, я обращаюсь за помощью к третьим лицам	107,12	1,05	203,63	1,22	-9,52	0,000
38.Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его	96,57	1,10	212,15	0,93	-11,49	0,000

По поведению примирения и способам примирения у девочек 16–17 лет достоверные различия таковы (табл. 4.21). Уровень примирения (№23) выше у русских девочек, но у армянских школьниц выше уровень примирения по отношению к друзьям и нейтральным одноклассникам, а у русских – по отношению к тем, кого они не любят (№24, №26). Время примирения выше у русских девочек

Таблица 4.19. Культурные различия поведения примирения у русских и армянских девочек 14–15 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
Примирение	108,50	2,91	168,57	2,47	-6,32	0,000
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях)?	141,94	1,40	124,75	1,15	-1,86	не дос.
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях)?	146,48	1,25	118,80	1,13	-3,11	0,002
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку	111,21	1,33	165,02	1,00	-5,77	0,000
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск	105,69	1,10	172,25	0,98	-7,19	0,000
34. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	115,06	1,30	159,97	1,50	-4,79	0,000
36. Когда я сам(а) не могу помириться с кем-либо, я обращаюсь за помощью к третьим лицам	117,47	1,18	156,82	1,22	-4,28	0,000
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его	102,65	1,21	176,24	0,91	-7,94	0,000

среди друзей и нейтральных одноклассников, тогда как у армян – среди тех, кого они не любят (№25, №27). Русские девочки используют такие способы примирения, как рукопожатия, похлопывания по плечу (№29), подарки и приглашения (№30), объятия, поцелуи (№38) только по отношению к тем, кого они не любят, тогда как армянские школьницы используют эти способы среди друзей и нейт-

Таблица 4.20. Культурные различия поведения примирения у русских и армянских мальчиков 16–17 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
23. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	120,49	1,25	100,45	1,29	-2,35	0,019
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):						
1. с друзьями	102,14	1,13	111,54	1,18	-1,18	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	122,51	1,21	99,23	1,25	-2,74	0,006
3. с теми, кого я не люблю	120,28	1,19	100,58	1,23	-2,43	0,015
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):						
1. с друзьями	111,25	1,47	106,03	1,57	-,62	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	99,73	1,40	113,00	1,39	-1,62	не дос.
3. с теми, кого я не люблю	99,67	1,21	113,04	1,19	-2,02	0,043
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):						
1. с друзьями	122,73	1,37	99,10	1,53	-2,76	0,006
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	122,03	1,18	99,52	1,16	-2,75	0,006
3. с теми, кого я не люблю	122,08	1,15	99,49	1,15	-3,07	0,002
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):						
1. с друзьями	110,60	1,45	106,43	1,60	-0,49	не дос.

(таблица 4.20, окончание)

2. с одноклассниками, которые мне безразличны	105,78	1,20	109,34	1,32	-0,45	не дос.
3. с теми, кого я не люблю	101,86	1,15	111,71	1,10	-01,49	не дос.
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку:						
1. с друзьями	98,88	1,24	112,75	1,38	-1,70	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	105,81	1,14	109,32	1,35	-0,41	не дос.
3. с теми, кого я не люблю	103,79	1,16	110,54	1,43	-0,83	не дос.
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск						
1. с друзьями	90,90	1,29	118,34	1,55	-3,22	0,001
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	98,02	0,88	114,03	1,25	-2,08	0,038
3. с теми, кого я не люблю	102,69	0,84	111,21	1,11	-1,30	не дос.
34. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	131,67	1,13	93,69	1,30	-4,44	0,000
36. Когда я сам(а) не могу помириться с кем-либо, я обращаюсь за помощью к третьим лицам	95,71	1,16	115,43	1,28	-2,33	0,020
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его:						
1. с друзьями	83,30	1,29	122,93	1,60	-4,70	0,000
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	94,56	1,02	116,12	1,20	-2,93	0,003
3. с теми, кого я не люблю	100,27	0,98	112,67	1,07	-1,95	не дос.

Таблица 4.21. Культурные различия поведения примирения у русских и армянских девочек 16–17 лет

Параметры	Русские		Армяне		Z	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение		
23. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	181,50	1,00	95,22	1,22	-9,30	0,000
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):						
1. с друзьями	95,88	1,11	165,12	1,27	-7,46	0,000
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	119,53	1,41	145,82	1,19	-2,89	0,004
3. с теми, кого я не люблю	166,45	1,35	107,51	1,14	-6,48	0,000
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):						
1. с друзьями	179,98	1,19	96,46	1,43	-9,03	0,010
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	147,14	1,08	123,27	1,36	-2,80	0,005
3. с теми, кого я не люблю	90,40	1,28	169,59	1,07	-8,90	0,000
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):						
1. с друзьями	130,60	1,00	136,78	1,32	-0,68	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	132,16	0,98	135,50	1,18	-0,40	не дос.
3. с теми, кого я не люблю	184,52	1,42	92,76	1,17	-10,29	0,000
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):						
1. с друзьями	169,08	0,97	105,36	1,62	-7,00	0,000
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	149,49	0,93	121,35	1,37	-3,44	0,001
3. с теми, кого я не люблю	93,50	1,20	167,06	1,09	-8,31	0,000
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку:						
1. с друзьями	88,23	0,98	171,36	1,35	-8,94	0,000

(таблица 4.21, окончание)

2. с одноклассниками, которые мне безразличны	110,80	0,94	152,94	1,13	-4,77	0,000
3. с теми, кого я не люблю	166,14	1,36	107,76	1,14	-6,45	0,000
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск:						
1. с друзьями	88,16	0,80	171,42	1,44	-9,10	0,000
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	104,63	0,54	157,98	0,97	-6,48	0,000
3. с теми, кого я не люблю	188,82	1,10	89,24	1,00	-10,96	0,000
34.Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	123,16	1,26	142,85	1,27	-2,12	0,034
36.Когда я сам(а) не могу помириться с кем-либо, я обращаюсь за помощью к третьим лицам	101,39	0,56	160,62	1,26	-6,86	0,000
38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его:						
1. с друзьями	76,95	0,81	180,57	1,38	-11,29	0,000
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	105,13	0,59	157,57	1,12	-6,50	0,000
3. с теми, кого я не люблю	179,66	1,16	96,72	1,01	-9,18	0,000

ральных друг к другу одноклассников. Кроме этого, армянские девочки чаще обращаются за помощью к третьим лицам, если сами не могут разрешить конфликт, и также используют вербальные извинения при примирении.

Результаты кросс-культурных различий постконфликтного поведения таковы:

• Значимые культурные различия поведения примирения наблюдаются по всем параметрам в 11–12 и 14–15 лет (выше у армян) и меньше различий найдено в 16–17 лет. Общий уровень примирения выше у русских девочек и армянских мальчиков 11–12 и 14–15 лет. В 16–17 лет выше уровень примирения у русских мальчиков по сравнению с армянами. Русские девочки 16–17 лет лучше мирятся с теми, кого они не любят, армянские девочки – с друзьями и нейтральными одноклассниками.

• Относительно способов примирения, в 11–12 лет русские школьники предпочитают такой способ, как рукопожатия, похлопывания по плечу, а армянские – объятия и поцелуи. В 14–15 лет русские мальчики предпочитают рукопожатия,

похлопывания по плечу, а русские девочки – вербальные извинения, тогда как армянские мальчики и девочки чаще практикуют объятия и поцелуи. В 16–17 лет русские мальчики чаще приносят вербальные извинения, а армянские мальчики практикуют объятия и поцелуи по отношению к друзьям и безразличным им одноклассникам. Русские девочки 16–17 лет используют рукопожатия, подарки, объятия и поцелуи, когда мирятся с теми, кого не любят, армянские – те же способы, но по отношению к друзьям и нейтральным одноклассникам. Кроме того, армянские девочки практикуют вербальные извинения.

- Во всех возрастах армянские школьники показывают значимо более высокие оценки по параметру «обращение к третьим лицам», чем русские.

Обсуждение

Результаты исследования позволяют говорить о наличии гендерных и культурных различий постконфликтного поведения у школьников разного возраста и разных этнических групп (русские и армяне).

Гендерные различия в постконфликтном поведении тоже были обнаружены в нашем исследовании. Русские девочки и армянские мальчики во всех возрастах показывают большую активность примирения. Значимые культурные различия наблюдаются в 11–12 и 14–15 лет, и менее выражены в старшем возрасте. В 16–17 лет русские мальчики показывают больший уровень примирения по сравнению с армянскими мальчиками. Интервал времени примирения с бывшим соперником увеличивается с возрастом в обеих этнических группах, но среди друзей он уменьшается. Кроме того, русские девочки проявляют большую социальную компетентность в 16–17 лет – они активно мирятся с теми, кого не любят, тогда как армянские девочки скорее мирятся с друзьями и нейтральными одноклассниками. С возрастом уровень примирения растет у русских школьников и падает у армянских.

Культурные и гендерные различия были найдены и по способам примирения. Как и в других исследованиях (Grammer, 1992; Butovskaya et al., 2000), выяснилось, что в целях примирения русские мальчики чаще используют рукопожатие, похлопывание по плечу, а русские девочки – объятья, поцелуи, приглашения вместе провести досуг и подарки, вербальные извинения (с 14–15 лет). Эти различия в примирении, по-видимому, отражают гендерные стереотипы нашей культуры. В Армении результаты немного отличаются. Армянские мальчики более активно используют объятия и поцелуи, подарки, приглашения вместе провести досуг при примирении, что менее свойственно русским мальчикам. Девочки из обеих этнических групп чаще используют вербальные извинения, чем мальчики, но с возрастом у армянских школьников эта тенденция снижается. Русские девочки и армянские мальчики чаще обращаются за помощью к третьим лицам в случае, если

сами не могут разрешить конфликт. Такие различия объясняются культурными традициями – вероятно, в России роль мирителя больше присуща женщинам, а в Армении – мужчинам. Кроме того, примирение у мальчиков и у девочек имеет разные цели. Примирение у девочек связано с комплексом вины за нарушенные социальные связи, у мальчиков этот комплекс менее выражен. Сам процесс примирения у девочек является своеобразным механизмом интенсификации социальных связей с бывшим соперником, тогда как у мальчиков связан с собственным положением в группе. Возможно, это объясняется большим индивидуализмом мальчиков и иными социальными ценностями: они ориентированы на поддержание социального статуса, а девочки – на личные привязанности, доверительность, интимность (Grammer, 1992). Эти различия связаны со структурой дружественных групп: мальчики социализируются в больших группах с широкими границами, девочки предпочитают маленькие компактные группы (пары) с близкими лучшими друзьями (они обсуждают эмоции и взаимоотношения больше, чем мальчики) (Kankaanranta et al., 1993; Björkqvist et al., 1992). Исследование, анализировавшее примирение в Финляндии, Италии, Польше и Израиле, также показало, что девочки всех этих культур во всех возрастах (8, 11 и 15 лет) чаще обращаются за помощью к третьим лицам, чем мальчики (Osterman et al., 1997). Таким образом, можно говорить, что в Армении наблюдаются отличные от других культур традиции и стереотипы, по которым роль мирителя приписывается мужчине, а не женщине.

Тенденция к примирению четко увеличивается с возрастом у русских школьников. Армянские школьники тоже показывают увеличение уровня примирения в случае, если респондент был зачинщиком конфликта. Такие результаты могут быть соединены с культурными представлениями. Исследования в России и Калмыкии показали, что уже 6–7-летние дети верят, что примирение необходимо, и оно должно быть инициировано агрессором, что необходимо вмешиваться и пытаться урегулировать конфликт, поддерживая жертву (Butovskaya et al., 2000). На практике часто происходит не так. Как показано в нашем исследовании, подростки часто выступают на стороне своих друзей вне зависимости от их правоты или на стороне нападающего (особенно мальчики). Но возрастная динамика у русских школьников действительно наблюдается: отмечается некоторое снижение количества примирений к 11–12 годам, но далее примирение неуклонно растет, причем способы примирений становятся более разнообразными. Интересно, что растет и время, через которое происходит примирение, особенно у девочек. Но в случае, когда респондент был инициатором конфликта, промежуток времени более короткий, чем в случае, если респондент был получателем агрессии. Такие результаты наблюдаются и в других исследованиях, в том числе в приматологических. У человекообразных обезьян и в детских коллективах процент примирения со стороны агрессора отчетливо возрастает (deWaal, 1993; Butovskaya et al., 2000; Butovskaya, 2001). Результаты по армянским мальчикам более похожи

на данные исследования, проведенного среди детей 8, 11 и 15 лет из Финляндии, Израиля, Италии и Польши (Osterman et al., 1997). У всех представителей данных культур уровень наиболее конструктивного разрешения конфликтов растет к 11 годам и снижается к 15. У армянских мальчиков (но не девочек) наблюдается та же тенденция, только пик примирения приходится на более поздний возраст – 14 лет.

Примечательно, что часто дети лучше мирятся не с друзьями, как следовало ожидать, а с теми, кто им безразличен. Результаты данного исследования расходятся с данными ряда работ, в которых друзья по сравнению со знакомыми и недрузьями мирятся чаще и охотнее (Newcomb, Bagwell, 1995; Osterman et al., 1997). Русские девочки в 16–17 лет наиболее активно мирятся с теми, кого они не любят. Это можно объяснить ростом социальной компетенции: она увеличивается с возрастом и имеет более высокий уровень у девочек (Osterman et al., 1997; LaFreniere, Dumas, 1996; Dumas et al., 1997; LaFreniere et al., 2002). Наблюдения, проведенные в России и Калмыкии среди 6-7-летних детей, имеют такие же результаты. Хотя дети и верят, что друзья мирятся лучше, на практике оказывается, что знакомые более склонны к примирению (Butovskaya et al., 2000; Butovskaya, 2001). Вероятно, это объясняется тем, что дети, которые не имеют дружественных привязанностей, более уязвимы и стараются быстрее восстановить отношения после происшедшего конфликта (Butovskaya, 2001). Кроме того, наблюдаются и различия в способах примирения среди друзей и остальных одноклассников. Так, русские девочки 16–17 лет используют рукопожатия, подарки, объятия и поцелуи с теми, кого не любят, армянские – те же способы, но по отношению к друзьям и нейтральным одноклассникам.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что гендерные и культурные различия действительно наблюдаются, постконфликтное поведение изменяется с возрастом. Но различия между полами не столь просты, как может показаться. Кроме того, большое влияние на применение тех или иных видов примирения имеют культурные ценности и стереотипы. Продолжением данного исследования станет анализ примирения у школьников республики Северная Осетия-Алания (осетины), данные по которым уже собраны и находятся в процессе обработки.

Литература

Бутовская М.Л., 1998. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека // Общественные науки и современность, 6: 149-160.

Бутовская М.Л., 1999. Современная этология и мифы о нарушенном балансе между агрессией и механизмами ее торможения у человека // Общественные науки и современность, 4: 131-138.

Бутовская М.Л., 2004а. Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 438.
Бутовская М.Л., 2004б. Эволюция механизмов примирения у приматов и человека // Этология человека и смежные дисциплины (М.Л. Бутовская, ред). М.: Одна Восьмая, 36-67.
Бутовская М.Л., Файнберг Л.А., 1993. У истоков человеческого общества. М.: Наука, 255 с.
Наследов А.Д., 2005. SPSS. Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб.: Питер, 416.
Alvik T., 1968. The development of views on conflict, war and peace among school children // J. Peace Res., 5: 171-198.
Björkqvist K., Lagerspetz K.M.J., Kaukiainen A., 1992. Do girls manipulate and boys fight? //Aggr. Behav., 18: 117-127.
Björkqvist K., Osterman K., Kaukiainen A., 2000. Social intelligence – empathy = aggression? //Aggr. Violent Behav., 5, 2: 191-200.
Butovskaya M., 2001. Aggression, friendship and reconciliation in primary school-children // Prevention and Control of Aggression and the Impact on Its Victims (M. Martinez, ed.). Kluwer Academic/Plenum Publishersв.
Butovskaya M., Demianovitsch N., 2002. Social competence and behavior evaluation (SCBE-30) and socialization values (SVQ): Russian children Ages 3 to 6 years // Early Education & Development, 13, 2: 153-170.
Butovskaya M., Kozintsev A.G., 1999. Aggression, friendship and reconciliation in Russian primary school children // Aggr. Behav., 25: 125-139.
Butovskaya M., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A., 2000. A multicultural view of peacemaking among young children // Natural Conflict Resolution. Berkeley, Los Angeles, London, 243-258.
Cooper P., 1965. The development of the concept of war // J. Peace Res., 2: 1-17.
Dumas J.E., LaFreniere P J., Capuano F., Durning P., 1997. Manual francaise du profil socio-affectif les editions du Centre de sychologue Appliquee. Paris, France.
Grammer K., 1992. Intervention in conflicts among children: contexts and consequences // Coalitions and Alliances in Human and Other Animals. Oxford, Oxford University Press, 258-283.
Kankaanranta R.V., Lagerspetz K.M.J., Bjorkqvist K., 1993. Social structure of peer groups and indirect aggression among girls // Aggr. Behav., 19, 55.
Kolominskii I. L., Zhiznevskii B.P., 1992. A sociorsychological analysis of conflicts among children during play // J. Russian and East European Psychology, 30, 17-24.
LaFreniere P.J., Dumas J.E., 1996. Social competence and behavior evaluation in children aged three to six: The short form (SCBE-30) // Psychological Assessment, 8(4): 369-377.
LaFreniere P.J., Masataka N., Butovskaya M., Chen Q., Dessen M.A., Atwanger K., Schreiner S., Montirosso A., Frigerio A., 2002. Cross-cultural analysis of social

competence and behavior problems in preschoolers // Early Education & Development, 13, 2: 201-219.

Leyva F.A., Furth H.G., 1986. Compromise formation in social conflicts. The influence of age, issue and interpersonal context // J. Youth and Adolescence, 15: 441-452.

Osterman K., Bjorkqvist K., Lagerspetz K,M.J., Kaukiainen A., Landau S.F., Fraczek A., Pastorelli C., 1997. Sex differences in styles of conflict resolution: A developmental and cross-cultural study with data from Finland, Israel, Italy and Poland // Cultiral Variation in Conflict Resolution: Alternatives to Violence (D.P. Fry, K. Björkqvist, eds.), 185-197.

Sackin S., Thelen E., 1984. An ethnological study of peaceful associative outcomes to conflict in preschool children // Child Develop., 55, 1098-1102.

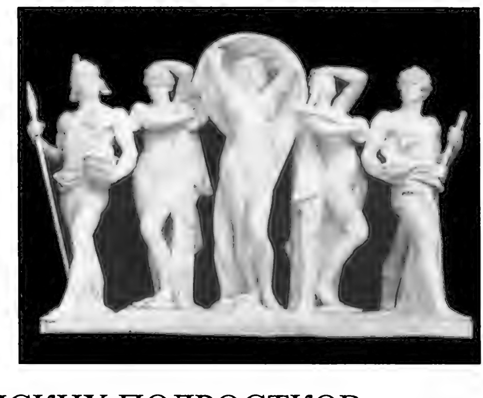
Stayer F.F., Noel J.M., 1986. The prosocial and antisocial function of preschool aggression: An ethological study of triadic conflict among children // Altruism and Agression: Biological and Social Origins (C. Zahn, E.M. Waxler, R. Cummins, R. Janotti, eds.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 107-134.

Verbeek P., Hartup W.W., Collins W.A., 2000. Conflict resolution in children and adolescents // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, de Waal, eds.). Princeton: Princeton University Press, 34-54.

de Waal F.B.M., 1993. Reconciliation among primates: A review of empirical evidence and unresolved issues // Primate Social Conflict (W.A. Mason, S.P. Mendoza, eds.). Albany: State University of N.Y. Press, 111-144.

de Waal F.B.M., 1996. Conflict as negotiation // Great Ape Societies (W.C., McGrew, L.F. Marchant, T. Nishida, eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 159-172.

de Waal F.B.M., Yoshihara D., 1983. Reconciliation and redirected affection in rhesus monkeys // Behavior, 85: 897-905.

Глава 5

АГРЕССИЯ, ПОСТКОНФЛИКТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС В ГРУППЕ РУССКИХ И АРМЯНСКИХ ПОДРОСТКОВ

Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Тименчик В.М.

Введение

Многие исследования агрессивного поведения анализировали популярность и дружбу как социометрические техники (Бутовская, 2004; Бутовская, Козинцев, 1998). В исследованиях Дж. Кои с соавторами (Coie et al., 1982) было показано, что позитивный статус ребенка связан с его социальной «полезностью», поведением в соответствии с социальными правилами, дружественным взаимодействием с другими членами группы, а негативный – с антисоциальным поведением и агрессией. Но так как с возрастом формы агрессии становятся более дифференцированными, в более старшем возрасте негативный статус ассоциируется с непрямыми формами агрессии, избеганием, неумением контактировать со сверстниками. При этом девочкам более присуща кооперативность, а мальчикам – агрессивное поведение.

В предшествующих главах (3, 4) мы детально проанализировали возрастную динамику и гендерные различия агрессивного и постконфликтного поведения у армянских и русских школьников. Как нам представляется, популярность школьников, практикующих различные стратегии агрессивного и постконфликтного поведения, может сильно варьировать в зависимости от возраста, пола и культурной принадлежности. В главе 2 мы подробно останавливались на вопросе о связи между популярностью подростка среди сверстников (социальным успехом) и его социальной активностью (агрессия, примирение, умение улаживать конфликты сверстников), по результатам самооценки и оценке сверстников. В рамках же этой главы мы попытались остановиться на следующих задачах:

- Выявить взаимосвязь между социальным статусом ребенка в группе и характеристиками его агрессивного поведения;
- Установить зависимость между социальным статусом ребенка в группе и характеристиками его постконфликтного поведения.

Методы

Данные были собраны за период весна 2001 – весна 2003 г. Все респонденты являлись школьниками г. Москвы 5–6, 8–9, 10–11 классов (в возрасте 11–12, 14–15, 16–17 лет соответственно) и школьниками г. Еревана 3, 5–6, 8 и 10 классов (в возрасте 8, 11–12, 14 и 16 лет соответственно). Общие сведения о количестве русских и армянских респондентов представлены в таблице 5.1.

Таблица 5.1. Демографический состав русской и армянской выборок

Этничность	Возраст	Пол		Итого
		мужской	женский	
Русские	11–12 лет	142	153	295
	14–15 лет	143	158	301
	16–17 лет	86	141	227
Армяне	9 лет	117	124	241
	11–12 лет	147	101	248
	14 лет	177	113	290
	16 лет	134	147	281
Итого		946	937	1883

С целью оценки социального статуса ребенка был использован метод оценки сверстников, то есть каждый ребенок оценивал своих одноклассников по популярности/непопулярности. Этот метод был выбран, так как дети 11–12 лет и выше уже имеют достаточную социальную компетентность, чтобы воспринимать и оценивать поведение своих одноклассников. Они имеют доступ к социальному взаимодействию внутри группы, которое нельзя уловить взглядом постороннего наблюдателя. Они также имеют безусловное понимание норм поведения, существующих в пределах группы, и очень чувствительны к любому их нарушению (Coie et al., 1982).

Для изучения социального статуса школьника в группе нами была разработана специальная анкета (табл. 5.2).

Анкеты предлагались школьникам для заполнения в течение 15–40 минут в зависимости от их возраста. Анкеты были анонимны и строго конфиденциальны. Заполнение анкет проходило на добровольной основе.

Статистическая обработка данных проводилась при помощи SPSS 10.0 for Windows. Были получены следующие результаты.

Результаты

Для выявления возможной связи между статусом ребенка в группе (популярностью) и особенностями его агрессивного и постконфликтного поведения нами был проведен множественный регрессионный анализ (табл. 5.3, 5.4).

Таблица 5.2. Социометрическая анкета по выявлению социальных предпочтений и избеганий среди одноклассников

Ответьте, пожалуйста, на поставленные вопросы, указав имя и фамилию троих одноклассников с учетом отсутствующих.

I. К кому из своих одноклассников ты обратишься за помощью, если тебе будет непонятен учебный материал?

1. ____________________________ *(обращусь в первую очередь)*

2. ____________________________ *(обращусь во вторую очередь)*

3. ____________________________ *(обращусь в третью очередь)*

II. К кому из своих одноклассников ты не станешь обращаться за помощью, если тебе будет непонятен учебный материал?

1. ____________________________

2. ____________________________

3. ____________________________

III. Кого из своих одноклассников ты пригласил(а) бы на день рождения?

1. ____________________________ *(приглашу в первую очередь)*

2. ____________________________ *(приглашу во вторую очередь)*

3. ____________________________ *(приглашу в третью очередь)*

IV. Кого из своих одноклассников ты не пригласил(а) бы на день рождения?

1. ____________________________

2. ____________________________

3. ____________________________

Ваше имя (если в классе есть еще хотя бы один ученик с таким же именем, укажите вашу фамилию)______________________________

Пол_______________

Таблица 5.3. Параметры поведения, оказывающие влияние на популярность русских мальчиков 11–12 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V22	-0,17	0,08	-0,27	-1,74	0,043
V40	0,12	0,06	0,25	2,10	0,019
V41	-0,23	0,10	-0,34	-2,45	0,008
V45	-0,12	0,07	-0,25	-1,75	0,043

R^2=0,321; V – № вопроса в опроснике (здесь и во всех таблицах главы).

Таблица 5.4. Параметры поведения, оказывающие влияние на непопулярность русских мальчиков 11–12 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V1	0,30	0,14	0,27	2,20	0,016
V18	-0,36	0,12	-0,42	-3,06	0,002
V28	-0,27	0,16	-0,26	-1,68	0,049
V29	-0,50	0,17	-0,40	-3,08	0,002
V31	0,19	0,10	0,26	1,85	0,034
V33	0,17	0,09	0,24	1,87	0,033
V52	0,08	0,04	0,24	2,23	0,014

R^2=0,445.

Как следует из таблицы 5.3 на популярность мальчиков 11–12 лет оказывают влияние следующие особенности поведения: более высокий статус получают те мальчики, которые проявляют грубость по отношению к тем, кто им не нравится (№22), а в ситуации агрессивного взаимодействия других людей поддерживают своих друзей вне зависимости от правоты последних (№45). Кроме того, на статус мальчиков влияют особенности их эмоциональной реакции: те, кто чувствует огорчение от поражения в агрессии, в целом оказываются более популярными среди сверстников (№41). В ситуации примирения популярны те мальчики, которые используют для восстановления дружеских отношений рукопожатия или похлопывания по плечу (№40). Мальчики, практикующие часто непрямую вербальную агрессию (распространение сплетен о тех одноклассниках, которых не любят) (№1) – преимущественно оказываются непопулярны в классе. В то же время среди мальчиков не приветствуется пассивность в конфликтных ситуациях (№18, 28) (табл. 5.4). В возрасте 11–12 лет мальчики выше ценят способность к агрессии (№29), нежели вмешательство в конфликты в качестве мирителя (№31, 33, 52).

Среди девочек 11–12 лет, так же как у мальчиков, непопулярны те, кто сплетничает (№1) (табл. 5.5, 5.6). Но, в отличие от мальчиков, у девочек приветствуется использование ответной вербальной непрямой агрессии (№18, 23). Низкий статус имеют «драчливые» девочки, то есть использующие физическую прямую аг-

Таблица 5.5. Параметры поведения, оказывающие влияние на популярность русских девочек 11–12 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V1	-0,19	0,10	-0,23	-1,95	0,027
V11	-0,13	0,07	-0,25	-1,79	0,038
V18	0,14	0,07	0,27	1,94	0,028
V23	0,15	0,06	0,31	2,26	0,013
V29	-0,26	0,09	-0,38	-2,94	0,002

R^2=0,413.

Таблица 5.6. Параметры поведения, оказывающие влияние на непопулярность русских девочек 11–12 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V5	-0,16	0,08	-0,28	-2,10	0,039
V6	0,13	0,07	0,25	1,98	0,051
V12	-0,35	0,19	-0,22	-1,86	0,066
V16	0,06	0,03	0,20	2,02	0,047
V20	0,14	0,08	0,19	1,77	0,080
V42	-0,14	0,06	-0,27	-2,13	0,036
V47	-0,21	0,07	-0,34	-3,07	0,003
V58	0,10	0,05	0,19	1,82	0,071

R^2=0,459.

рессию (№11, 29, 6) (см. табл. 5.5, 5.6). Низкий статус связан и с использованием непрямых форм физической агрессии по отношению к тем, кто не нравится (№20). Непопулярны девочки, прилагающие все усилия к тому, чтобы не принимать в компанию непонравившихся им сверстников (№16). Непопулярными оказываются те девочки, которые предпочитают в ситуации конфликта между одноклассниками держаться в стороне (№47, 58), и те, которые не используют «интенсивные» способы примирения, такие, как подарки, приглашения провести вместе досуг и т.д. (№42).

Следует отметить, что у детей 11–12 лет общая популярность связана с успеваемостью по знаниям (r=0,33, p=0,000 у девочек; r=0,13, p=0,048 у мальчиков). Зависимость статуса от особенностей поведения выражена ярче у девочек (R Square=0,413 и 0,459 соответственно), чем у мальчиков (R Square=0,321 и 0,445 соответственно).

В возрасте 14–15 лет ситуация в целом меняется. Среди мальчиков большую популярность приобретают те, кто чаще просит прощения после агрессивного столкновения (№50) (табл. 5.7). Более популярными были мальчики, не склонные использовать вербальную агрессию (№1, 24). Напротив, мальчики, не использующие для примирения рукопожатия и похлопывания по плечу, оказались непопулярными среди сверстников (№40) (табл. 5.8).

Таблица 5.7. Параметры поведения, оказывающие влияние на популярность русских мальчиков 14–15 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V1	-0,07	0,03	-0,28	-2,64	0,010
V24	-0,05	0,02	-0,34	-2,55	0,013
V39	-0,04	0,02	-0,26	-2,11	0,038
V50	0,04	0,02	0,26	2,05	0,044

R^2=0,810.

Таблица 5.8. Параметры поведения, оказывающие влияние на непопулярность русских мальчиков 14–15 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V 40	0,03	0,02	0,18	2,06	0,043

R^2=0,856.

Популярность девочек 14–15 лет зависит от следующих параметров: поощряется такое поведение, когда девочки прилагают все усилия к тому, чтобы не принимать в компанию тех, кто им несимпатичен (№16) (табл. 5.9). При примирении высоко ценится умение выдержать паузу (сохранить лицо после агрессии, не идти на примирение первой) в случае, если их обидели (№36). Не поощряется использование ответной вербальной непрямой агрессии (№30), физической прямой агрессии (№25) (табл. 5.10). Непопулярными оказываются девочки, которые в конфликтной ситуации среди сверстников поддерживают своих друзей вне зависимости от их правоты (№38). Использование физической непрямой агрессии не связано с низким статусом (№20). Не приветствуется, когда девочки не хотят мириться с соперником, если они были зачинщицами ссоры (№33).

Следует отметить, что у детей 14–15 лет общая популярность связана с успеваемостью по знаниям (r=0,12, p=0,011 у девочек; r=0,30, p=0,001 у мальчиков). Зависимость статуса от особенностей поведения выражена ярче у мальчиков (R Square=0,810 и 0,856 соответственно), чем у девочек (R Square= 0,453 и 0,845 соответственно).

Высокий статус среди мальчиков 16–17 лет зависит от следующих параметров (табл. 5.11): поощряется использование вербальной агрессии, прямой (№17)

Таблица 5.9. Параметры поведения, оказывающие влияние на популярность русских девочек 14–15 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V16	0,03	0,02	0,27	2,03	0,045
V30	-0,03	0,02	-0,33	-2,54	0,013
V36	-0,03	0,01	-0,29	-2,58	0,011

R^2=0,453.

Таблица 5.10. Параметры поведения, оказывающие влияние на непопулярность русских девочек 14–15 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V20	-0,05	0,02	-0,16	-2,55	0,012
V25	0,07	0,03	0,15	2,60	0,011
V33	-0,03	0,02	-0,14	-2,17	0,033
V38	0,03	0,02	0,15	2,43	0,017

R^2=0,845.

Таблица 5.11. Параметры поведения, оказывающие влияние на популярность русских мальчиков 16–17 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V16	-0,64	0,18	-1,07	-3,54	0,001
V17	0,17	0,08	0,38	2,11	0,044
V22	0,38	0,10	0,79	3,68	0,001
V24.3	-0,52	0,12	-1,05	-4,29	0,000
V25.1	-0,48	0,10	-1,22	-4,74	0,000
V25.2	0,30	0,13	0,72	2,29	0,030
V27.1	0,35	0,13	0,86	2,76	0,010
V28	-0,31	0,09	-0,61	-3,35	0,002
V30.3	0,35	0,15	0,50	2,39	0,024
V33	0,20	0,10	0,37	2,09	0,047
V36	-0,28	0,10	-0,54	-2,77	0,010
V38.1	0,34	0,12	0,75	2,80	0,009

R^2=0,812.

и непрямой (№22), но не поощряется использование физической непрямой агрессии (№16). В ситуациях агрессивного взаимодействия других людей высоко ценится принцип справедливости (№28, 33). Мальчики не считают нужным обращаться за помощью к третьим лицам (№36). Популярными оказываются те мальчики, которые мирятся, используя объятия, поцелуи (в случае примирения с друзьями) (№38) и все оставшиеся способы примирения по отношению к остальным членами группы (№29, 30). Интервал, необходимый для примирения, в этом возрасте становится еще больше (№25, 27).

У девочек 16–17 лет связь статуса с особенностями агрессивного и постконфликтного поведения оказалась недостоверной (p=0,055 и p=0,322 соответственно). Вероятно, для девочек в этом возрасте важны другие формы социального поведения.

Связь общей популярности с успеваемостью также не была обнаружена в этом возрасте.

Таблицы 5.12 и 5.13 показывают, что на популярность и непопулярность армянских мальчиков 9 лет оказывают влияние следующие особенности поведения: более низкий статус получают мальчики, отвечающие на агрессию прямой физи-

Таблица 5.12. Параметры поведения, оказывающие влияние на популярность армянских мальчиков 9 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V12	-0,14	0,06	-0,29	-2,56	0,013
V30.1	0,11	0,06	0,27	2,00	0,050
V38.1	0,13	0,05	0,32	2,45	0,017

R^2=0,715.

Таблица 5.13. Параметры поведения, оказывающие влияние на непопулярность армянских мальчиков 9 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V30.1	0,14	0,06	0,23	2,34	0,023
V38.3	-0,15	0,07	-0,19	-2,15	0,035

R^2=0,843.

ческой агрессией (№12). Популярны мальчики, которые избирательно используют объятия и поцелуи для примирения с друзьями (№38.1, 38.3).

Среди армянских девочек 9 лет популярными оказываются те, кто использует в ответ на агрессию физическую прямую и вербальную непрямую агрессию (№12, 14), а непопулярными – те, кто практикует физическую непрямую и вербальную прямую агрессию (№15, 17, 21) (табл. 5.14, 5.15). Популярны также девочки, которые соблюдают большую паузу перед примирением с теми, кто им безразличен (№25.2), но не с друзьями (№25.1). Непопулярными оказываются девочки, не способные мириться с теми, кто их обидел и кого они не любят (26.3). Непопулярны и те девочки, которые вмешиваются в чужие конфликты (№39) и поддерживают одноклассников не по принципу справедливости (№31). Кроме того, низкий статус по популярности имеют девочки, избегающие использование объятий и поцелуев при примирении с друзьями (№38.1).

Следует отметить, что у армянских детей 9 лет общая популярность связана со школьной успеваемостью по знаниям (r=0,76, p=0,000 у девочек; r=0,69, p=0,000

Таблица 5.14. Параметры поведения, оказывающие влияние на популярность армянских девочек 9 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V14	0,11	0,05	0,22	2,27	0,026
V17	-0,01	0,05	-0,19	-2,21	0,031
V25.1	-0,13	0,06	-0,20	-2,19	0,033
V25.2	0,13	0,06	0,23	2,33	0,023

R^2=0,816.

Таблица 5.15. Параметры поведения, оказывающие влияние на непопулярность армянских девочек 9 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V12	-0,12	0,06	-0,29	-2,18	0,033
V15	0,15	0,07	0,21	2,00	0,050
V21	0,29	0,07	0,56	3,88	0,000
V26.3	-0,12	0,06	-0,29	-2,24	0,028
V31	-0,11	0,05	-0,27	-2,43	0,018
V38.1	-0,10	0,05	-0,24	-2,17	0,033
V39	-0,01	0,04	-0,19	-2,00	0,050

R^2=0,685.

у мальчиков). Зависимость высокого статуса от особенностей поведения выражена ярче у девочек (R Square=0,816 у девочек и 0,715 у мальчиков), а низкого статуса по популярности – у мальчиков (R Square=0,843 и 0,685 соответственно).

Таблица 5.16 показывает, что на популярность армянских мальчиков 11–12 лет оказывает влияние всего один фактор: высокий статус получают те мальчики, которые в ответ на непрямую вербальную агрессию используют непрямую физическую (№16). Непопулярны те, кто не использует прямую вербальную агрессию (№10), и те, кто в ответ на прямую агрессию не использует непрямые способы (№6, 13). Это означает, что среди мальчиков этого возраста принято в ответ на оскорбление или физическую агрессию отвечать непрямыми способами (подговаривать других побить его или очернить его в глазах других людей) (табл. 5.17). Кроме того, на статус мальчиков влияют и способы примирения с бывшим соперником. Низкий статус имеют те, кто при примирении с антагонистами используют подарки, приглашения вместе провести досуг и т.д. (т.е. заискивают) (№30.3), и те, кто не использует такой способ среди одноклассников, которые им безразличны (30.2).

Среди армянских девочек 11–12 лет связь высокого статуса с особенностями агрессивного и постконфликтного поведения оказалась недостоверной (p=0,108). Низкий статус зависит от следующих показателей (табл. 5.18): непопулярны девочки, использующие непрямую физическую агрессию (№15), то есть те, кто старается причинять физическую боль, оставаясь незамеченным. Также непопуляр-

Таблица 5.16. Параметры поведения, оказывающие влияние на популярность армянских мальчиков 11–12 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V16	0,14	0,06	0,25	2,44	0,017

R^2=0,639.

Таблица 5.17. Параметры поведения, оказывающие влияние на непопулярность армянских мальчиков 11–12 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V6	-0,15	0,07	-0,17	-2,32	0,023
V10	-0,11	0,06	-0,14	-2,00	0,048
V13	-0,11	0,05	-0,16	-2,06	0,043
V25.1	0,11	0,05	0,16	2,23	0,029
V25.3	0,19	0,06	0,23	3,12	0,002
V30.2	-0,23	0,07	-0,28	-3,43	0,001
V30.3	0,19	0,08	0,23	2,45	0,016

R^2=0,804.

Таблица 5.18. Параметры поведения, оказывающие влияние на непопулярность армянских девочек 11–12 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V15	0,17	0,08	0,21	2,20	0,033
V22	-0,13	0,06	-0,28	-2,31	0,026
V30.1	0,19	0,06	0,40	2,97	0,005
V33	0,10	0,05	0,23	2,17	0,036
V38.1	-0,13	0,06	-0,29	-2,27	0,028

R^2=0,812.

ными оказываются те, кто на оскорбления не применяет ответную непрямую вербальную агрессию (№22). Непопулярны девочки, которые в отношении друзей в ситуациях примирения используют подарки, приглашения провести вместе досуг (№30.1), а не практикуют объятия и поцелуи (№38.1). При вмешательстве в конфликты других одноклассников среди девочек считается неправильным вмешиваться и поддерживать жертву (№33).

Следует отметить, что у армянских детей 11–12 лет общая популярность связана с успеваемостью по знаниям (r=0,31, p=0,004 у девочек; r=0,42, p=0,000 у мальчиков). Зависимость статуса от особенностей поведения выражена ярче у девочек (R Square=0,646 и 0,812), чем у мальчиков (R Square=0,639 и 0,804 соответственно).

Среди армянских мальчиков 14 лет более популярны те, кто первыми начинают драку (№19), а на крики других отвечают также криками (№2) (табл. 5.19). Популярны и те мальчики, которые не используют непрямую физическую агрессию (№15). Те же, которые используют непрямую физическую агрессию – непопулярны (№21) (табл. 5.20). Мальчики, практикующие прямую вербальную агрессию, имеют низкий статус (№5). Популярные юноши склонны использовать объятия и поцелуи при примирении с друзьями (№38.1) и с нейтральными одноклассниками (№38.2), но не с теми, кого они не любят (№38.3). Более высокий статус в классе занимают те, кто мирится с друзьями с помощью подарков, приглашений вместе провести досуг и т.д. (№30.1).

Таблица 5.19. Параметры поведения, оказывающие влияние на популярность армянских мальчиков 14 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V2	0,14	0,07	0,24	2,12	0,036
V5	-0,20	0,10	-0,19	-2,03	0,044
V15	-0,16	0,07	-0,20	-2,15	0,034
V38.1	0,14	0,05	0,31	2,69	0,008

R^2=0,414.

Таблица 5.20. Параметры поведения, оказывающие влияние на непопулярность армянских мальчиков 14 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V19	-0,17	0,08	-0,15	-2,03	0,045
V21	0,19	0,07	0,22	2,58	0,011
V25.2	-0,16	0,08	-0,19	-2,04	0,043
V27.1	-0,16	0,07	-0,23	-2,26	0,026
V30.1	-0,12	0,06	-0,17	-2,00	0,048
V38.2	-0,26	0,12	-0,24	-2,10	0,038
V38.3	0,31	0,15	0,23	2,01	0,046

R^2=0,640.

Таблица 5.21. Параметры поведения, оказывающие влияние на непопулярность армянских девочек 14 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V3	-0,17	0,08	-0,26	-2,24	0,029
V21	0,17	0,08	0,28	2,28	0,026
V22	-0,21	0,08	-0,37	-2,74	0,008
V23	0,18	0,05	0,35	3,31	0,002
V24.2	-0,19	0,09	-0,34	-2,21	0,032
V29.2	0,17	0,09	0,30	2,02	0,049

R^2=0,731.

Популярность армянских девочек 14 лет зависит от следующих параметров (табл. 5.21): поощряется умение контролировать свои действия в конфликтных ситуациях (№3). Низкий статус имеют девочки, использующие физическую непрямую агрессию (№21) и не использующие вербальную непрямую агрессию (№22). В постконфликтных ситуациях активная примирительная позиция непопулярна (№23), хотя те, кто не мирится с нейтральными одноклассниками, тоже имеют низкий статус (№24.2). Кроме того, не принято использовать рукопожатия, похлопывания по плечу с одноклассниками, которые им безразличны (№29.2).

Следует отметить, что у армянских детей 14 лет общая популярность связана с успеваемостью по знаниям (r=0,15, p=0,015 у девочек; r=0,19, p=0,001 у мальчиков). Зависимость статуса от особенностей поведения выражена ярче у девочек (R Square=0,623 и 0,731), чем у мальчиков (R Square=0,414 и 0,640 соответственно).

Высокий статус среди армянских мальчиков 16 лет зависит от следующих параметров (табл. 5.22). Среди подростков поощряется использование вербальной агрессии, прямой (№4) и непрямой (№14), но не поощряется использование физической непрямой агрессии (№15). В ситуациях агрессивного взаимодействия других одноклассников считается правильным разнимать дерущихся (№35). Популярными являются те, кто практикует объятия и поцелуи в случае примирения

Таблица 5.22. Параметры поведения, оказывающие влияние на непопулярность армянских мальчиков 16 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V4	-0,22	0,06	-0,36	-3,58	0,001
V14	-0,11	0,05	-0,23	-2,11	0,038
V15	0,15	0,05	0,24	2,98	0,004
V35	-0,15	0,06	-0,23	-2,39	0,019
V38.2	-0,22	0,09	-0,34	-2,49	0,015
V38.3	0,22	0,11	0,31	2,10	0,039

R^2=0,706.

Таблица 5.23. Параметры поведения, оказывающие влияние на популярность армянских девочек 16 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	Beta	t	Достоверность
V24.3	0,15	0,07	0,29	2,24	0,028
V25.3	0,24	0,07	0,44	3,44	0,001
V27.3	-0,15	0,07	-0,28	-2,32	0,022

R^2=0,601.

с нейтральными одноклассниками (№38.2) и не практикует подобные способы примирения с теми, кого не любят (№38.3).

Высокий статус среди армянских девочек 16 лет зависит от следующих параметров (табл. 5.23): среди девушек поощряется активное примирение с теми, кого они не любят (№24.3, 25.3, 25.7). Низкий статус имеют девочки, которые в ответ на агрессию не используют прямые виды агрессии, физическую (№9) и вербальную (№18) (табл. 5.24). Также непопулярны и те девочки, которые вмешиваются в чужие конфликты и поддерживают жертву (№33).

Как и у армянских детей всех остальных возрастов, в 16 лет общая популярность также связана с успеваемостью по знаниям (r=0,31, p=0,000 у девочек; r=0,50, p=0,000 у мальчиков). Зависимость статуса от особенностей поведения выражена ярче у девочек (R Square=0,601 и 0,711), чем у мальчиков (R Square=0,457 и 0,706 соответственно).

Сравнив русских и армянских респондентов, можно говорить о следующих результатах относительно социального статуса ребенка в группе:

Таблица 5.24. Параметры поведения, оказывающие влияние на непопулярность армянских девочек 16 лет

Параметры	B	Стандартная ошибка	β	t	Достоверность
V9	-0,01	0,04	-0,19	-2,23	0,029
V18	-0,01	0,04	-0,19	-2,12	0,037
V33	0,11	0,04	0,21	2,55	0,012

R^2=0,711.

• зависимость социального статуса от особенностей агрессивного и постконфликтного поведения выражена ярче у армянских девочек (во всех возрастах) и русских мальчиков (исключая возраст 11–12 лет);

• общая популярность связана с успеваемостью по знаниям во всех четырех возрастах у армянских школьников, и только в 11–12 и 14–15 лет – у русских школьников;

• использование вербальной прямой агрессии связано с высоким статусом у русских мальчиков 11–12 и 16–17 лет и армянских мальчиков 14 лет, а с низким статусом – у русских мальчиков 14–15 лет. Непрямая вербальная агрессия непопулярна среди русских мальчиков всех возрастов и армянских мальчиков, за исключением 9-летних. Относительно физической прямой агрессии можно заключить, что она связана с высоким статусом у 11–12-летних русских мальчиков (если она ответная) и у 9- и 14-летних армянских мальчиков. Непрямая физическая агрессия очень непопулярна у армянских мальчиков 11–12 лет, а у русских мальчиков этого возраста допускается в случае, если она используется в ответ на агрессию;

• культурные различия агрессивного поведения среди русских и армянских девочек менее очевидны. Использование физической агрессии связано с низким статусом в обеих культурах, исключая армянских девочек 9 лет, где непрямая физическая агрессия вполне допустима. Вербальная агрессия также значимо коррелирует с высоким статусом у русских и армянских девочек всех возрастов;

• в ситуации агрессивного взаимодействия других людей у русских мальчиков 11–12 и 14–15 лет и армянских мальчиков 9 лет считается популярным поддерживать своих друзей вне зависимости от их правоты. В 16–17-летнем возрасте ситуация меняется: популярной считается поддержка по принципу справедливости;

• среди русских девочек всех возрастов высокий статус имеют те, которые вмешиваются в конфликты и поддерживают по принципу справедливости. Армянские девочки 11–12 и 16 лет, поддерживающие в конфликтах жертву, непопулярны среди одноклассников;

• в постконфликтных ситуациях с высоким социальным статусом связаны такие способы примирения, как рукопожатия, похлопывания по плечу у русских мальчиков 11–12, 14–15 и 16–17 лет, вербальные извинения у русских мальчиков 14–15 и 16–17 лет, объятия и поцелуи среди друзей у армянских мальчиков 9 лет и русских мальчиков 16–17 лет, объятия и поцелуи среди тех, кто безразличен, у 14- и 16-летних армян, подарки и приглашения – у русских мальчиков 16–17 лет (исключая друзей) и армянских мальчиков 11–12 лет (с теми, кто безразличен) и 14 лет (среди друзей);

• взаимосвязь социального статуса и поведения примирения у девочек определяется рядом других параметров. У русских девочек значим лишь один показатель – в 14-летнем возрасте популярны те девочки, которые мирятся быстро, если

были зачинщицами конфликта. Среди армянских девочек высокий статус имеют те, которые используют объятия и поцелуи при примирении среди друзей (9 и 11–12 лет). В 14-летнем возрасте девочки из Армении, которые активно мирятся, непопулярны, тогда как в 16 лет популярны именно те, которые мирятся с антагонистами;

• взаимосвязь социального статуса и самоконтроля в ситуации агрессивного взаимодействия была обнаружена только у армянских девочек 14 лет – более популярны те, кто трезво контролирует свои действия.

Обсуждение. Популярность в классе и социальная компетентность

Результаты исследования обнаруживают зависимость популярности ребенка в группе от особенностей его агрессивного и постконфликтного поведения. Для русских эта зависимость ярче выражена у мальчиков, для армян – у девочек. Во всех возрастах (кроме 9-летних армян) низкий статус имеют мальчики, использующие вербальную непрямую агрессию, и девочки (кроме 9-летних армянок), использующие физическую прямую агрессию. В другом исследовании, проведенном среди школьников, использование непрямой и вербальной агрессии у мальчиков также было связано с низким статусом. Такие же результаты по девочкам наблюдаются в исследовании детей методом опроса учителей: более агрессивные девочки оцениваются как менее социально компетентные (Butovskaya, Demianovitsch, 2002). Но у всех девочек приветствуется использование вербальной агрессии, тогда как у мальчиков вербальная прямая агрессия популярна у русских в возрасте 11–12 и 16–17 лет и у армян в возрасте 14 лет. Относительно физической прямой агрессии можно сказать, что она связана с высоким социальным статусом у 11–12-летних русских мальчиков и у 9- и 14-летних армянских мальчиков. Непрямая физическая агрессия допускается лишь у русских мальчиков 11–12 лет в ответ на агрессию.

Что касается постконфликтного поведения, высокой статус среди русских девочек имеют те, кто активно вмешивается в конфликты и пытается урегулировать проблему. Армянские же девочки 14 лет, которые активно мирятся, оказались не популярны среди одноклассников. Русские мальчики ориентированы на поддержание своего иерархического статуса, и этот статус не связан с ролью мирителя. К тому же среди мальчиков популярны те, кто в конфликтах поддерживает своих друзей или даже нападающего (более сильного), тем самым оказываясь победителями (ведь у мальчиков не ценится пассивность при конфликтах).

В самом старшем возрасте ситуация меняется – популярные подростки (16–17 лет) начинают оказывать активную поддержку в конфликтах по принципу справедливости. Девочки менее ориентированы на доминирование и менее озабочены

своим иерархическим статусом. Среди русских девочек более популярными оказались те, кто действовал по принципу справедливости, а среди армянских девочек 16 лет – те, кто поддерживал жертву, продолжали оставаться непопулярными среди одноклассников.

Наши данные подтверждают предположение о связи социального статуса с агрессивным поведением, высказанное другими авторами (Dodge et al., 1990). Вместе с тем, как показывают исследования Дж. Кои с соавторами (Coie et al., 1982), популярные дети имеют высокие показатели по кооперации, дружественному поведению, соблюдению правил поведения во всех возрастах. Так же как и в нашем исследовании, непопулярность коррелирует с агрессией, но формы агрессивного поведения меняются с возрастом (с увеличением возраста физическая агрессия меняется на непрямую). Агрессия ассоциируется с популярностью у мальчиков, а социальные обязательства – с популярностью у девочек, что подтверждают результаты по русским детям. К тому же избегание имеет значимую связь с низким статусом среди девочек (Cantrell, Prinz, 1985).

Популярность школьников во многом зависит от умения использовать адекватные способы примирения. Среди русских мальчиков наиболее популярными считаются те, кто использует рукопожатия, похлопывания по плечу, а среди армян популярными оказались те мальчики, кто чаще других использовал поцелуи и объятия, подарки и приглашения вместе провести досуг. Среди девочек популярными считаются те, которые целуются и обнимаются при примирении.

Таким образом, можно говорить о достоверных культурных различиях в критериях популярности мальчиков и девочек, что, по всей вероятности, связано с гендерной иерархией и правилами общения с представителями своего пола в армянской и русской культуре.

Необходимо отметить, что общая популярность школьника была связана с успеваемостью по знаниям во всех возрастных группах у армян и только в 11–12 и 14–15 лет у русских.

Таким образом, наше исследование подтверждает ранее высказанную гипотезу о том, что социально успешные дети и подростки – это искусные манипуляторы, которые легко мирятся с бывшими оппонентами и вмешиваются в конфликты между членами группы, посредством этого сохраняя социальное равновесие (Бутовская, 2004; Бутовская, Козинцев, 1998). Они способны использовать как принудительные, так и объединительные стратегии в социальном взаимодействии с другими сверстниками (Grammer, 1992; Butovskaya, Kozintsev, 1999; Verbeek et al., 2000). Популярные школьники характеризуются окружающими как хорошие спортсмены, лидеры, хорошо ладящие со сверстниками. Часто оказывается, что непопулярные школьники – это те, кто ведет себя агрессивно, легко возбуждается, страдает от чувства одиночества и проявляет склонность к антисоциальному поведению (Coie et al., 1982). Важнейший навык, осваиваемый детьми и подростками в школьные годы, – усвоение правил восстановления социальных связей

после конфликтов со сверстниками и навыков самостоятельного купирования внутригрупповых конфликтов без помощи посторонних (Бутовская, Козинцев, 1998; Verbeek, 1997; Butovskaya et al., 2000).

Литература

Бутовская М.Л., 2004. Эволюция механизмов примирения у приматов и человека // Этология человека и смежные дисциплины (М.Л. Бутовская, ред.). М.: Одна Восьмая, 36-67.

Бутовская М.Л., Козинцев А.Г., 1998. Мирись, мирись, мирись и больше не дерись (этологический анализ агрессии и примирения в детских коллективах // Гендерные проблемы в этнографии И.М. Семашко, А.Н. Седловской, ред.). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 60-76.

Butovskaya M., Demianovitsch N., 2002. Social competence and behavior evaluation (SCBE-30) and socialization values (SVQ): Russian children ages 3 to 6 years // Early Education & Development, 13, 2: 153-170.

Butovskaya M., Kozintsev A.G., 1999. Aggression, friendship and reconciliation in Russian primary school children // Aggr. Behav., 25: 125-139.

Butovskaya M., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A., 2002. A multicultural view of peacemaking among young children // Natural Conflict Resolution. Berkeley, Los Angeles, London. 243-258.

Cantrell V.L., Prinz R.J., 1985. Multiple perspectives of rejected, neglected and accepted children: Relation between sociometric status and behavioral characteristics // J. Consulting and Clinical Psychology, 53: 884-889.

Coie J., Dodge K., Copottelli H., 1982. Dimensions and types of social status: A cross-age perspective // Developmental Psychology, 18: 557-571.

Dodge K.A., Price J.M., Bachorowski J.A., Newman J.P., 1990. Hostile attributional biases in severely aggressive adolescents // J. Abnormal Psychology, 1998: 185-192.

Grammer K., 1992. Intervention in conflicts among children: contexts and consequences // Coalitions and Alliances in Human and Other Animals. Oxford: Oxford University Press, 258-283.

Verbeek P., 1997. Doctoral dissertation, peacemaking of young children // Emory University, Atlanta, GA.

Verbeek P., Hartup W.W., Collins W.A., 2000. Conflict management in children and adolescents // Natural Conflict Resolution. Berkeley, Los Angeles, London. 34-53.

Глава 6

ИЕРАРХИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПОДРОСТКОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ: КОЛОНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Тименчик В.М., Бутовская М.Л., Буркова В.Н.

Введение

Тюрьма – это замкнутый мир, жизнь в котором строится совсем по другим законам, чем жизнь по ту сторону колючей проволоки. Криминальный мир имеет свои ценности, нормы, законы (Пирожков, 1994). Вероятно, поэтому исследования тюремной субкультуры уже давно привлекают исследователей. История изучения образа жизни заключенных в России восходит к «Запискам из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского (Белоусов, 2004). Однако осознание необходимости целенаправленного изучения тюремной субкультуры возникает, судя по всему, только после первой русской революции. Именно тогда появляются первые специальные публикации материалов, воплощающих идеологию и ментальность тюремной субкультуры (Белоусов, 2004). Тема советских тюрем стала особенно модной в 90-е годы XX в. Инициатива здесь принадлежит, в первую очередь, политзаключенным, правозащитникам. Одно за другим стали появляться исследования, посвященные языку, фольклору и этнографии советской тюрьмы (Ефимова, 2004; Абрамкин, Чижов, 1992).

Основным принципом тюремных законов является отрицание законов официальных. Следует признать, что криминальная субкультура порождена культурой официальной и находится в антагонистических отношениях с ней. В криминальных и асоциальных группах существует резко отрицательное отношение к официальным правилам, нормам и порядкам (Пирожков, 1994), а внутренние тюремные нормы – это нормы протестующие, зеркальные «антинормы». Каждая из них – это вызов обществу, государству, властям, администрации тюрьмы, «фраерам», не знающим тюремной жизни, словом – это нормы «активных изгоев»

(Ефимова, 2004). Иерархия криминальной субкультуры в высшей степени жесткая, основанная на массе запретов и ограничений, прежде всего в отношении низкостатусных членов группы. Однако следовать тюремным законам должны все, в том числе и авторитеты. Тюрьма, как всякое сообщество, «заботясь о своей целостности и единстве, вырабатывает систему специфических, стереотипных социальных кодов (программ) поведения, предписываемых его членам (Левинтон, 1990). Все они направлены на то, чтобы нейтрализовать тенденцию к индивидуализации поведения, сдержать рост его вариативности, ибо ничем не контролируемый рост многообразия неминуемо привел бы к распаду общества» (Байбурин, 1985).

На зоне существует своя строгая иерархия, гораздо более строгая, чем на воле. Субкультура заключенных – противоестественное образование, сообщество насильственно собранных в единое целое людей одного пола, сообщество поневоле. Однако, как всякое социальное объединение, оно самоорганизуется, структурируется. Во всех ИТК (исправительно-трудовая колония) и ВТК (воспитательная трудовая колония) (во всяком случае мужских) складывается трехступенчатая строго иерархизированная структура: лидеры («воры в законе», «черная масть»), нейтральное большинство («мужики») и на низшей ступени – отверженные (Гилинский, 1990). Причем еще хуже, чем во взрослой зоне, обстоят дела у малолеток. По данным правозащитников, больше всего людей опускают в зонах для малолеток, там, «где не знают тюремного закона, пусть страшного и жестокого, но единственного, при котором люди могут остаться людьми, да и просто выжить» (Абрамкин, Чижов,1992).

Структура отношений в женских колониях несколько иная. Воровские понятия и законы проникают в женскую среду в крайне ослабленном виде. К женщинам в тюрьмах относятся покровительственно и снисходительно, помогают им, но не принимают от них никакой помощи. Наряду с этим женщинам позволены отступления от тюремных норм (Ефимова, 2004).

В женских камерах и колониях отношения менее жестоки. Нарушения режима здесь менее агрессивны, границы между слоями осужденных менее четки и более подвижны (Ефимова, 2004). Воров в законе и опущенных здесь нет, а к лесбиянкам относятся более терпимо (Антонян, 1992).

Как уже говорилось, жизнь подростков в тюрьме и на зоне кардинально отличается от жизни обычных подростков. Рассматривая криминальную субкультуру как объективную реальность, как определенный социальный институт, некоторые авторы подчеркивают ее отличие от обычной подростково-юношеской субкультуры (Пирожков, 1994). Коллективы подростков в колониях известны своим асоциальным и криминальным содержанием, ярко выраженными тоталитарными способами влияния на поведение людей. Именно поэтому особенно интересно сравнить агрессивное и постконфликтное поведение у школьников и у подростков-заключенных.

Тюрьма представляет собой враждебную среду, для которой агрессия (прежде всего физическая) является нормативной практикой (Johnson, 1987). В силу того обстоятельства, что подростковая среда даже в норме отличается большей конкурентностью и повышенным уровнем конфликтности по сравнению со взрослыми коллективами, можно ожидать, что уровень агрессии в среде ВК будет выше, чем в обычных общеобразовательных школах, а готовность идти на компромиссы и способность восстанавливать социальные связи – ниже.

Можно ли, однако, получить адекватные сведения относительно поведенческих установок у подростков-заключенных? Ряд отечественных авторов (Пирожков, 1994) уверены, что правдивых сведений о структуре социальных отношений в подростковых колониях с помощью опросов получить невозможно. Мы учли это обстоятельство при планировании данного исследования и предложенная версия опросников полностью исключала какие-либо вопросы относительно статуса подростка среди сверстников, информацию об отношении к нему окружающих, а также сведения, потенциально компрометирующие его в глазах других. В наших опросниках также отсутствовали детальные вопросы о травле и преследованиях в среде заключенных.

Нужно, однако, учитывать возможную специфику российских тюрем (более жесткие законы среди заключенных, большее давление среды). Исследования западных коллег, работавших среди малолетних правонарушителей, свидетельствуют о том, что эта категория лиц готова участвовать в опросах и предоставляет достаточно адекватные сведения о собственном агрессивном поведении, склонности к проявлениям гнева и враждебности (Archer, Heigh, 1997a,b; Ireland, Archer, 2004). Более того, Дж. Айерленд, проводившая исследования в британских тюрьмах, убедительно показала, что заключенные способны достаточно откровенно говорить (анонимные опросы и анкеты) о травле и насилии в среде заключенных (Ireland, 1999).

В цели данного исследования входило выявление конкретных различий в практике разных типов агрессии, примирения, отношения к конфликтам сверстников и эмоциональной реакции на конфликтные ситуации (по результатам самооценки) у подростков из образовательных школ и их сверстников-правонарушителей, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Особое внимание было уделено выявлению различий в стратегиях поведения юношей и девушек правонарушителей в сравнении с различиями в поведении школьников-подростков.

Материалы исследования

Воспитательная колония (ВК) представляет собой учреждение для несовершеннолетних заключенных, осужденных к лишению свободы. В ВК содержатся несовершеннолетние (от 14 до 18 лет), приговоренные судом к лишению свободы.

По новому УК РФ, суд может направить в ВК и осужденных возрастной группы от 18 до 20 лет. Кроме того, при хорошем поведении администрация может оставлять в колонии воспитанников, возраст которых не превышает 21 года. Количество заключенных в одной ВК варьирует от 200 до 700 человек.

Территория ВК огорожена забором, несколькими рядами колючей проволоки, между ними – вспаханная полоса земли («запретка»). Массивные двойные ворота для въезда автотранспорта, между воротами и тамбуром – площадка, на которой останавливают для досмотра и проверки машины. Вышки (правда, охранники не как у взрослых – без автоматов), сигнализация и другие устройства для предупреждения побегов. Внутри колония разбита на несколько разгороженных участков. Два главных – промзона (производственные помещения) и жилая зона. Между ними тоже забор и колючая проволока. Жилзона, в свою очередь, разделена заборами на локальные участки: школа и ПТУ за забором, баня за забором, заборами ограждены общежития (заключенные называют их «бараками»), в каждом из которых располагается от 70 до 150 воспитанников. На территории жилой зоны обычно имеется столовая, клуб, библиотека, амбулатория (медчасть), иногда небольшой стационар (на 10–30 человек), штаб, в котором расположены помещения для административных работников. Дом свиданий – для краткосрочных (от 2 до 4 часов) и длительных (от 1 до 3 суток) свиданий. В некоторых ВК имеются спортивные площадки. Как и в лагере для взрослых, на малолетке есть внутренняя тюрьма – ДИЗО (дисциплинарный изолятор) – для нарушителей дисциплины: полутемные, сырые камеры с голыми стенами, окном с рядом решеток и шконкой. Спальные комнаты в общежитиях рассчитаны на 20–50 человек. Кроме спальных комнат в общежитии на каждые 70–100 человек («отряд») предусмотрены: комната для хранения личных вещей; раздевалка (для верхней одежды); комната для приема пищи (с устройством для кипячения воды, шкафами для продуктов); «красный уголок» (прежнее название – «ленинская комната»), где обычно проводятся политзанятия и культурно-массовые мероприятия, установлены столы, полки для книг, радиодинамик, телевизор (если он имеется); в тех случаях, когда в ВК есть канализация – туалет.

Новым уголовно-исполнительным кодексом (действует с 1.07.97) для ВК установлена норма жилой площади 3,5 м^2 на одного человека (у взрослых – 2 м^2). В дневное, свободное от работы и мероприятий время заключенные имеют право выходить из общежития на «локальную зону» – небольшую огражденную забором площадку перед общежитием. По остальной территории колонии заключенные могут передвигаться только колонной (строевым шагом, иногда с песней) или, при получении разрешения от администрации, строем в несколько человек.

Виды ВК и условия содержания. ВК подразделяются на колонии общего режима – для подростков, осужденных к лишению свободы впервые; для девушек (независимо от того, впервые или нет); и ВК усиленного режима – для подростков, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы.

В ВК обоих типов воспитанники разделены (с 1.07.97) на 4 категории, каждая из которых содержится в разных условиях: обычные, облегченные, льготные, строгие. Они отличаются по режиму, количеству посылок, передач, свиданий и т.п. По новому УИК, право на условно-досрочное освобождение имеют только воспитанники, которые находятся на льготных условиях содержания. Согласно УИК, воспитанники льготного режима могут проживать в общежитиях за пределами ВК. Но пенитенциарная система не располагает средствами, чтобы это право несовершеннолетних соблюдалось в полном объеме. Зато для создания строгих условий содержания (запираемые помещения, куда изолируются от остальных воспитанников «злостные нарушители режима содержания») необходимые средства почти всегда находятся.

В таблице 6.1. представлены данные о воспитательных колониях и числе осужденных, отбывающих различные наказания в них.

В данном исследовании принимали участие школьники и заключенные. Всего нами было опрошено 290 подростков в возрасте от 15 до 21 года: 81 мальчик-школьник, 63 мальчика-заключенных; 120 девочек-школьниц, 26 девочек-заключенных.

Процедура проведения исследования в школах подробно описана в главе 3. Исследование в колониях было проведено в 2003 г. Анкетирование проводилось в трех колониях для несовершеннолетних: Шаховской, Орловской и в колонии г. Новый Оскол для девочек. Была использована точно такая же анкета, какая использовалась ранее для изучения агрессивного поведения школьников (см. табл. 3.2). Однако вопросы анкеты были несколько адаптированы для подростков, пребывающих в колониях. Каждая анкета состояла из 38 вопросов для мальчиков и 39 вопросов для девочек. Так, в анкетах для мальчиков-зеков мы исключили вопрос о поцелуях и объятиях как средствах примирения. С помощью анкеты изучались следующие параметры: агрессивное и постконфликтное поведение. Участие в исследовании было абсолютно добровольным – брали анкеты для заполнения только те заключенные, которые заинтересовались этим. Необходимо отметить, что заключенные редко отвечали на все вопросы анкеты. Практически нет ни одной анкеты, в которой были заполнены все ячейки. Тем не менее удалось сопоставить полученные данные с данными по школьникам города Москвы и получить статистически достоверные результаты.

Результаты. Стратегии социального поведения, стили доминирования в условиях подростковых коллективов (общеобразовательная школа и колония)

Сравнительный анализ данных, полученных при интервьюировании подростков из средних общеобразовательных школ г. Москвы и заключенных из подро-

Таблица 6.1. Несовершеннолетние осужденные воспитательных колоний по данным на январь 2001 г. (по данным Центра содействия реформе уголовного правосудия)

Несовершеннолетние осужденные воспитательных колоний (январь 2001 г.)

- На начало 2001 г. в 64 ВК содержалось 17450 несовершеннолетних осужденных
  - В том числе в 4 ВК усиленного режима – около 500 человек
  - В 3 ВК для несовершеннолетних женского пола – около 1000 человек
- Лимит наполнения – 22 тыс. человек
- Фактическая наполняемость на сегодняшний день – 80%
- Всего за 2000 год через ВК прошло 43 тыс. несовершеннолетних осужденных

Распределение несовершеннолетних осужденных по возрасту:

В ВК содержится сегодня

- 15,9% осужденных в возрасте от 14 до 16 лет
- 64,5% – в возрасте от 16 до 18 лет
- 19,7% – старше 18 лет

44,1% до осуждения учились в общеобразовательных школах и других учебных заведениях, в том числе 12,1% – во вспомогательных школах

По составам преступления отбывают наказание:

- 3,5% – за убийства
- 3,6 – за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью
- 56,4% – за кражи
- 13,4% – грабеж
- 8,6% – за разбой
- 3% – хулиганство
- 6,9% – прочие виды

По срокам наказания:

- 10,6% – осуждены на срок до 2 лет включительно
- 31,8% – от 2 до 3 лет
- 44,4% – от 3 до 5 лет
- 13,2% – более 5 лет, за тяжкие преступления (убийства, грабежи, разбои)

Каждый десятый воспитанник является сиротой. По сведениям Минздрава России, уровень психических расстройств среди воспитанников ВК выше, чем у их сверстников на свободе, в 6 раз, количество больных наркоманией – в 12 раз, больных венерическими заболеваниями – в 9 раз, ВИЧ-инфицированных – в 5 раз.

Около половины воспитательных колоний не имеют централизованного горячего водоснабжения и канализации. Из-за отсутствия общежитий за пределами ВК только 400 воспитанников, переведенных на льготный режим, живет и работает за пределами зоны

стковых колоний (мужских и женских) выявил следующие достоверные различия.

Юноши

Юноши из обычных школ чаще используют вербальную непрямую агрессию (вопросы 1, 13, 22), чем их сверстники, отбывающие наказание в колонии (табл. 6.2).

Таблица 6.2. Различия по типу проявляемой агрессии у учащихся обычных школ и у подростков из колонии (мальчики, 16–17 лет)

Параметры	Школа		Тюрьма		Т-крите-рий	df	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение			
1. Распространяю сплетни об одноклассниках, которых не люблю	1,80	0,91	1,44	0,84	2,44	138	0,016
2. Когда на меня кричат, я кричу в ответ	3,26	1,01	3,14	1,28	,61	142	не дос.
4. Могу нагрубить тому, кто наговаривает на меня за моей спиной	3,78	0,93	3,69	1,40	0,43	141	не дос.
5. Говорю несимпатичному мне однокласснику, что мне не нравится его одежда или прическа	1,81	1,01	2,02	1,25	-1,03	116	не дос.
6. Если кто-то оскорбляет меня, я подговариваю других побить его	1,44	1,12	1,30	0,75	0,87	142	не дос.
7. Подговариваю друзей побить того, кто мне не нравится	1,30	0,84	1,31	1,32	-0,05	97	не дос.
9. Если меня кто-нибудь ударит, я дам ему сдачи	3,97	1,00	3,82	1,32	0,77	142	не дос.
10. Если я не согласен(на) с кем-либо, я кричу на него	2,23	0,99	2,60	1,30	-1,93	142	0,056
11. Если мне кто-то не нравится, я прилагаю все усилия к тому, чтобы его не приняли в компанию	2,51	1,18	2,19	1,32	1,47	124	не дос.
12. Затеваю драку с человеком, подговаривающим других побить меня	2,64	1,33	2,68	1,55	-0,17	142	не дос.
13. Если кто-то ударит меня, я очерню его в глазах других людей	2,54	1,41	2,00	1,32	2,37	135	0,019

(таблица 6.2, окончание)

14. Если я узнаю, что кто-то клевещет на меня, я плачу ему тем же	2,25	1,36	2,27	1,47	-0,11	126	не дос.
15. Я причиняю человеку физическую боль, оставаясь при этом незамеченным(ой) (подкладываю на стул кнопки и т.д.)	1,44	0,84	1,50	0,95	-0,36	122	не дос.
16. Если я узнаю, что кто-то распространяет обо мне слухи, я подговариваю других побить его	1,48	0,98	1,38	0,81	0,67	141	не дос.
17. Если кто-то поднимет на меня руку, я оскорблю его	2,57	1,33	3,08	1,42	-2,20	127	0,030
18. Оскорблю человека, подговаривающего других побить меня					-0,57	142	не дос.
19. Я первым(ой) начинаю драку	2,60	1,28	2,75	1,66	-0,06	126	не дос.
20. Если кто-то подговаривает своих друзей побить меня, я рассказываю об этом человеке что-то, что может выставить его в невыгодном свете перед другими людьми	2,23	1,23	2,00	1,24	1,12	131	не дос.
21. Если кто-то ударит меня, я подговорю других побить его	1,69	,98	1,52	,97	1,06	132	не дос.
22. Если кто-то оскорбляет меня, я всем рассказываю, что этот человек из себя представляет	2,57	1,21	1,86	1,15	3,59	137	0,000

Школьники достоверно чаще для достижения своих целей прибегают к сплетням, наговаривают на товарищей. Использование вербальной агрессии допускается в качестве ответного действия как на физическую силу, так и на оскорбления. Кроме того, школьники, значительно чаще подростков колонии могут выступать и как инициаторы непрямой вербальной агрессии. Напротив, юноши, находящиеся в колонии, заметно чаще московских школьников прибегают к прямой вербальной агрессии (вопросы 10, 17). Заключенные также чаще отвечают бранью на брань или на физическую агрессию.

Достоверные различия получены нами также при анализе стратегий пост-конфликтного поведения для юношей из московских школ и заключенных (табл. 6.3).

Заключенные практически не могли ответить на вопросы, связанные со временем примирения. Кроме того, юноши-заключенные реже стараются искать пути примирения с соперником. Вместе с тем наши данные свидетельствуют о том, что в колонии действуют более жесткие нормы поведения в отношении недругов: если их обидели, юноши из колонии чаще, чем московские школьники, стараются примириться с людьми, которых они не любят (см. табл. 6.3). В колонии юноши, по всей видимости, стараются избегать тактильных контактов со сверстниками (что вполне понятно, в силу присутствующих здесь законов в отношении «опущенных»), тогда как школьники активно используют тактильные контакты для примирения с нейтральными сверстниками. Подростки из обычных школ чаще, чем их сверстники из колонии, просят прощения с целью примирения с бывшим противником.

Более жесткие отношения в колонии, по-видимому, являются причиной того, что в ссорах между одноклассниками юноши из колонии стремятся поддержать своих друзей, независимо от их правоты (табл. 6.4). В подростковых же коллективах московских школьников действуют более либеральные нормы социального поведения: они чаще поддерживают того, кто прав, даже если он им не друг. А также чаще вступаются за жертву при вмешательстве в ссоры в качестве третьей стороны.

Не обнаружено значимых различий между школьниками и юношами, пребывающими в колониях, по степени самоконтроля в ситуациях агрессивного взаимодействия. Более того, из таблицы 6.5 видно, что обе группы юношей в одинаковой степени контролируют себя во время драки или ссоры (вопрос 3).

Девушки

Сравнительный анализ данных, полученных для девушек из московских общеобразовательных школ и девушек из колонии, свидетельствует о том, что различия между этими группами не затрагивают физическую агрессию (ее уровень примерно одинаков в обеих выборках) (табл. 6.6). Вместе с тем эти две группы различались по стратегиям использования прямой и непрямой вербальной агрессии. Для школьниц более характерным инструментом социального манипулиро-

Таблица 6.3. Различия по стилю поведения по отношению к бывшему сопернику и способам примирения у учащихся обычных школ и у подростков из колонии (мальчики, 16–17 лет)

Параметры	Школа		Тюрьма		Т-критерий	df	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение			
23. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	3,33	1,24	2,84	1,44	2,16	121	0,033
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):							
1. с друзьями	4,11	1,13	3,95	1,26	0,78	116	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	2,80	1,21	2,04	1,37	3,26	96	0,002
3. с теми, кого я не люблю	2,15	1,19	2,20	1,51	-0,19	89	не дос.
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):							
1. с друзьями	2,57	1,47	2,81	1,53	-0,89	106	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	3,72	1,40	3,82	1,39	-0,41	92	не дос.
3. с теми, кого я не люблю	4,28	1,21	3,93	1,50	1,43	123	не дос.
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):							
1. с друзьями	3,38	1,37	3,05	1,70	1,28	138	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	2,23	1,17	2,06	1,46	0,69	83	не дос.
3. с теми, кого я не люблю	1,86	1,15	2,00	1,50	-0,57	126	не дос.
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):							
1. с друзьями	3,00	1,45	2,94	1,63	0,20	100	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	4,04	1,20	3,91	1,39	0,52	75	не дос.

(таблица 6.3, окончание)

3. с теми, кого я не люблю	4,37	1,14	3,88	1,56	1,98	121	,050
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку:							
1. с друзьями	3,81	1,25	4,03	1,39	-0,96	114	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	2,53	1,14	2,06	1,25	2,16	97	0,033
3. с теми, кого я не люблю	1,90	1,16	2,10	1,36	-0,85	96	не дос.
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск::							
1. с друзьями	2,27	1,29	2,05	1,50	0,91	114	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	1,52	0,88	1,52	0,93	-0,009	99	не дос.
3. с теми, кого я не люблю	1,34	,84	1,60	1,12	-1,48	129	не дос.
34. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	3,46	1,13	2,21	1,35	6,06	142	0,000
36. Когда я сам(а) не могу помириться с кем-либо, я обращаюсь за помощью к третьим лицам	2,10	1,16	2,02	1,22	0,41	130	не дос.

вания являлась непрямая вербальная агрессия (в частности сплетни) (вопрос 22), тогда как девочки-заключенные чаще прибегают к прямой вербальной агрессии (вопрос 5). Последнее различие может объясняться тем, что одежда и внешний вид в колонии более унифицированы, поэтому нестандартность бросается в глаза и обсуждается.

Были выявлены достоверные различия по стилю поведения после ссоры и по стратегиям примирения между школьницами и девушками-заключенными (табл. 6.7). Школьницы достоверно чаще первыми мирятся со своими друзьями, в слу-

Таблица 6.4. Различия по стилю поведения в ситуации агрессивного взаимодействия других людей у подростков из колонии (мальчики, 16–17)

Параметры	Школа		Тюрьма		Т-критерий	df	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение			
28. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	3,18	1,17	3,64	1,48	-2,04	138	0,043
31. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	3,23	1,16	2,66	1,47	2,62	140	0,010
32. Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	2,93	1,13	2,78	1,45	0,69	142	не дос.
33. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю жертву (более слабого)	2,75	1,08	2,30	2,29	2,20	118	0,030
35. Когда другие дерутся, я разнимаю их	2,62	1,12	2,86	1,34	-1,14	120	не дос.
37. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	1,67	0,87	1,51	0,87	1,08	129	не дос.
39. Когда другие дерутся, я предпочитаю держаться от них подальше	2,60	1,18	2,32	1,24	1,41	130	не дос.

чае если они были зачинщиками ссоры. Однако в случае ссоры (если респонденты были зачинщиками ссоры) с теми, кого они не любят, девочки из колони быстрее стремятся помириться с бывшим соперником, чем девочки из обычных московских школ. Школьницы дольше мирятся и в тех случаях, когда их обидели, причем как с теми, кто им безразличен, так и с теми, кого они не любят. После ссоры с друзьями девочки-школьницы чаще, чем девочки-заключенные, предлагают бывшим противникам подарочки. Школьницы чаще используют тактильный контакт при примирении с теми, кого они не любят.

Таблица 6.5. Различия по степени самоконтроля в ситуации агрессивного взаимодействия у учащихся обычных школ и у подростков из колонии (мальчики, 16–17 лет)

Параметры	Школа		Тюрьма		Т-критерий	df	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение			
3. В ссоре (драке) я трезво контролирую свои действия	3,43	1,21	3,43	1,35	-0,02	141	не дос.
8. В ссоре (драке) я теряю самообладание	2,51	1,29	2,39	1,31	0,54	130	не дос.

Таблица 6.6. Различия по типу проявляемой агрессии у учащихся обычных школ и у подростков из колонии (девушки, 16–17 лет)

Параметры	Школа		Тюрьма		Т-критерий	df	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение			
1 .Распространяю сплетни об одноклассниках, которых не люблю	1,72	0,83	1,40	0,50	1,83	143	не дос.
2. Когда на меня кричат, я кричу в ответ	3,21	1,07	3,08	1,11	0,527	34	не дос.
4. Могу нагрубить тому, кто наговаривает на меня за моей спиной	3,40	1,18	3,64	1,25	-0,88	33	не дос.
5 .Говорю несимпатичному мне однокласснику, что мне не нравится его одежда или прическа	1,67	1,00	2,16	1,40	-2,04	143	0,043
6. Если кто-то оскорбляет меня, я подговариваю других побить его	1,27	0,68	1,44	1,16	-1,01	143	не дос.
7. Подговариваю друзей побить того, кто мне не нравится	1,12	0,45	1,28	0,89	-1,35	143	не дос.
9. Если меня кто-нибудь ударит, я дам ему сдачи	3,57	1,28	3,72	1,59	-0,52	143	не дос.
10. Если я не согласен(на) с кем-либо, я кричу на него	2,08	0,91	1,92	1,08	0,71	32	не дос.

(таблица 6.6, продолжение)

11. Если мне кто-то не нравится, я прилагаю все усилия к тому, чтобы его не приняли в компанию	2,15	1,18	1,84	1,11	1,26	36	не дос.
12. Затеваю драку с человеком, подговаривающим других побить меня	1,86	1,15	1,72	,94	0,64	40	не дос.
13. Если кто-то ударит меня, я очерню его в глазах других людей	2,45	1,39	1,92	1,18	1,75	142	не дос.
14. Если я узнаю, что кто-то клевещет на меня, я плачу ему тем же	2,30	1,24	1,84	1,21	1,72	35	не дос.
15. Я причиняю человеку физическую боль, оставаясь при этом незамеченным(ой) (подкладываю на стул кнопки и т.д.)	1,12,	0,44	1,32	0,63	-1,86	143	не дос.
16. Если я узнаю, что кто-то распространяет обо мне слухи, я подговариваю других побить его	1,29	0,67	1,33	0,82	-0,23	29	не дос.
17. Если кто-то поднимет на меня руку, я оскорблю его	2,73	1,25	2,64	1,47	,30	32	не дос.
18. Оскорблю человека, подговаривающего других побить меня	2,56	1,35	2,64	1,52	-0,25	32	не дос.
19. Я первым(ой) начинаю драку	1,52	0,80	1,58	0,97	-0,31	29	не дос.
20. Если кто-то подговаривает своих друзей побить меня, я рассказываю об этом человеке что-то, что может выставить его в невыгодном свете перед другими людьми	2,37	1,24	2,00	1,06	1,53	37	не дос.

(таблица 6.6, окончание)

21. Если кто-то ударит меня, я подговорю других побить его	1,52	0,90	1,28	0,74	1,28	143	не дос.
22. Если кто-то оскорбляет меня, я всем рассказываю, что этот человек из себя представляет	2,89	1,33	1,72	0,98	4,18	143	0,000

Таблица 6.7. Различия по стилю поведения по отношению к бывшему сопернику и способам примирения у учащихся обычных школ и у подростков из колонии (девушки, 16–17 лет)

Параметры	Школа		Тюрьма		Т-критерий	df	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение			
23. После ссоры (драки) я стараюсь искать пути примирения с соперником	2,97	1,19	2,75	1,26	0,78	32	не дос.
24. Если я был(а) зачинщиком ссоры (драки), я мирюсь первым(ой):							
1. с друзьями	4,14	1,00	3,35	1,58	3,14	141	0,002
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	2,59	1,11	2,33	1,53	0,92	139	не дос.
3. с теми, кого я не люблю	2,03	1,41	1,95	1,35	0,26	25	не дос.
25. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вы были зачинщиком ссоры (время указано в минутах, часах и днях):							
1. с друзьями	2,88	1,35	2,50	1,56	1,12	30	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	4,07	1,19	3,67	1,53	1,39	139	не дос.
3. с теми, кого я не люблю	4,36	1,07	3,79	1,55	2,01	137	0,047
26. Если меня обидели, я мирюсь первым(ой):							
1. с друзьями	3,16	1,28	3,04	1,60	0,40	143	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	1,99	1,00	2,38	1,56	-1,50	139	не дос.

(таблица 6.7, продолжение)

3. с теми, кого я не люблю	1,62	0,98	1,63	1,12	-0,02	23	не дос.
27. Через сколько времени вы миритесь в случае, если вас обидели (время указано в минутах, часах и днях):							
1. с друзьями	3,43	1,43	2,87	1,60	1,57	29	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	4,30	0,97	3,10	1,70	4,44	137	0,000
3. с теми, кого я не люблю	4,53	0,92	3,56	1,72	3,65	136	0,000
29. Когда я мирюсь, я касаюсь рукой, хлопаю по плечу, пожимаю руку:							
1. с друзьями	3,60	1,39	3,61	1,44	-0,03	30	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	2,07	0,98	2,50	1,38	-1,62	136	не дос.
3. с теми, кого я не люблю	1,57	0,94	1,94	1,26	-1,20	20	не дос.
30. Когда я мирюсь, я дарю ему подарки, приглашаю пойти вместе куда-нибудь, обещаю дать послушать кассету, диск:							
1. с друзьями	2,79	1,36	1,96	1,22	2,74	141	0,007
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	1,53	0,80	1,55	0,89	-0,08	24	не дос.
3. с теми, кого я не люблю	1,22	0,54	1,40	0,82	-1,23	138	не дос.
34. Если я хочу помириться с кем-либо, я прошу у него прощения	3,60	1,12	3,17	1,52	1,62	142	не ДОС.
36. Когда я сам(а) не могу помириться с кем-либо, я обращаюсь за помощью к третьим лицам	2,39	1,29	2,43	1,44	-0,13	29	не ДОС.

(таблица 6.7, окончание)

38. Когда я мирюсь, я обнимаю, целую, глажу его							
1. с друзьями	2,85	1,56	3,27	1,39	-1,29	32	не дос.
2. с одноклассниками, которые мне безразличны	1,47	0,81	1,74	1,15	-0,99	21	не дос.
3. с теми, кого я не люблю	1,21	0,59	1,53	0,91	-2,00	137	0,047

Девушки из колонии чаще в ссоре поддерживают друзей, вне зависимости от их правоты. Школьницы чаще наблюдают со стороны за происходящей дракой, предпочитая не вмешиваться (табл. 6.8), тогда как девушки-заключенные в ситуации драки, напротив, стремятся вмешаться и разнять дерущихся.

Девочки-школьницы лучше контролируют себя в ссоре или драке, чем девочки-заключенные (табл. 6.9).

Обсуждение

Полученные нами данные ни в коей мере нельзя считать всеохватывающими, особенно по части выборки, представляющей девушек-заключенных. Анкеты заполнялись исключительно по собственному желанию заключенных, по этой причине нельзя исключать некоторой необъективности полученных результатов. В частности, не исключена возможность того факта, что лица с наиболее высоким статусом в колонии, равно как и «опущенные», проигнорировали участие в нашем опросе, и, следовательно, результаты данного исследования должны приниматься с определенной осторожностью. С другой стороны, ряд западных исследователей, работавших среди малолетних правонарушителей, отмечают готовность этой категории лиц участвовать в опросах и говорят о том, что те предоставляли вполне адекватные сведения о собственном агрессивном поведении, склонности к проявлениям гнева и враждебности (Archer, Heigh, 1997a,b; Ireland, Archer, 2004).

Даже принимая во внимание возможный факт неравномерного участия лиц разного социального статуса в нашем опросе, полученных материалов оказалось достаточно, чтобы показать наличие целого ряда отчетливых различий социального поведения и правил функционирования подростковых коллективов в норме и в условиях экстремальных групп (ВК) (Björkquist et al., 1992; Dodge et al., 1998). Поведение подростков из экстремальных групп, как и ожидалось ранее, существенно более регламентировано «неписанным» сводом норм и правил. Эти правила в целом едины для структур уголовного мира и насаждаются старшими (ав-

Таблица 6.8. Различия по стилю поведения в ситуации агрессивного взаимодействия других людей у подростков из колонии (девушки, 16–17 лет)

Параметры	Школа		Тюрьма		Т-критерий	df	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение			
28. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю своих друзей независимо от того, правы они или нет	3,33	1,20	2,81	1,50	1,51	25	не дос.
31. В ссорах между одноклассниками я поддерживаю того, кто прав, независимо от того, друг он мне или нет	3,36	1,10	4,13	1,36	-2,57	28	0,016
32. Когда другие ссорятся (дерутся), я наблюдаю за ними со стороны	2,92	1,26	2,04	1,04	3,20	142	0,002
33. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю жертву (более слабого)	2,69	1,16	2,87	1,54	-0,67	142	не дос.
35. Когда другие дерутся, я разнимаю их	2,84	1,26	3,69	1,29	-2,91	31	0,007
37. Когда другие дерутся, я вмешиваюсь и поддерживаю нападающего (более сильного)	1,30	0,56	1,26	0,54	0,32	32	не дос.
39. Когда другие дерутся, я предпочитаю держаться от них подальше	2,86	1,16	2,17	1,20	2,58	32	0,015

Таблица 6.9. Различия по степени самоконтроля в ситуации агрессивного взаимодействия у учащихся обычных школ и у подростков в тюрьме (девушки, 16–17 лет)

Параметры	Школа		Тюрьма		Т-критерий	df	P
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение			
3. В ссоре (драке) я трезво контролирую свои действия	3,50	1,07	2,92	1,44	2,31	143	0,022
8. В ссоре (драке) я теряю самообладание	2,22	1,08	2,32	1,28	-0,35	31	не дос.

торитетами) путем инициаций и своеобразного инструктажа новоприбывших на зону (Ефимова, 2004).

Не только отечественные, но и западные ученые отмечают, что для тюремных сообществ характерны жесткие законы и повышенный, по сравнению с естественными условиями уровень физической агрессии (Ireland, Archer, 2004; Ireland, 1999). Однако вопреки ожиданиям мы не обнаружили более высокого уровня физической агрессии у подростков из ВК. Зато оказалось, что юноши-правонарушители чаще сквернословят в адрес друг друга и чаще отвечают бранью на физическую агрессию, чем нормальные подростки, напротив, подростки из общеобразовательных школ чаще распространяют сплетни о тех, кто им не симпатичен, и чаще наговаривают на противников, чем подростки из ВК.

Данные по ВК в сравнении с материалами, собранными в общеобразовательных школах, указывают на то, что заключенные реже стараются примириться с бывшим соперником. Это различие весьма значимо и является одним из индикаторов иерархичной жесткости внутригрупповых отношений в колонии по сравнению со школьными коллективами сверстников. Смысл его принципиален: в условиях экстремальной субкультуры индивидуальная социальная активность подростков существенно ограничена целым набором жестких правил и предписаний, которые следует соблюдать неукоснительно. Важным институтом регуляции социальных конфликтов в колонии (как и в остальном уголовном мире) является **разборка**. Она выполняет своеобразные функции суда с участием авторитетных личностей и является основным способом решения спора в местах заключения. Право на участие в разборке имеют не все обитатели колонии, козлы и петухи из потенциальных участников бывают исключены по определению (Абрамкин, Чижов, 1992). Это что-то вроде общего собрания, на котором спокойно, без рук и повышений голоса обе стороны высказывают братве все, что они по поводу своего спора думают. Если особых сложностей вопрос не представляет, его решают тут же, на месте. Если возникают трудности, обращаются в более высокую инстанцию – к своему авторитету, либо, если и он не может в споре разобраться, к «вору» на другой зоне. И пока окончательный ответ не придет, продолжать спор обе стороны не должны (Абрамкин, Чижов, 1992). Кроме того, наши результаты показывают, что в отношении недругов, по-видимому, существуют более регламентированные правила поведения – заключенные чаще мирятся именно с теми, кого не любят, – и девушки, и юноши. Такое поведение также демонстрируют русские девочки в 16–17 лет, тогда как армянские девочки скорее мирятся с друзьями и нейтральными одноклассниками (см. гл. 4). Результаты данного исследования расходятся с данными ряда работ, в которых друзья, по сравнению со знакомыми и недрузьями, мирятся чаще и охотнее (Newcomb, Bagwell, 1995; Osterman et al., 1997). Следует заметить, однако, что этологические наблюдения, проведенные в России и Калмыкии среди 6–7-летних детей, также говорят о том, что хотя дети и верят в то, что друзья должны мириться чаще, на практике оказывается,

что просто знакомые более склонны к примирению (Butovskaya et al., 2000; Butovskaya, 2001). Вероятно, это объясняется тем, что дети, которые не имеют дружественных привязанностей, более уязвимы и стараются быстрее восстановить отношения после происшедшего конфликта, если хотят оставаться в рамках единого социума (Butovskaya, 2001; LaFreniere et al., 2002). В сообществах заключенных прослеживается повышенная чувствительность к конфликтам с не-друзьями: в этих экстремальных условиях молодые люди стараются, прежде всего, урегулировать отношения с теми, кого не любят.

В способах примирения заключенные сильно отличаются от обычных подростков – они стараются избегать тактильных контактов, что определенно связано с нормами тюремной жизни (законы в отношении «опущенных» и т.п.), тогда как обычные школьники в целях примирения часто используют рукопожатие, похлопывание по плечу, объятья, поцелуи (см. гл, 4; Grammer, 1992; Butovskaya et al., 2000).

Подводя итоги этой главы, нужно сказать, что полученные выводы следует рассматривать как предварительные. В сущности, нами было проведено лишь пилотажное исследование подростков, отбывающих сроки заключения в воспитательных колониях. Для того чтобы получить более фундированные выводы о характере стратегий агрессии и примирения, практикующихся в этих условиях, нужны новые, гораздо более обширные материалы. Важно заметить однако, что даже эта первая попытка была достаточно удачной, ибо желающие отвечать на вопросы нашей анкеты нашлись, и хотелось бы верить, их ответы были в подавляющем большинстве искренними и правдивыми.

Литература

Абрамкин В., Чижов Ю., 1992. Как выжить в советской тюрьме. Красноярск.

Атонян Ю., 1992. Женщины в тюрьме // Правители преступного мира. М.

Байбурин А.К., 1985. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения (А.К. Байбурин, ред.). М.: Наука, 7-21.

Белоусов А.Ф., 2004. Предисловие к книге Ефимовой Е.С. «Современная тюрьма: быт, традиции, фольклор» М.: ОГИ.

Ефимова Е.С., 2004. Современная тюрьма: быт, традиции, фольклор М.: ОГИ.

Гилинский Я.И., 1990. Субкультура за решеткой // Советская этнография, 2: 100-103.

Левинтон Г.А., 1990. Насколько «первобытна» уголовная субкультура? // Советская этнография, 2: 96-100.

Пирожков В.Ф., 1994. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура).Тверь.

Archer J., Haigh A.M., 1997a. Do beliefs about aggressive feelings and actions predict reported levels of aggression? // Br. J. Soc. Psychol. 36 : 83-105.

Archer J., Heigh A.M., 1997b. Beliefs about aggression among male and female prisoners // Aggr. Behav., 23: 415-605.

Björkqvist K., Osterman K., Kaukiainen A., 1992. The development of direct and indirect aggressive strategies in males and females // Of mice and women: aspects of female aggression (K. Bjorkqvist, P. Niemela, eds.). San Diego, CA: Academic Press, 51-64.

Butovskaya M., 2001. Aggression, friendship and reconciliation in primary school-children // Prevention and Control of Aggression and the Impact on Its Victims (M. Martinez, ed.). Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Butovskaya M., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A., 2002. A multicultural view of peacemaking among young children // Natural Conflict Resolution. Berkeley, Los Angeles, London. 243-258.

Dodge K.A., Price J.M., Bachorowski J.A., Newman J.P., 1998. Hostile attributional biases in severely aggressive adolescents // J. Abnormal Psychology, 185-192.

Grammer K., 1992. Intervention in conflicts among children: contexts and consequences // Coalitions and Alliances in Human and Other Animals. Oxford, Oxford University Press, 258-283.

Ireland J.L., 1999. Bulling behaviors amongst male and female prisoners: A study of young offenders and adults // Aggr. Behav., 25: 162-178.

Ireland J., Archer J., 2004. Association between measures of aggression and bulling among juvenile and young offenders // Aggr. Behav., 30: 29-42.

Johnson R., 1987. Hard Time: Understanding and reforming the prison. Monterey, Ca: Brooks/Cole.

LaFreniere P.J., Masataka N., Butovskaya M., Chen Q., Dessen M.A., Atwanger K., Schreiner S., Montirosso A., Frigerio A., 2002. Cross-cultural analysis of social competence and behavior problems in preschoolers // Early Education & Development, 13, 2: 201-219.

Newcomb A.F., Bagwell C.L., 1995. Children's friendship relations: A meta-analytical review // Psychological Bullettin, 117: 306-347.

Osterman K., Bjorkqvist K., Lagerspetz K.M.J., Kaukiainen A., Landau S.F., Fraczek A., Pastorelli C. 1997. Sex differences in styles of conflict resolution: A developmental and cross-cultural study with data from Finland, Israel, Italy and Poland // Cultural Variation in Conflict Resolution: Alternatives to Violence (D.P. Fry, K. Björkqvist, eds.). Mahwah, NJ: Erlbaum, 185-197.

http://www.prison.org – Сайт Центра содействия реформе уголовного правосудия.

Раздел II

СТРЕСС, БИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ЖИЗНЕННЫЙ УСПЕХ

Глава 7

МЕХАНИЗМЫ СНЯТИЯ СТРЕССА В ПОСТКОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: ГОРМОНЫ И ПОВЕДЕНИЕ (на примере мальчиков в возрасте 7–11 лет)

Бутовская М.Л., Бойко Е.Ю., Сельверова Н.Б., Ермакова И.В.

Введение

В современной литературе агрессию принято рассматривать как одну из разновидностей конфликтного поведения, и, разумеется, не все конфликты имеют своей составляющей агрессивные проявления (Shantz, 1989). В данной главе мы будем в основном говорить об этологических и гормональных механизмах снятия стресса, вызванного агрессивными взаимодействиями между членами одного социального коллектива, и будем порой пользоваться терминами «конфликтное» и «постконфликтное поведение» как синонимами агрессивного поведения и поведения, непосредственно демонстрируемого бывшими противниками по окончании агрессии.

Исследование естественных механизмов урегулирования последствий агрессии – исключительно важно применительно к человеческому обществу. Особенную актуальность приобретает изучение механизмов контроля социальной агрессии в современных индустриальных и постиндустриальных обществах, прежде всего в условиях городской среды, сопряженной с целым комплексом различных физических, психологических и социальных стрессогенных воздействий на человека. К примеру, отчетливый социальный стресс в городских условиях перманентно вызван необходимостью ежедневных контактов с большим количеством незнакомцев, а также потребностью индивида к самореализации в рамках одновременно нескольких социальных групп (семья, родственники, друзья, соседи, сотрудники и партнеры по работе, клубы и т.д.). Социальный стресс и диском-

форт, испытываемый в одной из групп, может серьезно влиять на отношения человека в другом социальном окружении, равно как и на личное благополучие в целом. По этой причине изучение этологических и физиологических (гормональных) механизмов, лежащих в основе конфликтного поведения и постконфликтного восстановления социальных связей с бывшими противниками представляется нам исключительно актуальным (Бутовская, 2003; Aureli et al., 1997).

Естественные механизмы устранения негативных последствий внутригрупповой агрессии играют важнейшую роль в функционировании любой социальной системы, однако пристальное внимание этологов они привлекли лишь в последние несколько десятков лет (Aureli et al., 2002; Aureli, de Waal, 2000; Aureli, Schaffner, 2002; Aureli, Schino, 2004; Butovskaya, 1999; Бутовская, 2003; Butovskaya, Kozintsev, 1999; de Waal 1993, 2000). Особый интерес вызывает изучение поведения приматов и человека, следующего непосредственно за агрессивными столкновениями (de Waal, 2000), в частности повышение частоты аффилиативных контактов между бывшими противниками (феномен получил название «примирение»), а также реакция третьих особей (других членов группы) на агрессию сородичей (Das, 2000; de Waal, Aureli, 1996).

Постконфликтная аффилиация – широко распространенный среди «общественных» животных феномен. На сегодняшний день он зарегистрирован более чем у 27 видов обезьян, у человека, а также у других видов социальных животных (пятнистые гиены, домашние козы, бутылконосые дельфины) (см.: Aureli, de Waal, 2000, p.383). Способность к примирению у животных определяется, в частности, такими факторами, как индивидуальное узнавание и персонификация социальных отношений (Cords, Aureli, 2000; Aureli et al., 2002). Для последующего восстановления отношений необходимо, чтобы конфликт произошел между членами одной группы, а проявления враждебности после конфликта могут служить сильным стимулом к аффилиации между бывшими оппонентами (Butovskaya et al., 1996; Butovskaya, 1993). Большинство приматов (в том числе и человек) являются общественными животными и поэтому дистанцирование, уход с места агрессивного столкновения с последующим избеганием контактов, использующиеся многими грызунами или хищными, а также птицами в качестве механизма снятия внутригруппового напряжения, в этих условиях оказываются нефункциональными.

Примирение – важный механизм восстановления разрушенных социальных связей между членами группы. Вероятность примирения у приматов и человека может быть предсказана некоторыми факторами, связанными с природой социальных отношений между оппонентами и их качеством: возраст, пол, доминирование, степень родства или дружбы (de Waal, Ren, 1988; Watts, 1995; Butovskaya, Kosintsev, 1999; Butovskaya et al., 2000; Butovskaya, 2001a,b; Call et al., 1996; Cords, 1997; Verbeek et al., 2000; Preuschoft et al., 2002; Aureli et al., 2002).

Многие исследования говорят о том, что риск возобновления атак сразу после конфликта обычно очень высок, и жертвы агрессии могут из-за этого испытывать

возрастание тревожности (Aureli, Schaik, 1991; Schino et al., 1998; Aureli et al., 2002). Показано, что почесывания, автогруминг, стереотипные движения (например, гребущие движения рукой по субстрату), которые используются обычно в качестве надежного индикатора стресса у обезьян в условиях постконфликтного взаимодействия, могут служить для изучения функциональной составляющей феномена примирения (Aureli et al., 1999). В пользу того факта, что постконфликтная аффилиация бывших противников служит эффективным способом избавления от стресса, свидетельствуют работы ряда авторов, указывающих на то обстоятельство, что в ситуации примирения частота указанных манипуляций с телом или окружающими объектами резко снижается, возвращаясь к норме (Das et al., 1998; Kutsukake, Castles 2001).

В этой связи особенно интересны физиологические основы механизмов, предотвращающих нарастание агрессии и обеспечивающих смягчение социальных отношений, обостренных открытым конфликтом. Примирение, очевидно, служит важным способом снижения стресса у социальных животных и человека (Aureli, Smucny, 2000). Ф. Аурели и Г. Шино (Aureli, Schino, 2004, p.52) предположили, что «постконфликтная тревожность и примирение» могут быть «частью гомеостатического механизма, который регулирует и стабилизирует» нарушенные социальные отношения между бывшими оппонентами и их родственниками у макаков. Очевидно, сходные механизмы действуют также и в группах у других социальных видов, в частности у человека.

Физиологи, эндокринологи, психиатры, психологи и специалисты многих других областей много говорят о возможном влиянии стресса на здоровье и процессы старения человека, на его профессиональный успех и семейное положение (Кун, 2005; Morgan et al., 2004), и оно детально изучается на животных моделях (Gerra et al., 1998; Granger et al., 1994; Jones, Bright 2001; Moss et al., 1999; Sapolsky, 1998; Young et al., 2002). Среди прочего было продемонстрировано, что агрессия и вызванный ею стресс могут составлять замкнутый круг: у крыс, например, быстро растущая при активации агрессивных центров мозга секреция глюкокортикоидов (кортизол) может, в свою очередь, заново запускать активность тех же центров в мозгу (Kruk et al., 2004; Mikics et al., 2004).

У человека имеются физиологические механизмы реагирования на продолжительный стресс, развившиеся в ходе эволюции, получившие название «адаптационный синдром». Как было показано Г. Селье, человеческое тело демонстрирует практически одинаковую реакцию на любой стресс, как отрицательный (неудача, проблемы с учебой, инфекция), так и положительный (новая работа, бурный любовный роман, внезапное получение большого наследства). Общий адаптационный синдром подразделяется на три стадии: тревога, сопротивление и истощение (Selye, 1956). На стадии тревоги человеческий организм мобилизуется для борьбы со стрессом: гипофиз посылает сигнал надпочечникам, а те, в свою очередь, выбрасывают в кровь больше адреналина и норадреналина. На стадии со-

противляемости тело приспосабливается стабилизировать стресс. Если стресс носит затяжной характер, может наступать стадия истощения, когда стресс-гормоны исчерпываются. Длительный стресс разрушительным образом воздействует на иммунную систему организма и может вызывать существенные нарушения в организме (эндокринные, сердечно-сосудистые, различные психопаталогии).

Сопротивляемость стрессу связана с возрастными характеристиками: у детей она, как правило, низкая, затем, по мере достижения половой зрелости, достигает своего максимума и далее, к старости, значительным образом снижается (Cassavari et al., 1998). Не последнюю роль в провоцировании самого стрессового состояния и реактивности организма на стресс играют личностные факторы: М. Фридман и Р. Роземан показали, что люди с типом личности А подвергаются большему риску сердечно-сосудистых заболеваний, чем люди с типом личности Б (Friedman, Roseman, 1974, цит по: Кун, 2005, с.507). Характерными признаками людей с типом личности А являются хронический гнев, враждебность, ощущение нехватки времени. Поскольку в современном индустриальном обществе отчетливо поощряется ориентация на успех, конкуренцию и профессионализм, для него характерно присутствие значительного числа людей с типом А. Следует сказать, что сам по себе тип личности А еще не служит предсказателем большей подверженности сердечно-сосудистым болезням у своего носителя. С. Мадди в сотрудничестве с другими исследователями убедительно показал, что среди людей с типом А присутствуют также индивиды с выносливым типом личности (Maddi et al., 1998, цит по: Кун, 2005 с.508). Такие индивиды были в равной мере ориентированы на достижения и успех, как и их неспособные справляться со стрессовой ситуацией коллеги, но отличались от последних по трем основным параметрам: 1. Они отчетливо осознавали свои обязательства в отношении работы, семьи и другие стабилизирующие ценности; 2. Считали, что контролируют свою жизнь и работу; 3. Рассматривали свою жизнь как ряд испытаний, а не как серию угроз и проблем. Люди с определенными обязательствами преобразуют всю свою деятельность в ряд интересных и важных событий и достижений. Благодаря развитому чувству контроля за ситуацией они считают, что способны влиять на происходящие вокруг них события, а не пассивно взирают на происходящее, ощущая себя жертвой обстоятельств. Кроме всего прочего, такие личности полагают, что в процессе испытаний они добиваются исполнения собственных желаний, они предпочитают учиться на собственном опыте, а не принимать безопасные и тривиальные решения.

В процессе стресса в организме человека секретируются глюкокортикоиды (в частности кортизол), а в качестве одного из буферных антистрессорных факторов, по-видимому, выступают дегидроэпиандростерон (ДГЭА) и дегидроэпиандростерон сульфат (ДГЭА-С) ((Morgan et al., 2004). ДГЭА является по своей природе стероидом, его биологическое действие имеет широкий диапазон и определяется характером гомеостаза. Уровень ДГЭА повышается к периоду половой

зрелости и затем постепенно снижается к старости (Гончаров и др., 2004). Как известно, с возрастом человек становится более восприимчив к гормонам стресса. Это явление, по крайней мере отчасти, объясняется именно снижением уровня секреции ДГЭА и ДГЭА-С. «По своему биологическому действию ДГЭА и его сульфат рассматриваются как естественный антиглюкокортикоид» (Гончаров и др., 2004, с.13).

Синтез ДГЭА и ДГЭА-С происходит преимущественно в сетчатой зоне коркового слоя надпочечников, и лишь около 8–10% продуцируется гонадами. ДГЭА не имеет своего специфического транспортного белка в отличие от кортизола, тестостерона и эстрадиола, а связывается на 90% альбумином (Гончаров и др., 2004). Биологической активностью обладает как свободная, так и связанная с альбумином форма ДГЭА. «Выброс ДГЭА на протяжении суток повторяет динамику кортизола и АКТГ» (Гончаров и др., 2004, с.39). С возрастом амплитуда выбросов ДГЭА снижается с 74% у молодых людей до 45% у пожилых (Vermeulen, 1995).

Имеются очевидные признаки посреднической роли эмоций в управлении агрессией и ее разрешением (Aureli et al., 1999; Aureli, Smucny, 2000). Такие эмоциональные ответы отражают восприятие оппонентом исхода конфликта. По данным некоторых исследований, агрессоры (предположительно обладающие более высоким статусом, чем жертвы) и жертвы могут испытывать разные эмоции (больше страха и тревожности у жертв и определенные положительные эмоции от победы у агрессоров) (Arsenio, Killen, 1996). По всей видимости, однако, следует признать, что в ситуациях, когда речь идет о конфликтах на внутригрупповом уровне, тревожность по поводу разрушенных социальных связей с бывшим оппонентом может стать типичной и для агрессоров (Aureli, 1997).

Отношения между социальным статусом и физиологическим профилем, конечно, далеки от простых и линейных. Как продемонстрировал Р. Сапольский (Sapolsky, 2000) на примере павианов анубисов в условиях естественной среды обитания, доминирующее или подчиненное положение у самцов не было надежным предиктором их гормонального профиля. Базовый низкий уровень глюкокортикоидов был связан, прежде всего, с чертами личности самцов, определяющими общий характер реагирования на социальные и средовые события, а не их статусом по доминированию (Ray, Sapolsky 1992; Virgin, Sapolsky 1997; Sapolsky 1998). Самцы первого типа дифференцированно реагируют на угрозу и нейтральные взаимодействия с соперниками, они инициируют драку, когда воспринимают действия противника как открытую угрозу, по-разному ведут себя в случае победы или проигрыша и переадресовывают агрессию, будучи побежденными, на более слабых членов группы (Sapolsky, 2000, p.115). Самцы второго типа демонстрируют высокие показатели по грумингу и сидению в контакте с сородичами и часто играют с детенышами и подростками. Обе жизненные стратегии являются выигрышными, но по разным причинам: в первом случае низкий уровень глюкокортикоидов достигается благодаря регулярной практике смещенной агрес-

сии, что уменьшает фрустрацию и вероятность возобновления атак; во втором случае самцы с высокими аффилиативными возможностями могут в целом понизить уровень внутригрупповой агрессии.

Общественные животные нуждаются в развитых механизмах преодоления неопределенности и снижения риска, а примирение является одним из таких механизмов (Koning, Haller, 1998). Одно из важнейших недавних открытий приматологов, изучающих примирение, заключается в том, что преодоление стресса по большей части вызвано восстановлением дружеских контактов между бывшими оппонентами, в то время как участие третьих лиц в этом процессе не дает такого эффекта по снижению тревожности (Das et al., 1998). У макаков-резусов частота сердечных сокращений снижалась значительно быстрее и существеннее после примирений между оппонентами, нежели после дружеских контактов с другими членами группы (Aureli, Smucny, 2000).

Человек – социальное существо и его предки – приматы, были определенно общественными животными, поэтому не будет удивительным, если базовые физиологические последствия разрушенных социальных связей с членами группы будут проявляться похожим образом после конфликтов, и если биологические основы примирения у людей будут сходными с таковыми у обезьян. Поскольку культура влияет на поведение человека, и некоторые важные универсальные биосоциальные механизмы примирения могут остаться незамеченными антропологами, мы изначально предположили, что такие механизмы легче обнаружить у детей (Butovskaya, Kozintsev, 1999; Butovskaya et al., 2000; Verbeek et al., 2000).

Фундаментальные механизмы разрешения конфликтов становятся более понятными в русле теории привязанности, предложенной Дж. Боулби (Bowlby, 1969; Ainsworth et al., 1978; Verbeek et al., 2000). Как показали предыдущие работы, два важных фактора лежат в основе примирения у детей: эмоциональный, уходящий корнями в страх утраты объекта социальной привязанности, и рациональный, базирующийся на культурных нормах и признании внутригруппового членства (Butovskaya, Kozintsev, 1999; Butovskaya, 2001a,b). Благодаря сложным взаимоотношениям между этими мотивами вероятность примирения не коррелирует линейно с крепостью дружбы внутри пары. Например, наши исследования 6–7-летних русских и калмыцких детей показали, что одноклассники рассматривали себя как членов отдельной группы, в отличие от всех остальных детей, играющих на школьном дворе (идентифицируя членов своей группы как «мы», а остальных детей – как «они») (Butovskaya, 2001a,b). Членство в группе являлось главным фактором в примирении: дети были склонны к примирению с любым одноклассником, включая даже тех, с кем они едва обменивались парой слов в повседневной жизни. К аналогичным выводам приходят и наши коллеги, изучавшие примирение у шведских и японских детей (Fujisawa et al., 2005; Ljungberg et al., 2005).

В рамках настоящего исследования мы изучали гормональные основы примирения после агрессивных взаимодействий у человека (дети в возрасте 7–11 лет) и оценивали уровень гормонов стресса в постконфликте с примирением и без такового. Посредничество третьих лиц как фактор снятия стресса у бывших оппонентов было также рассмотрено нами, правда, в более схематичной форме.

Настоящее исследование имело целью изучить следующие аспекты:

• гормональные составляющие постконфликтного примирения у человека;

• функции кортизола и ДГЭА-С в развитии стресса, вызванного нарушением социальных связей между членами группы, и его предотвращении;

• различия в физиологической реакции на агрессивное взаимодействие со сверстником с последующим примирением и без такового, обусловленные статусом бывших противников;

• влияние качества отношений между партнерами на физиологические факторы преодоления стресса, вызванного агрессивным столкновением.

Методы

Гормональные основы постконфликтного примирения изучались в июле–августе 2003 г. в одном из российских летних лагерей для школьников. Объектами наблюдения послужили 30 мальчиков в возрасте от 7 до 11 лет из двух отрядов. Наблюдение проводили в течение всего дня, во время свободного общения ребят друг с другом. Регистрировались случаи агрессивных взаимодействий, сразу по окончании которых велось наблюдение за жертвой конфликта в течение 10 мин. (этот этап обозначается далее как PC – от англ. post-conflict), и 10-минутное наблюдение велось за тем же самым ребенком на следующий день в то же самое время суток для сбора контрольных данных (MC – от англ. matched-control). Общее число агрессивных взаимодействий в нашем анализе – 60.

Данная процедура наблюдения базируется на разработанной для изучения примирения на обезьянах (de Waal, Yoshihara, 1983) и модифицирована для работы с детьми (Butovskaya et al., 2000; Butovskaya, Kozintsev, 1999). В данном исследовании мы проводили 10-минутные постконфликтные наблюдения (PC), начинающиеся непосредственно с момента последнего агрессивного контакта бывших оппонентов, при условии, что агрессивные действия не возобновлялись в течение первой минуты наших фокальных наблюдений. И жертва, и агрессор идентифицировались в каждом агрессивном акте. Для каждого ребенка регистрировался один конфликт с примирением и один – без примирения.

В бланк наблюдения заносились следующие взаимоисключающие поведенческие категории: контактная агрессия (удары, шлепки, пощечины, толкание, бросание предметов с целью нанести повреждение, драка, исключая грубую игру),

неконтактная агрессия (угрозы, плевки, насмешки, преследование, агрессивные демонстрации), контактное аффилиативное поведение (объятия, прикосновение, взятие за руку, рукопожатие, поцелуи, дележ или обещание поделиться игрушками и сладостями), бесконтактное аффилиативное поведение (дружеская беседа, совместная игра, совместный смех и улыбка), доминантное поведение (демонстрации, распоряжения и приказания в направлении сверстников), поведение подчинения (уход, выполнение приказов), пространственная близость (приближение или уход) и грубая игра (Butovskaya, 2001b). Агрессия считалась симметричной, если жертвы отвечали в столь же агрессивной манере (давали «сдачи»). В ситуациях, когда жертва старалась защититься пассивно или отойти, агрессивные взаимодействия считались асимметричными. Мы также регистрировали вмешательство в конфликт третьих лиц с целью простимулировать примирение между бывшими оппонентами (Butovskaya, Kozintsev, 1999).

Все участники исследования также заполняли анкету, в которой они перечисляли трех мальчиков своего отряда, которых бы они пригласили на празднование своего дня рождения, и трех мальчиков, которых бы не пригласили никогда. В дальнейшем эти данные использовались для построения социометрической матрицы популярности в группе. Также мы использовали эти данные для оценки качества отношений внутри каждой конфликтующей пары. Если мальчики утверждали, что пригласят друг друга на вечеринку, мы классифицировали их как близких друзей; если оба утверждали обратное – соответственно, как антагонистов. Все остальные пары расценивались как нейтральные.

Все мальчики, принимавшие участие в исследовании, также заполняли опросник Басса-Дарки со шкалами: физическая агрессия, вербальная агрессия, косвенная агрессия, раздражение, негативизм, обида, подозрительность, чувство вины (Buss, Durkee, 1957); а также личностный опросник Айзенка (Eysenck, Eysenck, 1964) и скорректированную шкалу проявления тревожности для детей – RCMAS (Reynolds, Richmond, 1978).

Помимо этологических наблюдений для выявления уровня кортизола и ДГЭА-С в течение трех дней у всех мальчиков брались пробы слюны по утрам, сразу после пробуждения (в 7:00). Экспериментальные пробы брались у жертвы через 10 мин. после окончания конфликтов (рассматривались два случая: когда в течение этих 10 мин. оппоненты успели помириться и когда примирение еще не произошло). Контрольные пробы слюны собирались у тех же самых индивидов на следующий день в то же время суток.

Как было показано в других работах, измерение концентрации кортизола и ДГЭА-С в слюне наилучшим образом отражает их уровень у человека (Moss et al., 1999; Schmidt, 1998; Thornhage, 2002; Young et al., 2002). В частности, К. Киршбаум с соавторами показали, что уровень кортизола можно достоверно определять по слюне (Kirschbaum et al., 1992). Слюну, в отличие от крови, собирать у детей легче, и сбор слюны сам по себе не является стрессирующим фактором, в

отличие от взятия крови (Nishanian et al., 1998), что было особенно важно для нашего исследования.

Кортизол был выбран нами в качестве одного из самых надежных индикаторов стресса у животных и человека, в частности у детей (Akyuz et al., 1996; Aono et al., 1997; Thornhage, 2002). Поскольку же некоторые авторы продемонстрировали ранее, что ДГЭА-С функционирует как антистрессовый гормон и может защищать от деструктивного воздействия кортизола (Kaminska et al., 2000; Young et al., 2002), то мы решили использовать его как индикатор буферной антистрессовой активности у детей.

Перед анализом все пробы слюны хранились в замороженном виде при температуре -20°С.

Уровни кортизола и ДГЭА-С оценивались иммунно-ферментным методом (ИФМ). Для этого были использованы стандартные диагностические наборы Elisa для определения кортизола и ДГЭА-С в слюне, производимые DRG International Inc. (USA). Все анализы были сделаны в соответствии с протоколом наборов, контрольные показатели были в рамках принятых пределов. Межпробные и внутрипробные коэффициенты вариации составили менее 10%.

Полученные данные были подвергнуты статистическому анализу с использованием пакета программ SPSS-10. Мы применяли тест Уилкоксона для сопряженных выборок, чтобы сравнить концентрации кортизола и ДГЭА-С в постконфликте и контроле, а также после конфликтов с примирением и без такового. Процедура ANOVA применялась для тестирования влияния различных типов агрессии на гормональном уровне. Также использовались коэффициент корреляции Спирмена и частичная корреляция.

Результаты

Примирение и гормоны

Средний утренний уровень кортизола у наших испытуемых был равен 3,84±2,14 нг/мл, средний утренний уровень ДГЭА-С равнялся 5,83±4,53 нг/мл. Утренние концентрации кортизола и ДГЭА-С позитивно коррелировали друг с другом (r_s=0,404, p<0,05, n=26).

Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) показал, что у жертв асимметричных агрессивных взаимодействий утренний уровень кортизола был в два раза выше (6,18±5,16 нг/мл, n=23), чем у тех, кто давал сдачи (3,53±1,39 нг/мл, n=23), $F_{1,23}$=4,691, p<0,05.

Мы сравнили концентрацию кортизола через 10 мин. после конфликта с примирением (1,07±0,78 нг/мл) и после конфликта без примирения (2,14±1,47 нг/мл) с помощью теста Колмогорова-Смирнова и обнаружили, что разница между ними статистически значима (Z=-3,41, p=0,001, df=22). Различия в уровне кортизола в

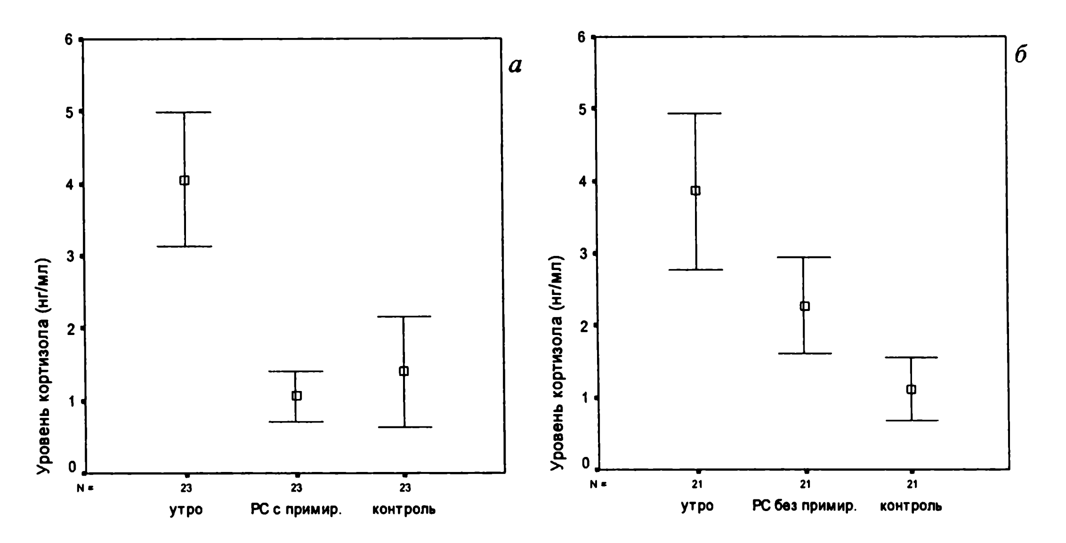

Рис. 7.1. Концентрация кортизола в слюне у мальчиков через 10 мин. после окончания конфликта в сравнении с базовым утренним уровнем
а – с примирением; *б* – без примирения

постконфликте (РС) с примирением и контрольным периодом на следующий день (МС) были проанализированы с помощью теста Уилкоксона для двух зависимых выборок. Они оказались незначимы: РС=1,07±0,78 нг/мл, МС=1,09± 0,92 нг/мл; Z=0,36, NS, df=23. Но если примирение не состоялось, то уровень кортизола в РС был гораздо выше, нежели контрольный: РС=2,14±1,47 нг/мл, МС=1,09±0,92 нг/мл, Z=-2,96, p<0,003, df=21 (рис. 7.1*а*, *б*).

Тест Колмогорова-Смирнова для уровня ДГЭА-С в РС с примирением (2,61±1,82 нг/мл) и без (5,42±5,60 нг/мл) показал значимые различия (Z=-2,12, p=0,003, df=25). Как показал тест Уилкоксона для двух зависимых выборок, уровень ДГЭА-С в РС с примирением был близок к таковому в МС: РС=2,61± 1,82 нг/мл, МС=2,72±1,89 нг/мл, Z=-0,435, NS, df=24. Хотя уровень ДГЭА-С в РС без примирения был выше, чем в МС, различия все же оказались незначимыми: РС=5,42±5,60 нг/мл, МС=3,09±0,89 нг/мл, Z=-1,43, NS, df=25) (рис. 7.2*а*, *б*).

Интенсивность агрессии, постконфликтное примирение и гормоны

Уровни кортизола и ДГЭА-С, измеренные в постконфликте с примирением, состоявшимся в течение 10 мин. после конца конфликта, позитивно коррелировали с интенсивностью агрессии: r_s=0,684, p<0,001, n=25 and r_s=0,638, p<0,001, n=26,

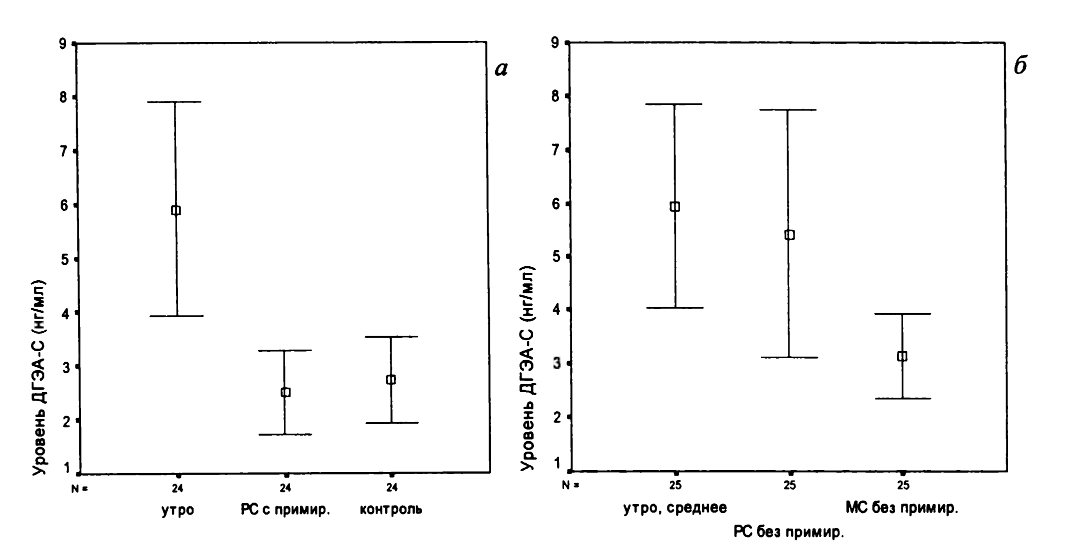

Рис. 7.2. Концентрация ДГЭА-С в слюне у мальчиков через 10 мин. после окончания конфликта в сравнении с базовым утренним уровнем
а – с примирением; *б* – без примирения

соответственно. Уровень кортизола позитивно коррелировал со временем, прошедшим между окончанием конфликта и примирением: r_s=0,442, p<0,05, n=25.

Поскольку интенсивность агрессии может быть важна для выделения кортизола и ДГЭА-С, мы произвели аналогичные сравнения отдельно для случаев с вербальной, легкой и интенсивной физической агрессией. И снова мы не смогли зарегистрировать значимых различий по кортизолу в парах проб «РС с примирением – МС» при вербальной и легкой физической агрессии (РС=0,78±0,51 нг/мл, МС=1,36±1,20 нг/мл, Z=-1,32, NS, n=17), в то время как уровень кортизола в РС без примирения был значительно выше контрольного (2,08±1,61 нг/мл, и 1,14±1,02 нг/мл, соответственно, Z=-2,302, p=0,021, n=16). Это верно и для случаев с интенсивной физической агрессией. В парах проб «РС с примирением – МС» различия по кортизолу были незначимыми (РС=1,98±0,82 нг/мл, МС=1,52±0,91 нг/мл, t=0,69, NS, df=5), тогда как в парах РС без примирения – МС, уровень кортизола в РС был достоверно выше (2,36±0,92 нг/мл и 0,90±0,35 нг/мл, соответственно, t=4,187, p<0,01, df=4).

Для ДГЭА-С не было найдено значимых различий между постконфликтом и контролем при вербальной и легкой агрессии ни для случаев с примирением (РС=2,14±1,58 нг/мл, МС=2,59±2,11 нг/мл, Z=-1,563, NS, n=18), ни для случаев

без примирения (РС=3,73±4,56 нг/мл, МС=2,79±1,69 нг/мл, Z=-0,240, NS, n=20). При интенсивной физической агрессии ситуация отличалась: если примирение имело место, то различия между пробами РС и МС были незначимы (РС=4,20±1,77 нг/мл, МС=3,08±1,01 нг/мл, t=1,943, NS, df=5), в то время как при отсутствии примирения показатели уровня ДГЭА-С серьезно отличались (12,18±4,25 нг/мл и 4,32±2,39 нг/мл, соответственно, t=5,704, p=0,005, df=4) (рис. 7.3).

Чем выше были у жертвы уровни кортизола и ДГЭА-С в постконфликте, тем более плотные аффилиативные действия использовались оппонентами для восстановления отношений: r_s=0,514, p<0,01, n=25 и r_s=0,459, p<0,05, n=26, соответственно (рис. 7.4).

Присутствие третьей стороны в роли посредника-мирителя не уменьшало выделения кортизола в постконфликте (1,72±0,96 нг/мл); постконфликтное примирение, инициированное самими бывшими противниками, было более действенным фактором снижения уровня кортизола (0,91±0,66 нг/мл): однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), $F_{1,22}$=5,078, p<0,05.

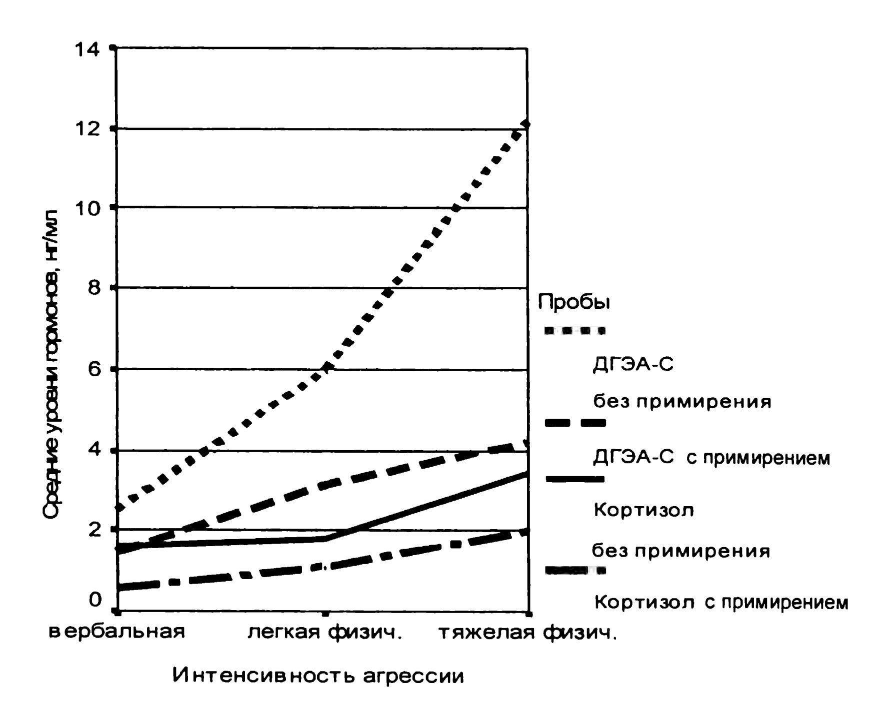

Рис. 7.3. Уровни кортизола и ДГЭА-С в слюне у мальчиков через 10 мин. после конфликта в зависимости от интенсивности агрессии

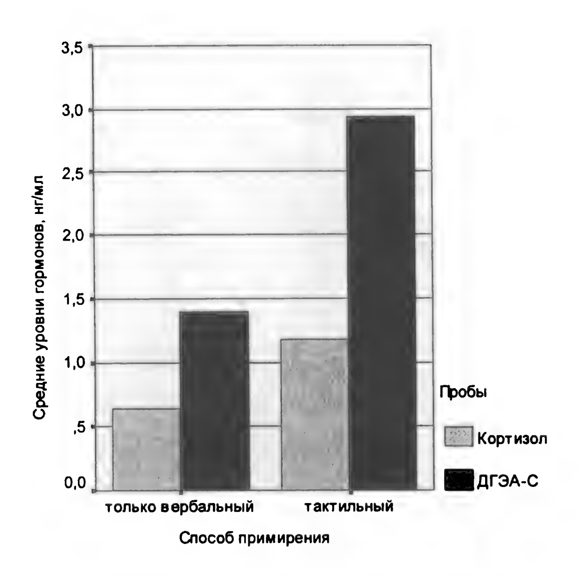

Рис. 7.4. Уровни кортизола и ДГЭА-С в слюне у мальчиков через 10 мин. после конфликта в зависимости от способа примирения

Гормоны и качество отношений

Были изучены различия по постконфликтному уровню кортизола и ДГЭА-С в случаях с примирением и без в парах близких друзей, просто знакомых и антагонистов. При РС с примирением самый высокий уровень ДГЭА-С наблюдался, когда конфликтовали близкие друзья (3,53±2,04 нг/мл), а самый низкий уровень – у антагонистов (1,80±0,99 нг/мл); однако данные различия оказались незначимыми из-за очень маленькой выборки. Уровни кортизола в разных типах пар оказались более или менее сходными (1,30±1,30 нг/мл для близких друзей; 1,80±0,14 нг/мл для антагонистов) (рис. 7.5*а*).

В наблюдениях постконфликтного поведения без примирения, как оказалось, были задействованы только нейтральные и враждующие пары (что говорит о том, что в нашем исследовании друзья всегда довольно быстро мирились). Концентрация кортизола была выше у первых (2,09±1,8 нг/мл), нежели чем у последних (2,24±0,92 нг/мл), $t=2,339$, $df=18$, $p=0,04$. То же верно и для ДГЭА-С (5,98± 5,89 нг/мл против 3,97±4,87 нг/мл, $t=2,046$, $df=20$, $p=0,05$) (рис. 7.5*б*).

Гормоны, популярность и некоторые личностные черты

Соотношение ДГЭА-С к кортизолу было вычислено в трех типах случаев: средние по утренним пробам, постконфликт с примирением и постконфликт без примирения. Во всех трех случаях этот показатель был минимальным для мальчиков со средним уровнем популярности в группе (вычисленной по социометрии) (рис. 7.6).

Наибольшие различия в соотношении ДГЭА-С к кортизолу были обнаружены между мальчиками с высокой и средней популярностью, а также между сред-

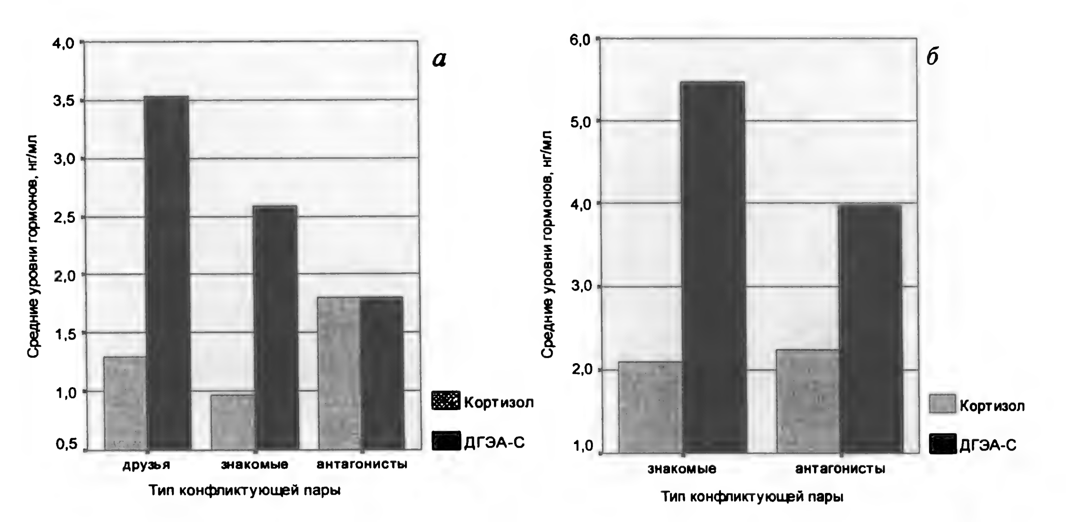

Рис. 7.5. Уровни кортизола и ДГЭА-С в постконфликте с примирением в слюне у мальчиков в зависимости от качества отношений в конфликтующих парах

а – с примирением; *б* – без примирения

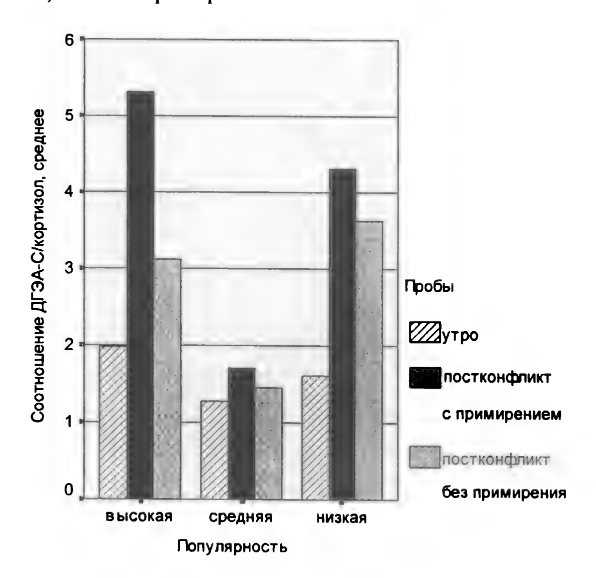

Рис. 7.6. Соотношение ДГЭА-С/кортизол в слюне у мальчиков и их популярность в группе

не- и малопопулярными членами группы. Эти различия были более явными в постконфликте с примирением, чем в утренних пробах. Значимыми они были между мальчиками с высоким и средним рангом по популярности в постконфликте с примирением (Z=-2,211, p=0,027) и близки к значимым – в посткофликте без примирения (Z=-1,854, p=0,064) для тех же статусных когорт.

Утренний уровень кортизола в слюне позитивно коррелировал с показателями по шкале раздражительности (тест Басса-Дарки): r_s=0,676, p<0,001, n=20. ДГЭА-С в постконфликте без примирения позитивно коррелировал с экстраверсией по опроснику Айзенка: r_s=0,583, p<0,05, n=16.

Линейная регрессия, вычисленная между соотношением ДГЭА-С/кортизол в постконфликте без примирения и тревожностью (шкала проявления тревожности для детей RCMAS) свидетельствует о связи этих показателей: ANOVA, $F_{1,12}$=8,619, R^2=0,42, b=-0,841, p=0,012. Это верно для всей выборки, независимо от социального статуса в группе (частичная корреляция r=-0,567, p=0,043, n=11, с контролем по социальному статусу).

Обсуждение

На индивидуальном уровне животные и человек по-разному отвечают на стресс, вызванный конфликтами. Множественные причинные факторы, такие, как черты личности, родственные отношения или дружественные привязанности, заставляют индивидов одного возраста, пола и социального положения демонстрировать значительные вариации в толерантности к другим членам группы. Есть все основания считать, что концепция опосредующей роли эмоций, связывающих причинность с поведенческими и физиологическими реакциями, предложенная Р.А. Хайндом (Hinde, 1972) является центральной для понимания индивидуальных вариаций. В свете этой теории эмоциональные реакции могут выступать одновременно и стимулом (причиной), и следствием социальных конфликтов у животных и человека (Aureli, Shino, 2004; Cacioppo, Gardner, 1999; Sapolsky, 2000).

Нейроэндокринные основы агрессивного поведения у крыс, мышей и обезьян детально изучались различными группами специалистов (Brain, Haug, 1992; Kruk et al., 1998; Lipp, Hunsperger, 1978). Обратная связь между нейрональными механизмами в ЦНС, провоцирующими агрессивные нападения и стрессовые реакции была недавно показана на крысах (Mikics et al., 2004). М.Р. Крук с соавторами (Kruk et al., 2004) обнаружили недавно, что высокий уровень глюкокортикоидов, быстро выделяемых при активации гипоталамуса, может, в свою очередь, вызвать новую активацию тех же самых агрессивных механизмов мозга, формируя позитивную обратную связь.

Мы предполагаем, что постконфликтное примирение действует как мощный поведенческий механизм, разрывающий такой замкнутый круг. Подобный механизм может быть особенно выигрышным для общественных видов: примирение снижает вероятность новых атак и минимизирует вредные последствия социальных конфликтов для членов группы на физиологическом уровне.

Доказано, что концентрация кортизола в слюне является идеальным индикатором стресса, вызванного агрессией, у человека, в частности у детей и подростков (Gerra et al., 1998). По данным нашего исследования, ДГЭА-С функционирует как антиглюкокортикоидный гормон: уровень ДГЭА-С экспоненциально нарастал вместе с интенсивностью агрессии и, по всей видимости, служил буфером для нейтрализации стрессового воздействия кортизола на организм. У фокальных индивидов (мальчиков 7–11 лет, жертв агрессии) физиологический стресс позитивно коррелировал с интенсивностью агрессии (от вербальной и легкой физической до более серьезных драк с повреждениями).

Постконфликтные периоды – это обычно время повышенного риска для бывших противников, особенно для жертвы (Aureli, Schaik, 1991; Castles, Whiten, 1998; Kutsukake, Castles, 2001). Враждебность может проявиться снова, и бывшая жертва снова подвергнется агрессии со стороны бывшего противника или другого члена группы (Aureli et al., 2002). Ясно, что такие обстоятельства весьма стрессируют тех, на кого направлена агрессия. Рассеяние не является приемлемым решением для членов группы, поскольку жизнь в группе требует определенной степени связанности и взаимной аффилиации. Поэтому социальные связи, разрушенные в ходе конфликта, должны быть восстановлены.

Посредническая роль эмоций в снятии напряженности в постконфликтных ситуациях очевидна: тревожность, вызванная агрессивными взаимодействиями, действует как переменная, способствующая примирению и снижающая риск возобновления атак бывшего агрессора (Aureli, Schaik, 1991; Kutsukake, Castles, 2001). Благодаря примирению прежние социальные связи между оппонентами восстанавливаются, а тревожность падает до фонового уровня (Aureli, Smucny, 2000).

В последние годы было экспериментально доказано, что ДГЭА-С в условиях стресса несет важную защитную функцию. Так, С.А. Морган с соавторами (Morgan et al., 2004) предположили, что соотношение ДГЭА-С к кортизолу может указывать на буферный антистрессовый эффект и чем оно выше, тем выше вероятность успешного преодоления негативных последствий экстремальных условий на организм и психическое состояние индивида. В нашем исследовании среднее соотношение ДГЭА-С/кортизол отличалось по базовым утренним пробам у очень популярных, среднепопулярных и совсем непопулярных мальчиков, а также в постконфликте с примирением и без примирения (когорта среднеранговых по популярности мальчиков всегда имела самый низкий показатель). Различия были наиболее выражены в PC (как с примирением, так и без), показывая, что антистрессовое воздействие ДГЭА-С после конфликта больше всего проявлялось для очень популярных и совсем непопулярных членов группы и менее всего – для среднепопулярных.

Наши данные по детям впервые подтверждают гипотезу снятия стресса с помощью аффилиативных постконфликтных действий (Aureli, 1997; Aureli, Smucny, 2000) на гормональном уровне. Чем больше времени проходит между окончани-

ем агрессивного взаимодействия и постконфликтным примирением, тем выше уровень кортизола, измеренный через 10 мин. после окончания конфликта. Как показывают этологические данные и интервью с детьми, разрушение социальных связей между членами группы, вызванное агрессией, ведет к серьезному эмоциональному дискомфорту у противников (Butovskaya, 2001a,b; Fujisawa et al., 2005; Ljungberg et al., 2005). Здесь мы представляем первые гормональные подтверждения высокой компетентности в узнавании эмоций оппонента у 7–11-летних мальчиков: чем выше был уровень кортизола у жертв в постконфликте, тем более эффективные средства аффилиации использовали сами жертвы для восстановления социальных связей с бывшим противником.

Наши результаты свидетельствуют о том, что ДГЭА-С успешно противодействует разрушительным эффектам кортизола у детей в возрасте 7–11 лет. Уровень секреции ДГЭА-С был максимальным в случаях тяжелой физической агрессии. ДГЭА-С действовал как антагонист кортизола, одной из главных функций этого гормона было предотвращение депрессии у жертвы агрессии и запуск восстанавливающей отношения социальной активности.

Мальчики в нашем исследовании демонстрировали значительные различия в эмоциональных профилях, так же как и в базовых уровнях гормонов, связанных с реакцией на стресс (кортизол и ДГЭА-С). Похожие открытия были сделаны ранее для детей и обезьян (павианы анубисы) (Kagan et al., 1988; Sapolsky, 2000). Такие индивидуальные паттерны реакции на стресс могут сохранять постоянство на протяжении всей жизни (Kagan, Snidman, 1999). Базовый уровень обоих гормонов выявил значительные вариации в пределах социальных когорт (высоко-, средне- и низкоранговые мальчики). По этой причине в средних базовых уровнях кортизола и ДГЭА-С не было найдено значимых различий между данными когортами.

Позитивная корреляция между ДГЭА-С в постконфликте без примирения и индивидуальным показателем экстраверсии также может быть проинтерпретирована в поддержку гипотезы снятия стресса. Более экстравертированные индивиды испытывают больший физиологический стресс после агрессии.

Некоторые авторы предполагают, что соотношение ДГЭА-С/кортизол может быть лучшим индикатором успешного преодоления стрессовых ситуаций (Morgan et al., 2004). Высокое соотношение свидетельствует о том, что данный индивид успешно противостоит стрессу, тогда как хронические соматические заболевания, по данным многих авторов, ведут к снижению продукции ДГЭА и ДГЭА-С, а уровень кортизола в этих случаях чаще всего остается неизменным или снижается незначительно. В результате соотношение ДГЭА-С/кортизол снижается. Недавние исследования свидетельствуют о том, что низкое соотношение указанных гормонов ассоциируется с нарушениями памяти, неустойчивостью настроения, деменцией (Гончаров и др., 2004, с.55-56). Мы применили этот показатель для изучения различий между статусными когортами. И снова для высоко-, средне- и

низкоранговых ребят различий в базовом уровне не найдено. Но в постконфликте соотношение ДГЭА-С/кортизол было минимальным у среднепопулярных детей. Это дает нам возможность предположить, что они были менее всех успешны в преодолении стресса, вызванного угрозой и агрессией. Наши данные подтверждают предположение С.А. Моргана и соавторов (Morgan et al., 2004) о том, что соотношение ДГЭА-С/кортизол указывает на индивидуальную способность справляться со стрессом: у тревожных мальчиков этот показатель был ниже в наиболее стрессовых ситуациях, когда конфликт не завершился примирением.

Полученные данные по уровню кортизола и ДГЭА-С в постконфликте с примирением и без для пар с разной степенью близости отношений дают определенное физиологическое подтверждение для гипотезы ценности отношений при постконфликтных примирениях (Cords, Aureli, 2000; Butovskaya et al., 2000). Уровень кортизола у мальчиков как реакция на конфликт с друзьями не был значительно выше по сравнению с конфликтами с антагонистами. Однако ситуация с ДГЭА-С была иной: его уровень был значительно выше в дружественных парах, чем у врагов. Это означает, что антистрессовая буферная реакция ДГЭА-С гораздо сильнее проявляется при конфликтах между близкими друзьями, чем между антагонистами. Поскольку наша выборка была небольшой, для более твердых доказательств требуется, разумеется, больше гормональных данных.

Наши данные проливают некоторый свет на снимающую стресс функцию третьих лиц – посредников в примирении. Дети часто практикуют такое посредничество. Как это было показано ранее, в некоторых культурах (в частности у калмыков) быть мирителем очень престижно (Butovskaya, 2001a,b). Относится ли это к другим культурам, остается открытым вопросом. Посредничество – явно важная стратегия для контролирования внутригруппового социального равновесия, но, как мы увидели в нашей конкретной выборке мальчиков, уровень кортизола, измеренный через 10 мин. после окончания конфликта, когда примирение произошло с помощью третьего лица, был значительно выше, чем в ситуациях самостоятельного примирения. Здесь можно предложить два альтернативных объяснения: (1) высокий уровень кортизола обусловлен тем, что у ребят были проблемы с самостоятельным примирением (и, как результат, фокальные жертвы были более стрессированы, чем в другом случае) и для разрешения конфликта было необходимо вмешательство мирителя; (2) если вмешивается посредник, процесс примирения становится как бы незаконченным, ненастоящим и не приносит удовлетворения, инициированное давлением с третьей стороны примирение неэффективно для снятия стресса. Ранее во многих работах было обнаружено, что вмешательство педагога не всегда дает желаемое реальное восстановление отношений: если учитель принуждает противников помириться, они в дальнейшем менее склонны общаться, нежели чем при самостоятельном примирении (Butovskaya, Kozintsev, 1999; Verbeek et al., 2000).

Данная работа фокусируется только на жертвах конфликта и составляет первую стадию нашего проекта. На следующем этапе мы проанализируем гормональную составляющую постконфликтного поведения также и у инициаторов агрессии, рассматривая ее связь с качеством отношений у подростков в возрасте от 12 до 15 лет. Безусловно, в дальнейшем изучении нуждаются и факторы возраста и гендера, также влияющие на постконфликтные эмоции.

Литература

Бутовская М.Л., 2003. Агрессия и примирение как базовые свойства социальных систем: человек и другие приматы // Антропология на пороге 3-го тысячелетия (Т.И. Алексеева, ред.). Т.1, М.: Старый сад, 125-160.

Гончаров Н.П., Кация Г.В., Нижник А.Н., 2004. Дегидроэпиандростерон: свойства, метаболизм, биологическое значение. М.: АДАМАНТЪ, 159.

Кун Д., 2005. Все тайны поведения человека. М.: Олма-Пресс, 720.

Ainsworth M.D.S., Blehar M., Waters E., Wall S., 1978. Patterns of attachment. Hillsdale, N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates.

Akyuz S., Prince S., Hekin N., 1996. Children's stress during a restorative dental treatment: assessment using salivary cortisol measurements // J. Clin. Pediatr. Dent. Spring., 20(3), 219-223.

Aono J., Ueda W., Kataoka Y., Manabe M., 1997. Differences in hormonal responses to preoperative emotional stress between preschool and school children // Acta Anaesthesiol. Scand., 41(2), 229-231.

Arsenio W.F., Killen M., 1996. Conflict-related emotions during peer disputes // Early Education and Development, 7, 43-57.

Aureli F., 1997. Post-conflict anxiety in nonhuman primates: The mediating role of emotion in conflict resolution // Aggr. Behav., 23: 315-328.

Aureli F., Schaffner C.M., 2002. Relationship assessment through emotional mediation // Behaviour, 139: 393-420.

Aureli F., Schino G., 2004. The role of emotions in social relationships // Macaque Societies (B. Thierry, M. Singh, W. Kaumanns, eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 38-61.

Aureli F., Smucny D., 2000. The role of emotion in conflict and conflict resolution // 2000. Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Berkeley, California: University of California Press, 199-224.

Aureli F., van Schaik C., 1991. Post-conflict behaviour in long-tailed macaques (Macaca fascicularis): II. Coping with the uncertainty // Ethology, 101-114.

Aureli F., de Waal F.B., eds., *2000.* Natural conflict resolution. Berkeley, California: University of California Press, 383.

Aureli F., Das M., Veenema H.C., 1997. Differential kinship effect on reconciliation among captive long-tailed macaques (Macaca fascicularis) // Amer. J. Primatol., 19: 39-51.

Aureli F., Preston S.D., de Waal F.B.M., 1999. Heart rate responses to social interactions in free-moving rhesus macaques (Macaca mulatta): a pilot study // J. Comparative Psychology, 113: 59-65.

Aureli F., Cords M., van Schaik C., 2002. Conflict resolution following aggression in gregarious animals: a predictive framework // Animal Behav., 63: 1-19.

Bowlby J., 1969. Attachment and Loss: Attachment. N. Y., Basic Books.

Brain P.F., Haug M., 1992. Hormonal and neurochemical correlates of various forms of animal «aggression» // Psychoneuroendcrinology, 17: 537-551.

Buss A.H., Durkee A., 1957. An inventory for assessing different kinds of hostility // J. Consulting Psychology, 21: 343-349.

Butovskaya M.L., 1993. Kinship and different dominance styles in groups of three species of the genus Macaca (M.arctoides, M.mulatta, M.fascicularis) // Folia Primatologica, 60(4): 210-224.

Butovskaya M.L., 1999. Coping with social tension in primate societies: Strategic modeling of early hominid lifestyles // Hominid Evolution: Lifestyles and Survival Strategies (H. Ullrich, ed.). Schwelm: Edition Archea, 44-54.

Butovskaya M.L., 2001a. Reconciliation after conflicts: ethological analysis of post-conflict interactions in kalmyk children // Cross-Cultural Approaches to Aggression and Reconciliation (J.M. Ramirez, D.R. Richardson, eds.). Huntington, N.Y.: NovaScience, 167-190.

Butovskaya M.L., 2001b. Aggression, friendship and reconciliation in primary school-children // Prevention and Control of Aggression and the Impact on its Victims. (M. Martinez, ed.). N. Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 147-154.

Butovskaya M.L., Kozintsev A.G., 1999. Aggression, friendship and reconciliation in Russian primary schoolchildren // Aggr. Behav., 25: 125-139.

Butovskaya M.L., Kozintsev A.G., Welker C., 1996. Conflict and reconciliation in two groups of crab-eating monkeys differing in social status by birth // Primates, 37: 259-268.

Butovskaya M.L., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A., 2000. Multicultural view of peacemaking among young children // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Berkeley, California: University of California Press, 423-450.

Caccavari S., Bernsconi S., Brambilla F., 1998. Neurotransmitter-hormonal responses to psichological stress in prepubertal subject: relationship to aggressive behavior // Life Sci., 62(7): 617-625.

Cacioppo J.T., Gardner W.L., 1999. Emotion // Annual Review of Psychology, 50: 191-214.

Call J., Judge P.G., de Waal, F.B.M., 1996. Influence of kinship and spatial density on reconciliation and grooming in rhesus monkeys // Amer. J. Primatol., 39: 35-45.

Castles D.L., Whiten A., 1998. Post-conflict behaviour of wild olive baboons. II. Stress and self-directed behaviour // Ethology, 104: 148-160.

Cords M., 1997. Friendships, alliances, reciprocity and repair // Machiavellian Intelligence II: Evaluations and Extensions (A. Whiten, R.W. Byrne, eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 24-49.

Cords M., Aureli F., 2000. Reconciliation and relationship qualities // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Berkeley, California: University of California Press, 177-198.

Das M., 2000. Conflict management via third parties // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Berkeley, California: University of California Press, 263-280.

Das M., Penke Z., van Hooff J.A.R.A.M., 1998. Postconflict affiliation and stress-related behavior of long-tailed macaque aggressors // Intern. J. Primatol., 19: 53-71.

Eysenck H.J., Eysenck S.B., 1964. Manual of the Eysenck personality inventory. London: University of London Press.

Fujisawa K.K., Kutsukake N., Hasegawa T., 2005. reconciliation pattern after aggression among Japanese preschool children // Aggr. Behav., 31: 138-152.

Gerra G., Zaimobic A., Giucastro G., Folli F., Maestri D., Tessoni A., Avanzini P., Caccavari S., Bernsconi S., Brambilla F., 1998. Neurotransmitter-hormonal responses to psychological stress in prepubertal subject: relationship to aggressive behavior // Life Sci., 62(7): 617-625.

Granger D.A., Weisz J.R., Kauneckis D., 1994. Neuroendocrine reactivity, internalizing behavior problems and control-related cognitions in clinic-referred children and adolescence // J. Abnorm. Physiol., 103(2): 267-277.

Hinde R.A., 1972. Concepts of emotion // Ciba Foundation Symposium N.8 on Physiology, Emotion and Psychosomatic Illness. Amsterdam: Elsevier, 3-13.

Jones F., Bright J., 2001. Stress: myth, theory and research. London: Orentice Hall.

Kagan J., Snidman N., 1999. Early childhood predictors of adult anxiety disorders // Biological Psychiatry, 46: 1536-1641.

Kagan J., Reznick J.S., Snidman N., 1988. Biological bases of childhood shyness // Science, 240: 167-171.

Kaminska M., Harris J., Gijsbers K., Dubrovsky B., 2000. Dehydroepiandrosterone sulfat (DHEA-S) counteracts decremental effects of corticosterone on dental gyrus LTP: implications for depression // Brain Res. Bull., 52: 299-234.

Kirschbaum C., Read G.F., Hellhammer D.H., eds. 1992. Assessment of hormones and drugs in saliva in biobehavioral research. Seattle: Hogrefe & Huber, 356.

Koning I., Haller I., 1998. The hipothalamus: cross-roads of endocrine and behavioral regulation in grooming and aggression // Neuroscience and Biobehavioral Rev., 23: 163-177.

Kruk M.R. Westphal K.G.C., Van Erp A.M.M., Van Asperen J., Cave B.J., Slater E., de Koning J., Haller J., 1998. The hypothalamus: cross-roads of endocrine and

behavioural regulation in grooming and aggression // Neuroscience and Biobehavioral Rev., 23: 163-177.

Kruk M.R., Hal6sz J., Meelis W., Haller J., 2004. Fast positive feedback between the adrenocortical stress response and A brain mechanism involved in aggressive behaviour // Paper Presented to the International Colloquium on the Brain and Aggression, Rhodos, Greece, September, 14-17.

Kutsukake N., Castles D.L., 2001. Reconciliation and variation in post-conflict stress in Japanese macaques (Macaca fuscata fuscata): testing the integrated hypothesis // Animal Cognintion, 4: 259-268.

Lipp H.P., Hunsperger R.W., 1978. Threat, attack and flight elicited by electrical stimulation of the ventromedial hypothalamus of the marmoset monkey Callithrix jacchus // Brain Behaviour and Evolution, 15: 260-293.

Ljungberg T., Horowitz L., Jansson L., Westlund K., Clarke Ch., 2005. Communicative factors, conflict progression, and use of reconciliatory strategies in pre-school boys – a series of random events or a sequential process? // Aggr. Behav., 31: 303-323.

Mikics E., Kruk M.R., Haller J., 2004. Genomic and non-genomic effects of glucocorticoids on aggressive behavior in male rats // Psychoneuroendocrinology, 29: 618-635.

Morgan C.A. 3rd, Southwick S., Hazlett G., Rasmusson A., Hoyt G., Zimolo Z., Charney D., 2004. Relationship among plasma dehydroepiandrosterone sulfate and cortisol levels, symptoms of dissolution, and objective performance in humans exposed to acute stress // Arch. Gen. Psychiatry, 61(8): 819-825.

Moss H.B., Vanyukov M., Yao J.K., Kirilova G.P., 1999. Salivary cortisol responses in prepubertal boys: the effects of parental substance abuse and association with drug use behavior during adolescence // Biol. Psychiatry, 45(10): 1293-1299.

Nishanian P., Aziz N., Chung J., Detels R., Fahey J.L., 1998. Oral fluids as an alternative to serum for measurement of markers of immune activation // Clinical and Diagnostic Laboratory Immunology, 5(4): 507-512.

Preuschoft S., Wang X., Aureli F., de Waal F.B.M., 2002. Reconciliation in captive chimpanzees: a reevaluation with controlled methods // Intern. J. Primatol., 23(1): 29-49.

Ray J., Sapolsky R., 1992. Styles of male social hevavior and their endocrine correlates among high-ranking baboons // Amer. J. Primatol., 28: 231-240.

Reynolds C.R., Richmond B.O., 1978. What I think and feel: a revised measure of children's manifest anxiety // J. Abnorm. Psychol., 6(2): 271-280.

Sapolsky R., 1998. Why zebras don't get ulcers: a guide to stress, stress-related diseases and coping. N. Y.: W.H. Freeman.

Sapolsky R., 2000. Physiological correlates of individual dominance style // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Berkeley, California: University of California Press, 114-116.

Seliye H., 1956. The stress of life. N. Y.: MeGraw Hill.

Shantz C.U., 1989. Conflicts between children // Child Dev., 58: 283-305.

Schino G., Rosati L., Aureli F., 1998. Intragroup variation in conciliatory tendencies in captive Japanese macaques // Behavior, 135: 897-912.

Schmidt N.A., 1998. Salivary cortisol testing in children // Issue. Compr. Pediatr. Nurs, 20(3): 183-190.

Thornhage C.J., 2002. Reference values for morning salivary cortisol concentrations in healthy school-aged children // J. Pediatr. Endocrinol. Metab., 15(2): 197-204.

Verbeek P., Hartup W.W., Collins W.A., 2000. Conflict resolution in children and adolescents // Natural Conflict Resolution (F. Aureli, F.B.M. de Waal, eds.). Berkeley, California: University of California Press, 34-54.

Vermeulen A., 1995. Dehydroepiandrosterone sulfate and aging // Ann. N. Y. Acad. Sci., 29: 121-127.

Virgin C., Sapolsky R., 1997. Styles of male social behavior and their endocrine correlates among low-ranking baboons // Amer. J. Primatol., 42: 25-34.

de Waal F.B.M., 1993. Reconciliation among primates: A review of empirical evidence and unresolved issues // Primate social conflict (W.A. Mason, S.P. Mendoza, eds.). Albany: State Univ. of N. Y. Press, 111-144.

de Waal F.B.M., 2000. Primates – a natural heritage of conflict resolution // Science, 289: 586-590.

de Waal F.B.M., Aureli F., 1996. Consolation, reconciliation, and a possible cognitive difference between macaques and chimpanzees // Reaching into Thought: The Minds of the Great Apes (A.E. Russon, K.A. Bard, S.T. Parker, eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 80-110.

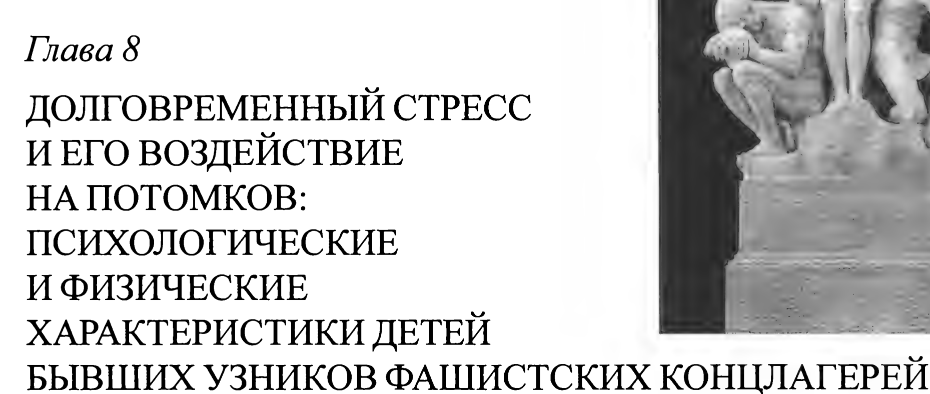
de Waal F.B.M., Ren R., 1988. Comparison of the reconciliation behaviour of stumptail and rhesus macaques // Ethology, 78: 129-142.

de Waal F.B.M., Yoshihara D., 1983. Reconciliation and redirected affection in rhesus monkeys // Behaviour, 85: 224-241.

Watts D.P., 1995. Post-conflict social events in wild mountain gorillas (Mammalia, Hominoidea) I. Social interactions between opponents // Ethology, 100: 139-157.

Young A.H., Gallacher P., Porter R.J., 2002. Elevation of the cortisol-dehydroepiandrosterone in drug-free depressed patients // Amer. J. Psychiatry, 159(7): 1237-1239.

Глава 8

ДОЛГОВРЕМЕННЫЙ СТРЕСС И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПОТОМКОВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕТЕЙ БЫВШИХ УЗНИКОВ ФАШИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ

Бутовская М.Л., Бойко Е.Ю., Веселовская Е.В., Дьяконов И.Ю., Салтер Ф.

Введение

Проблема влияния долговременного стресса на физическое и психическое состояние человека уже давно занимает специалистов самых разных отраслей знаний, прежде всего врачей, психиатров, психологов, физиологов и генетиков. О том, что продолжительные стрессовые воздействия разрушительно влияют на организм человека, сообщалось неоднократно, прежде всего в литературе, посвященной посттравматическому синдрому (ПТС) (Andreasen, 2004; Breslau et al., 1991; Foa et al., 1986; Yehuda, 2002). Степень подверженности стрессовым воздействиям и выраженность ПТС зависит от множества факторов (врожденных и приобретенных): генотипа человека, характеристик его индивидуального развития в пренатальном и постнатальном онтогенезе, особенностей воспитания, предшествующего опыта, социального окружения, уровня образования и пр. (Charney et al., 1993; Danieli, 1981; Kasten et al., 1987; Nader, 1998; Paige et al., 1990; Perry et al., 1990; Yehuda et al., 1992).

Как уже говорилось ранее (см. гл. 6), способность успешно справляться со стрессом во многом также зависит от гормонального статуса человека. В качестве одного из буферов стрессовой реакции, в частности, выступает гормон коры над-

почечников дигидроэпиандростерон (ДГЭА) и его сульфатная форма – дигидроэпиандростерон-сульфат (ДГЭА-С), в основном присутствующая в плазме крови (Гончаров и др., 2004). Уровень секреции этого гормона постепенно повышается с рождения и достигает максимума примерно в 20-летнем возрасте, после чего продолжает поддерживаться на достаточно высоком уровне до 30-летнего возраста и затем постепенно снижается, достигая к 70 годам уровня 10–20% от уровня 20-летних. Именно с падением уровня ДГЭА и ДГЭА-С в настоящее время связывают снижение общей сопротивляемости организма различным инфекциям, инвазиям, нарастание частоты сердечно-сосудистых и иммунных заболеваний, остеопороза, неврологических дисфункций и нарушений в эндокринологической сфере (Regelson, Kalimi, 1994).

Между долговременным стрессом и физиологическим состоянием человека прослеживается обратная связь: ПТС оказывает непосредственное воздействие на гормональный статус человека, меняя его специфическим образом (Charney et al., 1993; Yehuda et al., 1991).

Имеются многочисленные свидетельства того, что бывшие узники фашистских концлагерей часто страдают от хронического ПТС (Kepinski, 1970, цит. по Ryn, 2000; Ryn, 2000), испытывают сильные расстройства личности, проявляющиеся в заниженной самооценке, нарушениях эмоциональной сферы (повышенная тревожность, чувство страха, немотивированная гневливость, подавленность, чувство вины), высоком уровне импульсивности, невротических состояниях, астеническом синдроме и энцефалопатии. По данным физиологов и эндокринологов, пациенты с хроническим ПТС характеризуются повышенным уровнем секреции норэпинефрина и большей реактивностью б-2-адренергических рецепторов, а также повышенным уровнем секреции гормона щитовидной железы (Yehuda, 2002). Определенные изменения при ПТС претерпевают также структуры головного мозга: гиппокамп и эпифиз (Rauch et al., 2000; Liebenzon et al., 1999). Обращает на себя внимание тот факт, что нейроанатомические изменения, происходящие вследствие ПТС, кардинальным образом отличны от тех, которые присутствуют при других типах стресса. В частности, у индивидов с ПТС наблюдается пониженный уровень секреции кортизола, тогда как уровень кортикотропин-рилизинг-фактора в спинномозговой жидкости, напротив, оказывается выше нормы (Baker et al., 1999; Mason et al., 1986; Yehuda et al., 1995).

Внимательное изучение еврейских семей, переживших Холокост и перенесших ужасы фашистских концлагерей, свидетельствует о том, что потомки бывших узников также испытывают на себе негативные последствия травмы, полученной родителями, и больше подвержены риску депрессии, чаще страдают от повышенной тревожности, расстройств сна и с большей вероятностью демонстрируют ПТС вследствие перенесенных стрессов, чем контрольная выборка (Gartland, 1993; Solomon et al., 1988; Yehuda et al., 1998). Межпоколенная передача травмирующего влияния негативных жизненных событий стала объектом интен-

сивных исследований междисциплинарной научной «Группы по изучению межпоколенной передачи травмы и способности к выживанию».

При изучении лиц, перенесших тяжелый стресс, связанный с пребыванием в фашистских концлагерях, большинство исследователей делали акцент на изучение негативных последствий травмирующего опыта на последующий жизненный путь индивидов и их потомков. Лишь в незначительном числе публикаций ставился вопрос о том, какие психологические и биологические характеристики узников позволили им выжить в этих условиях. Так, В. Хелмрейх (Helmreich, 1992), опросивший 211 бывших узников лагерей смерти и 295 контрольных индивидов еврейского происхождения, проживающих в США, пришел к выводу о том, что выживанию способствовали такие качества, как высокая адаптабильность, инициативность, упорство. Бывшие узники, по данным этого автора, характеризовались более высоким уровнем активности, сталкиваясь с трудностями не пасовали, а старались всегда найти выход, лучше относились к семье и друзьям, были более удовлетворены своей работой.

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы вычленить и проанализировать фенотипические и генотипические характеристики, дающие индивидууму возможность выжить в крайне тяжелых, травмирующих условиях. В качестве модельной группы были выбраны дети малолетних узников фашистских концлагерей. Проверялись следующие гипотезы:

1. Существуют антропологические, физиологические и психологические характеристики, которые помогают их носителям выживать в условиях хронического физического и психологического стресса и передавать свои гены последующим поколениям.

2. Возможно, лица, выжившие в условиях жесточайшего стресса, более репродуктивно успешны в сравнении с контрольной группой из той же популяции.

3. Дети бывших малолетних узников частично могут наследовать от родителей целый ряд более высоких по сравнению с контрольной группой показателей здоровья:

а) большую устойчивость к инфекционным заболеваниям;

б) более крепкую пищеварительную систему;

в) меньшую асимметрию тела;

г) более стабильную нервную систему.

4. У современного человека отбор в среде, изобилующей постоянными стрессами, будет действовать в направлении сглаживания признаков полового диморфизма.

Методы

Участники

Экспериментальная группа состояла из 100 потомков российских малолетних узников фашистских концлагерей времен Великой Отечественной войны (35 муж-

чин и 65 женщин) (в дальнейшем представители этой группы будут обозначаться ЭГ). В силу ряда объективных и субъективных причин, в рамках данного проекта, каждого респондента нам приходилось разыскивать и уговаривать поучаствовать в исследовании персонально. Контрольная выборка представляла собой 100 российских граждан, родители которых не были в плену во время войны и не были в заключении в другие периоды жизни (38 мужчин и 62 женщины) (в дальнейшем представители этой группы будут обозначаться КГ). Испытуемые для КГ также были отобраны в случайном порядке, но с учетом соответствия ЭГ по критерию возраста. Все испытуемые в данном исследовании проживали в Москве десять и более лет.

Процедура сбора материала

При сборе данных использовали комплекс психологических и антропологических методов. Работа с каждым испытуемым состояла из четырех этапов.

1. ***Анкетный опрос.*** Респондент заполнял специальную форму со стандартным набором вопросов относительно его/ее и его/ее родителей: пола, возраста, места рождения, числа братьев и сестер, количества браков, семейного положения, числа беременностей, количества детей, уровня образования, наличия наград, профессии, места работы, занимаемой должности, спортивных достижений, хронических болезней (эти заболевания в процессе дальнейшей обработки классифицировались в зависимости от их связи с той или иной системой как сердечно-сосудистые, болезни пищеварительной системы, нервной, выделительной и репродуктивной систем, болезни органов дыхания, заболевания опорного аппарата, эндокринные, органов чувств, болезни иммунной системы (включая кровеносную систему), психические заболевания, болезни кожи и онкологические заболевания). Следующие сведения собирали только для выборки потомков бывших узников: кто из родителей был в плену; возраст респондента, когда он или она узнали, что родитель был в немецком концлагере; сроки пребывания родителя в плену; тип содержания в плену (трудовой лагерь, где заключенные работали в пределах его территории; обычный концентрационный лагерь, где заключенные не работали; концентрационный лагерь, где заключенные работали вне лагеря).

2. ***Тест на определение силы нервной системы.*** Данные относительно типа нервной системы получали с помощью теста, основанного на анализе психомоторных функций индивида (Ильин, 2001). В соответствии с этим методом предполагается, что сила нервных процессов является отражением работоспособности нервных клеток и нервной системы в целом. Сильная нервная система может противостоять более высокой нагрузке по сравнению со слабой. Процедура была основана на определении динамики максимальной скорости движений руки. Респонденту давали стандартный лист бумаги (А4), разделенный на шесть равных полей, и карандаш. По сигналу экспериментатора испытуемый начинал ставить

точки ведущей рукой в одном из полей с максимально возможной скоростью. На каждое поле отводилось 5 секунд, и переход от одного поля к другому выполнялся по команде экспериментатора без прерывания работы. Обработка результатов состояла в подсчете количества точек в каждом поле; далее строилась диаграмма динамики работы. Для построения графика номер поля откладывали по оси X, количество точек – по оси Y. Получаемые кривые можно подразделить на 5 типов: выпуклая, ровная, вогнутая, промежуточный вариант кривой и убывающая. Каждый из этих типов в некотором приближении соответствует следующим вариантам нервной системы: сильная устойчивая, сильная неустойчивая, слабая с тенденцией к мобилизации, средне-слабая и слабая.

3. ***Антропометрия.*** Группу крови по системе АВО, резус-фактор, длину и вес тела, а также право- или леворукость фиксировали со слов респондента. С помощью измерительной ленты, калиброванной с точностью до 1 мм, измеряли: длину тела сидя; плечевой диаметр, обхват плеча на уровне бицепса в расслабленном и напряженном состоянии и обхват запястья. Силу правой и левой руки определяли ручным динамометром; толщину жировых складок на внутренней и наружной стороне левого плеча измеряли калипером и делили пополам, чтобы получить реальную величину подкожного жирового слоя. Длину пальцев, ушей, диаметры запястий, лодыжек и ширину стопы измеряли скользящим циркулем с точностью до 0,5 мм. Для большей точности все размеры брались дважды и затем высчитывали среднюю величину. Все измерения проводили согласно стандартной принятой в антропометрии технике измерений (Бунак, 1941). Респонденты, пережившие недавний стресс, были исключены из исследований.

В процессе дальнейшей обработки материалов были вычислены следующие обобщенные антропометрические показатели:

Индекс массы тела (ИМТ) рассчитывали по двум формулам: (1) Индекс Кеттле = [вес в кг / (длина тела в см)^2] · 100 и (2) Индекс Рорера = [вес в кг / (длина тела в см) ^{3}] · 100 (Бунак, 1941).

Индекс скелии Мануврие = [длина ноги (длина тела–длина тела сидя) / длина тела сидя] · 100. Этот индекс отображает соотношение между верхней и нижней частями тела. Выделены 3 категории индекса: брахискелия, или относительная коротконогость (значения меньше 84,9), мезоскелия (85,0–89,9) и макроскелия, относительное удлинение нижних конечностей (значения индекса 90,0 и больше) (Бунак, 1941).

2D/4D пальцевый индекс (длина указательного пальца/длина безымянного пальца) является показателем соотношения основных половых гормонов. Более низкие значения индекса показывают, что четвертый палец длиннее, чем указательный, и маркируют мужской тип с высоким уровнем тестостерона, большие значения пальцевого индекса представляют женский тип с высоким уровнем эстрадиола (Coolican, Peters, 2003). Согласно литературным данным, 2D/4D-отношение закладывается уже во время эмбрионального развития и остается ус-

тойчивым на протяжении всего онтогенеза (Ronalds et al., 2002; Manning et al., 2000).

Обобщенный показатель флуктуирующей асимметрии (ОПФА) в качестве маркера генетического здоровья, стабильности во время роста и развития, хорошего состояния иммунной системы (Leung et al., 2000; Hume, Montgomerie, 2001; Milne et al., 2003), рассчитывали как сумму показателей по всем отдельно взятым признакам (измеренные справа и слева длина ушей, диаметры запястий и лодыжек, ширина стопы, длина второго и четвертого пальцев). Показатель по каждому признаку вычисляли по единой формуле (без учета знака): (Л-Пр)/среднее значение между левой и правой стороной, где Л – значение признака слева и Пр – значение признака справа (Leung et al., 2000).

4. ***«Прогноз».*** Нервно-психическая устойчивость и риск неадаптированности во время стресса проверялись с помощью опросника «Прогноз», разработанного Санкт-Петербургской Медицинской Военной Академией (Практическая психодиагностика, 2001). Респонденты давали положительный или отрицательный ответ на 84 вопроса. Далее анкеты обрабатывали в соответствии с ключом, в результате чего данные конвертировались в шкалу нервно-психической устойчивости (НПУ), состоящую из 10 пунктов. Большие значения по шкале НПУ соответствуют стабильному нервно-психическому статусу, маленькие – маркируют риск дезадаптации в условиях воздействия стресса.

Данные были обработаны с помощью пакета статистических программ SPSS v. 10.0. Для оценки достоверности различий применяли критерии Стьюдента и Манна-Уитни для независимых выборок и χ^2, в качестве показателей связи рассчитывали коэффициенты корреляции Пирсона (r) для двух метрических переменных и коэффициенты ранговой корреляции Спирман (r_s). В работе также использовали дисперсионный анализ (ANOVA).

Результаты

Демография

Дети узников концлагерей (ЭГ) и контрольная выборка (КГ) сопоставлялись по возрасту. В первой группе средний возраст составил 45±5 лет, разброс от 30 до 56 лет; во второй: 45±8 и разброс от 34 до 57, соответственно. По полу выборки распределились следующим образом: ЭГ: 35% – мужчины, 65% – женщины; КГ: 38% – мужчины, 62% – женщины. В отношении родителей респондентов средний возраст к моменту исследований в первой выборке составил 69±6 лет; в контрольной – 68±9, а распределение по полу выглядело следующим образом: бывшие малолетние узники – 53% мужчины, 47% женщины; контроль – 62% мужчины, 38% женщины. Среди родителей ЭГ 71% был рожден в городе, 29% – в деревне; а в КГ: 74% родителей респондентов родились в городе, 26% в деревне.

В выборке ЭГ к моменту исследования умерло 38 родителей, в КГ – 28, это различие оказалось недостоверным (U=532,0, p =0,109).

Индекс массы тела и конституция

Взвешенный индекс массы тела (ИМТ) Кеттле у мужчин из ЭГ (сыновей бывших узников) и в КГ демонстрировал различия близкие к статистически значимым [t =-1,944, df=70, p =0,56] (табл. 8.1). Мужчины ЭГ имели значительно более низкий вес, хотя толщина жировых складок в обеих выборках отличалась незначительно. Женщины из ЭГ (дочери бывших узников), напротив, имели значительно большую толщину жировых складок на плече, чем КГ, но по весу и ИМТ значимых различий не наблюдалось.

Согласно нашим данным, женщины ЭГ имели более грацильный скелет (что оценивалось по диаметрам запястий и лодыжек) и большее развитие мускульной и жировой массы (о чем судили по толщине жировых складок, обхватным размерам, в том числе по различиям между обхватами плеча в напряженном и расслабленном состоянии) в сравнении с контролем (см. табл. 8.1, табл. 8.2, 8.3). Мужчины ЭГ также были менее массивны, чем мужчины КГ.

В мужской выборке ЭГ оба индекса массы тела продемонстрировали значимую корреляцию с обобщенным показателем флуктуирующей асимметрии: для индекса Кеттле r=0,416, p<0,05, для индекса Рорера r=0,393, p<0,05, n=35.

Таблица 8.1. Основные антропометрические параметры

Признаки		Мужчины		Женщины	
		ПВ	контроль	ПВ	контроль
Длина тела, см		176,36±5,297	177,14±7,565	163,29±5,607	163,23±5,979
		недостоверно		недостоверно	
Длина тела сидя, см		89,63±5,002	95,03±6,601	86,02±3,381	89,16±3,748
		t =-3,876, df=69, p=0,000		t =-4,919, df=123, p =0,000	
Диаметр плеч, мм		450,31±32,008	450,64±77,350	415,89±39,980	400,34±54,490
		недостоверно		недостоверно	
Вес, кг		78,14±13,209	85,38±18,235	67,09±13,813	64,49±10,324
		t =-1,936, df=70, p=<0,05		НЕ УТОЧНЕНО	
Индекс Кеттле		0,251±0,039	0,271±0,460	0,252±,520	0,243±0,390
		недостоверно		недостоверно	
Индекс Рорера		0,014±,0022	0,015±,0025	0,015±0,033	0015±0,0026
		недостоверно		недостоверно	
Индекс Мануврие		97,20±9,732	86,80±11,477	89,99±7,010	83,30±8,703
		t=4,114, df=69, p=0,000		t=4,747, df=123, p =0,000	
Толщина жировой складки (левое плечо), мм	внутри	6,42±3,796	6,31±3,761	9,41±3,988	7,63±3,434
		недостоверно		t=2,678, df=124, p<0,01	
	снаружи	5,30±1,925	4,42±1,655	6,87±2,210	5,98±1,786
		t=2,078, df=70, p<0,05		t=2,476, df=125, p<0,05	
Обхват запястья, мм		180,27±10,569	182,78±34,980	163,80±14,890	154,93±26,293
		недостоверно		t=2,347, df=124, p<0,05	

Таблица 8.2. Антропометрические параметры, используемые для расчета обобщенного показателя флуктуирующей асимметрия и пальцевого индекса (2D/4D отношения)

Признаки		Мужчины		Женщины	
		ПВ	контроль	ПВ	контроль
Длина уха, мм	правое	66,84±4,897	68,01±6,201	60,57 ± 6,357	62,90 ± 4,367
		недостоверно		t =-2,400, df=125, p<0,05	
	левое	66,97±5,021	68,96±5,445	60,62±6,148	63,36±4,552
		недостоверно		t =-2,835, df=125, p <,01	
Разница между правым и левым ухом, мм		1,24±0,926	2,19±2,196	1,79±1,383	2,07±1,514
		t =-2,358, df=70, p<0,05		недостоверно	
Ширина запястья, мм	правое	60,40±4,757	64,01±4,953	54,38±6,120	55,50±0,978
		t =-3,154, df=70, p<0,01		недостоверно	
	левое	59,80±4,431	63,74±4,910	54,11±6,320	55,43±4,045
		t =-3,571, df=70, p=0,001		недостоверно	
Различие между правым и левым запястьем, мм		1,51±1,417	2,60±3,210	1,57±1,240	1,36±1,222
		недостоверно		недостоверно	
Ширина лодыжки, мм	правая	72,66±4,932	75,10±6,780	65,59±7,037	67,34±4,925
		недостоверно		недостоверно	
	левая	72,11±3,907	74,18±6,455	65,97±7,152	67,02±5,010
		недостоверно		недостоверно	
Различие между правой и левой лодыжками, мм		1,60±1,403	2,35±1,687	1,82±1,207	1,86±1,316
		t =-2,049, df=70, p<0,05		недостоверно	
Различие между правой и левой стопой, мм		1,87±1,146	1,89±1,577	2,02±1,455	2,460±2,226
		недостоверно		недостоверно	
Различие между правым и левым указательными пальцами, мм		1,16±,774	1,61±1,022	1,39±1,348	1,23±,982
		недостоверно		недостоверно	
Различие между правым и левым средними пальцами, мм		1,32±0,946	1,54±1,227	1,35±1,066	1,18±0,911
		недостоверно		недостоверно	
Различие между правым и левым четвертыми пальцами, мм		1,00±0,817	0,95±0,970	1,42±,804	1,16±1,056
		недостоверно		недостоверно	
Различие между правым и левым мизинцами, мм		1,42±1,058	1,65±1,904	1,10±0,715	1,60±1,795
		недостоверно		недостоверно	
2D/4D отношение	правая рука	0,995±0,028	0,991±0,309	0,996±0,409	0,990±0,432
		недостоверно		недостоверно	
	левая рука	0,989±0,372	0,978±0,356	1,002±0,024	0,985±0,342
		недостоверно		недостоверно	
Обобщенный показатель флуктуирующей асимметрии		6,63±3,10	7,96±2,53	6,71±2,60	8,04±2,52
		t =-2.842, df=68, p<0,01		t =-2.011, df=121, p<0,05	

Таблица 8.3. Показатели развития мышечной массы

Признаки		Мужчины		Женщины	
		ПВ	контроль	ПВ	контроль
Обхват левого плеча, мм	в расслабленном состоянии	320,0±39,969	320,78±40,928	301,37±45,666	291,44±28,482
		недостоверно		недостоверно	
	в напряженном состоянии	348,14±39,525	351,87±47,545	319,08±48,805	304,82±31,420
		недостоверно		недостоверно	
Разница между расслабленным и напряженным обхватами плеча, мм		34,91±15,764	28,03±14,112	17,92±8,767	14,34±10,427
		недостоверно		t=2,090, df=124, p<0,05	
Сила кисти, кг силы	правая	46,46±10,509	51,16±8,105	26,48±8,523	29,37±6,924
		t =-2,134, df=70, p<0,05		t =-2,094, df=125, p<0,05	
	левая	41,83±10,736	45,57±7,061	22,30±6,902	25,62±5,545
		недостоверно		t =-2,981, df=125, p<0,01	

В отношении пропорций видно, что мужчины и женщины из ЭГ имели значимо более длинные нижние конечности относительно длины тела по сравнению с КГ. По индексу скелии Мануврие и мужчины, и женщины, родители которых были в лагерях, попадают в категорию макроскелии (значения индекса более 90,0). В контрольной же группе женщины попали в категорию брахискелии (индекс был меньше 84,9), а мужчины – мезоскелии (значения индекса в интервале от 85,0 до 89,9). Важно отметить, что по длине тела достоверных различий между сравниваемыми группами не было. Интересно, что представители этих групп также не различались и по плечевому диаметру.

Для выборки мужчин ЭГ получен отрицательный коэффициент корреляции между индексом скелии Мануврие и ОПФА r=-0,627, p=0,000, это означает, что у людей с относительно более длинными ногами меньше выражена флуктуирующая асимметрия. Противоположная зависимость была выявлена для женщин из КГ – r=0,408, p<0,01, n=57.

Между полами в пределах каждой выборки не было получено значимых различий, кроме очевидных по длине тела и весу. Необходимо упомянуть, что, вопреки ожиданиям, по 2D/4D-отношению мужчины и женщины также значимо не отличались (см. табл. 8.2).

Результаты измерений силы кисти представлены в таблице 8.3. Видно, что мужчины и женщины КГ оказались более сильными в отношении обеих рук по сравнению с ЭГ. В то же время различия между обхватами плеча в расслабленном и напряженном состоянии (признак, также маркирующий силу рук) были достоверно больше в выборке женщин ЭГ.

Параметры здоровья

ЭГ и КГ показали существенные различия в количестве болезней, упомянутых в демографической форме (U=3902,5, p<0,01). Здоровье самих бывших узни-

ков и их детей было заметно хуже, чем в КГ – они упоминали 199 в отношении своих родителей и 135 своих болезней соответственно, по сравнению с 102 и 99 в контроле (респонденты из ЭГ и КГ: $ч^2=5,54$, df=1, $p<0,05$; родители респондентов из ЭГ и КГ: $ч^2=31,26$, df=1, p=0,000).

После анализа каждого вида заболеваний отдельно удалось выяснить, что это существенное различие определяется, главным образом для родителей, различиями в болезнях пищеварительной ($ч^2=6,08$, df=1, $p<0,05$) и нервной систем ($ч^2=5,80$, df=1, $p<0,05$). Представители ЭГ упоминали о собственных проблемах с пищеварительной системой также чаще по сравнению с КГ (33 и 20 раз соответственно), однако различия не достигали достоверного уровня ($ч^2=3,19$, df=1). Количество респондентов с нервными болезнями было выше в ЭГ ($ч^2=5,40$, df=1, $p<0,05$) (рис. 8.1).

Мужчины и женщины в пределах обеих выборок значимо не отличались по упоминанию пищеварительных и нервных недугов. 37% мужчин ЭГ сообщили о болезнях пищеварительного тракта, а среди КГ – только 15,8% ($ч^2=4,31$, df=1, $p<0,05$); 8,6% мужчин из ЭГ и 2,6% мужчин из КГ страдали от нервных болезней, однако эти различия оказались недостоверными. 29,2% женщин ЭГ и 17,7% женщин из КГ сообщили о болезнях пищеварительной системы, но различия ока-

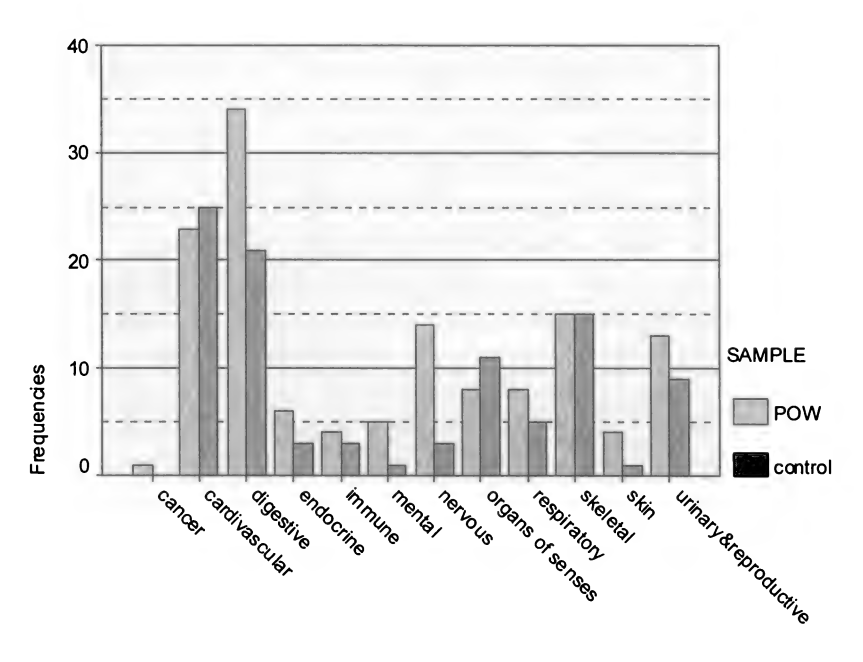

Рис. 8.1. Болезни респондентов

зались незначимыми; 13,8% от выборки ЭГ и только 3,2% из КГ имели заболевания нервной системы ($ч^2$=4,52, df=1, p<0,05).

Мужчины и женщины в пределах КГ различались по уровню заболеваемости сердечно-сосудистой системы – 10,5% среди мужчин против 30,7% у женщин ($ч^2$=6,12, df=2, p<0,05). Никаких других гендерных различий по отдельным заболеваниям в обеих сравниваемых выборках выявлено не было.

Также не было обнаружено значимых корреляций между болезнями родителей и их потомков в ЭГ и КГ (рис. 8.2).

В пределах ЭК достоверно различались по пальцевому индексу лица, страдающие болезнями пищеварительной системы (n=32, 2D/4D-отношение = 0,9812±0,041), от не имеющих этих заболеваний [n=17, 1,0028±0,0325 (U=234,0, p<0,05)]. Мужчины ЭГ с болезнями пищеварительной системы (n=6) имели среднее 2D/4D отношение = 0,9749±0,0237, без этих болезней – (n=13) 1,004±0,0253 (U=16,5, p<0,05). Для женщин ЭГ с болезнями пищеварительной системы (n=13) 2D/4D-отношение было равно 0,984±0,048, без этих болезней (n=24) – 1,002±0,0363 (различия недостоверны). Никаких подобных различий не было найдено для КГ.

Лица с сердечно-сосудистыми и нервными болезнями не обнаружили связи с 2D/4D-отношением.

На следующем этапе мы проверили наличие связи обобщенного показателя флуктуирующей асимметрии с отсутствием болезней той или иной сферы. Было

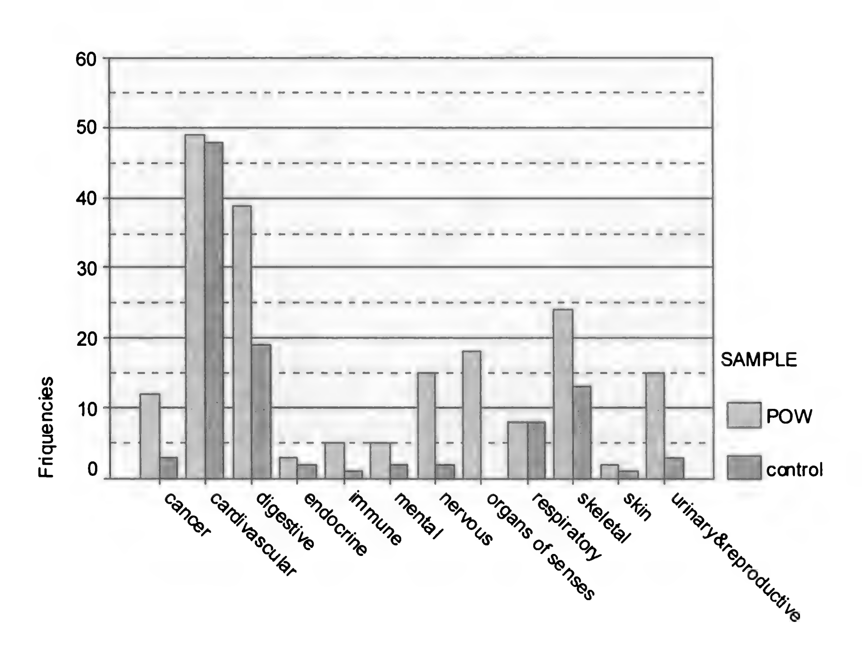

Рис. 8.2. Болезни родителей респондентов

Таблица 8.4. Значимость различий в ОПФА между респондентами сравниваемых выборок при отсутствии проблем со здоровьем

Отсутствие заболеваний по системам	Пол	ОПФА Выборка ПВ	ОПФА Контроль	Достоверность
Сердечно-сосудистые	м	6,77±2,865, n=29	8,79±2,918, n=32	F (1, 57)=7,40, p<0,01
Пищеварительного тракта	ж	6,53±2,724, n=46	7,65±2,492, n=47	F (1, 90)=4,34, p<0,05
Нервные	м	6,65±3,118, n=32	8,58±2,916, n=34	F (1, 63)=6,74, p<0,05
	ж	6,46±2,343, n=56	7,61±2,417, n=56	F (1, 109)=6,54, p<0,05

замечено, что представители ЭГ были менее асимметричны, чем КГ, вне зависимости от пола и типа заболевания. Но значимыми эти различия были лишь в нескольких случаях, которые представлены в таблице 8.4.

Распределение частот групп крови системы АВ0 различалось в сравниваемых выборках (рис. 8.3). Среди представителей ЭГ в 2,5 раза чаще по сравнению с КГ встречались лица с группой крови В, в основном за счет снижения частоты группы крови 0 (U=3673,0, p<0,05).

Также были обнаружены различия между сравниваемыми выборками по связи флуктуирующей асимметрии с группами крови. Средние значения ОПФА для лиц с группой крови А были: 6,92±2,625 у ЭГ и 8,22±2,824 в КГ [F (1, 75)=4,47,

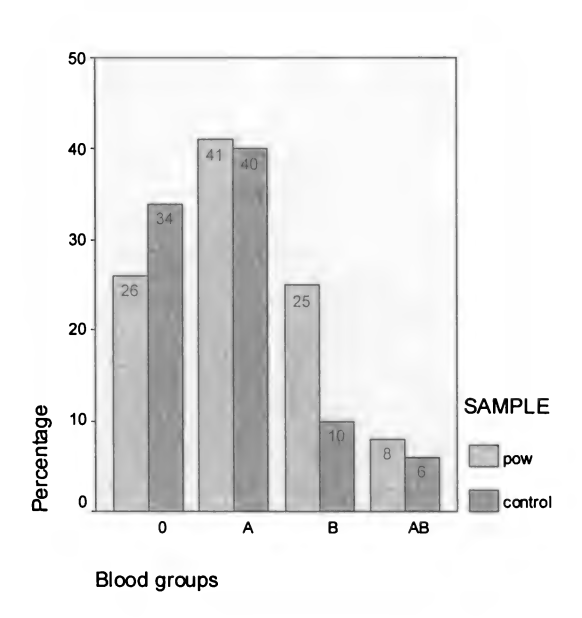

Рис. 8.3. Распределение групп крови системы АВ0 у потомков военнопленных и в контроле

Таблица 8.5. Количество спортивных достижений

ПВ			Контроль		
в целом	мужчины, n=35	женщины, n=65	в целом	мужчины, n=38	женщины, n=62
28 достижений, 26%	11 достижений, 28,6%	17 достижений, 24,6%	32 достижения, 26%	16 достижений, 34,2%	16 достижений, 20,9%

p<0,05], а для респондентов с группой крови В: 6,54±3,051 у представителей ЭГ и 8,78±2,841 в КГ [F (1, 32)=3,995, p<0,05].

Достоверные различия были получены по количеству заболеваний у лиц с группой крови В. Лица из ЭГ упоминали в среднем 1,28±1,061 болезней, а в КГ – 0,50±0,527 [F (1, 32)=4,86, p<0,05].

Количество спортивных достижений представлено в таблице 8.5. Каждое призовое место в любом виде спорта, завоеванное респондентом, или переход на новую ступень в спортивной иерархии рассматривали как достижение. Изучаемые выборки по этому показателю достоверно не различались.

Репродуктивный успех

Семьи бывших узников имели достоверно большее количество детей, чем в контроле, об этом свидетельствует количество братьев и сестер у респондентов (171 для ЭГ, 123 в КГ, U=3293,5, p=0,000). Интересно, что сами потомки узников имели столько же детей, сколько представители КГ (120 и 118 соответственно). Количество детей у мужчин (1,27±0,827) и женщин (1,47±0,848) бывших узников практически не отличалось, так же и в контроле: в среднем мужчины имели 1,24±0,913 ребенка, а женщины 1,18±0,859.

Количество беременностей в обеих выборках было почти равным, хотя и чуть выше в КГ (1,97±1,159 в среднем на женщину ЭГ и 2,258±1,774 – на женщину КГ). То же верно и в отношении числа абортов и выкидышей (этот показатель рассчитывали как разность между количеством беременностей и числом рожденных детей) (1,081±1,463 в среднем на одну женщину из КГ и 0,623±0,859 на одну женщину из ЭГ).

Психофизиологическое состояние

Наши данные показали, что потомки бывших узников имели достоверно более высокий риск дезадаптации в результате воздействия стресса и более низкую нервно-психическую устойчивость (НПУ) по сравнению с контролем. По результатам теста «Прогноз» их средний балл составил 3,75±1,909 (при максимальном значении 10), в то время как для КГ он был равен 4,80±1,797, (U=3271,0, p=0,000). Здесь уместно напомнить, что более высокий балл по шкале НПУ (от 1 до 10)

означает большую нервно-психическую стабильность и меньший риск неприспособленности в условиях стрессового воздействия. Анализ мужских и женских выборок по отдельности подтвердил общую картину: для сыновей военнопленных средний балл составил 4,14±2,088 против 5,05±1,885 в контроле ($U=465,5$, $p<0,05$), для дочерей – 3,5±1,786 против 4,66±1,741 в контроле ($U=1283,5$, $p=0,001$). Можно предположить, что мужчины оказались более сильными в отношении нервно-психического состояния в обеих выборках, однако различия между полами не были достоверны.

Для женской контрольной группы получена положительная корреляция между НПУ и обобщенным показателем флуктуирующей асимметрии (ОПФА), $r_s=0,354$, $p<0,01$, т.е. большая нервно-психическая устойчивость ассоциирована с большей степенью флуктуирующей асимметрии. Тот же тип связи был обнаружен для выборки 25 женщин с группой крови А, $r_s=0,433$, $p<0,05$. Мужчины контроля с группой крови А имели отрицательную корреляцию между НПУ и ОПФА, $r_s=-0,735$, $p<0,01$, $n=12$.

Тип нервной системы респондентов определяли с помощью тэппинг-теста. Он позволяет выделить 5 вариантов: сильная устойчивая, сильная неустойчивая, слабая с тенденцией к мобилизации, средне-слабая и слабая нервная система. Полученные результаты были более или менее близки как в отношении потомков узников и контроля, так и в отношении полов. Лишь при сравнении мужских выборок было получено достоверное значение критерия: $U=476,0$, $p<0,05$ (рис. 8.5). Для женщин различия были незначимы (рис. 8.6). При гендерных сравнениях различие типов нервной системы было значимо лишь в контроле: $U=803,0$, $p<0,01$. Интересно, что в контрольной группе женщины характеризовались более слабым типом нервной системы по сравнению с мужчинами, а в ЭГ женщины продемонстрировали большую устойчивость в нервно-психическом отношении. Мужчины же ЭГ имели и более низкий, по сравнению с контролем, процент лиц с сильным неустойчивым типом нервной системы. Так что можно говорить о некотором приближении мужчин потомков военнопленных к женскому типу нервной системы. Это допущение подтверждается также фактом отсутствия достоверной разницы по типам нервной системы между мужчинами ЭГ и женщинами контроля.

Важно отметить, что когда мы провели тот же анализ (ANOVA), не разбивая респондентов на экспериментальную и контрольную группы, то обнаружили наличие значимых различий между полами: $F(1, 196)=4,45$, $p<0,05$.

Для женщин контрольной группы с сильным неустойчивым типом нервной системы была получена отрицательная корреляция между количеством заболеваний, которые они указали в анкете, и составным показателем флуктуирующей асимметрии, $r_s=-0,696$, $p<0,05$, а для тех, кто имел слабую нервную систему с тенденцией к мобилизации, был получен положительный показатель связи: $r_s=0,587$, $p<0,05$.

Социальный успех

Уровень образования был выше в контрольной группе (U=2092,0, p=0,000), возможно, это результат более высокого образования их родителей по сравнению с теми, кто был интернирован во время войны (U=2564,0, p=0,000). Большинство детей военнопленных имели среднее образование, в то время как в контроле были лица и с высшим. Сами бывшие узники характеризовались низким образовательным уровнем, а родители группы контроля – средним.

Чтобы оценить социально-экономическое состояние (СЭС) семей, в которых выросли наши респонденты, мы провели следующую процедуру. Эксперты (3 женщины и 3 мужчины от 38 до 62 лет) оценивали социально-экономическое состояние родителей каждого респондента по 3 параметрам: основная профессия, место работы (наиболее долговременное за работоспособный период жизни) и занимаемая должность (на момент исследования) или последняя перед пенсией (у пенсионера). Эксперты присуждали ранг СЭС родителя от 1 (самый низкий) до 7 (самый высокий). К сожалению, они не могли оценить каждый случай из-за отсутствия соответствующих данных. Средний ранг СЭС военнопленных составил 3,34±0,978, а для контроля 4,35±1,030 [F (1, 126)=22,739, p=0,000)].

Представители КГ получили почти в 4 раза больше наград в течение жизни, чем ЭГ (U=4297,0, p<0,01).

В отношении успешности семейной жизни, которая определялась такими факторами, как семейное положение на момент исследования и количество браков, выборки не различались.

Обсуждение

Наши данные показали, что и сыновья, и дочери военнопленных отличались от контроля меньшей массивностью скелета. Степень матуризованности скелета – наследственная черта, и хотя мы не можем сказать наверняка, от кого из родителей получил эту особенность респондент, можно допустить, что, главным образом, именно от того родителя, который являлся бывшим узником (поскольку не пережившие плен родители, по нашим данным, не должны отличаться от контроля).

Грацилизация скелета может быть связана с более низким уровнем обмена веществ, который, в свою очередь, мог быть одним из факторов, способствовавших выживанию в тяжелых условиях плена.

Для мужчин индекс массы тела был ниже в выборке ЭГ, чем в КГ, а для женщин получена противоположная картина.

Тенденция к сглаживанию признаков полового диморфизма, связанных с общей грацилизацией тела, прослеживается в настоящее время в современном обществе повсеместно. Причина тому – последствия изменения образа жизни, воздействия экологических (прежде всего антропогенных) и экономических факто-

ров. Снижение уровня полового диморфизма отражается не только на конституции, но также и на гормональном статусе, особенно на соотношении половых гормонов, андрогенов и эстрогенов. Исследователи сообщают о репродуктивных дисфункциях, сокращении уровня тестостерона и относительной «эстрогенизации» мужчин в течение предшествующих 50 лет. Снижение гендерной специфики отмечается также и в психологической сфере. Увеличение количества «эстрогеничных» мужчин и «андрогеничных» женщин интерпретируется как адаптация к современным условиям цивилизации (Хрисанфова, 2003). Мы предполагаем, что полученные нами результаты по пальцевому индексу находятся в русле вышеупомянутой интерпретации. Мы не обнаружили никаких различий в 2D/4D-отношении между мужчинами и женщинами обеих выборок. Мужчины, потомки узников, и из контрольной выборки продемонстрировали значения этого индекса по женскому типу, практически не отличимые от него, и выше чем 0,991. Поскольку эти данные были получены для обеих выборок, можно предположить, что такое соотношение может быть типичным для российского населения. В действительности полученные нами ранее данные для популяции севера европейской части России, иллюстрирующие наличие полового диморфизма по 2D/4D-отношению, подтвердили подобные результаты, полученные другими авторами для Западной Европы (Manning et al., 2000). В то же время мужчины и женщины Центральной России имели почти равное 2D/4D-отношение (Бутовская и др., неопубликованные данные). Польская и испанская выборки также не обнаруживают полового диморфизма по пальцевому индексу (Manning et al., 2000).

В нашем исследовании обобщенный показатель флуктуирующей асимметрии был ниже для выборки ЭГ, чем КГ, и это соотношение сохранялось для мужчин и женщин в отдельности. Большинство исследователей в настоящее время соглашается, что ОПФА отражает уровень стабильности среды в период роста и развития, способность справляться с неблагоприятным воздействием внешних факторов и внутренними проблемами, а также подверженность многочисленным заболеваниям в детстве (Palmer, Strobeck, 1986; Thornhill, Møuller, 1997; Milne et al., 2003). Ранее сообщалось об обнаружении отрицательной корреляции между ОПФА и состоянием здоровья (Gangestad, Thornhill, 1997). Некоторые авторы предполагают, что лица, выросшие в благоприятных условиях, более устойчивы к некоторым инфекциям, у них не проявляются хромосомные аномалии и генетические заболевания (Thornhill, Møller, 1997). Но такие аспекты физиологии, как кардиореспираторные показатели и уровень холестерина в крови, не связаны с условиями роста и развития. Д. Уэйнфорс (Waynforth, 1998), исследовавший сельское мужское население Белиза, сообщает о значительной корреляции между ОПФА и риском заболеть гепатитом.

Согласно нашим данным, дочери бывших узников имели меньше отклонений от нормы, чем женщины контрольной выборки, это находится в соответствии с нашими результатами о более высоком уровне онтогенетической стабильности у

детей военнопленных по сравнению с контролем. О подобных же результатах сообщали Н.Л. Лалюмье с соавторами (Lalumiere et al., 2001).

На связь между флуктуирующей асимметрией и индексами массы тела (только для женщин) указывали многие авторы (Hume, Montgomerie, 2001; Manning, 1995; Milne et al., 2003). В частности, было показано, что женщины с выраженной флуктуирующей асимметрией характеризуются высокими показателями ИМТ. С другой стороны, А. Риковский и К. Граммер (Rikowski, Grammer, 1999) отмечали, что женщины с более высокой относительной массой тела были значительно менее асимметричны. В нашем исследовании достоверная корреляция была найдена между ИМТ и ОПФА только для сыновей военнопленных. Возможно, повышенная степень флуктуирующей асимметрии маркирует крайние варианты весоростовых соотношений, наиболее отличающиеся от нормы как в одну, так и в другую сторону, и не имеет генерализованной направленности.

Насколько нам известно, предпринятое исследование является первым, где основная гипотеза о более высоком потенциале выживания лиц с меньшей выраженностью флуктуирующей асимметрии подтверждается эмпирически.

Пропорции тела мужчин ЭГ с более симметричными чертами смещаются в сторону относительной длинноногости, а более симметричные женщины из контрольной группы имели несколько укороченные нижние конечности. В обоих случаях это – результат адаптации, потому что длинные ноги помогают мужчинам двигаться быстрее, а более короткие ноги делают женщину более устойчивой во время беременности. Таким образом, все сказанное о связи весо-ростовых отношений и типов пропорций с флуктуирующей асимметрией имеет биологический подтекст.

В нашем исследовании было показано, что здоровье бывших узников фашистских концлагерей и их потомства хуже, чем в обычной выборке, что соответствует общепринятым представлениям по этому поводу (Garland, 1993; Novac, Huber-Schneider, 1998; Rakoff et al., 1966; Solomon et al., 1988; Yehuda et al., 1998). Особенно, респонденты отличались по заболеваниям органов пищеварения и нервной системы. Интересно, что 2D/4D-отношение было ниже у мужчин и женщин ЭГ, страдавших заболеваниями пищеварительной сферы. Возможно, повышенный уровень эстрогена и пониженный тестостерона (маркируемый высоким значением пальцевого индекса) способны предотвращать развитие болезней органов пищеварительной системы в критических условиях (мы подразумеваем негативный опыт, пережитый военнопленными). Эти особенности эндокринного статуса были переданы и потомкам. Другое возможное объяснение – действие отбора.

Наше исследование показало, что группа крови В значительно преобладала в группе ЭГ по сравнению с контролем. Хотя мы анализировали данные относительно групп крови потомков, а не самих военнопленных, однако мы не исключаем возможности экстраполяции этих данных таким образом, что лица с группой

крови В имели больше шансов выжить в течение долговременного физического и эмоционального стресса в концентрационных лагерях по сравнению с носителями других групп крови. Возможно, это объясняется повышенной восприимчивостью лиц с группами крови 0 и А к различным инфекционным заболеваниям крови. В частности сообщается, что индивидуумы с группой крови 0 более восприимчивы к холере и гриппу (Vogel, 1970; Бочков, 1978), а носители второй группы (А) чаще страдают вирусным гепатитом (Бочков, 1978). Кроме того, язва двенадцатиперстной кишки чаще встречается у людей с первой группой крови (Полищук и др., 1974), а острый аппендицит – со второй группой (Тоскин и др., 1983). Пациенты с бронхиальной астмой достоверно чаще имеют группу крови 0 по сравнению с остальными тремя группами системы крови АВ0 (Джавариешеишвили, Ксенофонтов, 1981); частота группы 0 также выше у пациентов, болеющих острой пневмонией (Алтухов и др., 1981). Люди, страдающие холециститом, желчекаменной болезнью и кожными проблемами преимущественно имеют группу крови А (Hadjini et al., 1975). Мы не обсуждаем здесь вероятную корреляцию между сердечно-сосудистыми болезнями и группами крови, потому что эти заболевания развиваются, как правило, в более старшем возрасте, чем были родители респондентов, когда находились в концентрационном лагере и, следовательно, отбор едва ли мог действовать в отношении болезней системы кровообращения.

Для бывших узников фашистских лагерей была характерна тенденция к большей многодетности по сравнению с родителями респондентов из контрольной выборки, в то время как в семьях их потомков зарегистрировано примерно одинаковое число детей по сравнению с контролем. Возможно, речь идет об одной из адаптивных стратегий (реакция снятия напряжения), компенсаторное стремление лица, подвергшегося травматическому воздействию стресса, оставить как можно больше потомков. Однако подмеченная тенденция уже не срабатывает в следующем поколении.

Относительно психофизиологических данных, включающих нервно-психическую стабильность и тип нервной системы, следует сказать следующее. Потомки бывших узников страдали от неврологических заболеваний в 4 раза чаще, чем представители контроля, что подтверждает ранее полученные выводы о психофизиологических последствиях «синдрома концлагеря» (Gartland, 1993; Ryn, 2000; Yehuda et al., 1998). Среди лиц этой выборки не встретилось ни одного случая с сильной устойчивой нервной системой, а частота слабого типа заметно превышала таковую в контроле. Кроме того, дети бывших узников демонстрировали более низкий уровень нервно-психической устойчивости и более высокий показатель риска дезадаптации в условиях стресса, что также подтверждает ранее полученные выводы других исследователей (Solomon et al., 1988) и свидетельствует в пользу универсальности такого рода реакций.

Потомки бывших узников оказались в среднем менее социально успешны, особенно в отношении уровня образования и полученных наград, однако, по всей

видимости, это не является результатом их личных способностей, а является следствием социальной политики в СССР 50-ых – 70-ых годов XX в. Общеизвестен факт, что дети бывших узников имели ограниченные возможности для реализации социального успеха: их пытались отстранить от поступления в ВУЗы, неохотно брали на престижные должности и считали «невыездными» (не выпускали из страны). Семьи бывших военнопленных и узников концлагерей в Советском Союзе имели более низкий социально-экономический уровень по сравнению со случайной выборкой.

Выводы

1. Настоящее исследование продемонстрировало, что потомки бывших узников фашистских концлагерей отличаются от контрольной выборки по целому ряду антропологических, физиологических и психологических характеристик.

2. Бывшие узники оказались более репродуктивно успешны по сравнению с контрольной группой из той же генеральной совокупности.

3. Было показано, что в выборке потомков бывших узников имелось больше лиц с повышенной устойчивостью к инфекционным болезням, что ассоциируется с группой крови В системы АВ0. Группа крови В преобладала у детей военнопленных и встречалась достоверно чаще, чем в контроле, в отличие от первой группы (0), частота которой по сравнению с контролем была явно снижена.

4. Дети бывших узников достоверно чаще сталкивались с проблемами пищеварительной и нервной систем. Вопреки ожиданиям оказалось, что действие отбора на данную выборку не привело к увеличению числа лиц с повышенной нервной и психической устойчивостью.

5. Дети бывших узников продемонстрировали меньшую асимметричность, если судить по обобщенному показателю флуктуирующей асимметрии. Можно заключить, что более высокий уровень онтогенетической стабильности в эмбриогенезе был более типичен для детей бывших узников в сравнении с контрольной группой из той же совокупности. Можно допустить, что указанные различия были связаны с генетическими факторами.

6. Наши данные показали, что потомки бывших узников, и мужчины и женщины, имели менее массивный скелет, чем представители обычной выборки. Для мужчин индекс массы тела (ИМТ) был ниже в ЭГ, а для женщин, напротив, ИМТ был ниже в контроле. Пропорции тела сыновей бывших узников с более выраженной симметрией оказались смещены в сторону относительной длинноногости, а более «симметричные» женщины контроля оказались более коротконогими.

7. В предпринятом исследовании мы не обнаружили достоверных различий пальцевого индекса (2D/4D-отношение) между мужчинами и женщинами обеих выборок.

Литература

Алтухов Ю.П., Курбатова О.Л., Ботвиньев О.К., Афанасьев К.И., Малинина Т.В., Холод О.Н., Стрелкова, Л.К., Иванова Н.С., 1981. Генные маркеры и болезни. Генетические, антропометрические и клинические особенности детей, больных острой пневмонией // Генетика, 17: 920.

Бочков Н.П., 1978. Генетика человека: наследственность и патология. М., 382.

Бунак В.В., 1941. Антропометрия. Практический курс. М.

Гончаров Н.П., Кация Г.В., Нижник А.Н., 2004. Дегидроэпиандростерон: свойства, метаболизм, биологическое значение. М.: АДАМАНТЪ, 159.

Джваришеишвили О.Г., Ксенофонтов Ю.П., 1981. Генетические маркеры крови при профессиональной бронхиальной астме // Генетика, 17: 906.

Ильин Е.П., 2001. Дифференциальная психофизиология: Руководство. СПб.: Питер.

Полищук, А.П., Никула Т.Д., Ревенюк Т.Д., Шведюк В.М., 1974. Генетические основы язвенной болезни // Иммунологические, генетические и ферментативные факторы в этиологии; патология и клиника внутренних болезней. Новое в диагностике и лечении. Тезисы XVII всесоюзного терапевтического конгресса. М., 1: 41.

Практическая психодиагностика, 2001 (Д.Я. Райгородский, ред.). Самара: Бахрах, 544-548.

Тоскин К.Д., Буглак Н.П., Назаренко В.И., 1983. Дистрибутивные особенности антигенов АВ0 для язвенной болезни и острого аппендицита как фактор сбалансированного полиморфизма // Всесоюзный конгресс медицинской генетики. Тезисы докладов. М., 336.

Хрисанфова Е.Н., 2003. Конституционология // Антропология. Учебник. М.: Владос, 173-216.

Andreasen N.C., 2004. Acute and delayed posttraumatic stress disorders: a history and some issues // Amer. J. Psych., 161: 1321-1323.

Baker D.G., West S.A., Nicholson W.E., 1999. Serial CSF corticotrophin-releasing hormone levels and adrenocortical activity in combat veterans with posttraumatic stress disorder // Amer. J. Psych., 156: 585-588.

Breslau N., Davis G.C., Andreski P., Peterson E., 1991. Traumatic events and posttraumatic stress disorder in an urban population of young adults // Arch. Gen. Psych., 48: 216-222.

Charney D.S., Deutch A., Krystal J., Southwick S.M., Nagy L., 1993. Psychobiological mechanisms of post-traumatic stress disorder // Arch. Gen. Psych., 50: 294-305.

Coolican J., Peters M., 2003. Sexual dimorphism in the 2D/4D ratio and its relations to mental rotation performance // Evolution and Human Behavior, 24: 179-183.

Danieli Y., 1981. Differing adaptational styles in families of survivors of the Nazi holocaust // Child Today, 10, 5: 6-10.

Foa E.B., Kozak M.J., 1986. Emotional processing of fear: exposure to corrective information // Psychol. Bull., 99: 20-35.

Gandestad, S. W., Thornhill, R., 1997. Human sexual selection and developmental stability // Evolutionary social psychology (J.A. Simpson, D.T. Kenrick, eds.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 169-195.

Gartland C., 1993. The lasting trauma of the concentration camps: The children and grandchildren may be affected // Britich Medical Journal, 307: 77-79.

Hadjini G.H., Sindwani M.L., Shah S.N.A., 1975. AB0 blood groups and dermatology diseases // Indian J. Dermatology, Venereology, 41: 230.

Helmreich W.B., 1992. Against all odds: Holocaust survivors and the successful live. N. Y.: Simon and Shuster.

Hume D., Montgomerie R., 2001. Facial attractiveness signals different aspects of «quality» in men and women // Evolution and Human Behavior, 22: 93-112.

Kasten T.R., Mason J.W., Giller E.L., Ostroff R., Harkness L., 1987. Sustained urinary norepinephrine and epinephrine elevations in post-traumatic stress disorder // Psychoneuroendocrinology, 12: 13-20.

Lalumiere M.L., Harris G.T., Rice M.E., 2001. Psychopathy and developmental instability // Evolution and Human Behavior, 22: 75-92.

Leung B., Forbes M.R., Houle D., 2000. Fluctuating asymmetry as a bioindicator of stress: comparing efficacy of analyses involving multiple traits // Amer. Naturalist, 155: 101-115.

Liebenzon I., Taylor S.F., Amdur R., 1999. Brain activation in PTSD in response to trauma-related stimuli // Biol. Psychiatry, 45: 817-826.

Manning J.T., 1995. Fluctuating asymmetry and body weight in men and women: implications for sexual selection // Ethology and Sociobiology, 16: 145-153.

Manning J.T., Barley L., Walton J., Lewis-Jones D.I., Trivers R.L., Singh D., Thornhill R., Rohde P., Bereczkei T., Henzi P., Soler M., Szwed, A., 2000. The 2nd:4th digit ratio, sexual dimorphism, and reproductive success: evidence for sexually antagonistic genes // Evolution and Human Behavior, 21: 163-183.

Mason J.W., Giller E.L., Kosten T.R., Ostroff R.B., Podd L., 1986. Urinary free-cortisol levels in posttraumatic stress disorder patients // J. Nerv. Ment. Dis, 174: 145 –149.

Milne B.J., Belsky J., Poulton R., Thomson W.M., Caspi A., Kieser J., 2003. Fluctuating asymmetry and physical health among young adults // Evolution and Human Behavior, 24: 53-63.

Nader K.O., 1998. Violence: effect of parent's previous trauma on currently traumatized children // International Handbook of Multigenerational Legacies of Trauma (Y. Danieli, ed.). N.Y.: Plenium Press, 571- 587.

Novac A., Huber-Schneider S., 1998. Acquired vulnerability: comorbidity in a patient population of adult offspring of Holocaust survivors // Amer. J. Forensic Psychiatry, 19: 45-58.

Paige S.R., Reid G.M., Allen M.G., Newton I.E., 1990. Psychophysiological correlates of posttraumatic stress disorder in Vietnam veterans // Biol. Psychiatry, 26: 419-430.

Palmer A.R., Strobeck C., 1986. Fluctuating asymmetry: measurement, analysis and patterns // Annual Review of Ecology and Systematics, 17: 391-421.

Perry B.D., Southwick S.M., Yehuda R., Giller E.I., 1990. Adrenergic receptor regulation in post-traumatic stress disorder // Biological assessment and treatment of post-traumatic stress disorder (E.L. Giller, ed.). Washington DC: Amer. Psychiatric Press, 87-114.

Rakoff V., Sigal J.J., Epstein N.B., 1966. Children and families of concentration camp survivors // Canada's Mental Health, 14: 24-26.

Rauch S.L., Whalen P.J., Shin L.M., 2000. Exaggerated amygdale response to masked facial stimuli in posttraumatic stress disorder: a functional MRI study // Biol. Psychiatry, 47: 769-776.

Regelson W., Kalimi M., 1994. Degidroepiandrosterone (DHEA) – the multifunctional steroid. II. Effects on the CNS, cell proliferation, metabolic and vascular, clinical and other effects. Mechanism of action? // Ann. N.Y. Acad. Sci., 719: 564-575.

Rikowski A., Grammer K., 1999. Human body odour, symmetry and attractiveness // Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences, 266: 869-874.

Ronalds G., Phillips D.I.W., Godfrey K.M., Manning J.T., 2002. The ratio of second to fourth digit lengths: a marker of impaired fetal growth? // Early Human Development, 68: 21-26.

Ryn Z.J., 2000. Long-term psychological morbidity of incarceration in Auschwitz // Echoes of the Holocaust, 6: 1-4.

Solomon Z., Kotler M., Mikulicer M., 1988. Combat-related posttraumatic stress disorder among second-generation Holocaust survivors: preliminary findings // Amer. J. Psychiatry, 145: 865-868.

Thornhill R., Møller A.P., 1997. Developmental stability, disease and medicine // Biological Rev., 72: 497-548.

Vogel F., 1970. AB0 blood groups and diseases // Amer. J. Human Genetics, 22: 464.

Waynforth D., 1998. Fluctuating asymmetry and human male life-history traits in rural Belize // Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences, 265: 1497-1501.

Yehuda R., 2002. Post-traumatic stress disorder // The New England Journal of Medicine 346: 108-114.

Yehuda R., Giller E.L., Southwick S.M., Lowy I.W., 1991. Hypothalamic-pituitary-adrenal dysfunction in PTSD // Biol. Psychiatry, 30: 1031-1048.

Yehuda R., Southwich S.M., Ma X., Giller E.L., Mason J.W., 1992. Urinary catecholamine excretion and severity of symptoms in PTSD // J. Nerv. Ment. Dis., 180: 321-325.

Yehuda R., Kahana B., Binder-Brynes K., Southwick S., Mason J.W., Giller E.L., 1995. Low urinary cortisol extraction in Holocaust survivors with post-traumatic stress disorder // Amer. J. Psychiatry, 152: 982-986.

Yehuda R., Schmeidler J., Waunberg M., 1998. Vulnerability to posttraumatic stress disorder in adult offspring of Holocaust survivors // Amer. J. Psychiatry, 155: 1163-1171.

Раздел III

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИМИРЕНИЯ

Глава 9

КУЛЬТУРА МИРА И НЕНАСИЛИЯ В АБХАЗСКОЙ ТРАДИЦИИ

Барцыц М.М.

Кавказ остается одной из конфликтогенных зон мира, однако традиционно воинственная, с воинскими идеалами, высокомилитаризированная, коллективистская, маскулинная культура не уничтожила себя благодаря наличию высокоразвитой культуры мира и ненасилия. Высокая этикетность традиционно кавказской культуры – это оборотная сторона ее воинственности.

Общеизвестна истина о воинственности традиционной абхазской, как и в целом кавказской культуры. Здесь до начала XX в. каждый имел право и был обязан защищать свою жизнь, имущество от любого посягательства, беречь личное достоинство, честь своей семьи, рода, воевать за народ. Абхазцы обучали умению защищать себя не только мальчиков, но и девочек. В рамках абхазской традиции представлялось, что, защищая жизнь, свободу, честь и достоинство, можно и убить, но при этом непременно следует соблюдать ряд неписанных правил («Врага убей по совести» – гласит абхазская пословица).

В целом, собственно кавказская, абхазская культура – это воинская культура: этнопсихологические черты народа, система ценностей, традиционный образ жизни, система хозяйствования и жизнеобеспечения были подчинены потребностям военизированного общества. Абхазский этикет – это воинский этикет. Этнический идеал – образ рыцаря воина. На мотивацию поступка влиял воинственный рыцарский эпос абхазов. Жажда славы, воинская доблесть, воздаяние за все славой, а значит бессмертием на земле и славой, которую он завоевывал для своих родственников и потомков. Даже девочек с детства обучали стрельбе и верховой езде, а мальчиков с 12 лет брали с собой в походы и набеги, воспитывали с установкой на славу и успех. Подрастая, юноши мечтали о доблестной смерти в бою, чтобы быть воспетыми в героической песне. В фольклоре почти нет лирических песен, а многочисленные героические песни близки похоронной поэзии. В герои-

ческих же преданиях прославляется не только храбрость и смелость, но в первую очередь благородство, в том числе и по отношению к противнику, потерпевшему поражение. Таким образом, как и во всех воинских культурах, в абхазской традиции было отрицательное отношение к торговле или лирике.

Все спортивные игры (в перерывах между войнами) у абхазов были военизированы и организованы таким образом, чтобы участники смогли продемонстрировать свою воинскую удаль.

Кавказоведы единогласно отмечают, что в абхазо-адыгском обществе война имела характер промысла (институт набега, в том числе и морское пиратство). Война, как отмечает абхазский этнограф Инал-ипа, была регулярной функцией народной жизни, «сродни хлебопашеству и скотоводству» – добавляет Э.Х. Панеш (1996, с.294). Войны носили хронический характер и зачастую длились десятилетиями. Мы имеем дело с высокомилитаризованной культурой, где мужчина – это воин комбатант, открыто носящий военную форму и оружие, наделенный правом убивать. Оружие было постоянной принадлежностью всякого мужчины. Национальный костюм собственно кавказцев – это костюм воина-всадника, обвешанного оружием (все свое носит с собой – ему принадлежит только то, что есть с ним). Детали костюма менялись с изменением оружия, например, газыри на костюме появились в XVIII веке с появлением огнестрельного оружия. «Я никогда не видел человека верхом на коне без ружья» – сказал черкесский мальчик, увидев невооруженного всадника, пишет Дж. Белл в 1837 г. Неудивительно, что обезоруживание после кавказской войны воспринималось абхазами как моральная смерть.

В абхазской культуре вплоть до недавнего времени соблюдались четко разработанные правила обращения с оружием: не направлять на человека дуло даже в шутку; стараться без веской на то причины не угрожать оружием, не обнажать кинжала, если вытащил – надо использовать; не передавать нож, кинжал клинком вперед. Заходя в чужой дом, нужно снимать с себя оружие и отдавать хозяину, чтобы он повесил, куда положено (демонстрация уважения и доверия к нему). Нельзя без позволения, даже в шутку, брать чужое оружие. Оно было чуть ли не единственной личной собственностью мужчины (кроме одежды и коня), почти все остальное – семейное, родовое, общинное. Путешественники отмечали, что кавказец может отдать все, кроме оружия и коня (Барцыц, 2001).

Другая базовая константа традиционной культуры – *маскулинность – доминирование мужчин*. Абхазская культура ориентирована на мужчин, что подтверждается имущественно-правовыми отношениями, а также половой иерархией в семейных и общественных отношениях. Здесь престижно быть мужчиной. Третий пол выбирал себе мужскую роль, костюм, образ жизни и ни в коей мере наоборот. При рождении предпочтение, как правило, отдавалось мальчикам – защитникам, продолжателям рода. До 1926 г. мужчин в нашем обществе было больше, их воспитанию уделялось больше внимания, мальчиков жестче контролировали (Старовойтова, 1987, с.253).

При этом известно, что многие поведенческие программы заложены с рождения, в том числе большая активность, агрессивность, лучшая ориентация в пространстве, большая тяга к перемещениям на большие расстояния для мальчиков (Бутовская, Козинцев 1998; Бутовская, 2004). Г.У. Солдатова (1998) в своих исследованиях приходит к выводу, что «доминирование мужчин в северокавказских культурах – это одна из причин тенденции к радикализации отношений в регионе. Мужчины чаще склонны поддерживать насилие как средство социального контроля».

Могут возникнуть вопросы: как такая высокомилитаризованная (поголовно вооруженные люди), воинственная, с воинскими идеалами культура не уничтожила себя; почему до сей поры не истребили друг друга многочисленные воинственные народы, проживающие по соседству на сравнительно небольшой территории? Но, как писал Ф. Гельдерлин, «где есть опасность, там возникает и спасительное», такое сосуществование стало возможным в силу наличия развитых механизмов урегулирования конфликтов и развитой системы миротворчества.

Исследования показывают, что в самой воинской культуре заложено стремление к снижению агрессии и ее упорядочению, в этой связи детальное изучение абхазской культуры мира и ненасилия представляет в настоящее время особый интерес.

Коллективизм

В первую очередь традиционная абхазская культура относится к коллективистскому типу культур. Моральный кодекс носил подлинно коллективный характер. Традиционный коллективизм предполагает однозначную самоценность сообщества, в котором проживает человек. Здесь высшей ценностью было благосостояние общины. Абхазская культура относится к типу культур, где сильны переговорные традиции в обществе. Здесь есть специальные культурные нормы, которые работают на сохранение и поддержание мира. При этом может возникнуть вопрос о внутренней и внешней стратегиях, которые различаются.

Основным устоем внутреннего существования является стремление к гармонии и согласованности действий. Кавказоведы отмечают, что здесь «и сегодня сохраняется традиционное правовое сознание и в основе адыгской (абхазо-адыгской МБ) жизни продолжает лежать принцип примирения, который способствует созданию атмосферы и общего мнения, направленного на сохранение миролюбивых отношений» (Бабич, 1999, с.203).

Внутренняя стратегия ориентирована на поддержание солидарности и единства, коллективной ответственности, обеспечивавшей личную и групповую безопасность. Гармонии и согласованности действий и солидарности не могло быть без внутреннего мира. Для избежания конфликтов в своей среде ссоры тут же улаживались увещеваниями старших и просто шутками, смехом. Кстати, извест-

ный этолог Конрад Лоренц подчеркивал, что смех эволюционно сформировался из ритуализованного агрессивного мимического элемента – оскала (Бутовская, 2004). В более серьезных случаях, в том числе в непредумышленном убийстве, ограничивались отселением или изгнанием. Нельзя было проливать «свою кровь» – убивший же своего оказывается изгоем, неприкасаемым – «*амахагя*» (высшее преступление, равнозначное предательству Родины, инцесту). Мы знаем главное правило кровной мести – она невозможна внутри фамилии и родственного круга в целом. Отсюда и самый эффективный способ выхода из конфликта – попасть виновной стороне в круг лиц, на которых не распространяется месть (искусственное родство – как самый надежный способ примирения – переход из категории врага в сородичи, обеспечивавший в дальнейшем защиту и мир). К традиционным методам принуждения к миру относятся различные формы искусственного родства (Барцыц, 1999, с.35-36).

На солидарность работали и традиции активного ненасилия внутри сообщества. Это протестное поведение внутри семьи, рода, имеющее место и в политической традиции абхазов начиная с колониальных времен, заканчивая последними выборами, которые чуть не завершились гражданской войной, которая в данной культуре равнозначна самоубийству народа на радость врагам. Поскольку коллективизм имеет еще и оборотную сторону, в коллективистских культурах конфликты могут принимать затяжной, хронический характер, так опасный для малых народов, особенно, если конфликт внутренний.

Внешняя стратегия поведения направлена на принятие вызова. Правилом является не уклоняться от агрессии, быть сильным (слабый провоцирует насилие, трусость и страх сами по себе являются источником напряженности и агрессии). Поэтому на Кавказе всегда легко развязать войну. «Статистически кавказцы воспринимаются как агрессивные или реактивные по своему этнопсихологическому складу люди» (Бабич, 1999). В целом культура воинственности предполагает низкий порог насилия, зачастую и вербальное насилие приравнивается к физическому; здесь легко развязать конфликт, задев честь человека. Тем более что страх бесчестия выше страха смерти (по абхазскому выражению, человек живет в этом мире ради чести и достоинства).

При внимательном анализе можно заметить, что в самой воинской культуре заложено стремление к снижению агрессии и ее упорядочению. Например, социализированная форма агрессии – институт кровной мести, предполагает регламентированность поведения кровников, направленную на упорядочение насилия, если уж оно оказалось неизбежным. Подобные же нормы и правила регулируют, ограничивают средства и методы ведения войны, поскольку ростки мира должны закладываться еще во время войны.

Кровная месть, являясь своего рода системой наказания, могла стать поводом для развязывания небольшой, а иногда и длительной войны. То есть институт кровной мести можно назвать перманентной мини-войной, существовавшей в

традиционных кавказских обществах. С другой стороны, в милитаризованном обществе, где каждый был вооружен, сама угроза кровной мести уже была сдерживающим фактором, подтверждением чему служат слова Л.Я. Люлье, который еще в XIX в. писал: «Вообще убийства весьма редки и считаются необыкновенным происшествием в крае... Этот факт тем значительнее, что у горцев можно было бы ожидать весьма частых убийств, как естественного и неизбежного права каждому самому преследовать оскорбителя и мстить врагу лично». Кровная месть, являвшаяся поведенческой нормой и даже сегодня влияющая на мотивацию поступков, имела собственные правила: средства мести, на кого она распространялась, пространственные и другие ограничения.

Институт кровной мести является еще одним подтверждением коллективистского характера абхазской культуры. «Человек не кончается на себе» – круг родственников, обязанных мстить, очень широк. Поскольку солидарность и коллективная ответственность обеспечивала личную и групповую безопасность каждого, защита родича являлась долгом каждого члена рода и фамилии, и в этом состояла их сила. Согласно же религиозным представлениям, смерть (даже непредумышленное убийство) требовала отмщения, и «месть не знала срока давности, ее нельзя было предавать забвению, она переходила из рода в род, переходя от отца к сыну» (Инал-ипа, 1960). Право же мести прекращалось усилиями медиаторов, «Примирительных комиссий», «Совета старейшин», функционирующих и по сей день. Тотчас после убийства родовая месть может быть остановлена вмешательством уважаемых людей из других фамилий. Посредники, как правило, сразу же подключались к разрешению конфликта, если это не было умышленным убийством при отягчающих обстоятельствах, изнасилованием, святотатством и т.п. Роль и авторитет посредников вынуждали конфликтующие стороны идти на примирение. Их решения нельзя было игнорировать, поскольку считалось, что они озвучивают волю народа. В коллективистской культуре решение медиаторов, вынесенное именем народа, было окончательным и безоговорочным. «Против медиаторов нет апелляции, судом их прекращается месть» (Чернышев, 1854).

Акт примирения был максимально ритуализирован. При этом все обставлялось с максимальным почетом для потерпевшей стороны, они считались отмщенными после соответствующих примирительных церемоний (Барцыц, 1999).

В абхазской культуре четко определены нормы поведения конфликтующих, игнорирование которых считалось вызовом и могло привести к еще большей эскалации напряженности, не говоря уже о нарушителях общепринятых норм, которые, как правило, теряли в своем социальном статусе и авторитете в обществе. И просто их ответное убийство не засчитывалась как месть *(«уи шьоурадзам» –* это не месть, с нарушением норм, говорили в таких случаях).

Этикет кровников предполагал:

– дистанцированность: в общественных местах виновный должен тотчас же уходить, уступить дорогу; они не здороваются, ни в коем случае не могут

оказаться за одним столом, то есть кровная вражда исключает совместную трапезу;

– предусматривались временные и локальные ограничения, например, на собраниях, на свадьбах, на территории святилищ и т.д. «В общественных местах враги остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услужливости» – писал этнограф Ш.Д. Инал-ипа (1984, с.142);

– порицалось вероломство (убийство из-за угла, из засады без предупреждения, не окликнув); кровомститель не только не скрывал своих намерений, но сам предупреждал врага: «Будь готов, я тебя преследую!»;

– право первого выстрела принадлежит потерпевшему; младший может предложить старшему выстрелить первым, но тот, как правило, не пользуется этим;

– нельзя убивать безоружного, раздетого, купающегося, принимающего пищу, спящего, (согласно традиционным представлениям, спящий человек уже подобен мертвому, поскольку у него отсутствует душа) и т.п.;

– над трупом не только не издевались, но обязаны были привести в порядок, прикрыть буркой, чтобы не осквернили звери, коня привязать рядом и постараться как можно быстрее сообщить родственникам о местонахождении;

– в случае кровной мести формы наказания были ограничены: не вешали, не поджигали дома и т.п.

– важно, чем и как убит человек, как правило, для мести выбиралось холодное или огнестрельное оружие (непременно должна была пролиться кровь). Убийство палкой считали двойным убийством («как собаку»).

– кровная месть не распространялась на женщин и детей, хотя бывало, что они и сами участвовали в мести;

– безусловное соблюдение закона гостеприимства, не имеющего исключений – он распространяется и на врагов.

Несоблюдение норм усугубляет конфликт, ведет к новому витку агрессии (Барцыц, 2001).

Правила в войне

Традиционная воинская культура имела свои правила, свод неписаных норм («ср.уоркъ хабзе» у адыгов). В военной нормативной культуре, как и во всей системе обычного права, находит отражение представление народа о добре и зле, справедливости, наказании, возмездии. И в первую очередь традиционные правовые нормы имеют нравственное и религиозное содержание.

За войной рано или поздно следует мир. Установление мира облегчается, если нормы и правила войны соблюдаются (минимум вероломства, больше благородных и красивых поступков).

Сценарий исторических героических преданий обычно таков: сражение начинается с переговоров, первым пытаются убить предводителя. В конце боя, если даже никто не сдается в плен, обязательно оставляют одного живого невредимого – горевестника. Таким образом решается проблема сохранения информации для родственников убитых и раненых, розыска, установления личности. Во время войн старались не сдаваться в плен. «Вражеских солдат, сдавшихся в плен, они с презрением называли трусами, а трусов запрещалось убивать, так как считалось, что такое убийство унижает достоинство мужчины воина».

Есть правила обращения с трупами (ни в коем случае не оставлять на поле брани), согласно культурным религиозным установкам – труп нужно предать земле рядом с предками. В абхазской традиции есть религиозное табу: парламентер неприкасаем, не может быть убит (*«ацхаражэхэаю дкым дшьым»*).

В абхазской традиции не принято убивать женщин (ни на войне, ни во время Кровной Мести (если даже она убийца). Да, женщины сами могли мстить, участвовать в походах, могли воевать плечом к плечу с мужчинами на поле брани. Но при этом они, как правило, были одеты в мужскую одежду и вооружены наравне с мужчинами. В пылу сражений часто не разбирали, что перед ними – женщина. Неловкость вызывал у противников тот факт, что убитый в бою храбрый воин оказывался женщиной.

Имелись в традиционной абхазской культуре и разработанные правила обращения с пленными, в том числе с гражданским населением (к пленным женщинам приставляли пожилых воинов для охраны и т.п.).

Информаторы, хорошо знающие прецеденты, участвующие сегодня в разрешении многих внутренних конфликтов, делают главный вывод: несоблюдение, нарушение общепринятых норм, правил вооруженного конфликта усугубляют конфликт, ведут к его эскалации, затягивают и осложняют процесс примирения. Благородство же и соблюдение установленных норм и правил значительно облегчают усилия посредников в примирении сторон.

Пока войны проходили в едином культурно-историческом ареале (Северный Кавказ) проблем было меньше – единая система воспитания, единая система ценностей, единство культуры, этикета. Но, например, с начала Русско-Кавказской войны XIX в. стали возникать реальные проблемы. Начинаются войны за трупы (когда днем идет бой, а ночью начинается новый бой, в котором кавказцы воюют более отчаянно и гибнут в больших количествах с той лишь целью, чтобы заполучить свои трупы). Аналогичное явление имело место в последней войне (1992–93гг.): снайперу ставили цель ранить (убить) одного противника. Далее же их работа «существенно облегчалась»: нужно было поражать насмерть всех тех, кто пытается вытащить товарища с поля боя. «Рыцарства стало меньше с появлением огнестрельного оружия», – сетуют информаторы по сей день начиная со времен позднего средневековья.

Абхазская пословица гласит: «Дай тебе достойных друзей! Но еще важнее, и дороже – дай тебе достойных врагов!». С бесчестным, бессовестным врагом со временем ты и сам можешь уподобиться ему, начиная так же нарушать нормы человечности.

Любой конфликт имеет два пути развития: военный и мирный. Но и мир – это процесс, нуждающийся в постоянной культивации. И каждая культура имеет свою систему ненасильственных социальных взаимоотношений, которая закладывается с раннего детства, отражаясь, в свою очередь, и в самой системе воспитания.

Система воспитания

С раннего детства детей стараются воспитывать с минимумом стресса, то есть маленьких детей не наказывают, на них не кричат, если они капризничают, их стараются отвлечь, переключить внимание. К трем-четырем годам мягко приучают слушаться («пока не перерос колено»). Это период становления личности, когда закладываются основы взаимоотношений с людьми и миром, считают детские психологи. Итак, до 5–6 лет не может быть никаких наказаний, потому что в традиционной системе воспитания считается, что ребенок не так много знает и понимает, ему сложно осознавать причинно-следственные связи. Самый ответственный период в социализации ребенка – от 7 до 12 лет. К 12 годам он уже усваивает основы этикета, систему ценностей собственной культуры, хотя не настолько совершенно, чтобы водить его в общественные места: собрания, свадьбы, похороны. Доступ туда закрыт, пока ему не исполнится 17–18 лет. Большинство информаторов старшего возраста говорят, что не помнят физического наказания со стороны родителей; такое если и случалось, то было где-то в возрасте 10–12 лет, и они запомнили это на всю жизнь и считают, что наказание было заслуженным. Как правило, это было наказание за антисоциальные поступки – воровство или оскорбление старшего. При этом право наказания, как и право на жизнь ребенка, принадлежит только отцу. В крайнем случае наказать мог и дядя, но не сосед и не чужой человек – хотя замечание мог сделать любой взрослый. Если же все-таки отцу приходилось наказывать – это не делало ему чести, считалось, что родители не умеют воспитывать («не палкой, а языком воспитывается человек», – гласит абхазская пословица), да и ребенок давал повод для насмешек со стороны сверстников. Русский исследователь Н. Альбов писал в конце XIX в.: «Телесных наказаний, не только розог, но и более невинных, вроде щелчков, дранья за волосы и т.п., при воспитании совершенно не практикуется, так как они вообще гнушаются телесных наказаний и тем более позорным считается применение их к существам беззащитным и притом столь дорогим для них, как дети… В свою очередь дети платят родителям почтительностью и послушанием» (Альбов, 1983).

Чтобы не навредить духу ребенка, родители старались обходиться без грубого нажима, без постоянных придирок и указаний. Если ребенок и помогал родителям, он должен был чувствовать, что делает это по собственному желанию, чтобы заслужить похвалу, хорошее отношение. Старались воспитывать опосредованно, притчами, рассказами, положительными примерами и т.д.

В процессе ненасильственного воспитания были важны постоянные подкрепления положительной самооценки ребенка, в результате чего он приобретал внутреннюю силу и уверенность в себе. Старшие постоянно демонстрируют свое уважение к ребенку. Перед трехлетним ребенком старики вставали, за детей пьют стоя. Дети слышали слова благодарности и благословения за любую мелкую услугу. Не физическое наказание, «а отсутствие похвалы уже считается сильным наказанием. ...Детей воспитывали уважающими других и при этом знающих, что и они заслуживают ответного уважения» (Гарб, 1986, с.60, 65). В результате социализации личности усваивалась этика межличностных отношений, чуткость, уважительное отношение к человеку, почтение к старшим, чувство долга перед родителями, уважение к общественному мнению.

В иерархии ценностей кавказской культуры человеческое достоинство занимает одно из главных мест. Поэтому взрослые старались не унижать ребенка, не разрушать его самоуважения. Дети должны были вырасти с достаточным чувством собственного достоинства; приученные быть сдержанными в проявлениях своих эмоций и чувств, умеющие отвечать за свои поступки. Они должны были владеть этикетными нормами поведения. Этнопсихологи отмечают, что здесь культивируют сдержанное публичное поведение.

Модели воспитания девочек и мальчиков в традиционной культуре, конечно, отличались. К мальчикам были более требовательны. Кроме всего прочего их обучали боевым искусствам, постоянной готовности отразить любое насилие. В них воспитывали смелость, уверенность в собственных силах, хладнокровие, выдержку. Мальчики должны были контролировать свой страх, поскольку трусость и страх сами по себе являются источником напряженности и агрессии.

Разумеется, и девочки не должны были позволять подвергнуть себя насилию, поэтому их также обучали стрельбе, умению постоять за себя, но здесь делался больший акцент на другие качества: быть мягкой, сдержанной, скромной, неконфликтной, не провоцировать конфликт, самой не стать его причиной. Мир в доме считается заслугой женщины, для чего она должна обладать высокими коммуникативными навыками.

Но коммуникативным навыкам обучали и мальчиков: навыкам вербального общения, ораторскому искусству, речевому этикету, этикету поведенческому. Учили корректному, почтительному, ненасильственному поведению. Учили не обижаться на шутки, быть остроумными, отвечать на шутки тем же, в случае, если не затрагивалась честь, не переносить агрессию на физический уровень (Барцыц, 2001, с.61-63).

Этикет

Как известно, ценности и моральные установки общества реализуются в этикете. Весь абхазский этикет, и в целом кавказский – это воинский, рыцарский этикет. Мы наблюдаем постоянную демонстрацию почтения, это в основном жесты покорности, умиротворения; со стороны может показаться, что мы заискиваем или все время демонстрируем свою покорность, и не только по отношению к старшим (в абхазском обществе традиционно возрастная стратификация важнее социальной). Вежливость, обходительность, учтивость, взаимная предупредительность – вот основные требования к воспитанному человеку (*ауаюра* – человечность, *апсуара – букв. «абхазство»* – религиозно-этическая система абхазов). Каждый был обязан соблюдать эти правила и ждать от других подобного же отношения к себе.

Этикет выравнивал силы. Считается, что каждый достоин уважения; унижая другого, унижаешь человека в себе. Благодаря этикету в сильной позиции оказывался старик, слабая женщина и т.д., поскольку социальная и половозрастная иерархия вообще предполагает защиту слабого.

Этикетом регламентировались и позы ненасилия. Ряд поз считались недопустимыми как у себя дома, так и на людях: не разговаривать с руками в карманах, не сидеть в свободной позе, развалившись или со скрещенными ногами в присутствии старшего; не указывать пальцем, не рассматривать человека открыто, быстро отводить взгляд, не смотреть в упор в глаза. Во время общения требуется соблюдать почтительную дистанцию. Требовалась сдержанность в проявлении эмоций как на словах, так и в жестикуляции, позах. Конфликт, убийство и последующая кровная месть могли разгореться даже на уровне приветствия. Абхазский этнограф Ш.Д. Инал-ипа пишет: «Не приветствовать соответствующим образом или не ответить на приветствие считается верхом невоспитанности и даже оскорблением. Бывали нередки случаи, когда сознательное и высокомерное нарушение общепринятых правил в отношении приветствий приводило к серьезным конфликтным ситуациям» (1984, с.142).

Ненасилие в общении – речевой этикет

Важность вербального ненасилия подтверждается представлением абхазов о том, что и вербальное, и физическое насилие равнозначно (о словесном оскорблении говорят буквально «получил удар палкой» – а это худшее из физических оскорблений). Считается некрасивым и непозволительным говорить о людях плохо (*ацэгъа хэара*), ни о своих перед чужими, ни о чужом, который мог оказаться родственником одного из присутствующих, обязанного заступиться за честь оскорбленного.

Такое же отрицательное отношение к сплетням (*ухэан-схэан*), чтобы не прослыть сплетником, поджигателем, осведомителем.

Абхазская (кавказская) пословица гласит: «Сабельная рана заживает, кинжальная рана заживает, а рана, нанесенная языком, не заживает». Убийственным считалось публичное словесное оскорбление (высказывания, порочащие честь и достоинство, оскорбление чести, подобные тем, что мы слышим сегодня из современной прессы, на некоторых заседаниях Парламента, публичных выступлениях политиков на ТВ, по меркам прошлого непременно должны были быть смыты кровью).

Хотя в абхазском языке принято обращаться на «ты», есть масса сопровождающих формул почтительного обращения, возвышающих собеседника, демонстрирующих покорность *(«ухацкы», «уххъ згеит», «уапхъа сыпсааит»* буквально «да умру я вместо (раньше) тебя» и т.п.).

Речевая культура предполагает стремление любую критику предварять и завершать похвалой, чтобы она была воспринята правильно, при этом стараться не критиковать публично, если возможно.

С детства приучали к терпимому отношению к чужому мнению.

И спорить нужно было уметь:

– во-первых, умение слушать своего оппонента, дать ему высказаться, недопустимость оскорбительных реплик с места; не перебивать, если такое случалось, просили разрешения и извинялись (*уажэа хьыла ипыскоит*);

– слушать внимательно говорящего, дождавшись окончания речи, после паузы переспросить: «завершил ли он», «все ли сказал», и только после утвердительного ответа начать говорить самому;

– в своей ответной речи принято цитировать предыдущие выступления, демонстрируя тем самым свое полноценное слушание и восприятие всего, что было сказано другими.

Оппонент также должен был подчеркивать, что не навязывает своей точки зрения, поскольку он не истина в последней инстанции (*сиашамзар калоит, зегъ здыруа икада – «могу ошибаться», «нет всезнающего»*).

– согласно традиционному речевому этикету, старались избегать назидательного тона, назидательных словосочетаний, могущих вызвать протест. Не этично говорить в речи «вы знаете!», в подобном случае принято поправить себя «вы знаете это лучше меня», «что я могу сказать из того, что вы не знаете», «чему я могу вас научитъ» и т.д. и т.п. Даже иногда извиняются за слово «но» (*аха – гунамдзароуп*);

– ораторское искусство предполагало завершение любой речи формулой извинения за то, что утомил длинной речью (*ажэа шэасыршъит*), и благословением слушателей.

Инструменты сдерживания агрессии

Таким образом, в традиционном обществе, если это не касалось базовых потребностей, были собственные инструменты сдерживания агрессии, к которым относятся :

– институт посредничества («Примирительные комиссии», «Советы старейшин»), разработанные процедуры примирения;

– институт гостеприимства, искусственного родства;

– обучение с раннего детства коммуникативным навыкам, корректному, почтительному, ненасильственному поведению; нормам этикета (речевого, поведенческого), дипломатичности, владению эмоциями, умению не провоцировать физическое и психическое насилие;

– в общении не должно ощущаться никакого давления и намека на угрозу, поскольку незначительно расстояние перехода от вербального на физический уровень насилия.

– обучение нормам поведенческого этикета – демонстрация почтения, жесты покорности, позы ненасилия, сдержанность в жестикуляции;

– воспитание мальчиков сильными, ловкими, способными защитить свою честь, честь сестры, рода (слабый провоцирует насилие);

– воспитание девочек неконфликтными, терпеливыми, дипломатичными (поскольку женщина сама считается конфликтогеном), хотя их учили умению постоять за себя, владеть оружием;

– недопустимость насилия по отношению к женщине, детям, старикам;

–локальное и временное ограничение конфликта;

–следование разработанным правилам поведения во время конфликтов и войн;

–агрессивное поведение человека ограничивается культурными моделями. Культура мира четко прослеживается в моделях взаимоотношений: мужчины/женщины, взрослые/дети, старшие/младшие. Вежливость, обходительность, учтивость, взаимная предупредительность, ласковость (*дапсышэоуп*) – основные требования к воспитанному человеку, и благодаря этикету в сильной позиции оказывается старик, женщина, ребенок (Барцыц, 2001, с.74-75).

Итак, абхазцы с высокоразвитой воинской культурой имели в наличии большой арсенал разработанных механизмов миротворчества. Утеря такого рода механизмов, как правило, приводила к деградации, а порой к исчезновению различных цивилизаций и народов. В целом, характерные для абхазской традиционной культуры воинственность, маскулинность, милитаризированность, коллективизм призваны защитить от внутренней и внешней угрозы. С другой стороны, остается актуальной задача защищать свои интересы, не прибегая к агрессии, используя потенциал собственной культуры, а также необходимость трансляции поколениям культуры мира и ненасилия, культуры терпимости, в том числе традиционной для Кавказа веротерпимости.

Литература

Альбов Н.М., 1983. Этнографические наблюдения в Абхазии // Живая старина. III.

Бабич И.Л., 1999. Эволюция правовой культуры адыгов. М.

Барцыц М.М., 1999. Выход из конфликта в традиционном правосознании абхазов // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Сухуми: Ирвайн, с.28-40.

Барцыц М.М., 2001. Из культуры мира в абхазской традиции // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Сухуми: Ирвайн, 58-69.

Бутовская М.Л., 2004. Язык тела: природа и культура. М.: Научный Мир.

Бутовская М.Л., Козинцев А.Г., 1998. Агрессия и примирение у школьников младшего возраста (этологический анализ механизмов контроля социальной напряженности в человеческих коллективах) // Этнографическое обозрение, 4: 122-139.

Гарб П., 1986. Долгожители. М.

Инал-ипа Ш.Д., 1960. Абхазы. Сухуми.

Инал-ипа Ш.Д., 1984. Очерки об абхазском этикете. Сухуми.

Панеш Э.Х., 1996. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб., 294.

Солдатова Г.У., 1998. Психология межэтнической напряженности. М., 239.

Старовойтова.Г.В., 1987. Этнопсихологические аспекты изучения долгожительства // Абхазское долгожительство. М.: Наука, 242-247.

Чернышев К., 1854. Об Абхазии. Тифлис, газета Кавказ, №83.

Глава 10

ПРИМИРЕНИЕ В АФГАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (первая четверть XIX в.)

Джандосова З.А.

Афганская политическая традиция неразрывно связана с обычным правом паштунов и комплексом знаний, этических норм и принципов, в настоящее время объединяемых термином *паштунвали*.

В узком (этнонимическом) значении *афганец* и *паштун* – синонимы, при этом *паштун* (*пахтун*) является самоназванием. В настоящее время численность этноса (оцениваемая лишь приблизительно из-за политических обстоятельств и дисперсного характера расселения) составляет, видимо, более двадцати пяти миллионов человек, примерно половина которых живет в Афганистане. Несмотря на то что Афганистан – многонациональная страна, слово *афганец* в расширительном значении часто означает любого ее жителя. Как будет показано ниже, афганская политическая традиция, опирающаяся на паштунское право, с одной стороны, и на исламские нормы – с другой, является, в целом, общей для всех граждан Афганистана.

Паштунвали, обычно называемый кодексом чести паштунов, представляет собой совокупность обычаев и традиций, передававшихся изустно из поколения в поколение и письменно зафиксированных сначала афганскими, а затем и европейскими исследователями лишь в середине и второй половине XX в. (Хадэм, 1952; Бахтанай, 1955; Steul, 1981; Жехак, 1989). Более ранние сведения о паштунвали и этических нормах паштунов содержатся в классической поэзии на пашто, например у Хушхал-хана Хаттака (Пелевин, 2001) и в афганском фольклоре, а более поздние – в нарративных источниках на западных и персидском языках. При этом в исторических сочинениях на персидском языке (таких, как «Тарих-и Салтани» или «Сирадж ат-таварих») такого рода информация является скрытой, выявляемой лишь опосредованно, при анализе тех или иных исторических ситуаций.

В основе *паштунвали* лежит несколько принципов, тесно переплетающихся между собой: прежде всего, *нанга* – достоинство, самоуважение и защита собственных прав и прав своего племени; *тура* – воинская доблесть и самоотверженность в бою; *намус* – защита чести женщины, а значит и своей собственной чести; *меранэ* – стойкость и сила воли; равенство всех паштунов; почитание старших; *бадал* – месть за причиненное зло и благодарность за полученное добро; *мелмастийа* – гостеприимство; *гайрат* – чувство собственного достоинства (Жехак, 1989). Следование всем принципам – это поведение настоящего паштуна (*гайратман*), в идеале – доблестного воина, не жалеющего себя ради защиты чести. Некоторые из этих принципов лежат в основе выработанного традицией механизма примирения.

Обычное право и кодекс чести регулировали как личные, так и социальные отношения в паштунском обществе, включая отношения между отдельными племенами, которые можно характеризовать как политические с возникновения небольших афганских государств (в отечественной литературе традиционно именуемых *княжествами*) – Хаттакского (конец XVI в.), Кандагарского и Гератского (оба – начало XVIII в.). Усложнение моделей политического взаимодействия произошло с момента образования более крупного государства – Дурранийской державы (1747–1818) – которое, в основном из-за его полиэтничного состава при политическом господстве паштунов, иногда называют империей. В Дурранийской державе паштунская модель решения внутренних военно-политических конфликтов могла включать в себя этапы предоставления убежища и заступничества, восходящие к обычаю испрашивания прощения с целью прекращения кровной мести, а в наиболее сложных случаях – и созыв особого собрания (*джирги*), уполномоченного спорящими сторонами для их примирения.

Паштунская модель примирения была обычным средством разрешения проблемных «междоусобных» ситуаций, возникавших на почве борьбы за власть, в том числе между близкими родственниками, и принималась непаштунским населением страны как общая норма.

В первом томе афганского исторического сочинения «Сирадж ат-таварих» (Файз-Мухаммад, 1912/1913), повествующем об истории Афганистана второй половины XVIII – первой половины XIX в., часто описываются ситуации, связанные с разрешением военных и политических конфликтов, возникавших между участниками борьбы за власть в период правления последних Садозаев и первых Баракзаев.

Как правило, разрешение острых конфликтных ситуаций, заключавшихся в фактическом проигрыше одной из противоборствующих сторон, желавшей при этом сохранить не только жизнь, но и достоинство, происходило с помощью личного посредничества или письменного ходатайства какого-либо третьего лица (заступника) и сопровождалось многократными извинениями, выражениями смирения и покорности, уничижительными по формуле мольбами о прощении вины

и пощаде, вербальными признаниями бессилия и немощи проигравшего. Прибегание к заступничеству третьего лица в ходе междоусобной борьбы в вышеназванный период означало, таким образом, не только «извинение», но и признание проигравшим собственного военного или политического поражения и, соответственно, власти и сюзеренитета победителя. В случае правильного выбора заступника, при соблюдении всех правил обряда и употреблении этикетных формул самоуничижения и выражения покорности это обычно гарантировало пощаду. «Сирадж ат-таварих» подтверждает, что умелое использование традиции позволяло многим участникам борьбы за власть в афганском государстве многократно избегать сурового наказания и даже гибели.

В ряде случаев заступничеству третьего лица предшествовал этап предоставления убежища. Здесь политическая традиция прямо следовала паштунскому обычному праву, согласно которому предоставление убежища любому нуждающемуся, в том числе и преступнику, является святой обязанностью каждого человека. В свою очередь, предоставление убежища является одной из черт афганской традиции гостеприимства. «Гость находится под покровительством и защитой принимающего его под свой кров хозяина. При этом гость должен уверить покровителя, что, пока он живет в этом доме, ни с кем не будет бороться и никому не будет наносить ущерба» (Жехак, 1989). Лицо, предоставившее убежище («покровитель»), обычно становится посредником между гостем и его врагами, а в некоторых случаях и заступником. Считается, что, защищая гостя, покровитель защищает и собственную честь.

Ситуации примирения враждующих сторон с помощью заступничества третьего лица, описываемые на материале взаимоотношений властной элиты рубежа XVIII–XIX вв., представляются нам примерами частного случая обычая испрашивания прощения, применяемого для предотвращения или прекращения кровной мести. «С помощью этого обряда паштуны стараются избежать страшных последствий кровной мести. Кровнородственный союз виновника отправляет к дому жертвы своих представителей – обычно уважаемого старейшину (*спинжирай*) и женщин… Представители жертвы несут в руках Коран, чем они хотят подчеркнуть свое желание заключить мир… Виновник или его представители предлагают плату за кровь… После передачи платы за кровь… кровная месть должна прекратиться» (Жехак, 1989). Использование традиционного механизма примирения для решения политических споров подтверждается, прежде всего, составом категории лиц, берущих на себя функции заступника, а также различными ритуальными моментами.

Согласно *паштунвали*, при примирении враждующих сторон (кровнородственных групп) заступником может быть лицо, исключаемое из кровной мести по причине оказываемого ему почитания. Таковыми являются, прежде всего, духовные лица, причем как представители традиционного суннитского духовенства – муллы и богословы (улама), так и суфии – факиры и дарвиши.

Обращение к духовным лицам характерно и для ситуаций, связанных с политическими разногласиями и борьбой за власть в период междоусобиц, охвативших Дурранийское государство после ослабления центральной власти к концу правления Тимур-шаха (1773–1793 гг.) и особенно после его смерти. Так, например, в рассказе о мятеже царевича Хумайуна Дуррани, одного из главных претендентов на афганский трон после смерти его отца Тимур-шаха, повествуется о его сражении с Ахмад-ханом, вождем племени *нурзай*, который был влиятельным сторонником занявшего трон шаха Замана (правил в 1793–1801 гг.), сводного брата Хумайуна. В сражении с последним Ахмад-хан получил два огнестрельных ранения и отступил с поля боя, опасаясь того, как бы его собственные соратники, среди которых были и приверженцы Хумайуна, не передали его в руки последнего (такого рода измены были вполне заурядным явлением). Раненый не имел уже сил держаться в седле, когда его подобрал и отнес к себе в дом «некий *дарвиш*, по прозванию мулла Хасан» (здесь и далее курсив в цитатах мой – З.Дж.). Царевич Хумайун сначала преследовал его, но затем вернулся в Кандагар. На следующий день он узнал о том, где нашел пристанище его противник, и потребовал привезти его. Приказание было исполнено. Первоначально Хумайун собирался казнить Ахмад-хана, однако затем «помиловал *благодаря заступничеству кандагарских саййидов*[1]*, улемов и факиров*» (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.48). Совершенно очевидно, что Хумайун не мог отказать таким уважаемым заступникам, несмотря на то что был осведомлен об истинных симпатиях вождя нурзаев. Возможно, он полагал, что гарантией лояльности является выражение покорности в присутствии духовных лиц. Однако преданность его царевичу была недолгой. Едва Хумайун поставил Ахмад-хана командиром своего авангарда, тот немедленно перешел на сторону его основного противника, шаха Замана.

Следующей категорией всеми почитаемых лиц, обычно выступавших в качестве заступников, были старейшины, те самые, кого паштунское обычное право называет словом *спинжири* (мн. от *спинжирай* – «седобородый»). Если на бытовом уровне к старейшинам относятся, в первую очередь, уважаемые патриархи, главы низовых кровнородственных групп, то в масштабе исторической хроники, где ведется речь о борьбе за власть в государстве, старейшины – это ханы, вожди племен, авторитетные «столпы государства». Положение заступников этой категории было двойственным, потому что в отличие от духовных лиц они не пользовались личной неприкосновенностью и рисковали собственным положением и расположением к себе государя или сюзерена (в условиях междоусобных войн это были обычно царевичи, владевшие огромными областями).

Ярким примером такого случая является заступничество вождя белуджей Насир-хана за упоминавшегося выше царевича Хумайуна, после того как тот потер-

---

[1] Саййид – лицо, принадлежащее к особой группе, претендующей на происхождение от пророка Мухаммада.

пел поражение от шаха Замана и бежал в Белуджистан (окраинную зависимую область Дурранийского государства). Насир-хан дал приют и содержание царевичу Хумайуну, «угощал и одевал его» в соответствии с обычаем гостеприимства, но при этом заявлял, что не поднимет меча против государя Замана (Хусайн Али, 1965, с.85-90). Насир-хан не мог ни выступить против своего сюзерена, ни выдать ему попросившего убежища, так как и то, и другое было, по его мнению, бесчестно. Сложность позиции заступника проглядывает и в «подобострастном и раболепном» послании Насир-хана государю, содержавшем «слова заступничества за царевича Хумайуна» (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.46). Насир-хан пишет, что несмотря на то что царевич «пустил по ветру свою честь и достоинство», чему виной подстрекательство его приближенных, «однако он пришел в дом к покорнейшему слуге государя в поисках покровительства», почему тот и «обращается с нижайшей просьбой о его прощении». Эпизод заканчивается тем, что шах Заман, «учитывая прошлые заслуги Насир-хана», отменяет карательный поход в Белуджистан. (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.46). Очевидно, что у афганского государя было по крайней мере два аргумента в пользу прощения инсургента. Во-первых, согласие с версией о том, что царевич восстал против брата, пав жертвой подстрекательств своего окружения. Во-вторых, бегство Хумайуна в Белуджистан в поисках убежища и покровительства, что говорило о его готовности начать процесс примирения, согласно обычаю. Понятно, что выдача его шаху была бы для Насир-хана бесчестьем. Разумеется, Насир-хан стремится в этом эпизоде защитить не только свою честь, но и спасти свой народ от кровопролитной войны с превосходящей по силе армией афганского государя, ради чего клянется в собственной преданности и формальной готовности выполнить любой приказ сюзерена. При этом он хорошо понимает, что шах Заман, действуя в афганском правовом поле, не может не учесть вышеназванных обстоятельств. Таким образом, очевидно, что в лице белуджского хана, имевшего прежние заслуги перед афганским монархом, инсургент нашел себе хорошего заступника. Как заступник Насир-хан чувствовал себя настолько уверенно, что даже обещал Хумайуну примирить его с братом и помочь получить во владение какую-нибудь область, но тот отклонил это предложение, сказав, что «спорящих за престол примирить трудно» (Хусайн Али, 1965, с.90). Тем не менее, обычай заступничества послужил инструментом для погашения конфликта, спас Хумайуну жизнь и предотвратил афганско-белуджское вооруженное столкновение.

Другой случай успешного заступничества лиц названной категории представлен в ситуации прошения сардаров – ханов паштунских племен – за сторонника шаха Замана Йусуф-хана, теперь уже перед его соперником – царевичем Хумайуном. Рассказывается, что когда в бою Йусуф-хан был ранен и захвачен в плен, царевич Хумайун собирался убить его, но «заступничество державших сторону царевича сардаров спасло тому жизнь» (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.48).

Успешным заступником перед шахом Шуджа ал-Мулком (первое правление 1803–1809 гг.) за своего сына Кайсара неоднократно являлся уже свергнутый к тому времени и ослепленный[2] Заман – старший единоутробный брат нового государя. Влиятельные и честолюбивые фигуры – сначала вазир (первый министр) Фатх-хан, а затем Шер-Мухаммад-хан – пытались склонить Кайсара к выступлению против дяди, внушая ему мысли о том, что он-то, дескать, и является законным наследником престола. Царевич Кайсар то сам поднимал оружие против государя, то бежал с поля боя и сдавал вверенный ему город противнику шаха, и всегда шах Шуджа «прощал» его, учитывая заступничество старшего брата. Он лишь постепенно сужал круг свободы, предоставляемой царевичу Кайсару: будучи сначала полновластным наместником Кандагара, Кайсар стал в конце концов лицом, «обязанным постоянно находиться в свите шаха» (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.68-74).

Благодаря заступничеству знати шах Шуджа много раз «прощал» и вазира Фатх-хана Баракзая, своего очевидного антагониста, который неоднократно поднимал выступления против государя. Заступниками были в этом случае авторитетные в государстве лица – вождь попользаев Мухаммад Акрам-хан, влиятельный сановник Шер-Мухаммад-хан и «другие ханы, имевшие честь состоять в свите». Примечательно, что механизм примирения включал в данном случае (как, возможно, и в других случаях, несмотря на отсутствие упоминания об этом в тексте исторического источника) и поступление «на высочайшее рассмотрение» личного прошения от самого провинившегося вазира. Третьим этапом на пути примирения государя с его первым министром было приказание одному из сановников «успокоить» вазира (то есть убедить его в безопасности возвращения ко двору) и привезти его в Кабул, где он был тепло принят при дворе и снова был назначен вазиром (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.68).

Во второй раз шах Шуджа, «прощая» вазира Фатх-хана за его мятеж, принял заступничество ханов, пытаясь тем самым обеспечить себе поддержку дурранийских племен. Он очень нуждался в ней, поскольку до этого пользовался, в основном, поддержкой племен Пешаварской области и Хайбара, вазиров и гильзаев – то есть преимущественно восточных паштунов, тогда как западные паштуны – дуррани – поддерживали его политических противников.

Хроника содержит описание процесса примирения, включавшего в себя как заступничество ханов, которые «попросили аудиенции и стали умолять о прощении вины вазира Фатх-хана», так и собственноручное письмо виновного «с мольбой о прощении». Согласившись простить вазира, шах Шуджа отправил наибо-

---

[2] Согласно мусульманской традиции, государем не может быть слепой. По этой причине свергнутого султана или конкурента в борьбе за престол не обязательно было умерщвлять, достаточно было «лишить его блага зрения» (как правило, при помощи раскаленного железного стрежня).

лее влиятельного из заступников – Мухаммад-Акрам-хана, сопроводить вазира ко двору (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.73).

Третью категорию заступников, как и в бытовых ситуациях, составляли женщины. Это связано с тем, что обычным правом они также исключаются из кровной мести. В исторических событиях начала XIX в. это были, как правило, матери проигравших партию царевичей. Так, например, в роли успешной заступницы за царевича Мамуда, основного соперника Замана в борьбе за престол в 1793 г., выступила мать царевича, бывшая родной сестрой влиятельного Паинда-хана Баракзая. Сообщается, что, желая примириться с братом, Мамуд попросил «свою уважаемую родительницу поехать ко двору облеченного властью государя и отвезти его полное смирения прошение о помиловании за дурные деяния», после чего был прощен. Более того, «по просьбе этой добродетельной и высокородной женщины шах согласился соединить брачными узами одну из хранящихся в его ларце жемчужин с сыном царевича Махмуда, а его дочь – с одной из звезд, сияющих на небосклоне султаната» (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.51). По совету матери, Махмуд на какое-то время признал победу брата и, как деликатно сообщает источник, «занялся делами своего правления [в Герате]», то есть перестал претендовать на кабульский трон (там же).

Очевидно, что заступничество матери было последним средством спасти изрядно насолившего брату Махмуда. Если в вышеприведенном случае с царевичем Хумайуном достаточно было письменного ходатайства белуджского вождя Насир-хана, то здесь понадобилась личная поездка заступницы и ее встреча с шахом. Обращает на себя внимание дополнение обычая заступничества подкрепляющим прощение и примирение обычаем соединения детей примиряющихся брачными узами.

Другой случай обращения к заступничеству женщины встречается при перечислении выдающихся деятелей эпохи шаха Замана, где упоминается некий *мунши-баши* (старший секретарь придворной канцелярии) Мир Мухаммад Али-хан Мусави, сын Кифайат-хана, щедрый, обходительный и остроумный человек, которому «в своем деле не было равных при дворе государя». Но этот человек своим независимым характером не угодил фавориту шаха Замана Вафадар-хану, отчего «его положение при дворе покачнулось». Однако затем, благодаря заступничеству Марйам Дуррани, матери шаха Замана, он «вновь возвысился до той же степени влияния, что и в первый раз, и его стали называть Ханазад-хан»[3] (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.56-57). Заступничество матери, таким образом, оказалось для шаха Замана важнее мнения его фаворита.

О заступничестве женщины говорится и в упоминавшихся выше эпизодах с прощением царевича Кайсара. Помимо его слепого отца, свергнутого шаха Зама-

---

[3] Букв. «рожденный в доме [господина]». Часто употребляется и в обычном языке в уничижительном значении «раб, покорный слуга».

на, за юношу ходатайствовала и бабушка, мать обоих афганских государей – свергнутого и действующего. Очевидно, что двойное заступничество родной матери и старшего брата как раз и ставило шаха Шуджа в весьма затруднительное и щекотливое положение. Он был не в силах отказать столь уважаемым заступникам и тем самым обрекал себя на новые раунды борьбы с племянником-инсургентом.

Таковы три основные категории заступников, в принципе совпадающие в пуштунском обычном праве и в афганской политической традиции конца XVIII – начала XIX в. Это дает основание говорить о следовании политической традиции нормам обычного права.

Безусловно, заступничество уважаемых лиц являлось важнейшей составляющей механизма примирения враждующих сторон в стране, где исход военно-политических событий доныне во многом зависит от личных взаимоотношений врагов и политических соперников. О силе обычая в Афганистане во времена садозайских монархов свидетельствуют факты особой констатации в исторических хрониках случаев, когда «*даже заступничество не помогло*». Например, об одном таком эпизоде говорится в разделе «Сирадж ат-таварих», описывающем первое царствование шаха Шуджа, и в частности – его взаимоотношения с царевичем Кайсаром. После ряда серьезных проступков Кайсар получил от государя повеление постоянно оставаться при дворе. И после этого «*сколько ни умоляли его от имени уважаемой матери» шаха Замана* [она же – мать шаха Шуджа] сохранить за ним место наместника Кандагара, но шах, «опасаясь того, что корыстолюбивые люди могут ввергнуть его в искушение и склонят к измене и предательству, «*отклонил эту просьбу добродетельной праведницы*», хотя, впрочем, отдал ему наместничество Кабула (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.73-74). Выделенные курсивом места подчеркивают особую значимость отказа удовлетворить просьбу, несмотря на авторитет заступника.

О том, какое значение имел для афганцев обычай заступничества и чем бывало чревато его нарушение, свидетельствует такой эпизод времен Первой англо-афганской войны (1839–1842 гг.): Фатх-Джанг, провозглашенный афганским государем после убийства шаха Шуджа, так же как и его предшественник, считался английской марионеткой и пользовался еще меньшей поддержкой населения, чем шах Шуджа (внук основателя государства Ахмад-шаха Дуррани). Многие пуштунские ханы отказывались присягнуть ему, несмотря на присутствие в стране британских войск. Одним из строптивцев был популярный в народе *навваб*[4] Мухаммад Заман-хан. По рекомендации британских советников, шах Фатх-Джанг приказал *наввабу* немедленно «покинуть страну вместе со своими приближенными». Приказ был передан через некого Аминаллах-хана. Желая предотвратить резню, которая неминуемо последовала бы из-за невозможности выполнить приказ, навваб направил к Аминаллах-хану почтенного «Мир-Дарвиша, известного

[4] Крупный землевладелец (термин индийского происхождения).

как Мир-Хаджжи[5], с просьбой двух дней отсрочки для того, чтобы спокойно собрать и погрузить вещи и пожитки, а также жен и детей, а затем отправиться в другую страну». Аминаллах-хан не принял заступничество Мир-Дарвиша, бывшего, как утверждает источник, «вождем и наставником народа», но тот, помня о том, что мятежный наввабу «молил его о заступничестве», продолжал настаивать на отсрочке, и тогда Аминаллах-хан полоснул его кинжалом по лицу. «Из-за этого весь народ пришел в волнение», люди поднялись против Аминаллах-хана. "Увидев себя мишенью стрел народного осуждения", тот бежал к шаху Фат-Джангу» (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.183). В этом случае пренебрежение традиционным механизмом примирения и нарушение обычая заступничества (нанесение увечья заступнику, усугубившее нежелание уступить прошению духовного лица) привело к настоящему народному восстанию.

Как уже упоминалось, ритуал заступничества включал в себя как устное ходатайство заступника или заступников, так и письменную просьбу о помиловании самого виновного. В знак свидетельства искреннего раскаяния виновного перед лицом Всевышнего привлекался Священный Коран. Заступники несли Коран в руках, причем письменное прошение с нижайшей просьбой о помиловании вкладывали между его страниц. Иногда сам виновник участвовал в церемонии. Так, потерпев поражение в бою с воинами приверженцев шаха Замана, «мятежник» Мухаммад-Азим-хан Алкозай попросил заступничества у *миайна*[6] Абд ал-Хамида Дарвиша, и тот согласился, отправив своего сына, муллу Джан-Мухаммада сопровождать его ко двору шаха Замана. «Удостоившись чести аудиенции», Мухаммад-Азим-хан «взял в руки меч, повесил на шею саван и заявил: "Я достоин того, чтобы этим мечом голова моя была бы снесена с плеч, а тело мое – завернуто в этот саван"». В знак прощения и примирения шах Заман «обласкал его, пожаловав халат, коня и меч» (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.51).

Представление об уничижительных формулировках, которые в обязательном порядке включались в письменные прошения о помиловании (как от лица заступников и посредников, так и от лица виновного, в политической традиции, как правило, – мятежника, бунтовщика, инсургента), может дать обращение заступников мятежного вазира Фатх-хана к шаху Шуджа, которое приводится в мемуарах последнего (дается в сокращении): «В настоящее время Фат-хан, некогда по наущению злой судьбы и в силу несчастного стечения обстоятельств оставивший службу при дворе Его августейшего Величества и бежавший из Кабула, из-за своих злополучных действий, черной неблагодарности и своекорыстия лишился крова и превратился в бездомного скитальца. В знак возмездия за свою вину и свои преступления он теперь блуждает в пустыне скитаний и горя. Следы раскаяния и сожаления, как буквы судьбы и клеймо осуждения, проявились на челе его поло-

[5] Прозвище Дарвиш указывает на то, что заступник был суфием, а Хаджи означает, что он совершил паломничество (*хадж*) в Мекку.
[6] Мийа, мийан, миян – «преподобный», титул духовных лиц (по преимуществу в Индии у суфиев).

жения и лице его состояния. Поэтому, обращаясь к Его дарующему всем прощение... сиятельному Величеству, он надеется на безграничную милость и благоволение, ибо и знать, и чернь, и обездоленный враг, и удачливый друг и месяц, и год, и утром, и вечером, чувствуют себя довольными и радостными под сенью милосердия государя... Если, благодаря бесконечной милости государя государей вина его может быть прощена»... Ханы предлагали доставить инсургента ко двору. «Вскоре, – вспоминал шах Шуджа, – августейшему взору предстало прошение самого Фат-хана, содержавшее тысячу жалоб и рыданий, заключавшее в себе свидетельства покорности и смирения. Он писал: "Если прощение вины этого ничтожного раба, вскормленного и вспоенного этим вечным и находящимся под Божьим покровительством государством, хоть в какой-то мере станет предметом благосклонного внимания, и он будет призван ко двору, то с этого времени этим грешником и подлецом не будет сделано ни одного неподобающего шага. В противном же случае голова, честь, имущество и улус этого раба будут принадлежать государю"». «Учитывая авторитет заступников и их заслуги перед государством, – пишет шах Шуджа, – мы помиловали Фат-хана». Состоялось полное примирение сторон (а у Фатх-хана были многочисленные сторонники с сильными племенными ополчениями), и Фатх-хану «был пожалован пост его отцов и дедов» (то есть пост первого министра – вазира) (Шах Шуджа, 1954, с.23-24). Обычай также требовал, чтобы просьба о помиловании была настоятельной, т.е. повторенной неоднократно.

В подавляющем большинстве случаев заступничество третьих лиц вело к прощению виновного. Исключения были связаны с повторными преступлениями, т.е. изменами и бунтами в ответ на милость победителя. Например, упоминается такой случай, когда «уважаемая родительница царевича Махмуда прибыла ко двору государя с извинениями и надеялась мольбою о прощении ее сына вновь поправить его дела... однако, вернулась ни с чем» (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.54).

Тот же механизм примирения действовал в афганском государстве и в ситуациях, связанных с участием не-паштунов, а, например, таджиков или иранцев (мы уже наблюдали случай применения этого механизма белуджским вождем), или даже таких иноверцев, как сикхи. Например, один афганский военачальник, осадивший мятежную сикхскую крепость в Пенджабе, согласился помиловать сдавшихся сикхов благодаря посредничеству некоего муллы: «Мухтар ад-Даула было поручено уничтожить эту крепость с помощью нескольких пушек. Он осадил крепость, и тогда запертые в ней сикхи оказались в стесненном положении и попросили пощады. Благодаря посредничеству муллы Абд ал-Гафара, джадид-ул-ислама[7], их мольба была услышана. Они взяли на себя обязательство платить бадж и харадж[8] и подчинились фирману»[9] (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.73).

---

[7] Судя по этому определению, человека, не так давно принявшего ислам.
[8] Налоги.
[9] Иначе говоря, признали себя вассалами афганского государя.

Неприятие и несоблюдение не-паштунами распространенного в паштунской среде обычая дает Файз-Мухаммаду повод для нелестной характеристики иранцев при описании длительной осады каджарской армией Герата в 1838–39 гг. (Файз-Мухаммад, 1912/1913, с.174)

Приведенные примеры доказывают неразрывность афганской политической традиции и паштунского обычного права. В рамках Афганистана (а в эпоху Дурранийской державы власть афганцев и влияние их государственно-политического устройства распространялись от Мешхеда до Дели) паштунская модель заступничества, восходящая к ритуалу испрашивания прошения с целью прекращения кровной мести и тесно связанная с обычаем гостеприимства, была в конце XVIII – начале XIX в. нормальным средством разрешения военно-политических конфликтов, возникавших на почве борьбы за власть, в том числе между близкими родственниками, и принималась не-паштунским населением страны как общая норма. Традиционный механизм примирения, гасивший конфликтные ситуации мятежа, бунта, измены центральной власти, позволял враждующим сторонам договариваться между собой и избегать кровопролитной гражданской войны.

Закономерен вопрос о том, насколько действенным оказывается этот механизм в наши дни, ведь, как известно, гражданская война в Афганистане продолжается, фактически до настоящего времени, с 1978 года. Существуют определенные аналогии с распадом Дурранийского государства на отдельные уделы в начале XIX в. и той «фрагментацией» Афганистана, которая происходила на наших глазах с 1980-х годов и достигла апогея в начале 1990-х годов (Rubin, 1995). Афганские «мятежники» и «инсургенты» 1980-х годов находились в остром конфликте не только с центральной властью, но и между собой. Считается, что одной из явных слабостей повстанческого движения в Афганистане было отсутствие единого командования и управления и нежелание враждующих лидеров оппозиции договориться между собой. Тем не менее, мы знаем о том, что ими неоднократно, начиная с 1981 года, заключались всевозможные «альянсы» в результате долгих переговоров и при посредничестве духовных лиц. Так, например, в июне 1981 г. в Пешаваре был создан Исламский Союз Муджахедов Афганистана, лидеры которого в мечети Мехабат дали клятву на Коране и книге «Священная Бухара», а подписанные ими документы были заверены афганским богословом Мия Голь Сахибзаде (Ляховский, 1999, с.277). Любопытно, что несмотря на то что многие лидеры основных оппозиционных партий сами имели духовный сан или были суфийскими авторитетами, им потребовалось посредничество нейтрального богослова. Вполне традиционным для Афганистана является и соединение в политических союзах бывших противников для решения вопросов борьбы с общим врагом. Одним из характерных примеров этого было создание (совершенно очевидно, что после долгих встреч, дискуссий и переговоров) антиталибского «Северного альянса» Ахмадшахом Масудом, Абд ар-Рашидом Дустумом и рядом других муджахедов.

Что касается попыток примирения муджахедов с центральной властью, то здесь в качестве слабой («извиняющейся») стороны пришлось выступить центральной власти, провозгласившей в начале 1987 г., при приходе к власти паштунского «хана» Наджибуллы, политику так называемого «национального примирения», предлагавшую единовременное прекращение огня, переговоры за «круглым» столом, создание временного коалиционного правительства из членов НДПА и представителей муджахедов. Эта политика не имела особого успеха, так как оппозиция истолковала ее именно как «слабость» центральной власти, несмотря на то что сторонником «национального примирения» выступил такой авторитетный «заступник», как бывший король Афганистана Захир-шах (Варенников, 2001, с.313). Тем не менее, не только Наджибулла, но и его предшественник Бабрак Кармаль прилагали огромные усилия, чтобы «договориться» с вождями племен и другими местными авторитетами, пытаясь заручиться если не лояльностью, так хотя бы нейтралитетом в продолжающемся противостоянии. Любопытно, что министром по делам племен в правительстве ДРА (то есть главным посредником и «заступником» правительства на таких переговорах) был выдающийся афганский поэт и ученый Сулейман Лаек, который не только пользовался огромным личным авторитетом, но и был родственником (шурином) одного из влиятельных лидеров оппозиции – С. Муджаддади.

Литература

Бахтанай А., 1955. Паштанэ хойунэ. Кабул (на яз. пашто).

Варенников В., 2001. Неповторимое. 5. Ч. VII. Афганистан. И доблесть и печаль. Чернобыль – М.

Жехак Л., 1989. Кодекс чести пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура. М.: Наука, 58-72.

Ляховский А., 1999. Пламя Афгана. М.

Пелевин М., 2001. Хушхал-хан Хаттак (1613–1689). Начало афганской национальной поэзии. СПб.

Файз-Мухаммад, 1912/1913. Сирадж ат-таварих, I-II. Кабул (на персидском яз.).

Хадэм К., 1952. Паштунвали. Кабул (на яз. пашто).

Хусайн Али., 1965. Украшение летописей. Пер. с персидского, введение и примечания Г.А. Волошиной. Ташкент: Фан (Наука).

[Шах Шуджа] Вакиат-и Шах Шуджа, 1954. Кабул (на персидском яз.).

Rubin B., 1995. The Fragmentation of Afghanistan // State Formation and Collapse in the Intenational System. Yale Un-ty press.

Steul W., 1981. Paschtunwali – ein Ehrenkodex und seine Relevanz. Wiesbaden.

Глава 11

ОБЫЧАИ ПРИМИРЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕРНОГОРЦЕВ

Драмбян М.И.

Говоря о традиционной культуре черногорцев, в том числе и об обычаях примирения, мы будем опираться на данные, относящиеся большей частью к XVIII и XIX вв. Однако до этого периода, традиции, обычаи, социальная структура в Черногории подвергались серьезным трансформациям. Есть все основания предполагать, что тот культурный комплекс, понимаемый нами как традиционный, сложился не ранее конца XV в.

Черногория до конца XIX в. представляла собой оригинальное этнополитическое образование, внешнеполитический статус которого, территория и потестарные структуры менялись с течением времени.

До второй половины XV в. это просто территориальное понятие, само название «Черная гора» относилось только к небольшой территории вокруг Катунской нахии[1] и никакого политического или этнического содержания не имело. С конца XV в. на территорию нынешней Черногории переносится центр княжества Зета[2], значительно уменьшившегося территориально из-за османских завоеваний. Вначале столицей Црноевичей (правящая династия) был город Жабляк, потом Обод, под давлением Османской империи зетская государственность сдвигалась на северо-запад в горы, и «основание Цетинья явилось окончанием средневековой зетской и началом новой черногорской истории» (Цетинье, 1987, с.9). После падения династии Црноевичей на территории Черногории долгое время отсутствовала какая-либо государственность. С 1516 года до конца XVII в. Черногория, по выражению П.А. Ровинского, «живет исключительно племенной жизнью». Однако существовал единый духовный центр – Цетинская митрополия. С XVI в. ее

[1] Крупная территориальная единица, область.
[2] Область средневекового сербского государства.

роль постоянно усиливается. Митрополия постепенно становится и политическим центром Черногории.

В XVIII в. роль митрополии возрастает с приходом к ее руководству династии Петровичей–Негушей (основатель династии владыка Данила). С этого периода условно можно говорить о складывании на территории Черногории теократической политики.

На протяжении всего периода существования Черногории ее населению приходилось отражать агрессию Османской империи, что, конечно, являлось мощным объединяющим фактором. После крупных побед 1796 г. над Махмуд-пашой Бутумалией под руководством Петра I Петровича–Негоша Черногория заявляет о себе как о региональном политическом субъекте.

Новое изменение политического устройства Черногории произошло с приходом к власти Данилы Петровича–Негоша (1852–1860 гг.), который отказался от сана владыки, провозгласил Черногорию княжеством, а себя, соответственно, князем. И хотя Черногория была признана суверенным государством только на Берлинском конгрессе (1878 г.), она задолго до этого времени де-факто была независима. В 1910 г. Черногория стала королевством, а с 1918 г. вошла в состав Югославии.

Этнографическая информация о населении Черногории начинает поступать с начала XVII в., когда Мариан Балица в 1614 г. побывал в черногорских пределах. Однако, пожалуй, первое системное и наиболее полное описание черногорцев составил П.А. Ровинский в конце XIX в. Он использовал материалы своих собственных наблюдений и данные, собранные его предшественниками. П.А. Ровинский положил начало и археологическим изысканиям на территории Черногории (1890–1891 гг.), продолженным английским археологом Й. Мунро в 1893 г. Однако и до П.А. Ровинского Черногория и ее население вызывали интерес у российских исследователей: Е.П. Ковалевского, И.И. Срезневского, А.Н. Попова и др. (Керимова, 1997, с.23-60).

До 1859 г. Черногория не имела четких границ (Кудрявцева, 2002, с.177), она простиралась от Белой горы до горы Кома на 99 верст и от гор Дурмитора до горы Сутормина на 105 верст. В основном это гористая местность с ограниченными возможностями для занятий земледелием и скотоводством. Полноценными пашнями обладало лишь Белопавлическое поле – «житница Черногории». Но черногорцы не всегда могли контролировать эту территорию.

На склонах гор создавались террасные поля, плоскогорье и любые ровные участки местности, в том числе и леса, использовались (впрочем, используются и сейчас) для выпаса скота. В силу природных условий широкое распространение получил мелкий рогатый скот, особенно козы, которые могут пастись на склонах с очень большим уклоном, недоступных для других видов домашних животных, кроме того, у коз шире кормовая база, они включают в свой пищевой рацион листья различных видов кустарников, объедают нижнюю часть кроны деревьев.

Транспортное сообщение в Черногории до конца XIX – начала XX вв. было затруднено. Дорог практически не было, даже старая дорога в Цетинье, которой пользовались до 1890 г., была недоступна для колесной техники, остатки этой дороги автор осмотрел лично на участке от поселка Реки Црноевича до Цетинья. На ней могли разъехаться с некоторым трудом два всадника, рельеф же ее (большой перепад высот и иногда просто подобие ступеней) с трудом дает возможность предположить саму возможность использования колесного транспорта. Другие дороги были, по свидетельствам очевидцев прошлых лет, еще хуже, так как по ним с трудом могли продвигаться даже вьючные животные.

Обычно грузы переносились вручную, женщинами. Несмотря на относительно небольшую свою высоту, горы благодаря некоторым особенностям (крутым склонам, отсутствию плоских вершин – яйл, за исключением района Жабляка, наличию растительных покровов в виде лесов и кустарников) делали территорию проживания черногорских племен труднодоступной. «В Черногории не имеется еще дорог в том смысле, в каком мы вообще понимаем это слово, а существуют только узкие тропинки, проведенные через вершины гор... по ним иногда с трудом можно проехать на лошади, местами же бывает опасно пробираться даже пешком» (Петкович, 1877, с.18).

Предки современных черногорцев появились в этих краях относительно недавно, после XV в. Вот что писал Константин Петкович, прослуживший русским консулом в Рагузе[3] 11 лет. «Жители Черногорского княжества принадлежат к славянскому, сербскому племени, населяющему ныне Сербское княжество, Сербское воеводство в Австрии, Боснию, Герцеговину и Далмацию... они получили местное название черногорцев от области (Катунская нахия), в которую вселились после падения Сербского царства» (Петкович, 1877, с.18).

П.А. Ровинский выделял два основных «слоя» в заселении Черногории. Первый «слой» – «сербский элемент» смешанный с греческим, римским населением на равнине и в горах с албанцами. Об этом «слое», как писал Ровинский, – «почти ничего не известно». Второй «слой» – это беженцы, переселенцы из Сербского царства, Боснии, Герцеговины после их завоевания Османской империей (Ровинский, 1897, с.128).

«В общем составе жители Черногории принадлежат одному главному типу: это сербы южного говора, образцом которого считают наречие Герцеговины. Не только по языку, но и по происхождению большая часть жителей нынешней Черногории – герцеговинцы» (Ровинский, 1897, с.3). «Катунская нахия вся населена герцеговинцами, а присоединенные к Черногории в последнее время Грахово, Бояны, Рудины, Никшич, Пива, Дробняк – составляли часть Герцеговины до недавнего времени (конец XIX в. – М.Д.). Остальные области Черногории населились если не из Герцеговины, то из стран того же южного говора, как Босния,

---

[3] Старое название города Дубровник.

Старая Сербия и Приморье; все эти разновидности постепенно сглаживаются и исчезают в одном общем типе черногорца» (Ровинский, 1897, с.3-4).

П.А. Ровинским отмечалось наличие албанского субстрата у некоторых черногорских «племен», которые жили в соседстве с арнаутами (албанцами), например у «племени» Кучи. «Кроме того, везде вы найдете остатки, иногда всего 2–3 дома старожилов, сидевших там искони до прихода новых поселенцев… этих старожилов нынешние поселенцы считают совершенными инородцами и окрещивают их разными именами, как: чифуты, ягудии, жудели, латины, шпани, ермоласи, лужане, бокумиры, мацуры… Пришельцы, люди сильные духом, не хотели покориться туркам, старожилы были не вполне свободны, они обрабатывали землю Черноевичей (им принадлежало приморье и Черная Гора)» (Ровинский, 1897, с.5).

Почему мы достаточно подробно останавливаемся на происхождении населения Черногории? С одной стороны, мы можем проследить складывание черногорского субэтноса в исторической ретроспективе, так как речь идет, как мы видим, о времени, не более раннем чем XV в., а с другой стороны, можем попытаться понять, как черногорцы, если так можно выразиться, приобрели свои обычаи, отличающие их от родственного им в этническом плане и близкого географически населения и сближающие их, например, с горцами Кавказа, Северной Албании и т.д.

«Черная гора» – Катунская нахия, входила в состав сербского государства Зета. Сохранился договор между венецианской республикой и сербским деспотом Юрием Бранковичем (1435 г.), в котором упоминается (Catunos Cernagore)[4]. Из текста договора можно узнать, что там были нивы и виноградники, продукцию которых население поставляло на внешний рынок (Ровинский, 1897, с.9). Часть территории Катунской нахии – высокогорные плато, служили населению Приморья летними пастбищами, само название этой нахии может происходить от слова «катун» – место для выпаса скота, пастбище (Ровинский, 1897, с.129).

А в XVIII–XIX вв. Черногория не то что не вывозила, но и не была вполне автономна в собственном обеспечении продовольствием.

Так, в 1838 г. митрополит Петр II получил в России 3480 четвертей зерна, которое было доставлено на двух судах из Одессы. В 1845 г. Черногории были выделены средства (Российским правительством) в размере 20000 рублей серебром (наличными) для закупки зерна, и Петр II открыл государственные магазины, отпускающие хлеб в кредит (Хитрова, 1979, с.24).

Материальную помощь черногорцам Россия начала оказывать с 1715 г., когда Петр I (Российский император) выделил 1,5 тыс. рублей «на вспоможение разоренным людям» и 5 тыс. рублей на оплату долгов и ремонт монастырей. Кроме

---

[4] Территория, называемая позже Катунской нахией.

того, была установлена специальная, регулярная субсидия размером в 500 рублей на каждые три года для нужд Цетинского монастыря (Аншаков, 2004, с.344).

«Невозможность найти достаточное пропитание для всех жителей горного края породила идею переселенчества. Черногорский владыка неоднократно обращался к российским властям с просьбой разрешить части своего народа поселиться в России» (Кудрявцева, 2002, с.177-178).

Это свидетельствует о значительном увеличении населения на территории Черногории, что подтверждает выводы П.А. Ровинского о заселении Черногории сербскими беженцами.

Кроме того, есть прямые данные о размерах крестьянских хозяйств в XIX в., которые свидетельствуют об отсутствии свободных земель, о перенаселенности края и соответственно об отсутствии возможности устойчивого сельскохозяйственного экспорта и использования горных пастбищ жителями Приморья, что имело место в XV в.

В Катунской нахии крестьяне имели пахотные земельные участки от 1 до 3 рал и несколько овец на семью (Кудрявцева, 2002, с.52). В Черногории была распространена малая или простая (инокосная) семья; большие, неразделенные семьи (задруги) были редкостью. «И как не мал мой град, я сам в нем комендант» – гласит черногорская поговорка. 1 рало = 0, 18 га. Воевода Марко Драгов Мартинович (дядя князя Николая по материнской линии) имел 8 рал земли (пахоты), 82 овцы, 2 коровы, 32 свиньи и несколько ульев и считался богатым человеком. Бедняками считались те, кто имел не более 10 овец и 2 волов – они не платили «дацию» (подоходный налог). Дация была введена в 1853 г. (Кудрявцева, 2002, с.61), 1 рало равно 18 соткам, если средний размер пахотной земли домохозяйства составлял 3 рала, то он был равен 54 соткам.

Такой участок сопоставим с размером подмосковных дач. И на порядок меньше крестьянских землевладений в Центральной России в синхронное время, где счет шел на гектары. С землей под выпас скота дело обстояло не лучше. По информации К. Петковича (российский консул в Рагузе), во второй половине XIX в. пашни были еще меньшими – 400, 200, 100 и менее квадратных саженей (1 рало = 400 кв. саженям) (Петкович, 1877, с.31), т.е. размер земельных участков мог составлять менее 20 соток.

Такие участки не могли обеспечить в полной мере продуктами сельского хозяйства даже их владельцев. «Плодородных земель все же было явно недостаточно, и крестьянам часто не хватало хлеба до нового урожая» (Аншаков, 2004, с.331).

По данным К. Петковича, в 1863 г. черногорцы имели: мелкого рогатого скота (овцы, козы) – 351418 голов, крупного (вместе с лошадьми) – 50000, свиней – 15535. Население «Старой Черногории» и присоединенных Берд – 120000 человек. Соответственно, на одну душу приходилось: чуть меньше 3 голов мелкого рогатого скота, 0,4 головы крупного рогатого скота и лошадей (вместе взятых) и 0,129 свиньи. Показатели более чем скромные.

Катунская нахия в XVIII–XIX вв. была самой бедной, размер земельного надела в ней был самым малым в Черногории. А напомним, что в 1435 г. с ее территории происходил вывоз сельскохозяйственной продукции. Черногорцы были вынуждены искать пропитание за границей своих земель. Это говорит о значительном увеличении населения после XV века.

Стоит отметить, что старожилы, которых упоминает П.А. Ровинский, не только не пользовались какими-то преимуществами, но, наоборот, иногда служили предметом насмешек. Их прозвища, которые приведены выше, П.А Ровинский оценивал как не слишком уважительные. Это так же свидетельствует о том, что миграционный поток был настолько мощным, что не переселенцы, а аборигены были ассимилированы, и вряд ли могли передать новым жителям Черногории свои обычаи и традиции. Есть и прямые свидетельства роста численности населения Черногории.

Мариан Балица, бывший в Черногории в 1614 г. (т.е. через двести лет после упоминания Катунской нахии в договоре Бранковича), насчитал домов: 200 в Негушах, 70 в Цетинье, 24 в Белошах, 70 в Белицах, 175 в Цуцах, 60 у Озриничей и в других населенных пунктах 230 домов. Всего 893 дома и на них 1977 вооруженных людей (Ровинский, 1897, с.9). В 1863 г. население «Старой Черногории» без Берд составляло 65000 человек (Петкович, 1877, с.31).

Если мы допустим, что и Берды и «Старая Черногория» поставляли вооруженных людей пропорционально количеству всего их населения, то получим пропорцию 120/65=13,400/х, где х – количество бойцов, имеющихся в «Старой Черногории». Их количество = 7243. Значит, число людей, способных носить оружие, увеличилось в 3,66 раза. Можно предположить, что во времена Мариана Балицы в Черногории проживало примерно 17793 человека. По оценкам В. Броневского (офицер российского военно-морского флота в составе эскадры адмирала Синявина), который был в Черногории в первых годах XIX в., ее население уже тогда равнялось 45–50 тыс. человек (Броневский, 1818, с.234). Каким образом население описываемых нами нахий увеличилось примерно в три раза за 86 лет? Может быть, путем естественного прироста? Однако в традиционных обществах, учитывая высокую детскую смертность, отсутствие медицинского обслуживания и т.д., это вряд ли возможно. В случае же с населением Черногории это было невозможно наверняка, так как «каждый месяц черногорцы имели по 6–7 пограничных стычек длительностью до нескольких дней, 2/5 населения погибало в бою, 1/5 от ран, и менее чем 2/5 умирало своей смертью» (Хитрова, 1979, с.30).

П.А. Ровинский отмечал, что трудно найти семью, где были бы представлены хотя бы три поколения мужчин, так как в каждом доме были потери. Был убитым или отец, или сын, или дед. Увеличение населения Черногории происходило за счет мигрантов с оккупированных Османской империей земель. Имеются и свидетельства заселения Черногории в преданиях племен и братств. Например: «Милоевичи пришли из Кучь после Косовской битвы.... хумцы из Зеты» (Ровинский,

1897, с.6) и т.д. Доселение происходило «частью целыми родами, частью военными четами или отрядами, а частью просто ускоками одиночками» (Ровинский, 1897, с.9). Вот как описал этот процесс в поэтической форме Петр II Негош:

– Те ж, кто спасся от
турецкой сабли,
не хулил свою родную веру,
не давал себя сковать цепями,
все сюда бежали в эти горы,
чтобы кровь свою пролить, погибнуть,
но хранить святой завет юнацкий,
имя сербское и свет свободы.

(Цетинье, 1987, с.11).

Интересно, что «в XVI веке магометанство захватывает прежде всего именно старые элементы, а против него восстают роды из доселенцев» (Ровинский, 1897, с.31). Как известно, в результате программы (ее провозгласил владыка Данила, родоначальник династии черногорских митрополитов Негошей), которая называлась «Открытие потурица», ислам на территории Черногории был полностью искоренен вместе с его носителями. В некоторых деревнях было вырезано до половины жителей. В результате соотношение старожилов и поздних переселенцев могло еще больше увеличиться в пользу последних. Поэтому можно с определенной долей уверенности считать, что тот комплекс обычаев, традиций, который фиксировался в Черногории в XIX в., сложился в обозримый исторический период: с XVI по XVIII вв.

Скорее всего, этот комплекс был результатом внутреннего развития черногорского общества под воздействием внешних обстоятельств. Отсюда вытекает и сходство норм обычного права, некоторых традиций, в том числе и обычаев примирения у этносов Северного Кавказа, горных албанцев, черногорцев.

Нормы обычного права черногорцев, сам их образ жизни, система жизнеобеспечения в целом отличались от таковых в Старой Сербии, Боснии. Предки черногорцев XVIII–XIX вв. жили в феодальных обществах, имеющих достаточно развитую государственность. Однако ни в одном государстве не может существовать такая вооруженная вольница, которая никому не подчиняется, не платит налогов и руководствуется такими нормами обычного права, которые и не предполагают наличие централизованной власти.

«Зета (а территория Черногории была ее частью – Д.М.), находясь под властью сербских царей, не могла составлять исключения и жила, конечно, теми же самыми порядками, какие были во всех сербских землях» (Ровинский, 1888, с.379). В Сербии с XIV в. юридическая практика основывалась на своде законов Стефана Душана. В этот период «свободных земель и хлебопашцев не было; а все только кметы (здесь, зависимые крестьяне – Д.М.), работавшие на чужой земле» (Ро-

винский, 1888, с.422). Законник Душана предполагал сословное деление общества, систему повинностей, налоговую систему.

В Цетинье в начале 80-х годов XV столетия была основана последняя столица Црноевичей (зетских государей), теснимые турками они были вынуждены перенести столицу в более защищенное место. Во времена Ивана Црноевича существовали центральная власть, судебная система. Црноевичи были полноправными владетелями земли, сохранились указы о земельных пожалованиях, судные грамоты. В 1482 г. Иван Црноевич построил дворцовые палаты, в 1484 г. – монастырь. Его сын (последний владыка рода Црноевичей) – Джурад – основал в Цетинье типографию (первую у южных славян, литеры которой позже черногорцы переплавили в пули) (Цетинье, 1987, с.11).

Существовала потестарная структура, действовала система налогообложения. «Это были последние моменты, когда существовала государственная власть в Черногории» (Ровинский, 1897, с.11).

Картина, которую можно было наблюдать в Черногории с XVII в., была совершенно другой (в первую очередь в области социальных отношений). Черногорию первых лет XIX в. В. Броневский уже сравнивал с древнегреческой Спартой. Черногорские митрополиты, начиная с Петра I, при попытках создать централизованные потестарные структуры неизменно сталкивались с проблемами, имевшими как ментальный, так и юридический характер.

Вот как представлялась подобная трансформация П.А. Ровинскому: «В следующий период эти начала (на которых держалась государственность Зеты – Д.М.) продолжают жить и действовать, предоставленные народу, без всякой протекции государственной верховной власти, и что было в них существенного, здравого и нормального, отвечавшего всякому состоянию народа, сохранилось до конца» (Ровинский, 1888, с.459), и «основанное (имеется в виду право – Д.М.) на узурпации управляющих классов над народной массой, утратило постепенно смысл и силу, и брошено народом, как чужое, ненужное и ни к чему не пригодное» (Ровинский, 1888, с.169).

Таким образом, в культуре черногорцев произошла архаизация некоторых ее черт или даже появились новые обычаи и традиции, не свойственные их культуре ранее.

Рассматривая юридические практики черногорцев, обычаи примирения, необходимо хотя бы вкратце коснуться социального устройства черногорского общества.

Наиболее крупной единицей социальной организации черногорцев в до-государственный период их истории было племя. Черногорское «племя» как понятие не равнозначно в своем значении термину «племя», используемому в социальной антропологии и понимаемому следующим образом: «Племя один из типов этносоциальной организации, характеризующейся тенденцией к эндогамии и культурно-языковому единству... Племена характеризуются также общими формами

культуры и идеологии – самосознанием, этногонич. преданиями, культами и др. ...» (Народы России, 1994, с.460).

Черногорские племена делились на братства, те в свою очередь на «узшие братства», «узшие братства» состоят из семей, или «домов» (Ровинский, 1897, с.143). В Черногории распространена была малая семья, большие семьи – «задруги», встречались редко. Братство представляло из себя резидентную родственную группу, патрилинидж[5].

Племя было экзогамно, лишь Озриничи заключали браки внутри племени (преимущественно) (Ровинский, 1897, с.143). П.А. Ровинский исследовал генезис черногорских племен и пришел к выводу, что племя носит, прежде всего, территориальный характер, а не родственный (в отличие от братства).

Названия некоторых племен восходили к имени мнимого или реального предка (Васоевичи, Озриничи, Кучи, Белопавличи), а названия некоторых – к названиям местностей, на которых племена проживали (Црмничане, Пива, Морача) (Ровинский, 1897, с.143).

Не случайно, российский дипломат С.А. Санковский в 1805 г. писал: «Вся Черногория разделена на нахии, или провинции, а каждая нахия на пять, восемь и более племен, или княжин, а сии на многие братства...» (Керимова, 1997, с.138-139), соединяя вместе чисто территориальные единицы – нахии, и родственные – братства, через племя. А.Н. Попов, бывший в Черногории в 1847 г., и К.С. Аксаков предполагали вторичный характер черногорского племени (Керимова, 1997, с.138-139). То есть черногорское племя сложилось как структурная единица после заселения Черногории предками черногорцев и вобрало в себя элементы родственной группы. Те или иные родственные связи являются универсалиями человеческих обществ, поэтому вполне естественно придание вида родственных групп вновь складываемым сегментам общества. О схожих процессах в социальной структуре народов Нагорного Дагестана, о возможной вторичности тухумов по отношению к соседской общине – джамаату, писал М.А. Агларов (1988).

То, что многие племена черногорцев имеют «составной» характер, созданы «больше агломерацией, чем родством», считали и югославские этнографы Й. Цвиич и П. Шобаич (Керимова, 1997, с.138-139).

Однако черногорское племя не являлось чисто территориальной единицей, о чем свидетельствует наличие экзогамии в большей части племен и представление о хотя бы гипотетическом общем предке. Наличие экзогамии и хотя бы формальных представлений об общем, не мифическом, предке позволяет говорить о социальной группе, называемой черногорцами «племя», как об унилинейной (в дан-

---

[5] Включение в эту патрилинейную родственную группу женщин посредством брачных связей было достаточно полным, о чем свидетельствует принятие женой не только фамилии но и отчества мужа – «Жена, принимая фамилию мужа, и по отчеству зовется его же именем», – писал В. Броневский.

ном конкретном случае – патрилинейной) десцентной группе (unilineal descent group) (Мердок, 2003, с.73).

Существовали и чисто территориальные единицы – нахии. Нахии были населены несколькими племенами, например, Катунская нахия включала в себя племена: Цетинье, Негуши, Цекличи, Белицы, Чевляне, Цуцы, Грахово, Рудинье, Пешивцы, Комане, Загорцы и Новоселяне (Петкович, 1877, с.14). Верховной собственностью на землю обладало племя, однако братства делили землю между собой, и эта земля использовалась только в рамках определенного братства. Каждая семья имела личную земельную собственность, передаваемую по наследству. В общинной собственности, т.е. в собственности братства, находились, как правило, луга, лесные угодья. Обычно братство имело и свою церковь, приход которой состоял из его членов. «Чужой» церковью не пользовались, иногда две церкви стояли рядом, когда в одном селе жило два братства (Ровинский, 1897, с.148).

Территориальное деление и социальная организация Черногории и черногорцев были неразрывно связанны с организацией военной: «...когда идут на войну, они распределяются в военных отрядах по братствам» (Ровинский, 1897, с.143). Обычно племя в качестве своей главы имело воеводу (в малых племенах воевод не было). Наличие или отсутствие воеводы не регламентировалось жестко. «У васоевичей было то два воеводы (Дьека и Вуксанъ), то не было вовсе». «Воевода, прежде всего, был военноначальником» (Ровинский, 1897, с.162). Воевода всегда выбирался народом иногда из представителей одного рода. Со временем, когда усилилась мирская власть владык, они могли назначать воевод. Стать воеводой мог только человек, имевший личный боевой опыт (как минимум несколько отрубленных турецких голов на своем счету). Следующим по значению должностным лицом был «сердарь», он обычно решал гражданские дела. Сердари предводительствовали теми племенами, где не было воевод.

В каждом селе или братстве (обычно в селе проживало одно братство) был старшина – «кнез», который представлял свою единицу во внешнем мире, контролировал правовые вопросы (Ровинский, 1897, с.167-169).

Особую роль в политической (да и не только) жизни Черногории играло духовенство. Владыки из династии Негошей прошли путь от духовных пастырей и идейных вдохновителей черногорского общества до его политических лидеров, руководителей суверенного государства. Последние представители династии – Данило Петрович Негош и князь, а потом и король Никола, уже не имели духовного сана.

Рядовые священники – попы (у южных славян это слово не несет в себе негативной коннотации), также бывали главарями, военными предводителями – «...являлись, тоже, как бы вождями, умнейшие люди, советчики, из них бывали главари и военные вожди... Моисей (Васоевичи), Дмитрий в Морачском монастыре, Иосиф в Острожском и др.... это были главные вожди своего племени, которое

слушалось их во всех делах» (Ровинский, 1897, с.169). Были и священники – воеводы: Машань Дюрович и Илья Пламенац, который в конце XIX в. был по совместительству министром обороны Черногории (Ровинский, 1897, с.170).

Учитывая высокий статус митрополита и священников вообще, становится понятной их роль в решении споров, участие в примирении кровников.

Сам обычай примирения был, пожалуй, впервые описан у черногорцев в начале XIX в. французским путешественником Виалле де Сомьером. Самому примирению предшествовал суд. В качестве присяжных (кметов) выступали уважаемые люди – «почтенные старцы» (Vialla de Sommieres, 1818, с.130).

Количество присяжных равнялось 24, что коррелирует с составом суда по законнику Стефана Душана. Каждая из противоборствующих сторон выставляла по 12 человек. В роли председателя суда выступал священник селения, к которому принадлежал оскорбленный или убитый. Перед тем как приступить к своим обязанностям члены суда слушали литургию и воздерживались от принятия пищи в течение всего дня. «За час перед обеднею кмети собираются, чтобы определить количество пролитой крови. Каждая рана, которую называют они кровью, полагается в десять цехинов; смерть человека, по их голова, стоить десяти ран, следовательно ста цехинов» (Vialla de Sommieres, 1818, с.131).

У враждующих сторон к моменту суда уже существовало принципиальное желание решить дело миром, и было понимание того, кто и на какие компенсации может рассчитывать. Сам суд легитимировал процесс примирения и определял размеры компенсаций с высокой степенью точности.

На суде назначался и день торжественного обряда примирения. К этому дню приглашались друзья и родственники сторон.

С раннего утра к дому потерпевшей стороны высылалась делегация с 12 младенцами, «которые сосут еще молоко матерей своих… Дети должны иметь в руке по белому полотенцу» (Vialla de Sommieres, 1818, с.132).

Если обиженный принимал полотенца из рук детей, то это означало его готовность к примирению. В этот же день служилась торжественная обедня. К определенному месту (обычно рядом с церковью селения потерпевшей стороны) собирались все судьи, подходил и истец со своими родственниками.

«Вскоре потом является и оскорбитель со своими ближними; он ползет на коленях, поддерживаясь руками, и в таком виде приближается к кметям. К шее несчастного привешено бывает орудие, которое употребил он при последнем убийстве. Священник отвязывает его и бросает как можно далее, а зрители тут же ломают оное на мелкие части» (Vialla de Sommieres, 1818, с.133).

Так же описывал примирение и Ковалевский, т.е. обидчик на коленях с висящим на шее оружием вымаливал себе прощение (Ковалевский, 1841, с.78).

Если обиженный не торопится с прощением, то уважаемые люди, священник, судьи уговаривают его. Объятия и поцелуй бывших противников означают, что прощение получено.

После этого родственники обеих сторон, судьи отправляются в деревню ответчика, где для них уже готово угощение и компенсация. Иногда, обиженный отсылает все обратно (Vialla de Sommieres, 1818, с.135), что не является, впрочем, признаком негативного отношения к противной стороне. Такая же манера встречается у горцев Северной Албании и означает то, что потерпевшая сторона пошла на примирение не из-за меркантильных соображений, а из-за великодушия.

Интересно, что «приговор» суда фиксировался в письменной форме в двух экземплярах и скреплялся разломанной пополам золотой монетой. Половинка монеты и один экземпляр записи о примирении оставались у каждого из бывших врагов (Vialla de Sommieres, 1818, с.136).

Субъектом права в таких случаях могли быть только мужчины, так как женщины пользовались иммунитетом при кровомщении.

Женщина вне рамок семьи вообще не подвергалась насилию. Считалось, что любая представительница прекрасного пола может безбоязненно пройти всю Черногорию из конца в конец (Ровинский, 1897, с.203).

В. Броневский писал: «Впрочем черногорцы такое имеют уважение к нежному полу, что считается великим бесчестием и низостью обидеть женщину, и потому-то употребляют их для посылок и часто шпионами» (Броневский, 1818, с.275), и «Красавица в лагере черногорском может быть столь же покойна и безопасна, как под надзором своей матери; почлось бы великим бесчестием для того, кто вздумал бы влюбиться в нее» (Броневский, 1818, с.275).

Договор примирения соблюдался строго – «не было примера, чтобы подобный договор был нарушен» (Vialla de Sommieres, 1818, с.136).

О верности слову у черногорцев В. Броневский писал: «Черногорец, будучи трезв, гостеприимен, почтительный сын, нежный отец, добрый брат, супруг властительный, но раб своего слова, имеет еще столько добродетелей, что зверство его к другим перевешивается счастием домашней жизни» (Броневский, 1818, с.276).

Анализируя черногорские обычаи примирения, надо отметить большую роль православной церкви, священнослужителей, что является отличительной особенностью черногорских традиций. Кроме того, какие-то элементы судебной системы видимо сохранились в Черногории со времен Црноевичей, времен зетской государственности.

Традиционная культура Черногории, на наш взгляд, прошла три этапа:

Первый – когда территория Черногории входила в княжество Зету, и позже, когда находилась под управлением Црноевичей.

Второй этап – отсутствие централизованной власти на территории Черногории, этап «народного самовластия».

Третий этап – становление потестарных структур на территории Черногории, первые шаги в этом направлении были сделаны еще митрополитами из династии Петровичей – Негушей, и привели к признанию Черногории в качестве независимого государства на Берлинском конгрессе.

Поэтому обычаи примирения несут в себе результаты политических и социальных процессов, происходивших в черногорском обществе.

Литература

Агларов М.А., 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в 17- начале 19 в. М.

Аншаков Ю.П., 2004. Черногория – славянская твердыня. Жизнь общества, становление государства // История Балкан. Век восемнадцатый (В.Н. Виноградов, ред.). М., 331-392.

Броневский В., 1818. Записки морскаго офицера, в продолжении компании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб.

Керимова М.М., 1997. Югославянские народы и Россия. М.

Ковалевский Е.П., 1841. Четыре месяца в Черногории. СПб.

Кудрявцева Е.П., 2002. Россия и Сербия в 30–40-х годах 19 века. М.

Мердок Дж.П., 2003. Социальная структура. М.

Народы России: энциклопедия, 1994 (В.А. Тишков, ред.). М.

Петкович К., 1877. Черногория и черногорцы. СПб.

Ровинский П.А., 1888. Черногория в ея прошлом и настоящем. СПб.

Ровинский П.А., 1897. Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб. 63.

Хитрова Н.И., 1979. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах 19 века. М.

Цетинье, 1987. (Данило Калезич, ред.).

Vialla de Sommieres, 1818. Voyage historique et politique au Montenegro. Paris (цит. по: Вестник Европы. СПб., 14: 130-136).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бутовская М.Л.

Едва ли будет преувеличением сказать, что изучение механизмов регуляции социальной напряженности у человека в наши дни является одной из наиболее актуальных проблем современной науки. Достижение каких-либо положительных результатов в этой области возможно лишь при условии активного сотрудничества специалистов разных областей знаний: антропологов, этологов, генетиков и молекулярных биологов, нейрофизиологов, равно как и этнологов, психологов, политологов.

Ежегодно в мире публикуются сотни статей, освещающих феномен агрессии на индивидуальном, групповом и межгрупповом уровнях. Усилиями множества ученых было показано, что агрессия зависит от множества факторов, которые далеко не всегда действуют как дополняющие друг друга. В свое время книга К. Лоренца «Агрессия» (год первого издания 1966) вызвала много шумных дискуссий среди научной общественности и бурный протест среди либеральной интеллигенции, поскольку в ней автор затронул вопросы о врожденных корнях агрессивного поведения человека (Лоренц, 2001).

Социалисты и либералы потратили немало сил, убеждая окружающих в том, что социальное поведение человека является целиком и полностью результатом воспитания и не может объясняться какими бы то ни было биологическими факторами (Montagu, 1978). Шли годы, и несмотря на все усилия ученых-марксистов уровень агрессии в мире не только не падал, а, напротив, существенно возрос в последние десятилетия. Несомненно, что основным стимулом этих печальных явлений послужили события политического и экономического характера, однако было бы крайне ошибочным думать, что эволюционные факторы никоим образом не причастны к тому, в какой форме была реализована агрессия, какие последствия в данных условиях имели вспышки насилия и какие последующие действия были предприняты для урегулирования социальной напряженности в конкретном регионе.

Агрессия, как все основные формы социального поведения человека, формировалась на протяжении миллионов лет человеческой эволюции наравне с другими проявлениями социальной активности – кооперацией, альтруизмом, привязанностью, формированием устойчивых парных связей между мужчиной и женщиной, заботой о детях (Бутовская, 2004а,б; Eibl-Eibesfeldt, 1989). Тот факт, что агрессия (в различных формах) продолжает оставаться атрибутом социальной жизни любого человеческого общества (хотя частота и формы агрессивного поведения могут значительно варьировать), говорит о том, что игнорировать эволюционные корни данного явления и далее, как минимум, неразумно.

Агрессия у других видов приматов служит одним из механизмов дисперсии в пространстве, стимулирующих процессы расселения вида на более обширной территории и, по всей видимости, выполняла аналогичную функцию в процессе заселения человеком Ойкумены. Она являлась инструментом установления социальной иерархии на групповом уровне и, в каком-то смысле, залогом последующей групповой стабильности. Благодаря интенсивному действию отбора в человеческих популяциях возник существенный генетический полиморфизм по характеристикам, связанным с готовностью демонстрировать физическую агрессию и насилие, склонностью к проявлению гнева, готовностью к риску и целым рядом других характеристик, в том или ином виде ассоциирующихся с проявлением агрессивного поведения.

Многочисленные недавние работы генетиков, эндокринологов, нейрофизиологов и этологов свидетельствуют о наличии генов, связанных с агрессией, импульсивным поведением и насилием (в частности, гены, контролирующие активность моноамин оксидаз, служащих нейротрансмитерами серотонина, дофамина и норэпинефрина, и гены триптофан гидроксилазы) (Brunner et al., 1993; Schih et al., 1999; Lowson et al., 2003; Manuck et al., 1999), и о предрасположенности к насилию и противоправным действиям лиц с низким уровнем секреции моноамин оксидазы, ставших жертвами плохого обращения в детском возрасте (Caspi et al., 2002; Foley et al., 2004; Newman et al., 2005). В ряде работ по психогенетике отмечается повышенная частота вероятности практики физической агрессии и насилия среди однояйцевых близнецов в сравнении с разнояйцевыми близнецами и родными братьями и сестрами (Бэрон, Ричардсон, 1997; Равич-Щербо и др., 1999).

Как свидетельствуют данные различных авторов, агрессивное поведение принципиально различается по эмоциональной составляющей. Выделяют принципиально различные категории агрессии: инструментальную и враждебную (Бэрон, Ричардсон, 1997), или проактивную и реактивную (Dodge, 1991). Проактивная (инструментальная) агрессия часто служит инструментом для достижения социального успеха или какой-либо другой цели, и человек, практикующий подобные действия, совершает их продуманно и хладнокровно. Напротив, реактивная (враждебная) агрессия совершается лицами, находящимися в возбужденном состоянии и испытывающими чувство гнева и раздражения. Стоит ли говорить, что второй

вариант агрессии связан с потерей контроля за собственным поведением и зачастую ничего, кроме проблем, исполнителю данного действия не приносит. Правда, вспышки гнева, вылившиеся в бурные скандалы, ругань и выяснения отношений между супругами, друзьями и партнерами по работе могут послужить катализатором последующей интеграции. Этологи, изучающие постконфликтное поведение, равно как и психологи, отмечают, что выяснение отношений может не только служить положительной эмоциональной разрядкой для участников перепалки, но даже и приводить к более тесной социальной интеграции, последующему укреплению социальных связей в паре.

Это могут быть врожденные характеристики, связанные с чертами личности или индивидуальными особенностями нервной системы человека (Manuck et al., 2002), гормональным статусом (Grant, France, 2001; Mazur, Booth, 1998), равно как и специфические условия социализации в сочетании с генетическими характеристиками (Caspi et al., 2002; Foley et al., 2004), предписываемые культурой нормы поведения (Fry, 2001), или правила поведения, насаждаемые в условиях экстремальных групп (Ireland, Archer, 2004; Lawrence, Andrews, 2004).

Материалы, представленные в этой книге, свидетельствуют о наличии выраженных стереотипов агрессивного поведения и примирения в коллективах современных городских детей и подростков (гл. 2–5). Впервые дается детальный анализ ролевых стратегий постконфликтного поведения детей и подростков: агрессора, жертвы, свидетеля конфликта, помощника агрессора, защитника жертвы, медиатора конфликта. Показаны возрастные, гендерные и культурные различия ролевых моделей примирения. Результаты исследований, изложенные в данной книге, указывают на то, что агрессия и примирение должны анализироваться в едином блоке, только таким образом можно составить объективную картину о способах контроля социальной напряженности в рамках данного общества, субкультуры или конкретной группы. Информативными оказались данные о характере агрессивных и постконфликтных взаимодействий в условиях изолированных однополых подростковых коллективов (заключенные юноши и девушки, отбывающие наказания в воспитательных колониях) (гл. 6). В этой книге впервые детально рассмотрены физиологические (гормональные) механизмы примирения и доказана их эволюционная роль (гл. 7), подробно анализируются новые сравнительные материалы по агрессии и примирению в коллективах детей – учащихся средних образовательных школ, и детей, страдающих психопатоподобным синдромом (гл. 1). Наличие выраженной гормональной базы в основе феномена примирения, наряду с устойчивостью практики примирения в экстремальных условиях (воспитательная колония) и у детей с психическими отклонениями, несомненно, подтверждают огромную значимость естественных механизмов, обеспечивающих восстановление социальных связей, нарушенных в результате агрессивных столкновений, у человека, и свидетельствуют об эволюционной древности такого поведения (Введение).

Наша книга, разумеется, не охватывает все аспекты феномена социальной напряженности в человеческих коллективах и не может дать исчерпывающие практические рекомендации о том, каким образом можно устранить внутригрупповую агрессию. Однако, как нам представляется, материалы этой книги позволяют глубже понять природу человеческой социальности, демонстрируют эволюционную древность механизмов контроля социальной напряженности у человека и их большую устойчивость в экстремальных условиях. Одна из глав нашей книги (гл. 8) обращает внимание на отдаленные во времени последствия травмирующего опыта и содержит свидетельства того, что последствия перенесенного долговременного стресса отчетливо сказываются не только на самих жертвах насилия, но и на их потомках. Это обстоятельство необходимо принимать во внимание в современном обществе, чтобы максимальным образом снизить социальный стресс и повысить социальную стабильность. Несомненным украшением книги являются главы 9–11, посвященные анализу исторических материалов по способам замирения в афганском традиционном обществе, а также традиционным способам восстановления мира у абхазов и черногорцев.

Наши исследования оставили без ответа целый ряд вопросов, касающихся специфики механизмов примирения (влияние факторов пола и социального статуса), степени культурного разнообразия механизмов примирения, индивидуальной вариабельности способов примирения и эффективности моделей примирения в разных культурных средах. Мы надеемся, что эти и другие вопросы станут предметом дальнейших научных исследований в ближайшем будущем.

Литература

Бутовская М.Л., 2004а. Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 437.

Бутовская М.Л., 2004б. Тайны пола: мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино: Век-2, 368.

Бэрон Р., Ричардсон Д., 1997. Агрессия. СПб.: Питер, 330.

Лоренц К., 2001. Агрессия. Сб.: Амфора.

Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л., 1999. Психогенетика. М.: Аспект Пресс, 448.

Brunner H.G., Nelen M., Breakefield X.O., Roper H.H., von Ooost B.A., 1993. Abnormal behavior associated with a point mutation in the structural gene for monoamin oxidase A // Science, 262: 578-580.

Caspi A., Sugden K., Moffitt T.E., Taylor A., Craig I.W., 2002. Role of genotype in the cicle of violence in maltreated children // Science, 297: 851-854.

Dodge K.A., 1991. The structure and function of reactive and proactive aggression // The Development and Treatment of Childhood Aggression (D.J. Pepler, K.H. Rubin, eds.). Hillsdale, New Jersey: Erlbaum.

Eibl-Eibesfeldt I., 1989. Human Ethology. N.Y.: Aldine de Gruyter.

Foley D.L., Eaves L.J., Wormley B., Silberg J.L., Maes H.H.,Kuhn J., Riley B., 2004. Chidhood adversity monoamine oxidase A genortype, and risk for conduct disorder // Ach. Gen. Psychiatry, 61: 738-744.

Fry D.P., 2001. Is violence getting too mach attention? Cross-cultural findings on the ways people deal with conflict // Cross-Cultural Approaches to Research on Aggression and Reconciliation (J.M. Ramirez, D.S. Richardson, eds.). Huntington: Nova Science Publishers Inc., 123-149.

Grant V., France J.T., 2001. Dominance and testosterone in women // Biological Psychology, 58: 41-47.

Ireland J. L., Archer J., 2004. Association between measures of aggression and bulling among juvenile and young offenders // Aggr. Behav., 30: 29-42.

Lawrence C., Andrews K., 2004. The influence of perceived prison crowding on male inmates perception of aggressive events // Aggr. Behav., 30: 273-283.

Lowson D.C., Turic D., Langley K., Pay H.M., Govan C.F., Norton N., 2003. Association analysis of monoamine oxidase A and attention deficit hyperactivity disorder // Amer. J. Med. Genet. 116B: 84-89.

Manuck S.B., Flory J.D., Ferrell R.E., Dent K.M., Mann J., Muldoon M.F., 1999. Aggression and anger-related traits associated with a polymorphism of the tryptophan hydroxylase gene // Biol. Psychiatry, 45: 603-614.

Manuck S.B., Flory J.D., Muldoon M.F., Ferrell R.E., 2002. Central nervous system serotonergic responsivity and aggressive disposition in men // Physiol. Behav., 77: 705-709.

Mazur A., Booth A., 1998. Testosterone and dominance in men // Behav. Brain. Sci. 21: 353-397.

Montagu A., 1978. Learning non-aggression: The experience of non-literate societies. Oxford: Oxford Univ. Press.

Newman T.K., Syagailo Y.V., Barr C.S., Wendland J.R., Chanpoux M, Graessle M., Suomi S.J., 2005. Monoamine oxidase a gene promoter variation and rearing experience influences aggressive behavior in rhesus monkeys // Biol. Psychiatry, 57: 167-172.

Schih J.C., Chen K., Ridd M.J., 1999. Role of MAO A and B in neurotransmitter metabolism and behavior // Ann. Rev. Neurosci, 22: 197-217.

Научное издание

Коллектив авторов

АГРЕССИЯ И МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ У ЧЕЛОВЕКА

«Научный мир»
Тел./факс (007) (095) 291-2847
E-mail: naumir@benran.ru. Internet: http://bookish.iring.ru
Лицензия ИД № 03221 от 10.11.2000
Подписано к печати 13.10.2001
Формат 70×100/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Печ. л. 17,25. Усл. печ. л. 22.4
Тираж 500 экз. Заказ № 106.

Отп. в ИПП «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

